

СМЕНА

2000

декабрь

2001

■ Игорь Тимаюнов Мальчики в масках

■ Станислав-Андре Штман
Восемнадцать привидений

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

БЕРИ

НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данишевский

Николай Левитов

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Тамара Чинина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

12 **2000**
декабрь (1634)

Сдано в набор 18.10.2000.
Подписано к печати 15.11.2000.

Печать офсетная.

Заказ № 2886

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2000.

28 *Эван Хантер*
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
Зарубежный рассказ

72 *Александр Экштейн*
ЛПЛ — ЛЮДИ
ПОЛНОЙ ЛУНЫ
Остросюжетный роман

154 *Станислав-Андре*
Сшимап
ВОСЕМНАДЦАТЬ
ПРИВИДЕНИЙ
Детектив

44 *Игорь Гамаюнов*
МАЛЬЧИКИ
В МАСКАХ

52 *Светлана*
Бестужева-Лада
СЛАВА И ВЛАСТЬ —
ЕГО КУМИРЫ

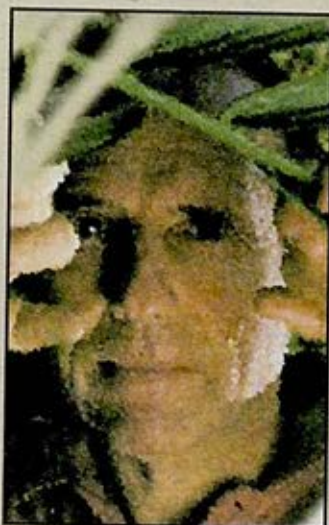
61 *Елена Клыкова*
"ДАРУИ МНЕ ТИШЬ
ТВОИХ
БИБЛИОТЕК..."

244 *Светлана Лойченко*
СООБЩЕСТВО,
КОТОРОЕ МЫ
ПОТЕРЯЛИ

256 *Галина Калинина*
НОВЫЙ ГОД
РОЖДАЕТСЯ
СЕГОДНЯ

266 *Академик*
Матковский:
"НЕ ЗЛУПОТРЕБЛЯЙ-
ТЕ ЛЕКАРСТВАМИ"

стр. 134

стр. 154

На 1-ой обложке:
фото FOTO BANH.

4 *Любовь Русева*
ПЕТР I И КАСЬЯН

18 *Леонид Лернер*
**И ЯВЛЯЮТСЯ
КАТЕ ЧУДЕСА...**

134 *Ирина Беспалова*
АЛЕКСЕЙ САВРАСОВ

260 *Анна Шерехова:*
**"МОГУ ИГРАТЬ ДАЖЕ
ДЛЯ ОДНОГО
ЗРИТЕЛЯ"**

25 *Виктория Ветрова*

Виктор Астафьев
ТЕНЬ РЫБЫ

Ожидание вертолета — самое мучительное в тайге, особенно если о тебе забывают. Какие эмоции и чувства возникают в эти минуты, часы и дни? Обо всем этом пишет в новом рассказе "Тень рыбы" Виктор Астафьев, а обостренное восприятие жизни в сочетании с прекрасным литературным языком делают рассказ еще более живым, ярким и впечатляющим.

Игорь Бестужев-Лада
**ЧЕТЫРЕ КОНЯ
АПОКАЛИПСИСА**

Через несколько дней человечество перешагнет из одного века в другой, из второго тысячелетия — в третье. Известный ученый-футуролог размышляет о том, "что век грядущий нам готовит", как будет жить Россия в ближайшие 20 лет.

Федор Углов:
**"ЗЛЫЕ ЛЮДИ
ДОЛГО
НЕ ЖИВУТ"**

Имя старейшего в мире — ему 95 лет — практикующего хирурга занесено в Книгу рекордов Гиннеса. Он пишет статьи, издает книги, работает в огороде и — вот это рекорд! — до сих пор получает удовольствие от секса со своей второй женой.

стр. 260

ШЕПЕР І МІЛАСЬВИ

Любовь РУСЕВА

рисунок Геннадия Новожилова

אֱלֹהִים

Peter I

EA

“В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться русская земля”, — пишет Нестор-летописец. Возможно, поэтому високосные года так щедро одаривали наше Отечество событиями. В високосный год о России заговорили, в високосный ее и крестили. В 1036 году Ярослав Мудрый окончательно объединил Русь, а в 1180 году началась междоусобица. В 1240 году хан Батый взял Киев. Ровно через сто лет Сергей Радонежский основал Троице-Сергиеву Лавру — центр духовного возрождения Руси. Именно здесь в 1380 году он благословил русское воинство, которое Дмитрий Донской уводил на Куликово поле, на ратный подвиг. Спустя столетие царь Иван III и вовсе отказался платить дань орде. Великим стоянием 1480 года на Угре закончилось ордынское иго. В високосные года русские начали проникать в Восточную Сибирь и основали первые поселения на Аляске, построили первый железодельный завод, тогда же было введено новое летосчисление — от Рождества Христова; в високосный год появился первый профессиональный театр и произошло первое самосожжение раскольников.

29 февраля — день завистливого и недоброжелательного Касьяна, потому-то високосные года так тяжелы для людей, особенно для тех, кто удосужился родиться в них. Из русских монархов в високосный год родились первый царь из династии Романовых — Михаил Федорович, Петр Великий и Екатерина I, Иоанн Антонович и Петр III, Николай I и Николай II. Скончались в високосный год Иван Калита и Иван Грозный, Алексей Михайлович и его сын Иван, Анна Иоанновна и Екатерина Великая. В високосный год был убит император Иоанн Антонович (1740-1764). Трагическая кончина постигла не только узника Шлиссельбурга, но и всех императоров, родившихся в високосный год.

Високосные года щедро одаривали Петра Великого как счастливыми, так и горестными событиями: страстная любовь и предательство, рождение и смерть близких, венчание на царство и первая победа. Именно в эти годы император принимал судьбоносные решения для державы. 14 високосных годов пережил великий преобразователь.

Рождение

28 августа 1671 года пышно праздновалась свадьба царя Алексея Михайловича с Нарышкиной Натальей Кирилловной. Пока в Кремле стоял пир горой да лилось вино рекой, первый ученый муж Симеон Полоцкий напряженно наблюдал за движением небесных светил. Вдруг недалеко от Марса вспыхнул огонек. Полоцкий зажмурился, потрянул головой, протер глаза и снова прильнул к трубе. Нет, не померещилось, рядом с Марсом родилась новая звезда. Это Божие знамение! На православной Руси появится великий царь. Господи, верно царица зачала сына. В ту же ночь за новорожденной “пресветлой” звездой близ Марса наблюдал и архиепископ Ростовский, причисленный впоследст-

вии к лику святых. Архиепископ, как и Полоцкий, тоже посчитал это за хорошее предзнаменование и тоже предрек царице рождение сына. Увидели светило и европейские астрономы, которые сразу же вычислили благотворное влияние его на Землю.

Наутро с тревожно бьющимся сердцем Симеон явился государю и, пожелав счастья, поздравил его с зачатием сына.

— Он должен родиться 30 мая и взойти на твой престол. Он приобретет себе всемирную известность и заслужит такую славу, какой не имел еще никто из русских царей. Небесные светила предрекают, что будет он великий победитель, и многие падут от меча его. Множеством славных дел он превзойдет своих предков. Он будет много путешествовать, будет встречать препятствия со стороны подданных, и в борьбе с этим препятствием укротит много беспорядков и возмущений, искоренит злодеев. Он будет любить и прощать трудолюбивых, свято сохранять веру... Все упомянутое я видел как в зеркале, и я вашему величеству представляю письменно.

28 мая начались роды, страдания царицы были настолько невыносимы, что Алексей Михайлович не находил себе места. Полоцкий пытался утешить царя, но предупредил, что муки государыни продлятся еще два дня. Ученый остался во дворце, вместе они усердно молились, вместе слезы проливали. На третьи сутки состояние Натальи Кирилловны настолько ухудшилось, что ее причастили. Вскрещивая царица впала в беспамятство.

— Не тужи, государь, царица разрешится живым младенцем через пять часов.

Когда пошел пятый час, Полоцкий, упав на колени, вслух стал молить Господа, чтобы царица еще час не разрешилась.

— Что вредно просишь? — разгневался царь. — Царица и так при смерти!

— Великий монарх, есть на то причина.

— Какая?

— Если царевич родится в первом получасе, — отвечал он, — то веку его будет пять десятков лет, а если во втором, то доживет до семи десятков.

Но Касьян на то и Касьян, чтобы портить все. Не успел ученый вымолвить последние слова, как царя известили, что царица разрешилась от бремени, и Бог даровал ему сына. Сын этот — Петр Великий не доживет, как мы знаем, до 53 лет.

Первое четырехлетие было безоблачно счастливым, но в 1676 году умер царь Алексей Михайлович. С этого времени началась череда горестных, полных тревог, високосных годов. Фортуна, казалось, повернулась лицом к будущему преобразователю в 1692 году, когда он впервые увидел красавицу Анну Монс.

Первая любовь

Жили в Москве, в "Кукуй-городке" Монсы, выходцы с немецких земель. Все дети (три сына и две дочери) отличались замеча-

тельной красотой. С семьей Монсов Петра познакомил Лефорт. Младшая Монс — Анна — произвела на молодого царя неизгладимое впечатление. Страстная любовь к “кукуйской” красавице привязала его к немецкой слободе. Здесь он полюбил их забавы, здесь наслушался чудес о европейской цивилизации, к которой решил приобщить свою державу. Изящная Анна выгодно отличалась от забытых, необразованных и неотесанных русских женщин. Чувство молодого царя было настолько страстным и всеохватывающим, что в 1696 году он решил расстаться с женой и упечь ее в монастырь. По свидетельству современников Анна стоила любви этого великого человека. В ней сочетались замечательная красота с умом, обворожительным характером и ни с чем не сравнимым обаянием. Девушка пленяла любого, сама того не желая. Петр все свободное время проводил у своей Аннушки. Дипломаты доносили своим государям, что, примчавшись из-за границы в Россию по случаю стрелецкого бунта, царь сразу же отправился к своей любовнице. Петр не только удаляет жену в монастырь, он подумывает жениться на Монс. Но, к несчастью, царь полюбил ее в високосном году.

Девушка, как оказалось, только позволяла себя любить, стрела Амура пока ее не поразила. Во всех сохранившихся ее письмах к царственному другу нет и тени нежного чувства. Спустя десять лет Анна так же страстно полюбила, но не Петра, а другого человека. Сердцем ее овладел польский посланник саксонец Кенигсек. Царь долго ни о чем не догадывался, только трагическая смерть счастливого соперника раскрыла тайну. При осаде Шлиссельбурга саксонец, сопровождавший Петра, оступился и упал с подъемного моста в воду. Спасти его не удалось. На берег вытащили уже труп. Среди бумаг утопленника оказались страстные письма Анны Монс к покойнику и ее портрет. От ревности у Петра в глазах потемнело. Разгневанный, он приказал привести возлюбленную.

— Для чего ты писала к поляку?!

Анна отпирается, Петр показывает ей портрет и письма и сообщает о смерти Кенигсека. Монс впала в шоковое состояние. Искреннее горе девушки, ее красота и беззащитность утихомирили гнев царя, и он сам заплакал.

— Забываю все. Я не могу тебя ненавидеть — виню собственную доверчивость. Продолжать мою связь, значит, унижать себя. Прочь!

Долго еще царь не мог вытравить из сердца своего Аннушку, пока литовская крестьянка Марта, с которой он познакомился тоже в високосном 1704 году, постепенно не вытеснила ее.

Под влиянием первых минут гнева царь приказал посадить под домашний арест Анну и ее старшую сестру. Три года томилась несчастная в своем заточении. Но, видно, Монс действительно была неотразима. Несмотря на ее скандальную репутацию, по ней сох прусский посланник фон Кейзерлинг. Чувство барона было настолько глубоким, что он, не убоявшись царско-

го гнева, подал челобитную, в которой просил освободить сестер Монс.

К этому времени в жизни царя появилась Марта, но, пожелай немецкая красавица, Петр вернулся бы к ней, и тогда в России императрицу звали бы не Екатериной, а Анной. Но Монс предпочла царю барона, с которым тайно обручилась. Петр случайно узнал об этом из перехваченного письма. В нем его первая любовь к тому же жаловалась на "неотвязчивость" царя. Это открытие стало тем шагом, который отделяет любовь от ненависти. Петр отобрал у Монс все вотчины и дом в Москве. Несмотря на тяжелую болезнь Кейзерлинга, они поженились, но спустя полгода Анна овдовела. Потрясения и превратности судьбы подкосили здоровье красавицы, страдаемая чахоткой, она таяла, как свечка. Кровохарканье извело баронессу, и она по несколько месяцев не вставала с постели. Обаяние Анны было бесконечным. Даже в последние годы жизни эта женщина вызвала страсть в шведском капитане Миллере. Ходили слухи о их помолвке, однако в 1714 году баронессы Кейзерлинг не стало.

Новое летосчисление

Семь дней колокольный перезвон над Первопрестольной сменялся пушечной пальбой и ружейной стрельбой. По ночам пускались ракеты, зажигались костры, смоляные бочки и фейерверк. Семь дней в белокаменной стоял пир горой — это Россия встречала последний год XVII века, год, явившийся не только рубежом столетий, но рубежом между старой и новой Россией. Впервые Россия праздновала Новый год не 1 сентября, а 1 января. По приказу Петра Алексеевича летосчисление стало вестись не от сотворения мира, а от Рождества Христова.

Деятельность царя "набирала обороты". Мужал Петр — пропорционально росла и недоброжелательность завистливого Касьяна. Удачи последнего високосного года века тускнели по сравнению с катастрофой, пережитой молодым царем. В ожидании подписания перемирия с Оттоманской Портой Петр I уверял Карла XII в своем добром расположении. Но, как только он получил известие о заключении 30-летнего перемирия, на следующий же день объявил войну Швеции. Петр неудачно попытался "прорубить окно в Европу" под Нарвой. 17 декабря царь узнает о приближении короля и ночью оставляет свое войско. 8,5 тысяч шведов разгромили в пух и прах 35 тысяч русских. Многие утонули при бегстве. Путь от Нарвы до Новгорода усеяли 6 тысяч трупов. После нарвского разгрома в Европе отчеканили медаль, на которой с одной стороны был изображен всеобщий кумир — непобедимый Карл XII, а с другой — рыдающий Петр I.

Но не таков был русский царь, чтобы неудачи (даже такого масштаба) поставили его на колени. В этой крупной фигуре все было крупно: и ум, и тщеславие, и упорство, и упрямство, которое не давало в трудные дни падать духом. Упрямо сжав губы,

Петр неизменно поднимался на ноги и шел к своей цели. Этот великий человек с неудержимой и неутомимой волей всякую мысль тотчас обращал в дело. *“Я так хочу, потому что так считаю хорошим, а чего я желаю, то непременно должно быть”* — таков был его девиз.

Потеряв армию, всю артиллерию и казну, Петр засучил рукава и ровно через 4 года (опять-таки в високосный год) разгромил под Нарвой шведов и взял несколько важных крепостей.

1700 год стал годом начала раскрепощения русской женщины. Царь издал целый ряд указов, обрадовавших женщин, но опечаливших мужчин. В самом начале года грянул указ брить бороды и носить европейскую одежду. Мало этого царю-батюшке, так он приказывает на всякие увеселения, пиры да свадьбы женщинам находиться вместе с мужчинами, а не отдельно, как раньше, и чтобы на подобных сборищах непременно музыка звучала да танцы танцевали. Что ни говори, а Касьян пакостный мужик. Про царя пошли слухи, что и не царь он вовсе, а антихрист — верный знак тому был! Да разве ж православный поднял бы руку на святую старину? Законы, вишь, ему не нравятся! Не нами они писаны, не нам и отменять их. Испокон веку совершались браки по воле родителей, так не нравится царю сие, приказал венчать молодых только по обоюдному согласию. А кто, как не антихрист, способен обезглавить святую церковь? Патриарх Богу душу отдал, а другого не избрали.

Особым вниманием одарил Петр невежд, которые, не зная медицины, брались лечить больных, зачастую отправляя их на тот свет. Боярин Петр Салтыков страдал бессонницей, а дворовый человек его знал верное средство от нее. Напоил слуга барина зельем, и тот быстренько заснул, правда, навеки. Знахаря отправили в Азов на каторгу. После этого случая царь издал указ: вешать всех, кто “залечит” до смерти больного. Правильный был указ: не умеешь лечить — не берись. Сам-то государь силен был по медицинской части, особенно в хирургии толк знал. Ни одна важная операция в госпиталях без него не делалась. Петр очень гордился тем, что выпустил из больной водяной купчихи более 20 фунтов воды, в то время как у английского врача показалась только кровь. Правда, даже удачная операция не помогла, больная через 10 дней скончалась.

Но особое пристрастие Петр питал к челюстной хирургии. В Кунсткамере сохранился уникальный мешочек с коллекцией зубов, выданных царем. Иногда слабостью венценосного “дантиста” пользовались придворные с целью мести. Особенно часто к этому прибегали мужья, которые по секрету сообщали царю об ужасных мучениях жен и об их трусости. Петр всегда спешил на помощь и удалял женам зубы. Бывало, что Петр выдирали зубы в воспитательных целях. Заметив, что его камердинер Полубояров стал невесел, голову, что называется, повесил, царь потребовал объяснить причину. Оказалось, что молодая жена камердинера,

выданная против воли, отказывается от ласки мужа под предлогом зубной боли.

— Добро. Я ее поучу, — успокоил молодожена Петр.

На следующий день он пришел на квартиру камердинера, когда тот был на службе во дворце.

— Я слышал, что у тебя болит зуб.

— Нет, государь, я здорова.

— Я вижу, ты трусишь. Ничего, садись вот на этот стул, поближе к свету.

Боясь царского гнева, Полубоярова безропотно повиновалась. Вырвав здоровый зуб, Петр ласково произнес:

— Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да убьется своего мужа, иначе будет без зубов.

Вернувшись во дворец, царь призвал камердинера.

— Поди к жене; я вылечил ее; теперь она не слушается тебя.

Победы и поражения

1708 год выдался чрезвычайно напряженным и явился одним из самых тяжелых високосных годов не только для Петра, но и для России. Предстояла решительная схватка с врагом, причем на своей территории. От исхода ее зависело само существование России как государства. Весь 1707 год Петр не только укреплял города (особенно Москву), но и пытался заключить мир с Карлом XII. Посредниками выступили Франция, Англия, Пруссия, Дания. Склонить шведского короля к миру с Россией не удалось.

— Король примирится с Россией только тогда, когда он придет в Москву, царя с престола свергнет, государство его разделит на малые княжества, созовет бояр, разделит их царство на воеводства, — ответили французскому послу в Стокгольме.

Правильно говорят в народе: “Пришла беда — открывай ворота”. В то время как Карл стремительно летел к Гродно, где находился Петр с армией, к Казани подошли восставшие башкиры. С Дона пришла весть — восстали донские казаки под предводительством Кондратия Булавина. Но, видно, Касьяну мало было нескольких бунтов и вторжения неприятеля. До Петра дошло, что сын Алексей, нарушив приказ, видится с матерью. Этого царь боялся больше всего. Ко всему этому Петр тяжело заболел. Обессиленный болезнью, он в отчаянии пишет Головкину: “Прошу, которые дела возможно без меня делать, чтоб делали; как я был здоров, ничего не пропускал, а ныне Бог видит, каков после сия болезни... и ежели в сих неделях не будет к лечению и отдохновению времени, Бог знает что будет...”

В то самое время, как болезнь изводила Петра Великого, он вынужден был напряженно следить не только за маневрами Карла, но и за булавинским бунтом. Одновременно царь руководил постройкой оборонительных сооружений любимого Петербурга. Наконец, стало понятно, что цель Карла — Москва. Неспособный еще самостоятельно двигаться, Петр приказывает Меншикову

приготовить подводы на всем пути его следования к армии. Но к первому сражению царь не успел.

При Головчине русские войска потерпели поражение. Карл все силы бросил на корпус генерала Репнина, подобрившись к нему в темноте, тумане и дожде. Сражение длилось больше пяти часов. Из восьми тысяч русских солдат многие остались на поле. Полки Репнина пришли в “конфузию” и беспорядочно отступили, оставив неприятелю пушки.

— А которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем, — бушевал царь, узнав о поражении и бегстве с поля боя.

Государь отдал под суд двух генералов, виновных в поражении: Репнина и Чамберса. Репнина Петр уважал, но остался глух к его мольбе о милосердии. Репнину пришлось сменить генеральский мундир на солдатский и возместить казне убытки. За пушки, утраченные в бою, он заплатил из собственного кармана.

Головчинское поражение послужило хорошим уроком для русского войска, настолько хорошим, что эта победа Карла была последней в Северную войну. Царь составил “Правила сражения”, в которых говорил о стойкости и взаимовыручке солдат и офицеров в бою, о взаимодействии различных родов войск. Армия крепла и училась воевать, училась бить врага. Не прошло и двух месяцев, как результат принятых мер сказался — при селе Добром русские в меньшинстве разгромили вышколенные “чисто шведские полки”. Причем противник потерял 3 тысячи человек убитыми, а наши — 375.

— Я как почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал! Дай Боже и впредь так! И такого еще в сей войне король шведской ни от кого сам не видал. Благодарю вас, братцы, что сей танец в очах горячего Карлуса станцевали. Боже! Не отними милость Свою от нас впредь! — говорил Петр своему войску.

Король подошел к месту сражения, когда дым над ним еще не рассеялся, а трупы не успели остыть. Карл в бешенстве рвал на себе волосы, бил кулаками себя по щекам. Разгром полков был полный, только болота спасли его воинство от окончательной гибели. Петр ликовал. И было от чего. Тактика “выжженной земли” давала о себе знать. Русские, уходя, забирали все продовольствие, а что нельзя было увезти, уничтожали. В шведской армии начался голод и повальные болезни. Все надежды великий Карл возлагал на обоз, который вел его любимый генерал Левенгаупт. Это был не только транспорт с провиантом и боеприпасами, генерал вел 16-тысячное отборное войско — лучшие шведские полки. Дезинформированный Петр считал, что у генерала всего лишь 8-тысячный конвой из наймитов. Царь решил напасть на обоз. Возглавив летучий отряд, в котором было 11,5 тысяч солдат, он погнался за Левенгауптом. Неожиданное появление русского отряда ошеломило шведов — кругом тянулись густые леса, труднопроходимые болота. Шведов от полного уничтожения

спасла неожиданно разыгравшаяся страшная метель. Русские вынуждены были заночевать там, где находились. Завернувшись в обледенелый плащ, Петр провел ночь в снегу вместе с солдатами. На следующее утро Меншиков догнал у Пропойска врага и отбил обоз. Под Лесной шведы потеряли 8000 убитыми и ранеными, 876 пленных, 17 пушек, 44 знамени и 6000 подвод. Матерью Полтавской виктории назвал счастливый Петр победу у Лесной.

— Сия победа может первую назваться, понеже тут первая проба солдатская была.

Все хорошо, что хорошо кончается, но славная победа не завершила коварный високосный год. Петра и Россию ожидал еще самый тяжелый удар. Измена Мазепы сводила на нет все труды царя. Гетман пригласил короля на Украину, где были богатые запасы продовольствия, фуража и боеприпасов.

Петр Великий умел окружать себя верными и решительными людьми. Не дожидаясь приказа царя, Александр Меншиков двинул русское войско к Батурину — в ставку гетмана. Туда же шла и армия Карла XII. От того, кто первый окажется там, зависела судьба России и шведской армии. Меншиков опередил врага всего на несколько часов и успел вывезти огромные запасы продовольствия, пороха и припасов для артиллерии. Оставшееся предали огню. Армия завоевателя снова осталась ни с чем. Дорогу на юг, к богатым областям, преградила русская армия. Полтавское поражение шведов было предопределено.

Последняя любовь

Впервые Петр увидел Марту в 1704 году. После принятия православия литовская крестьянка стала называться Екатериной. Привязанность и любовь к этой женщине росли постепенно и превратились в сильное страстное чувство, которое умрет вместе с Петром. Немало этому способствовали и дети, которые у них рождались. В 1708 году родилась любимая дочь Петра — Анна, которая, кстати, выйдет замуж за человека, родившегося тоже в високосном году, родит сына (будущего императора Петра III) в високосном году и в этом же 1728 году скончается.

Через 4 года после рождения Анны Петр, вопреки законам своей державы, вступает во второй брак. Предлогом, позволившем ему пойти на этот шаг, явилась важная услуга, которую Екатерина Алексеевна оказала государству в неудачном Прутском походе. Царь с армией был окружен значительно превосходившим противником, и его ожидало позорное пленение. Екатерина Алексеевна, собрав все свои драгоценности, отправилась к великому визирю. Сокровища ли, красота ли или слова царской подруги воздействовали на турка, а, может быть, все вместе взятое, но русская армия была выпущена.

В том же 1712 году, когда царь узаконил свои отношения с любимой женщиной, совершилось еще одно счастливое событие:

любимое детище Петра Великого — город Санкт-Петербург начал функционировать как столица Российской империи.

В 1716 году Екатерина Алексеевна разрешилась от бремени царевичем Петром. Сто одним выстрелом известили столицу о рождении царевича...

С каждым годом росла привязанность Петра к Катериночке, которая сквозит сквозь все его многочисленные письма. Как ни любил работать царь, но и за делом он стал скучать, когда подолгу не видел своего "друга сердешниного". "Гораздо без вас скучаю... Для Бога, приезжай скорей, а ежели зачем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас..." "Хочется мне с тобою видеться, — пишет в другом письме Петр, — а тебе, чаю, гораздо больше, для того, что я в двадцать семь лет был, а ты в сорок два года не была". Когда царю было 42 года, его жене исполнилось только 27, поэтому Екатерина Алексеевна часто в шутку называла супруга своим "старичком".

Современники не раз задавались вопросом: чем поддерживала Катериночка такую страсть в Петре? Вряд ли можно с достоверностью ответить на этот вопрос. Но хорошо известно, что с этой женщиной явилось веселье, она вовремя и ловко могла развеселить своего супруга, вовремя расспрашивала его о делах, искренне печалилась и радовалась вместе с ним. Вместе с тем царица была очень добра, многие прибегали к ее защите от гнева Петра. Она как никто другой могла его успокоить и утихомирить.

Судя по портретам, черты лица Екатерины Алексеевны были неправильными, и красавицей ее не назовешь. Но в ее полных щеках, во вздернутом носе, в бархатных глазах (то томных, то горящих огнем), в ее алых губах и круглом подбородке, вообще во всем лице столько жгучей страсти, а в ее роскошном бюсте столько изящества форм, что можно понять, почему Петр всецело отдался этому "сердешниному другу".

Только она могла облегчить страдания "Петрушеньки" от припадков, которые связывались с действием яда, подсыпанного будто бы ему в детстве царевичей Софьей. Припадки эти начинались конвульсиями лица, после чего несколько дней держалась невыносимая головная боль. При первых же признаках этих припадков посылали за царицей. Екатерина Алексеевна ласково гладила мужа по голове. Ее тихий голос благотворно воздействовал на царя, и он, постепенно успокаиваясь, прижавшись головой к груди любимой, засыпал. Катериночка сидела, не шелохнувшись, часами, пока не просыпался Петр Алексеевич. Обычно после таких снов головные боли отпускали его.

Катастрофа

Наступил последний високосный год в жизни великого императора, который оказался трагичным. Петр I пожелал упрочить положение любимой жены и короновать ее на царство, что произошло в Москве в мае месяце. Торжество было невиданно пыш-

ным, да и само событие было столь же невиданным в российской истории — некогда пленная Марта Скавронская, приведенная в русский стан в одной сорочке, венчалась императорской короной и облакалась в царскую порфиру.

После коронации императрица еще несколько дней оставалась в Москве, а Петр вернулся в Петербург, откуда с тоской писал жене, прося ее быстрее вернуться: "... только в палаты как войдешь, так бежать хочется — все пусто без тебя...". Петр Великий любит и скучает, а не ведает того, что топор занесен над его головой. Через полгода после коронации император узнает страшную тайну, которая и сведет его в гроб. Но до этого он еще даст, наконец, свое согласие на брак любимой дочери Анны с герцогом голштинским.

Наступил черный ноябрь, соединивший имена первой и последней любви царя-преобразователя. Вновь появился призрак Анны Монс.

В високосном 1716 году, когда счастливый царь ликовал по случаю рождения царевича, семейство Монс снова пошло в гору. Особой милости царя на этот раз был удостоен Виллим Монс, которого он произвел из "генеральс-адъютантов" в камер-юнкеры ко двору царицы. Милость эта была настолько велика, что голова закружилась не только у немца, но и у его умной сестры Матрены. Виллим не просто быстро пошел в гору, а стал всесильным временщиком, который фактически управлял Россией на протяжении восьми лет. В этот период перед Монсами преклонялись все: Вяземский, Шувалов, Бестужевы-Рюмины, Бирон, Лесток, Трубецкой, Шереметев, Юсупов. Список имен, чьи заискивающие письма и записки, челобитные были найдены после ареста сестры с братом, можно продолжить.

Сила Виллима (писаного красавца) заключалась в том, что он стал любовником Екатерины Алексеевны, о чем знали все, кроме Петра. Царица ни в чем не могла отказать Монсу, а Петр ни в чем не мог отказать Екатерине. Вот и толпились искатели счастья в гостиных брата и сестры. Виллим стал общим любимцем при дворе. В него влюблялись все фрейлины, придворные дамы и родовитые девицы. Матрена всегда становилась посредницей между влюбленными, через неё шли все записки и признания в любви.

И вновь, как и в случае с Анной, Петр узнает об измене жены последним. Это случилось за два месяца до смерти императора благодаря анонимному письму. Петр неожиданно вернулся в Петербург и застал любовников. Это был страшный удар, который не выдержал даже такой сильный человек, каким был Петр Великий. В ночь с 8 на 9 ноября Виллим Монс был арестован. Император сам допрашивал соперника. Ярость его была настолько сильна, что он собственноручно чуть не убил Монса, а вид его был столь страшен, что когда он вошел в пыточную, арестованный потерял сознание.

Состоялся суд над любовником царицы. После вынесения приговора император вошел к осужденному на смерть и сказал ему по-немецки:

— Мне очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не может.

16 ноября Монса вывели из Петропавловской крепости, он ласково простился со своими дворовыми людьми, которые плакали и обнимали ноги своему любимому барину. На площади ему был зачитан смертный приговор. Камергер спокойно выслушал его, снял с себя шубу, шейный платок и сам положил голову на плаху, попросив палача отрубить голову с первого раза...

Среди лиц, упоминавшихся в приговоре по делу Виллима Монса, был и камер-лакей императора Иван Балакирев, помогавший немцу.

Шут

Балакирев являлся любимым шутом Петра Великого. Остроты его и шутки нравились не всем, зато на многое они открывали глаза императору. Выходки Балакирева враждебно настроили против него многих всесильных вельмож. В числе врагов шута был и Меншиков. Очередной пакостью Балакирев довел фаворита до белого каленья.

— Я тебя до смерти прибью, негодный! — в ярости кричал Меншиков.

Балакирев, испугавшись, прибежал к Петру и рассказал об угрозе временщика. Но царь успокоил любимца.

— Если он тебя убьет, я его велю повесить.

— Да я этого не желаю, Алексеич, а мне хотелось, чтобы ты его повесил, пока я жив.

Несмотря на любовь к правде, Петр зачастую наказывал шута.

— Ну-ка, умник, скажи, что говорит народ о новой столице?

— Батюшка, царь-государь! Народ говорит: с одной стороны море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох!

— Ложись! — разгневался государь, пустив в ход свою знаменитую дубинку. — Вот тебе море, вот тебе горе, вот тебе мох, а вот и ох! Вон с глаз моих, чтобы нога твоя не ступала на мою землю под страхом лютой смерти!

Балакирева долго не было видно, и Петру его часто не хватало. Но вдруг он увидел в окне проезжающего, как ни в чем не бывало, шута с женой. Царь в гнев выскочил на крыльцо.

— Кто тебе позволил, негодяй, нарушать мой указ?

— Ваше величество! Лошади мои ходят по вашей земле, не спорю, но вы и не лишали их Отечества, а что касается меня с женой, то мы на своей земле.

— Это как так? — опешил царь.

— Весьма просто и обыкновенно: извольте посмотреть, вот и свидетельство на покупку земли. — Шут подал царю бумагу.

Прочитав свидетельство о покупке земли и увидев на дне одноколки пуд земли, государь рассмеялся и простил Балакирева.

Петр Великий страдал припадками меланхолии, которой обыкновенно предшествовали молчаливость и грустная задумчивость. Если удавалось рассеять первоначальные признаки, то припадок мог и не начаться, если же нет, то крупные неприятности ожидали многих. Однажды Петра вывело из задумчивости мычание коров. Под его окном стояло несколько десятков быков с привязанными к рогам бумагами. Царь приказал узнать, что бы это значило, и тут появляется собственной персоной Балакирев и протягивает "прошение" всего рогатого скота. Животные жаловались царю на немцев, которые поедают их корм, то есть траву, называя ее салатом. Весь рогатый скот терпит из-за этого недостаток и ожидает еще большей напасти, если царь не защитит их от этих "травоедов". Челобитная развеселила царя, и опасность припадка благополучно миновала.

Измены любимой жены Петр Великий не перенес. Удар был настолько силен, что спустя несколько месяцев его не стало. Последние годы он тяжело переживал, что порой был чрезмерно жесток к своим подчиненным, и в то же время понимал, что по-другому поступать было нельзя. Демократ от природы, не считавшийся с родовитостью, Петр ужесточал режим, так как только при неограниченном самодержавии, считал он, можно отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания. Лучшую характеристику деятельности Петра Великого дал сам великий Петр.

— Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам; эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству. Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что полезное, может говорить мне прямо без боязни. Вы сами тому свидетели. Полезное я рад слушать и от последнего подданного. Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем. Невежество и упрямство всегда ополчались на меня с той поры, как задумал я ввести полезные перемены и исправлять грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в войске и в гражданстве и приучая к людскости, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть. Пускай злость клеветец: совесть моя чиста. Бог мне судья!..

И ЯВЛЯЮТСЯ

— У меня все по настроению. Когда я деловая, акрилом работаю: не выгорает и без запаха. О небесах думаю — темперой. А то, что сейчас на душе лежит, — маслом... Посмотри, автопортрет, сырой еще. Я в него собственные бусы гранатовые вставила. А щеки себе всегда делаю румяные — так я на Чурикову похожа. Ой, люблю ее!

Автопортрет Катя написала к своему шестидесятилетию. Смотрит Катя с картины на этот мир — не нарадуется.

Катю Медведеву знают сегодня и в России, и в Европе. Однако отчества ее не знает никто. Катя давно уже бабушка, но даже совсем маленькие дети зовут ее только по имени, охотно поверяя ей свои тайны. И я бы нисколько не удивился, если бы вдруг узнал, что она и есть та самая девочка из русской сказки, гостившая у настоящих медведей.

Кате чудеса...

Леонид ЛЕРНЕР

"Катя Медведева —
это чисто русский талант"

Марк Шагал

"Богородица Юница"

Глядя на Катю, модно, красиво и вместе с тем забавно одетую — в стильном черном шелковом платье, в легких спортивных сапожках и в старинной носынке из вологодских кружев, слушая ее хрипловатый, веселый и по-детски озорной голос, трудно представить, что эта женщина пришла в мир искусства из крестьянской избы, провинциального захолустья, городских трущоб и таних житейских невзгод, которых хватило бы, чтобы десятикратно убить в человеке и веру, и надежду, и любовь.

— В 34-м (я тогда еще не родилась) маму и ее первого мужа пришла раскулачивать, — рассказывает Катя. — Все отняли, из дома выгнали, восьмерых детей не пожалели. Шестеро умерли от голода и холода, хозяина расстреляли, мама с двумя дочками бежала в село Голубино Сумской области. Там снова вышла замуж, меня родила, там же и войну пережили — бабушка слепая кормилась подаванием и нас подкармливала. Что до отца, то он, инвалид детства, слыл на деревне колдуном, хотя был истинно верующим. Ходил в лес, где в тишине читал Библию. Волки окружали его, да не трогали.

После войны всей семьей (кроме слепой бабушки) сели на проходящий товарняк и поехали счастья

искать — куда глаза глядят. Сошли в Ростове-на-Дону, теплом и рыбном. Девятилетняя Катя побиралась на вокзале, на берегу Дона собирала рыбу-кожуру — варили и ели... Другой товарняк привез их аж в Азербайджан, в городок Геок-Чай. Тут вся семья свалилась от малярии, в живых остались только Катя и старшая сестра. Она и отдала Катю в детский дом, где девочка прожила долгих семь лет. Отсюда отправили Катю в Баку, в ФЗУ, где из нее сделали ткачиху. После чего восемь лет работала на ткацкой фабрике, в пыльном и жарком цеху.

В память о голодном детстве и детдомовском отрочестве, о юности, прошедшей в грохоте ткацких станков и в тесноте общений, в память о себе, матери-одиночке, — Катя Медведева, став художницей, напишет образ "Богородицы Юницы". Светлый и радостный, он, по глубокому убеждению Кати, в самые трудные годы был с ней рядом, давал силы и надежду. "Юницу" на первой же выставке, потрясенные ее чистотой, приобрели заезжие греки. Но Катя написала другую, третью, четвертую... Эти образы разошлись по многим частным собраниям. Однако каждый раз появлялись вновь на очередных выставках. Холст с "Богородицей" уже много лет присутствует в мастерской художницы, являя чудеса. Впрочем, нача-

лись они еще до появления холста.

Чудо первое: Старая Ладога

Чей-то голос нашептывал Нате Медведевой: хочешь жить — уходи с фабрики, возвращайся на родину. Да и замужество, подарившее ей лишь одну радость — любимую дочь, тяготило. И вот однажды Нятя села в поезд и уехала из Баку к своей слепой бабушке в Голубино. Слава Богу, застала ее в живых. А через год, похоронив, пошла бродить по свету, пока не остановилась на Волге, в Ульяновске. Тут и началось.

Устроилась в кафе официанткой. По вечерам училась в культпросветучилище на дирижера-хоровика. Дочку-восьмиклассницу отдала в художественную школу. Купила ей кистей, красок, даже мольберт. А Иринка возьми да и брось. Тогда (может, чтобы кисти и краски не пропадали) Нятя сама встала за мольберт. И — словно праздничный салют прогремел. Все вокруг преобразилось, а в душе у Нати расцвела яркая радуга. Картинки посыпались, как из рога изобилия. Рисовала даже ночью. Но, когда первая волна схлынула, задумалась: а что же дальше? Поняла, что здесь, в Ульяновске, ее "странные" картинки иначе, чем детской забавой, не назовут. И хотя самой чудно было, что "на старости лет" вдруг в художники подалась, чувствовала — где-то должны ее понять.

— Как-то во сне явился Ангел с благой вестью: езжай, Нятя, в Москву, Москва тебе дорогу откроет, — вспоминает Медведева. — Утром, не колеблясь, собрала вещи — и на вокзал.

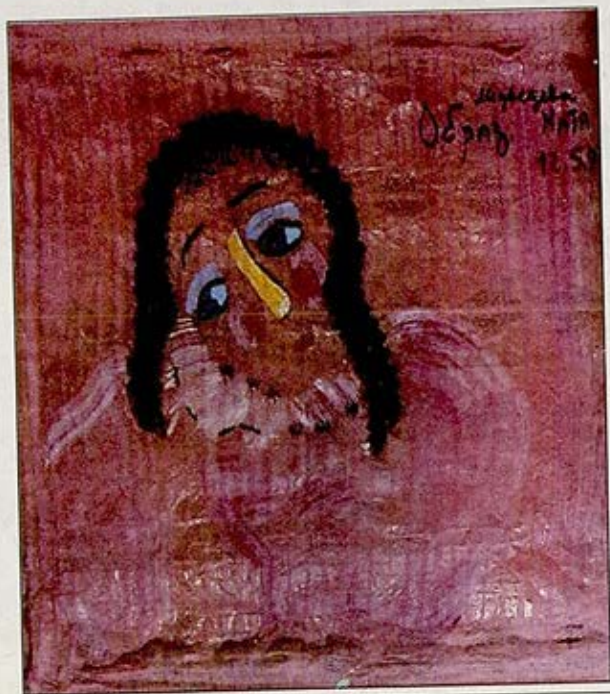
Была весна 1980 года. Взяли Натю по лимиту санитаркой в дом престарелых, в нем жила и картины писала. Вездесущие московские журналисты о ней провели. Появились заметки в газетах: о новом народном таланте, о том, что живет и работает этот "талант" в невыносимых условиях. Кто-то посоветовал обратиться к Валентине Терешковой, в то время председателю Комитета советских женщин. Нятя ей написала, просила помочь с жильем. Но ответ пришел не от Терешковой, а из Московского Дома народного творчества и вызвал у Нати одну досаду: у нее ни кола, ни двора, на зарплату санитарки ни холстов, ни красок не купишь, а ей (всего-навсего!) предлагают устроить выставку. Правда, было еще одно предложение, которое Нятя сначала не приняла всерьез: предлагали, пока суть да дело, пожить в Доме творчества, где-то в Старой Ладоге.

Мизељ

Медведица Кат. 224-11-97

Балетна школа

Медведица
Кат. 224-11-97

Думала ли она тогда, что спустя всего несколько лет название этого маленького русского городка благодаря ей станет известно и в Европе. Что на ее выставке в Ницце, устроенной французским коллекционером Рене Гера — одним из страстных поклонников Медведевой, картина "Белые ночи Старой Ладogi" вызовет столько восторгов. Ее заметит сам Марк Шагал и по просьбе покупателя "Белых ночей" напишет прямо на холсте, под фамилией художницы: "Натя Медведева — это чисто русский талант".

— Летом 1981 года я впервые приехала в Старую Ладogu, — рассказывает Катя. — Вышла из автобуса, оглянулась вокруг, — сердце так и забилося: будто в XII век попала. Тут вечная красота: древние храмы, иконы. В церкви Святого Георгия потрясающая фреска: Георгий со Змием сражается. Местные жители зовут эту церковь Ста-

роладожской невестой: изящная, белокаменная, с золочеными куполами, — стоит на берегу Волхова, в перламутровых его водах отражается. А кание дома в Старой Ладoge! Время укрыло их патиной — цвета умбры с жемчугом. Стоят под высоким небом... Все во мне словно перевернулось — вот оно, чудо. Пока не напишу, не смогу отсюда уехать.

С тех пор каждый год возвращается Катя в Старую Ладogu, бьет ей поклоны и пишет ее. И так же, как заветная "Богородица", плывут, милые сердцу, Натины "Старые Ладogi" по выставкам в городах и странах, рождая в душах людей свет.

Из Дома творчества, прожив там лето, Медведева привезла чуть не две сотни картин, поразив даже выдавших виды художников. А в декабре открылась ее первая выставка. Приехала на нее Катя с последним рублем, а

через два часа стала настоящей богачкой — всю выставку раскупили. Немецкий дипломат Норберт Кухенке — тот самый, что сыграл датского профессора в "Осеннем марафоне" у Георгия Даниели, купил "Портрет дочери", став одним из первых и постоянных Натиных покупателей. Многие из тех картин отправились в Европу. И вскоре коллекционеры стали охотиться за картинами Медведевой. Нынче только в Париже, в Международном Доме творчества, у комиссара живописи Франсуазы Грюндт хранятся уже сорок работ художницы.

Чудо второе: квартира от ЮНЕСКО

А жить по-прежнему было негде. Ютились с дочерью по случайным квартирам, жили в мастерских. Художник Олег Бурьян подал идею: "ЮНЕСКО отмечает год Жилища. Вот адрес их московского штаба. Сходи, расскажи о себе, а вдруг помогут".

Натя подготовилась к этому походу: собрала "досье" — все, что было о ней напечатано, у одной светской дамы, большой модницы, купила платье, привезенное из Парижа, и, захватив с собой несколько работ, отправилась.

Милицонер, охранявший представительство ЮНЕСКО, оценил Катин парижский наряд и, позвонив наверх, сообщил о необычной посетительнице. "Сейчас к вам спустятся", — сказал он, зачарованно глядя, как художница расставляет по фойе свои картины. А чиновник, спустившийся к Натя, увидев ее картины, выслушав драматический рассказ, посочувствовал: "Просьба ваша, конечно, не по нашему ведомству. Но я сделаю все, что смогу".

Для Натя и сейчас остается загадкой, как этот скромный человек сумел сделать практически невозможное. Но, как бы там ни было, 1 апреля, в день рождения Гоголя, Медведевой вручили ордер на квартиру в подмосковном Балабаново.

— Вот тебе и "Первый апрель — никому не верь", — смеется Натя. — А Гоголю верь, он не обманет. Пришли мы с дочкой и внуком в эту первую в своей жизни квартиру, вышли на балкон: рощи, река, луг, козочки пасутся,

солнышко в ясном небе... Стала я на радостях кричать: "Господи, воля твоя!" Прибежала соседка: "Вам плохо?" — "Нет, — отвечаю, — очень даже хорошо!"

Чудо третье: балет

На свою юбилейную — уже сороковую! — выставку Натя Медведева представила всего тридцать работ. Но я не удивляюсь: вещи ее продаются буквально на корню. И, надо сказать, она легко с ними расстается. Правда, не так давно, за месяц до Пасхи, вдруг исчезли покупатели, и у Натя образовался пустой холодильник. А она обрадовалась, решив, что так пожелал Господь — пусть Катя соблюдает пост. А перед самым светлым Воскресеньем, как по щучьему велению, приехала датская коллекционерша Лис Янstrup и купила сразу десять работ. И Катя разговорелась. И даже оставались еще деньги на поездку в давно желанную Ниццу,

куда ее все время зовут. Но... Деньги опять быстро разошлись по родным, друзьям и знакомым, которых у Кати полон дом.

Как-то, заехав к Кате, я застал у нее молодую беженку из Чечни с грудной девочкой на руках. "Это моя крестница, — объяснила художница. — Пришла ко мне уже на сносях. Приютила. А потом и роды приняла".

Однако вернемся к выставке. Зрители увидели на ней почти все знаменитые Катинины сюжеты. Но на сей раз царствовал новый ее фаворит — балет. Не было лишь одной из самых сокровенных балетных вещей Медведевой — "Жены Пикассо", которую до открытия выставки приобрела галерея "Пан-Дан". Эту картину Катя посвятила русской балерине Ольге Хохловой.

— В 1918 году, — рассказывает она, — в Париж съехались 60 русских балерин, и Пикассо выбрал среди них самую молодую и красивую, 16-летнюю Олечку Хохлову. Прожил с ней 17 лет, а потом внезапно выгнал из дома. Она умерла от горя по дороге в Копенгаген. Вот такая невозможная история...

— Откуда возникла твоя любовь к балету?

— Прочла книгу Плисецкой "Я Майя". До этого — деревенская ведь баба — я о балете даже не зналась, думала — это так высоко, не для меня. И, конечно, была уверена, что Майя Плисецкая живет, как царица. Но через ее книгу поняла: жизнь балерины самая трудная в мире. Теперь знаю: балерины, как и дети — живые ангелы. Только по земле ходят.

Картину "Цветы Лебедю", огромную (два метра на полтора),

Медведева посвятила Майе Плисецкой. И хотя уже многие пытались полотно купить, не продает, надеется подарить самой балерине.

— Как же ты писала Майю Михайловну, если даже на сцене никогда не видела?

— В книжке ее портрет. Но я свой образ делала: читала и видела ее, как наяву.

Отныне Катя ходит в Большой — на "Раймонду", "Лебединое озеро", но чаще всего на "Жизель".

— Мне кажется, само слово "Жизель" означает жизнь, — размышляет художница. — Жизнь для любви.

Интересно, сложись ее жизнь по-другому, могла бы Катя Медведева и сама стать танцовщицей? Кто знает... Ведь до сорока лет жила она в деревнях да городках, откуда до Большого театра и балета, пожалуй, как до Марса. Зато, став художницей, "натанцевалась" всласть.

Я хожу по ее выставке, где готовится к выходу на сцену "Голубая балерина", где на черном полотне, как звезды, мерцают "Танцовщицы", где "Жизель" собрала вокруг себя целый сонм летающих, словно сказочные бабочки, балерин... И говорю про себя: "Танцуй, Катя! Танцуй! Пока рука твоя держит эту волшебную кисть".

— Я слышал, твою выставку в Большом театре хотят устроить, — говорю я Кате. — Ты как, не против?

— Я-то не против, — отвечает она. — Да ведь как страшно, от одной мысли дрожу. Но, может, Майю там встречу, вот уж по душам поговорим...

Виктория ВЕТРОВА

* * *

*Поддай мне, ночь, свою ладонь!
Твое запястье цвета кофе
Звенит браслетом. Тонкий профиль
Твой прорывается сквозь сон.*

*Я по ладони расскажу
Судьбу твою от звезд до черни,
И не узнаю госпожу
В тебе заплаканной и нервной.*

*Поддай мне, ночь, ладонь свою!
И улыбнись улыбкой пряной,
Как улыбается в раю
Господь на лестнице багряной,*

*Ведущей с неба до земли,
До суши грешной и бездомной,
Где уплывают корабли
Во тьму очей твоих бездонных.*

* * *

*Пойдем домой, Икар!
Сегодня ветер с моря.
И затекла рука.
И чайка над волной
По-прежнему легка
Как призрачное горе,
Предчувствие и как
Сиреневая ночь.*

*Пошли домой, Икар!
Уже обед накрыли,
Поставили вино,
Нарезан белый хлеб.
Что толку в облаках?
В морской соленой пыли?
Ведь небо все равно
Принадлежит земле!*

*Пойдем домой, сынок!
Тебе всего лишь восемь,
И не изведал зла
Твой маленький мирок.*

Пойми, всему свой срок,
И ветер пусть уносит
Слетевшее с крыла
Последнее перо.

* * *

Ты должен слышать, как он плачет,
Покинутый тобою друг,
Он ничего уже не значит
В судьбе твоей. Движенья рук
Его уже едва заметно,
И не тобою он иском,
Лишь потому, что звезд несметных
Не сосчитал своим стихом.

Он скуп на похвалу и беден,
Он все расскажет наперед,
Он ниоткуда не уедет,
Его никто нигде не ждет.
Ты должен слышать, как он плачет,
Как обрывается строка
Слезой, которая, тем паче,
Как одиночество горька.

* * *

Как тень я нынче здравствую в шкафу,
Как свет дрожу в твоей оконной раме,
Найди меня. Я прячусь за строфу.
Тобою принесенными дарами.

Я сведена с ума. Висит мой шарф
На гвоздике, лишенный четких линий,
По полу волоочащийся рукав
Не может скрыть твоих запястий синих,

И холодно. И бьется мотылек.
И кажется смешно, что шарф повешен.
Но нет тебя... И голос мой далек,
Как этот дом, что пуст и безутешен.

* * *

Что мне еще сказать осталось?
Была ли я тебе нужна?
Или, разменивая старость,
Меня окликнул из окна?

Что мне еще забрать осталось?
Туман и звук твоих шагов,
Свои озябшие суставы
Я спрячу в складки рукавов.

И мы простимся утром рано,
Друг друга будто не вина,
В том, что с тобой я жить не стану,
А ты не сможешь без меня.

* * *

По лестнице наверх, а там
Окошко в ночь, где светят звезды,
А выше сладкая свеча,
Которая вот-вот погаснет.
Так я живу. И по ночам
Спускаюсь в черный сад, где розы
Уже обрезаны сейчас,
А раньше распускались красным.

Так я живу. Восход, закат
Отмечен здесь неверных кличем,
Меня зовут все госпожой,
А почитают иноверкой,
И если тянет вдруг назад,
Спешу, отвергнувши величье,
Домой, чтоб к родине чужой
Тянуть все помыслы и нервы.

* * *

В ступни врезается земля,
Когда иду по ней, шатаюсь,
Когда я маком вырастаю
На ней, взрывающей поля.
Пальто усталое висит
В шкафу, как пленный осужденный
На виселице голосит
Последние слова. Влюбленный
В ночи касается окна,
Оставив отпечатки пальцев,
И кажется, что тишина
Не сможет с ним никак расстаться.

День рождения

Эван ХАНТЕР

Он еще хорошенько не прочухался, когда пилот, или стюард, или кто-то другой что-то объявил по радио. Его голова повернулась набок, и он посмотрел через правое плечо в иллюминатор. Далеко внизу, на земле, виднелись пятнышки огней. Пока он раздумывал над объявлением, по проходу между креслами к нему подошла блондинка-стюардесса и, остановившись, улыбнулась.

— Пристегнитесь, пожалуйста, сэр.

— С удовольствием. — Он улыбнулся ей в ответ и начал искать предохранительные ремни. Поднявшись в кресле, выдернул их из-под себя, а потом долго и неумело возился с ними, пытаясь пристегнуться, в то время как блондинка, улыбаясь, терпеливо ждала в проходе.

— Вам помочь, сэр? — спросила она.

— Сделайте милость.

Стюардесса, немного наклонившись через пустое боковое место и держа равновесие, с улыбкой подхватила оба ремня и стала застегивать их. В это мгновение он легонько, дурачась, провел правой рукой снизу вверх по внутренней стороне ее ноги. Девушка не вздрогнула, не вскрикнула, даже бровью не повела. С улыбкой на губах она закончила застегивать ремни, выпрямилась и проговорила:

— Вот и все, сэр.

“Ну и выдержка!” — промелькнуло у него в голове, а потом он с удивлением подумал, не произошло ли случайно короткого замыкания между мозгом и рукой, из-за которого команда, отданная мозгом, не была выполнена. Во всяком случае, ничего не случилось, и удивительное спокойствие девушки, ее умение оставаться, вопреки опасности, по-матерински степенной и рассудительной не вызвали восторга. “Господи, неужели я пьян? — подумал он. — И как только можно было так надраться?” Он знал наверняка, что все авиакомпании мира строго придерживаются правила: никому из пассажиров не подавать больше двух порций виски. Однако догадывался, что выпил невероятно много спиртного еще задолго до посадки в самолет, хотя теперь и не помнил сколько, особенно с того момента, когда все, казалось, пошло возвращаться, а красные, зеленые и белые огни запрыгали в самые окна. “О Боже, сейчас мы разобьемся!” — мелькнула мысль. Потом он с облегчением понял, что самолет просто делал вираж на подлете к аэропорту — возможно, к Нью-Йорку, хотя и не был уверен, видел ли он когда-нибудь, подлетая к городу, такие огни, разбросанные островками на много миль вокруг. Но какой замечательный ландшафт внизу! Интересно бы знать, где, черт возьми, они летят?

Невозмутимая блондинка-стюардесса открыла двустворчатую дверцу между салонами и быстро пошла вперед, чтобы сесть на свое место и пристегнуться.

— Мисс! — позвал он ее, когда девушка остановилась, и заметил, что она не хочет подходить к нему слишком близко. — Мисс, где мы летим? Мы сейчас сядем, да?

— Простите, что вы сказали?

— Куда мы прибываем?

— В Лос-Анджелес, — ответила стюардесса.

— О, прекрасно. Никогда не был в Лос-Анджелесе. — Он немного помолчал, потом улыбнулся. — Мисс...

— Вам что-то нужно? Я должна занять свое место.

— Я знаю. Хотел только у вас спросить... Я залез рукою вам под юбку?

— Да.

— Вот только что?

— Да.

— Благодарю.

— Это все?

— Да, спасибо.

Стюардесса усмехнулась.

— Все в порядке, — сказала она и пошла по проходу дальше. Потом остановилась, возвратилась и, наклонившись к нему, прошептала: — У вас холодные руки.

— Благодарю, — повторил он и, прижавшись лбом к иллюминатору, стал наблюдать, как приближаются огни. Теперь

он видел внизу автомашины, сияние неоновых реклам, мигающие светофоров, железную дорогу Лайонела, которую отец когда-то купил ему на Рождество, игрушечные домики с ленточками дыма. Казалось, достаточно лишь протянуть, как Всевышний, руку, и достанешь до игрушечных автомобилей или киноафиши с Роландом Янгом, над чьей головой опустился исполинский Божий перст. И вдруг — скорость, ощущение умопомрачительной скорости, когда и земля, и размытые очертания строений в аэропорту неистово проносятся мимо... Завибрировали, коснувшись бетона, колеса, и он подумал, что все закончилось.

— Мы приземлились в международном аэропорту Лос-Анджелеса, — сообщил чей-то голос.

Он наверняка знал, что на этот раз говорил не пилот, если только они не посадили за штурвалы реактивных самолетов женщин.

— Сейчас 18 часов 45 минут по местному времени, температура воздуха — 80 градусов*. Пассажиров просим оставаться на своих местах, пока самолет подрулит к аэровокзалу и остановятся двигатели. Нам было очень приятно вас обслуживать, и мы бы хотели вскоре увидеть вас в нашем самолете снова. Благодарим вас и счастливого Рождества!

— Спасибо. Счастливого Рождества и вам, — громко произнес он, быстро отстегнул ремни, поднялся и взял с вешалки над головой пальто.

Из динамика долетело мягкое предостережение стюардессы:

— Леди и джентльмены, прошу оставаться на местах до полной остановки самолета. Благодарю за внимание.

— Спасибо, — снова проговорил он. — Но вы забыли пожелать нам счастливого Рождества. — И не стал садиться, думая, что самолет, хотя двигатели все еще работали, уже наверняка остановился. Он как раз надевал пальто, когда к нему подошла блондинка-стюардесса.

— Сэр, вам не трудно будет посидеть, пока самолет подрулит к зданию аэровокзала и остановится?

— Разумеется, нет, — ответил он, но не сел.

— Сэр, мы были бы вам весьма благодарны...

— Вы — самая спокойная девушка, какую я видел в своей жизни, — заметил он.

— Благодарю вас, но...

— Вы шведка?

— Нет, сэр, я...

— В нашей конторе есть одна девушка из Швеции. Она такая же спокойная. А сегодня во время рождественской вечеринки она прыгнула из окна.

* По Фаренгейту, по Цельсию — примерно плюс 26.

— Что-что она сделала? — переспросила стюардесса. — Выпрыгнула из окна?

— Нет. Конечно, нет! Она прыгнула. Прыгнула. С подоконника.

— А-а, — вздохнула стюардесса.

— Как вас зовут?

— Мисс Редли.

— Это звучит совсем не по-шведски. А меня зовут Артур. Однако все меня называют Дон.

— Вы врач?

— Нет, я режиссер, но все называют меня Дон. Как, вы сказали, вас зовут?

— Мисс Редли. Айрис Редли.

— Послушайте, это довольно странная фамилия для девушки из Швеции.

— А почему они называют вас Дон? — поинтересовалась стюардесса.

— Потому что я ношу очки.

— Ну что ж, Дон, желаю вам хорошо провести время в Лос-Анджелесе.

— Попробую. До сих пор я никогда тут не был.

— Это хороший город.

— Я уверен, что город чудесный. В нем так много прекрасных огней.

— Вы знаете, где тут багажное отделение? — участливо спросила стюардесса.

Они уже шли к выходу. Ему показалось, что пальто его вдруг стало тяжелым.

— Нет, — ответил он. — А где тут багажное отделение?

— У вас есть квитанции?

— Нет.

— О Боже, неужели вы их потеряли?

— Нет. У меня, собственно, нет багажа. Я путешествую без него. Ну что ж... — Он повернулся к выходу и перевел взгляд на здание аэровокзала. — Лос-Анджелес... — Он протянул руку. — До свидания, мисс Редли! Счастливого вам Рождества!

— Счастливого Рождества! — ответила она.

Артур пошел по лестнице вниз. Уже тогда он знал, что все сделал правильно. Воздух был нежный, ласкал ему щеки, целовал лицо, шевелил волосы. Он снял пальто. Да, он все сделал правильно, вероятно, правильно, хотя трудно даже представить себе, что можно сделать не так после того, как столько выпито, и после того, как в темном кабинете Маклиша он поцеловал Труди.

Трудно было даже представить себе, что можно принять ошибочное решение после чествования старого мистера Бенджамина, главы их фирмы, после того, как он, Артур, выскочил из кабинета с девушками-бухгалтершами, какие бы они

там ни были... Ее рука, такая теплая и влажная, в его кармане, свежий воздух, где-то слышится церковный перезвон, девы из Армии спасения трубят в рожки и стучат в барабаны... Как прекрасен город на Рождество, какой Нью-Йорк, как может быть что-то не так, все просто обязано быть в полном порядке! Они уговорили водителя такси, который уже закончил работу, подбросить их к аэропорту Кеннеди. Водитель очень хотел домой ("В этом проклятом городе такое сумасшедшее уличное движение!"), но он сунул ему в руку деньги еще до того, как они открыли дверцы, и вдруг на улицах исчезли машины, вдруг все стало так, как на святочный вечер, и церковные колокола разносили радость по всему миру...

Международный аэропорт Кеннеди расположен на Лонг-Айленде, и надо помнить, что его лучше не стоит больше называть Айдлуайлд, ибо это сразу же указывает на то, что тебе уже сорок один год, а это очень плохо, когда тебе должно исполниться сорок два.

Труды было двенадцать, на ней была коротенькая замшевая юбочка и полосатые чулки, и он целовал ее в кабинете Маклиша. Она сказала: "Но это же неприлично, мистер Питт!" Но он продолжал ее целовать, и она отвечала на его поцелуи. Девушки из бухгалтерии, Артур и Бенджамин успели на самолет задолго до вылета: таксист, получивший пять долларов чаевых, хотел выразить свой рождественский восторг.

Им крайне необходимо было погрузить багаж Бенджамин на самолет на Чикаго, в противном случае озеро Мичиган высохло бы. Они прихватили со стойки в аэропорту табличку с надписью "Мистер Шульц" и подарили ее старому Бенджамину на память. Самолет на Чикаго взлетел, ревя реактивными двигателями. Артур и девочки-бухгалтерши стояли на смотровой площадке и смотрели, как самолет стремительно, почти вертикально, взлетел в небо и скрылся за облаками. Артур обнимал девушек. Они все были навеселе, и, когда самолет исчез из виду, девушки вздохнули.

— Завтра у меня день рождения, — сказал он, обратившись к рыжей.

— Поздравляю, — ответила она.

— Слушайте, есть идея, — сказал Артур. — Давайте махнем в Чикаго!

— Почему бы и нет? — подхватила рыжая.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Роуз.

— Роуз, давай втроем — ты, я и Филлис — махнем в Чикаго и увидим мистера Бенджамин. Как ты на это смотришь?

— Хорошо, почему бы и нет? — согласилась Роуз. — Но сперва надо выпить по рюмке.

— Слушай, ох и удивится же он! — захохотала Филлис.

— Договорились. Значит, летим, — сказал Артур, хотя уже тогда знал, что в Чикаго они не полетят. Он знал уже тогда, что они выпьют по рюмке, а потом девушки начнут рассуждать и вспомнят, что сегодня сочельник и им надо ехать домой, к своим родным и любимым, к тому же Бенджамин их совсем не ждал, и никто даже не знал, где он живет и сколько времени лететь в Чикаго, и всплывет еще много всяких рациональных глупостей, с какими сталкиваются люди, когда им предлагают что-то волнующее и рискованное. Он знал, что девушки откажутся, и даже не удивился, когда они попросили поймать для них такси.

“Ну что ж, завтра у меня день рождения, — рассуждал Артур, стоя перед аэровокзалом и провожая глазами такси с девушками. — Поздравляю тебя с днем рождения, старина Дон. Но время уже ехать домой, к семье, к своим родным и любимым. Пора домой. Никто уже не хочет никуда ехать... Вот уж дурацкая компания!” Он посмотрел на часы, но не разглядел, который час показывали золотые стрелки на циферблате, поскольку уже вечерело и в воздухе разливался тот необыкновенный зимний свет, который делает белое еще белее, а золото незаметно сливается с ним, к тому же он был слегка в подпитии. Поэтому Артур возвратился в аэровокзал, чтобы посмотреть на большие часы над стойкой. Было без двадцати минут четыре, и он подумал: “Черт, все возвращаются по своим домам, к веселому Рождеству, и никто уже не хочет никуда ехать. Боже мой, вот хлопоты!” Потом он услышал сообщение о каком-то рейсе и подошел к стойке.

— Извините, начальник, на какой рейс вы только что объявили посадку?

— На Лос-Анджелес, в четыре часа, — ответил “начальник”, хотя Артур знал, что мужчина за стойкой совсем не начальник, просто ему хотелось сказать мужчине что-то приятное.

— Я никогда не был в Лос-Анджелесе, — проговорил Артур.

— Неужели? — учтиво переспросил “начальник”.

— Не был. Сколько это стоит?

— Сколько стоит что?

— Билет до Лос-Анджелеса. Это город ангелов. Вы про это знаете?

— Ну, разумеется, а как же. В первом классе, сэр?

— Конечно, в первом классе.

— Билет до Лос-Анджелеса в оба конца в первом классе стоит триста двадцать один восемьдесят плюс сбор.

— А сбор высокий?

— Шестнадцать ноль девять, сэр.

— Вполне прилично. Вы принимаете чеки?

— Пожалуйста.

— На рейс, о котором вы только что сообщили. У меня есть удостоверение личности, если это вас беспокоит.

— Нет, сэр, просто... Я даже не знаю, сэр, есть ли места на этот рейс. На Рождество у нас всегда много...

— Мне не нужна отдельная кабина, только место.

— Что ж, мне надо...

— Да, пожалуйста. Вы сказали, самолет отлетает в четыре, не так ли?

— Вы серьезно, сэр? Вы в самом деле хотите, чтоб я...

— Разумеется, серьезно. Я говорю в самом деле серьезно. Никакой черт уже никуда не едет!

Он знал, что не доведет это дело до конца, он только подшучивал над "начальником". В конце концов черт с ними, завтра у него день рождения! Он знал, что не сделает этого, ибо накануне Рождества он, Артур Питт, по прозвищу Дон, просто не способен улететь куда-то из дому. А что скажет на это Дженни? У Дженни будет сердечный приступ, вот что скажет Дженни. Кроме того, к Дженни или кому-то другому это не имеет никакого отношения. Это касается только старины Дона Питта, который знает, что никогда на такое не пойдет, как не пошел тогда, в Буффало, когда мужчина в вестибюле спросил его, не желает ли он провести ночь с королевой варьете. А была ли она в самом деле королевой варьете? Может, просто выдумка? По крайней мере он тогда на это не пошел, не пойдет и теперь. Но нет же ничего непорядочного в том, что он немного пошутил с этим любезным мужчиной, который только что положил трубку и подбадривающе поднял на него глаза, как всегда делает персонал авиакомпаний.

— Ну что ж, вам повезло, сэр, — сказал служащий. — В первом классе несколько человек отказались от билетов.

"Я же в самом деле лишь пошутил", — подумал Артур.

Что-то шевельнулось у него внутри. Он знал, что это было спиртное — сегодня так-таки перебрал; спиртное, поцелуи Труди в кабинете Маклиша, его рука под коротенькой замшевой юбочкой, полосатые чулки... Потом шальная поездка в аэропорт с девушками из бухгалтерии, стремительное исчезновение за облаками самолета с Бенджамином и внезапное, отчаянное ощущение того, что день рождения заканчивается, даже не начавшись. Он понимал, что это было все вместе, однако не догадывался, что появилось и еще нечто, и не сдерживал больше растущего волнения, поддразнивая себя: "Вперед, надо действовать, ну же, почему ты этого не делаешь?" Достаточно засунуть руку в карман и, хлопнув чековой книжкой по стойке, выписать этот проклятый чек... Ему всегда хотелось делать только так. "Начальник" ждал, а волнение у Артура все возрастало, оно начиналось в паху, за что он возлагал вину на Труди в кабинете Маклиша, потом поднялось выше, к груди, подкатилось к горлу и внезапно перешло в пальцы, которые решительно потя-

нулись к карману, чтоб хлопнуть по стойке чековой книжкой. “Тебе нравится этот “роллс-ройс”, парень? Он твой”.

“Начальник” ждал.

— Хорошо. — Артур полез рукой в карман и решительно бросил чековую книжку на стойку.

— Куда поедем, приятель?

— В хороший отель, — ответил Артур.

— В Лос-Анджелесе их множество. Вы хотите в городе, в Беверли-Хиллз или в каком-нибудь другом районе?

— В Беверли-Хиллз. Почему бы и нет?

— Едем. — Водитель нажал на газ.

— А почему у вас так много забегаловок, где продают бутерброды с горячими сосисками?

— Да мы все время едим бутерброды с горячими сосисками, — усмехнулся водитель.

— А каков он, отель “Беверли-Хиллз”? — поинтересовался Артур. — Наверное, из этих новых, современных, да?

— Конечно.

— Тогда отвезите меня лучше назад в аэропорт, — попросил Артур.

— Что?

— В международный аэропорт Лос-Анджелеса, где теперь 6 часов 45 минут по местному времени, а температура воздуха 80 градусов.

— Что?

— Вы думаете, я сумасшедший или похож на него? Ехать в Лос-Анджелес накануне Рождества, когда семья ждет меня дома...

— Вы не сумасшедший, мистер, — произнес водитель. — Вы пьяный.

— Еще бы. Я только пошутил. Так какого же черта я делаю в Лос-Анджелесе?

— Не знаю, мистер. Иногда я и сам себя спрашиваю: какого черта я делаю в Лос-Анджелесе?

— Однако я не хочу ехать в “Беверли-Хиллз”, — тихо проговорил Артур.

— Хорошо, куда же вы хотите ехать?

— Не знаю.

— Может, отвезти вас в “Хилтон”, сэр? — вздохнул водитель.

— В какой “Хилтон”?

— В отель “Беверли-Хилтон”.

— “Беверли-Хилтон”... Даю голову на отсечение, он в Беверли-Хиллз, не так ли?

— Совершенно верно.

— Что ж, это разумно, — заметил Артур. — Все вы тут, безусловно, очень умные.

— Это потому, что мы едим так много бутербродов с горячими сосисками, — ответил водитель.

Выйдя из душа, Артур почувствовал, что восстановил силы и протрезвел. В ванной висело по крайней мере восемь зеркал, однако он не мог увидеть себя ни в одном, поскольку перед душем снял очки. Кроме того, ванная была наполнена паром от горячей воды. Безусловно, это был хороший отель со множеством зеркал и горячей водой, которая накануне Рождества отрезвляет заблудшие души.

“Надо позвонить Дженни”, — подумал Артур.

Он надел очки и взял часы. Часы показывали нью-йоркское время — сойдя с самолета, Артур не перевел стрелки. В Нью-Йорке — а точнее, в Уайт-Плейнзе, где в белом деревянном домике на Робин-Гуд-лейн живет Дженни, он сам, и Майкл, и Пели... одним словом, четверо маленьких Питтов, — теперь одиннадцать часов вечера, до Рождества остался один час, и Дженни, наверное, неистовствует. Раздетый, он застегнул на руке часы и вышел из ванной. Потом увидел на ночном столике у кровати телефон цвета слоновой кости, поколебался, звонить или нет, и решил, что должен все-таки непременно позвонить.

Неожиданно его бросило в холод. Он подошел к стенному шкафу, где коридорный повесил его пальто, и, не найдя халата или чего-нибудь в этом роде, надел пальто. Подкладка пальто была шелковая и создавала ощущение роскоши и комфорта. Артур сидел на краю кровати и, забросив ногу на ногу, смотрел на телефон. Потом начал сосредоточенно разглядывать диск, на котором были обозначены разные места в отеле, куда можно позвонить. Была в аппарате и небольшая кнопка с красной лампочкой, и Артур подумал, что без нее не обойтись, наверное, когда захочешь соединиться прямо с публичным домом, до утра это может ему понадобиться. Но надо же позвонить Дженни, чтобы она не подняла на ноги полицию, или не начала звонить по больницам, или, избави Бог, его матери. “Как это, его нет дома?! — вскрикнет мать. У матери вообще привычка кричать. — Накануне Рождества его нет дома?!” — “Да, Вирджиния, — именно так зовут его мать, — накануне Рождества вашего сына нет дома”.

“Так оно и есть, ма, — подумал он. — Я тут, в Лос-Анджелесе”.

Надо позвонить Дженни. Он взял телефонную трубку.

Но вместо того, чтобы звонить Дженни, Артур набрал семерку, там ему сказали, что прислуга ушла домой — “ведь сегодня сочельник, сэр”. Он поинтересовался, ушла ли домой и экономка, и узнал, что она всегда на службе и с нею можно поговорить, набрав четверку. Артур так и сделал. Ему ответил женский голос с иностранным акцентом, но определить, с каким именно, было трудно.

— У вас есть утюг? — спросил он.

— Утюг? Чтоб гладить?

— Да.

— Да, утюг у меня есть. А почему вы не позвонили слуге? У нас гладит он.

— Он уже ушел. Сегодня сочельник. Я бы хотел выгладить себе брюки. Понимаете, у меня сегодня день рождения, а они очень помялись в самолете. Мне бы не хотелось быть в этот вечер в мятых брюках.

— В каком вы номере? Я вам пришлю.

— Один-ноль-восемь.

— А вы вернете?

— Да, конечно.

— Хорошо, я пришлю.

— Присылайте. Благодарю.

Артур положил трубку. Потом позвонил старшему коридорному и поинтересовался, есть ли в отеле лавочки, где продают спиртное. Коридорный ответил, что спиртное можно заказать в аптеке, и это Артура не на шутку удивило. Спиртное — в аптеке? Он положил трубку, потом снова набрал номер телефониста и велел соединить его с аптекой. Аптека ответила, и Артур попросил прислать в номер две бутылки виски и отнести стоимость на его счет.

Когда принесли виски, он налил себе двойную порцию в один из стаканов на стойке напротив двери и обнаружил под стойкой морозильную машинку, которая делает лед. Это был в самом деле чудесный отель. Артур взял в ванной чистое полотенце, постелил его на стойке, потом положил на него брюки и, потягивая виски, начал их гладить.

Он не знал, что будет делать после того, как выгладит брюки и пиджак, но определенно знал, что у него две бутылки виски и что до сорока двух лет остался еще почти час, поэтому у него появилась мысль устроить вечеринку. Может, он позвонит телефонисту сейчас и попросит набрать несколько номеров в отеле, а когда его, Артура, соединят, скажет: "Слушайте, это Дон Питт из сто восьмого номера. У меня тут небольшая вечеринка по случаю дня рождения. Вы бы не присоединились ко мне? Это как раз возле бассейна, сто восьмой номер". Может, он так и сделает, хотя уверен в этом не был. Что он сделает наверняка — так это выгладит брюки и пиджак, а может, и галстук, потом выпьет несколько рюмок и пойдет из этого чудесного номера посмотреть, что представляет собой Беверли-Хиллз.

Зазвонил телефон. Артур выдернул штепсель утюга из розетки и побежал к аппарату.

— Алло, — сказал он в трубку, гадая, кто бы это мог звонить ему в Лос-Анджелес — ведь, кроме кинозвезд, он не знал тут ни души.

— Сэр, — раздался очень приятный, культурный, можно сказать, изысканный голос, — извините, что беспокою, но вы не приглушили бы свое радио?

— Мое — что? — переспросил Артур.

— Ваше радио, сэр. Я очень извиняюсь, но наш гость из соседнего номера хочет немного поспать, а у вас, кажется, радио звучит очень громко.

— Мое радио вообще не включено.

— Минутку, сэр.

Он подождал.

— Сэр?

— Слушаю.

— Вы мистер Питт из сто восьмого номера?

— Да, это Артур Питт из сто восьмого номера. В этом вы полностью правы.

— Мистер Питт, вам не трудно будет приглушить свое радио?

— Послушайте, вы что, кретин? — возмутился Артур. — Я только что вам сказал, что радио у меня не включено. Оно выключено. Я глажу брюки и пью виски, а радио у меня не включено. Оно вы-кю-чено.

— Сэр, гость, который пожаловался, живет на вашем этаже в крайнем номере, по соседству только ваш номер. Следовательно, это должно быть ваше радио, сэр.

— Вы что — шутите? — недоверчиво спросил Артур.

— Нет, сэр.

— В таком случае вы, может, подойдете сюда и увидите собственными глазами, то есть послушаете сами? Мое радио выключено. Вы слышите радио?

— Нет, сэр, но гость из сто девятого номера...

— Тогда скажите гостю из сто девятого номера, что у меня радио выключено.

— Хорошо, сэр, если вы так говорите...

— Благодарю. Вот это отель! — Артур положил трубку. "Ну, друг, — подумал он, — как это тебе нравится? Я тут стою в одних трусах, делаю свое дело, а один жирный старый негодяй с сигаретой в зубах, у которого начинаются слуховые галлюцинации, звонит администратору и требует выключить радио, которое даже не включено. Ну, скажу я вам, вот это отель!"

Разгневанный, он возвратился к стойке, включил паровой утюг, взял стакан, наполовину наполненный виски, и осушил его. Ну и дела! Артур слышал, как за стеной зазвонил телефон. Это, наверное, дежурный администратор с изысканным голосом звонит в соседний номер — мол, гость из сто восьмого сказал, что радио у него выключено. Телефон перестал звонить — в сто девятом сняли трубку. Артур молча стоял с паровым утюгом в руке, стараясь расслышать, о чем го-

ворят за стенкой. Он не услышал ни слова. Вот это отель! Что ж, надо быстрее выгладить брюки и уйти прочь отсюда, а то они позвонят снова и попросят прекратить эту дикую вечеринку. Артур еще несколько раз провел утюгом по брюкам, посмотрел, не остались ли где-то складки, и, наконец, натянул их. Брюки были еще теплые, ему стало уютно. Артур подошел к стенному шкафу, снял с вешалки пиджак, внимательно осмотрел и решил, что его гладить не надо. Потом плеснул себе еще немного виски, выпил и подумал, что перед тем, как выходить из номера, можно будет выпить еще. Когда он наливал виски поверх кубиков льда в стакане, зазвонил телефон.

“Снова тот с изысканным голосом”, — подумал Артур и решил, прежде чем ответить на звонок, включить радио на полную мощность, однако не сделал этого.

— Алло, — сказал он в трубку.

— Мистер Питт? Это снова дежурный администратор.

— Что ж, это довольно странно, — проговорил Артур.

— Мистер Питт, я бы хотел перед вами извиниться. Я говорил с молодой особой из сто девятого номера. Очевидно, вышло недоразумение, сэр. Она, наверное, услышала звуки из репродукторов вокруг бассейна и подумала, что это радио в соседнем номере. Очень прошу извинить, сэр, что побеспокоили вас.

— Все в порядке, вы меня совсем не беспокоили. В какую школу вы ходили?

— Не понял?

— В какую подготовительную школу?

— Ни в какую подготовительную школу я не ходил, сэр. Я ходил в среднюю школу в центре Лос-Анджелеса.

— Неужели? А вы когда-нибудь слышали про изысканность?

— Нет, сэр.

— А про отель “Бевебли-Хиллз”?

— Слышал, сэр.

— Оно и видно, — сказал Артур и положил трубку.

Он усмехнулся. Что ж, он неплохо проводит время. Следовательно, гость из сто девятого — молодая особа? Отлично! Может, он сейчас позвонит ей по телефону, и они вместе посмеются над этим недоразумением. А почему бы и нет? Это должен быть настоящий день рождения, и он, Артур, будет наслаждаться каждой минутой, пока все не закончится. Но ему не хотелось думать о том, что этот день когда-то закончится, и особенно теперь, когда он только начался. Поэтому, чтоб не думать об этом, он возвратился к стойке и налил себе виски, правда, не так мало, как обещал себе. Потом выпил, крикнул и начал надевать пиджак. Вдруг снова зазвонил телефон.

— Алло, — сказал Артур в трубку. — Минутку, я забыл выключить утюг. — Он подошел к стойке, выключил утюг, налил виски и взял стакан с собой к телефону. — Слушаю.

— Вас беспокоит старший посыльный, сэр.

— Приветствую вас. Чем могу быть полезен?

— У меня для вас бутылка шампанского, сэр.

— В самом деле? — удивился Артур. — От кого?

— Не знаю, сэр. Его только что принесли.

— Что ж, это очень приятно. Поставьте шампанское в ведро со льдом и пришлите сюда. Чего вы ждете?

— Хорошо, сэр.

Все еще удивленный, Артур сидел на краю кровати, уверенный, что шампанское заказала администрация отеля — теперь она пытается загладить недоразумение и воздаст от щедрот своих. Однако дареному коню в зубы не смотрят. Вечеринка продолжается, и необходимо все шампанское, какое только можно достать, не говоря уже про одну эту несчастную бутылку!

Снова зазвонил телефон.

Он смотрел на аппарат недоверчиво, считая, что администрация позволяет себе слишком много. Что они подготовили на этот раз? Гардении? Корзинку калифорнийских апельсинов? Нет, он решительно откажется и скажет: “Благодарю, я ваши извинения не принимаю, но если вы и дальше будете присылать подарки, то мне не останется ничего другого, как считать нас обрученными”. Посмеиваясь, Артур взял трубку:

— Алло?

— Это мистер Питт из сто восьмого номера?

— Да, это он.

— Прошу меня извинить, мистер Питт.

— Все в порядке, не надо извиняться.

— Это снова старший посыльный, сэр. Извините, но эта бутылка шампанского предназначена не для вас, сэр.

— О?!

— Она предназначена для молодой дамы из сто девятого номера, сэр. Я набрал не тот номер, сэр. Очень извиняюсь.

— Все в порядке.

— Еще раз извиняюсь, сэр. Счастливого Рождества!

— Вам также, — сказал Артур и положил трубку.

Вдруг он ощутил себя совершенно убитым. Мысль, что шампанское предназначено не ему, а молодой даме из сто девятого номера, что ему предложили подарок, а потом неожиданно забрали назад, наполнила его нестерпимым отчаянием. “Черт возьми, лучше позвоню Дженни”, — подумал Артур. Он снял трубку, начал изучать диск на аппарате, обдумывая, как связаться с междугородней станцией, и вдруг за окном услышал всплеск. Сначала Артур подумал, что это кто-то упал в бассейн; в памяти у него все еще была зима, и накану-

не Рождества никто добровольно не прыгнул бы в воду. Не теля времени, Артур положил трубку, бросился к раздвижным стеклянным дверям и стал приглядываться сквозь них к бассейну и внутреннему дворику. Сначала он не увидел никого ни в бассейне, ни возле него. Из репродукторов доносилась спокойная скрипичная музыка. В сумрачном свете вокруг бассейна Артур разглядел пальмы и огромную белую рождественскую елку, которая одиноко стояла в глубине между крыльями отеля, своей формой напоминавшего букву П. Однако ни в бассейне, ни вблизи него никого не было. Но вот толщу воды разорвала чья-то голова, на поверхность вынырнула молодая блондинка, подплыла к краю бассейна и, перевалившись через кафельный выступ, грациозно пошла к трамплину. Она была в черном купальном костюме — не в бикини, однако с вырезом низко на талии и завязками на шее, которые едва выдерживали ее груди. Блондинка стремительно крутанула головой, отбросив с лица прядь длинных белых мокрых волос, и отправилась дальше грациозной решительной походкой спортсменки и танцовщицы. Указательным и большим пальцами одной руки она взялась за нос, чтобы прочистить его, а другой рукой подтянула трусики, поскольку они немного сползли, чуть обнажив при этом округлые и белые ягодицы. Блондинка поднялась по лесенке к трамплину, подошла к его краю, остановилась и, прижав руки к бедрам, загляделась вниз на воду.

Так она стояла достаточно долго — погрузившись в раздумья, наклонив вперед голову, выставив бедро.

Артур не знал, кто эта девушка, не мог даже хорошо разглядеть ее лицо в тусклом свете. Но она была высокая, светловолосая и спокойная, а он припомнил только одну высокую и очень спокойную блондинку на весь Лос-Анджелес. Ему казалось вполне возможным, что она — кто же еще это мог быть! — приехала в этот прекрасный отель, где после продолжительного и утомительного полета хотела немного подремать, услышав музыку в бассейне, она проснулась и сразу заказала бутылку шампанского, но сначала решила поплавать в бассейне.

Девушка, которая неподвижно стояла на краю доски, не могла быть никем иным, кроме мисс Айрис Редли (довольно необыкновенное имя для шведки). Приятная неожиданность! И хотя он не мог разглядеть ее лица, сомнения у него уже почти не оставалось.

Все больше и больше убеждаясь в своей правоте, он наблюдал за девушкой — вся погруженная в раздумье, голова и тело неподвижны, белые волосы в ярких отблесках света.

Он наблюдал за ее миром. В этом мире было все, чего он никогда не познал: королева варьете, которой он так и не овладел тогда в Буффало, подарки на день рождения, которые бы-

ли одновременно и рождественскими и оставляли у него болезненное ощущение пустоты, бутылка шампанского, сначала предложенная, а потом отобранная. Ему хотелось окликнуть ее: "Послушайте, вы в самом деле та самая мисс Редли, которая сказала, что у меня холодные руки? Это вы та девушка из сто девятого номера? Как вы смотрите на то, чтобы составить мне компанию? А как там вода?"

Возбужденный, он посмотрел на часы. В Уайт-Плейнзе через семь минут должна наступить полночь. Через семь минут ему исполнится сорок два года.

"Ну же, — подумал Артур, — позвони Дженни".

Он взялся за головку часов, потянул ее и медленно, осторожно перевел стрелки сначала на десять пятьдесят три, потом на девять пятьдесят три, затем на восемь пятьдесят три. Щелкнув головкой, он поставил ее на место в корпусе часов, быстро шагнул к раздвижной двери и раскрыл ее.

Девушка как раз выходила из воды.

Он хорошо знал, что это не мисс Айрис Редли и даже не девушка из сто девятого номера. Однако походка его была удивительно легкой, а сердце неистово колотилось в груди. Он торопился к бассейну, чтоб пригласить незнакомку на свой день рождения. ■

Перевод с английского
Станислава НИКОНЕНКО.

Мальчи

Они врываются в офисы и дома с веселым воплем: "Всем лечь! Это ограбление!" И на самом деле грабили —

...Действительно — не били. Не было необходимости — перепуганные жертвы отдавали всю наличность без сопротивления. Что и внушало молодым налетчикам мысль, будто отбирают неправомерно нажитое, а, значит, по большому счету, как бы восстанавливают справедливость.

Нет, они не претендуют на роль Робин Гудов, но и уголовниками себя называть не хотят. "У нас же ни одного мокрого дела! — обижаются. — Мы только пугали".

Обижаются искренне, я сам в этом убедился. В их сознании не укладывается мысль о том, что содеянное ими — не игра, не сцена из голливудского боевика, а самая что ни на есть подлинная жизнь. Только — уголовная.

Если бы такая ситуация была единичной! Любой оперативник или следователь вам подтвердит: появившиеся в городах и селах сейчас во множестве юные грабители не ощущают себя преступниками и, очутившись за решеткой, с трудом понимают, что оказались в конфликте с законом. Они похожи на не совсем проснувшегося человека, в чье сумеречное созна-

ние, еще не свободное от призраков сна, ворвалась — с лязгом металлической двери намеры — жестокая реальность.

Вот три эпизода из жизни молодых налетчиков, оказавшихся на скамье подсудимых.

Шалуны с обрезом

Их было трое: 16-летний Роман и 17-летние Данат с Артуром. Обычные казанские мальчишки. Попало им в руки старое ружье. Отпилили приклад, повертели в руках — клевая штуна! Но — без применения — жгла ладони. Ладно, решили применить. Как? Да пугнуть кого-нибудь поздним вечером.

Готовились с азартом: раздобыли черные чулки, прорезали дыры для глаз. Примеряли у зеркала, дино вскрикивая, растопыривая веером пыльца. Классно получилось.

Вечером вышли на улицу Габиева, спрятав обрез под куртку, а маски — в карманы. Шли, осматриваясь. Хороша была улица — освещена кое-как, прохожих — раз-два и обчелся. А вон там, где конечная остановка автобуса, во-

«И В МАСКАХ»

потрошили сейфы, вытряхивали из карманов растерявшихся людей кошельки. Когда их "взяли", стали оправдываться: "Мы ж никого не убиваем! Даже не бьем!"

обще никого. То, что надо. Здесь и стали ждать. И дождались.

С позднего автобуса сошла женщина с сумкой, двинулась в сумрачный переулок. Надели налетчики маски и — следом. Догоняют. Говорят негромко: "Стоять молча! Это ограбление!" Женщина онемела, увидев ствол, направленный ей в грудь. Выронила сумку. Дрожащими руками стала снимать из ушей золотые серьжки, стаскивать кольца с пальцев.

Налетчики замешкались — не ожидали такой торопливой покладистости. Но в роль вошли: рассказали золотишко по карманам и отпустили женщину. Обрез под куртку, маски долой — идут по улице Габишева, ошеломленные удачей. Изумленно хихикают, обсуждая подробности.

А тем временем один из бдительных казанцев, увидевший в окно своей квартиры сцену ограбления, позвонил в милицию. Патрульная группа во главе со старшим сержантом Фаридом Муртазиным, приняв сигнал, вырулила на улицу Габишева, где и заметила бредущую троицу.

Их взяли без особых хлопот, прихватили по пути и ту самую женщину. В милиции все трое изумленно смотрели на нее и на стражей порядка, словно приходя в себя после обморока. Бормотали растерянно:

— Мы не грабить, мы только поугаать хотели, а она сама все отдала... Что, уже и пошутить нельзя?

— Можно, — отвечали им, — но эта шутка тянет на 162 статью УК РФ — разбой. От 7 до 12 лет лишения свободы. С конфискации имущества.

— Какого такого имущества? — лепетали вконец обалдевшие мальчишки. — У нас ничего нет... А серьжки и кольца мы вернули. Разве вы нас не отпустите?

— Может, вам еще и обрез отдать? Чтоб не страшно было по улице идти?

Разбой с извинениями

А эта история случилась в Липецке. Глубокой ночью. В частной пекарне. Подрабатывал там студент пединститута Алексей Пилигин, открывший той ночью дверь

(по предварительной договоренности", как сказано в приговоре) двум двадцатилетним приятелям — Смыкину и Звягинцеву.

Приятели были навеселе. Их распирала жажда приключений, да и добавить хотелось, а денег нет. А тут — они точно знали — работают в ночную смену женщины. Пугнуть их — пара пустяков, экспроприровать же можно и кошельки с наличностью, и золотишко.

Войдя в помещение, разделались: Смыков нинулся в раздевалку — по карманам шарить, а Звягинцев завернул впустившему их Алексею руку назад, приставил к горлу нож и повел в бытовку, где женщины в тот момент пили чай. Маски у Звягинцева не оказалось, и он повязал лицо снятым с крючка полотенцем.

Втолкнув Алексея в бытовку, Звягинцев нашлянул и произнес:

— Добрый вечер! Извините за беспокойство, но это ограбление!

Ему не поверили. Женщины, увидев незнакомца, замотанного полотенцем, и растерянного Алексея, подумали: шутят. И засмеялись. Звягинцев обиделся. Закричал:

— Я не шучу!

Ему снова ответили дружным хохотом, а одна из девушек хотела было сорвать с пришедшего полотенце. Тут Звягинцев понял, что не попал в образ, и немедленно исправил ошибку: стал громко материться, размахивать ножом, выворачивать руки Алексею.

Женщины притихли. Налетчик, приставив нож к горлу Алексея, предупредил:

— Или вы снимаете кольца и серьги, или я его сейчас зарежу как барана.

Только тогда женщины поверили. Сняли золотые украшения, положили на край стола.

— Всем на пол! — приказал Звягинцев, наконец полностью овладев ситуацией.

Они повиновались.

Вот когда Звягинцев пережил минуту восторга: его боялись, его слушались! Он мог сделать с этими женщинами все что угодно. Но он торопился, и потому лишь смел со стола добычу.

Затем, уложив на пол рядом с женщинами и Алексея, распорядился:

— Никакого крика! Не вставать ровно тридцать минут!

Оборвав телефонный провод, он вышел, чрезвычайно довольный собой, вызвал из раздевалки Смыкова, и они ушли... Еще перед началом налета они предупредили Алексея: "Ты нас не знаешь! Иначе пожалеешь... Понял?!" Алексей понял, но когда ограбленные женщины пришли в себя и, соединив оборванные провода, позвонили в милицию, недолго упорствовал и назвал имена.

Налетчиков взяли в ту же ночь — не успели еще на окраине Липецка, в одноэтажных домах, петухи прокунарекать. Не успели налетчики и добычу реализовать, поэтому запираяться не было смысла.

Они и не запирались. Бубнили, виновато опустив головы:

— В общем-то, мы вначале как бы понарошку хотели... А потом увлеклись, вот так и вышло... В общем, случайно получилось!

И лица у них были такими растерянно-удивленными, будто во всех этих действиях участвовали не по своей воле, а кто-то посто-

ронный, овладев их рассудком, повел глубокой ночью в пекарню...

В гости с кувалдой

А этих было пятеро. Студенты Московской Тимирязевской академии. Страдали из-за нехватки денег — стипендия, как и родительская помощь, были нерегулярными. Однажды один из них, вертя в руках газовый пистолет, смеясь, сказал:

— А ведь если его нацелить в лоб какому-нибудь "новому русскому", враз деньги выложит!

Остальные, хихикая, стали фантазировать: как ворвутся на какой-нибудь оптовый склад, как криннут: "Всем лечь! Это ограбление!"

И уже на следующий день в рекламном издании "Оптовик" рассмотрели удобный адрес — улица Самоотечная, 13. Там некое ТОО "Босфор" продавало оптом вино-водочную продукцию. Маски вырезали из рукава водолазки, выпросили у знакомых еще один пистолет — пневматический. И в субботний полдень, когда работники магазина-склада, заваривая чай, расслабленно смотрели телевизор, студенты вбежали к ним, размахивая пистолетами и отчаянно вопя:

— На пол! Молчать! Ограбление!

Здоровенные мужики немедленно рухнули со стульев на пол. Один из них, перед тем как упасть, по команде грабителей выкинул из кармана связку ключей от сейфа, но замок оказался тугой, и ему, упавшему, велели ползком приблизиться к сейфу, стоявшему на полу, открыть его, не поднимая головы. Чтобы не разглядеть налетчиков.

Потом, деля добычу, студенты бурно веселились по этому поводу, вспоминая, как обладатель ключей полз к сейфу, растопырив по лягушачьи локти и колени. Итоговая сумма оказалась такой внушительной, что они сняли квартиру у Борисовских прудов, где и продолжили празднество. А когда деньги кончились, нашли по публикациям в том же "Оптовике" еще один адрес. Затем — еще один.

К концу шестого месяца своей новой жизни они уже обзавелись двумя настоящими боевыми пистолетами — ТТ и ПМ, портативными радиостанциями и наручными. Перед каждым выездом проводили тщательную разведку, прикидывая, как войдут и как выйдут и где удобнее поставить свой потрепанный BMW, чтобы умчаться с добычей легко и быстро.

Так же легко и быстро они вломились в квартиру, которую им подсказал какой-то знакомый, для чего лишь понадобилось прихватить кувалду и бабахнуть ею по двери. Сновали наручными двух женщин, пожилую и молодую, а девчонку-дошнольницу заперли в кухне, выпотрошили все заветные углы квартиры и с 13-ю тысячами долларов, грудой золотых украшений и видеокамерой "Panasonic" умчались. А когда делили добычу, отмечая заодно наступающий Новый год в кругу ближайших подружек, сняли себя этой видеокамерой.

Следователи, смотревшие потом попавшую к ним видеозапись, изумленно смеялись над их мальчишеской выходной — ведь они, сами того не понимая, приготовили вещественное доказательство своего преступления: в кадре был

стол, заваленный долларами, золотыми цепочками и браслетами, а вокруг стола, вместе с девчонками — пятеро лихих налетчиков с бокалами шампанского, упоенно произносящих саморазоблачительные тосты.

Я видел их всех уже за решеткой 312-го зала Мосгорсуда, где они, в перерыве между судебными заседаниями, с разрешения конвоя и адвокатов произносили на мой диктофон другие речи.

В их словах не было раскаяния. Лишь смущение от того, что так нелепо завершили свою увлекательную грабительскую эпопею. И — экстравагантно-философская рассудительность в объяснении причин, подтолкнувших их к такому образу жизни.

Вот их постулаты:

— *Вся жизнь сейчас преступна...*

— *Проблема не в нас, а в несовершенствах общественного устройства...*

— *Вы посмотрите вокруг: хоть кто-нибудь живет по правилам?.. Дорогие автомобили и особняки, счета в зарубежных банках — это разве честно заработано?*

— *Те, у кого мы забирали деньги и ценности, утаивали от государства свои доходы, не платили налоги. Мы, можно сказать, осуществляли дополнительное налогообложение...*

После этих слов по лицам всех пятерых, сидящих на скамье за решеткой, скользят улыбки. Понимают же, как демагогичны их самооправдательные фразы, но не могут отказать себе в удовольствии продемонстрировать гибкость мысли. Учились ведь в вузе, участвовали в семинарах и коллоквиумах, сдавали довольно успеш-

но экзамены. А то, что их судят сейчас за бандитизм, что срони им грозят максимальные, плохо, конечно, но — не смертельно.

— *Встать! Суд идет!* — объявляет секретарь суда, и перерыв прекращается.

Из совещательной комнаты выходят, рассаживаясь за судейским столом, два заседателя во главе с председательствующим судьей Мосгорсуда Николаем Юрьевичем Говоровым. Разбирательство продолжается. Дотошные допросы свидетелей и пострадавших дополняют характерными штрихами картину этих студенческих налетов, поразительную по сочетанию мальчишеского инфантилизма и уголовно-профессиональных приемов, почерпнутых, как оно оказалось, в основном из голливудских боевиков.

...Узнав из рекламного объявления об офисе ООО "Продовольственная база "Покоторг" на улице Угрештской, они отправили Владимира Михалева на разведку. Он туда ездил несколько раз — рассмотрел положение комнат, удобны ли подъездные пути, куда лучше поставить автомобиль. Оказалось, касса с сейфом расположена в глубине здания. Сергей Радайкин предложил: кому-то из них нужно надеть форму инкассатора, чтоб не вызвать подозрений. Ему и выпало.

Купили с рук форму, мешок инкассаторский. Приехали. Автомобиль оставили на соседней улице. Радайкин в форме уверенным шагом продефилировал через торговый зал в комнату, где была касса, обнаружив там двух женщин. Одна из них, кассир Федорова, удивилась: инкассацию в этот день не заказывали.

Предложила пришедшему отметить в его карточке, что они откладываются от инкассации. И тут Радайкин выхватил из кобуры пистолет ТТ: "Лечь на пол!" Женщины легли. Громянув дверцей сейфа, лже-инкассатор смел все содержимое в мешок. Выходя, увидел: в торговом зале два брата Моржиховы, Мурат и Тенгиз, держат на всякий случай под прицелом газового пистолета группу женщин, уговаривая их не волноваться:

— Сейчас вас отпустим, вот только друг выйдет, он у нас медлительный очень...

Вместе с Радайкиным они выбежали на крыльцо, обогнули здание и оказались на улице, где их ждал в автомобиле Михарев.

— Стойте, — спохватился Тенгиз, — у меня часы с руки слетели! Пойду поищу!

— Да ты сбрендил? — закричали на него. — Другие купишь!

— Мне эти жалко! — канючил Тенгиз в уносящемся на большой скорости BMW. — Я к ним привык.

Его часы "Orient" оперативники нашли в тот же вечер у ворот базы. Но предъявить их на опознание владельцу смогли лишь три месяца спустя, уже после того, как лихие гангстеры, пребывая в найте от очередного успешного налета, на этот раз — на квартиру, сняли на видеозапись делен добычи, изготовив для следователей самый главный вещдок против себя.

Проницательность оперативника Глухова

Обнаружилась на суде и еще одна особенность нынешних раз-

боев: многие из них не расследуются!.. И часто даже не фиксируются. То есть тот, обозначенный уголовной статистикой, вал разбойных нападений и грабежей отнюдь не отражает действительную реальность. Этот вал, может быть, в десятки раз больше!

Вот перед судом один из пострадавших — невысокий молодой человек в черном свитере, кожаных штанах и тяжелых башмаках на неимоверно толстой подошве, — бывший директор ограбленной фирмы, ныне уже не существующей. Он смущенно улыбается, когда судья Говоров спрашивает его, почему после ограбления не подал заявления в милицию.

— Я поговорил с участковым, — мнется бывший директор, — тот отсоветовал. Сказал, что милиция загружена под завязку, не до нас. Зачем канцелярию разводить...

Вряд ли он тут лукавит: милиция и в самом деле старается не фиксировать, если есть возможность, те преступления, которые обошлись без крови. Но почему директор так легко согласился на предложение участкового?

— Ущерб был сравнительно невелик, — сообщает он, по-прежнему улыбаясь, но всем присутствующим в зале суда ясно: деятельность фирмы на девять десятых была теневой, и любое сообщение об истинном ущербе привлекло бы внимание налоговых органов.

Этот директор не одинок. Никто из пострадавших от студентов-налетчиков не подавал заявлений, подтверждающих грабежи, до тех пор, пока студенты сами, попавшись, не рассказали о своих подвигах, назвав адреса.

Даже гражданки Саакян и Мгеброва, лишившиеся после визита студентов с кувалдой 13 тысяч долларов и целой кучи золотых украшений, не обратились с заявлением в милицию. Медлили. А когда задержанные налетчики с поспешностью нашкодивших мальчишек подробно рассказали, где добыли доллары, золото и видеокамеру, и хозяев этого добра пригласили в милицию, ограбленные наконец-то спохватились, изложив письменно все то, что с ними случилось.

Оказывается, все ограбления студенческой банды были выявлены благодаря бдительности всего лишь одного человека — оперуполномоченного специального отдела милиции ГУВД Москвы Андрея Глухова.

...В сумрачный январский день Глухов вместе со своей оперативной группой находился на Олимпийском проспекте неподалеку от известного в Москве магазина "Жемчуг", когда заметил, как подъехал автомобиль марки BMW-735. Хлопнули дверцы. Двое вышедших из автомобиля показали Глухову странно светлыми, и он вошел в магазин следом. Рассмотрел их. Это были два сухопарых чернявых паренька, чем-то похожих друг на друга. Они толкались среди посетителей, торопливо предлагая по сильно заниженным ценам золотые кольца и серьги.

Когда Глухов предложил им пройти к патрульной машине, они окончательно ступевались, стали бормотать что-то о бедственном положении, вынудившем их торговать семейными реликвиями. Но Глухов подобного рода объяснения слышал не раз и поэтому ре-

шительно препроводил этих двух, оназавшихся братьями Моржоховыми, а с ними и сидевшего за рулем BMW Сергея Радайкина, в отделение.

На первом же допросе все трое, вначале запутавшись в собственном вранье, дали в конце концов правдивые показания. Они рассказали, откуда золото, которое решили продать, так как российские деньги прогуляли, встречая Новый год, а доллары менять не хотелось. Затем, уже у себя, на съемной квартире, где те самые доллары были изъяты вместе с видеокамерой, пистолетами, масками, ручницами и портативными радиостанциями, они стали рассказывать о налетах на оптовые склады и офисы, будучи уверенными, что оперуполномоченный Глухов давно за ними следил и всю их подноготную знает.

Голливудские фильмы, из коих они в основном и почерпнули криминальный опыт, видимо, внушили им еще одно, в итоге-то и сгубившее их стереотипное представление о многознающем и всеведущем сыщике, от которого, если уж ему попался, все равно не отвяжешься — лучше сразу признаться. Только здесь, в суде, они окончательно поняли, как опростоволоосились.

Хотя, конечно, и они, и все присутствующие в зале не могли не отдать должное профессиональной проницательности оперуполномоченного Андрея Глухова.

Интервью из-за решетки

— По глупости, конечно, попались, — говорят они мне в следующем перерыве.

— Но мы же никого не убили, даже не побили... Крови на нас нет... Сколько на свободе настоящих преступников ходит!..

— А вы не настоящие?

— Мы?.. Да какие мы преступники! Так, мелочь... Можно сказать, и не преступники...

— Причина того, что мы совершали — плохая эконономика, плохое социальное устройство. Стипендии вовремя не платили. Наши проступки — результат криминальной ситуации в стране в целом...

Так они рассуждали.

Нет, не притворялись они, не зубоскалили. Им, таким начитанным, умеющим хорошо говорить и прилично держаться, не знакомо чувство вины. И совесть в них не заговорила, и все тут! Потому что, по их убеждению, во всем, что они совершили, виновато государство и общество.

Они не просто инфантильны. Они начисто лишены правового сознания. И, при всей своей начитанности, не способны (хотя бы и притворившись) критически оценить все то, что с ними произошло.

— В камерах изолятора тесно, медобслуживание плохое. Напишите про это! Почему такое творится?

— Пусть правительство позаботится, чтобы навели порядок в тюрьмах. Так жить нельзя!

Ишь ты, заговорили лозунгами... Ощущение, будто учились в вузе только для того, чтобы уметь оградить себя от каких бы то ни было угрызений совести, оправдаться самим и обвинить государ-

ство во всех случившихся с ними бедах.

Вот они заявляют:

— А ведь мы могли бы закончить вуз, стать нормальными людьми... Нет, не дали нам доучиться!

— Но вы ведь сами себе помешали...

— Мы? Это обстоятельства жизни нас на такое толкнули...

Им всем от 22 до 25 лет. У кого-то родители уже пенсионеры, кто-то из многодетной семьи. С криминальной средой не соприкасались. Особых интересов и пристрастий, кроме бесконечного просмотра в общем-то однообразных боевиков, не проявляли. Хотя, не совсем так: один из них, по свидетельству любимой девушки, обожал компьютерные игры. Целыми днями, бывало, валялся дома на диване с игровой приставкой, плясь на экран монитора...

...По наблюдению криминологов, в общем массиве нынешней преступности рецидивная растет гораздо меньшими темпами, чем число новичков.

Это как раз те самые подростки мальчишки в масках, чьи полудетские игры в гангстеров плавно перетекают в спонтанно организованные бандитские налеты на квартиры и офисы.

Как остановить их?..

От редакции. Мосгорсуд приговорил студентов-налетчиков к 11 годам лишения свободы. С конфискацией имущества. ■

КОЗЕРОГ 22 декабря — 20 января

Вот мы и подошли с тобой, дорогой читатель, к "пику" нашей рубрики, который пришелся как раз на рубеж этого года и переход из XX века в XXI-й. Рубеж этот — месяц декабрь, соответствующий одному из самых интересных знаков Зодиака — Козерогу.

Научиться узнавать этот знак нетрудно, следует только немного потренироваться. Взять, к примеру, паука. Он не в состоянии угнаться за мухами, но все они попадают в его ловко сплетенную сеть. Еще один пример. В басне Эзопа медлительная черепаха упорно, никуда не сворачивая, ползет к цели, обгоняет быстрого зайца и приходит к финишу первой.

А теперь возьмем Козерога. Чаще всего его найдешь там, где он может продвинуться по пути своих тайных честолюбивых устремлений. На любом приеме он будет среди самых известных и самых богатых людей. Иногда его можно увидеть и среди менее известных и не столь богатых. Зато уж в кругу тех, кто ниже его по материальному и социальному положению, его не найдешь. В таких местах Козероги не водятся.

Козерог спокоен, он чаще наблюдает за происходящим издали, редко вмешиваясь в разговоры, а тем более в споры. Он прочно стоит на земле и сбить его с толку практически невозможно. Козероги упорно, никуда не сворачивая, идут к намеченной цели, не обращая внимания на осморбления и разочарования, и преодолевают все преграды. Нередко Козерог уступает и прощает, но это лишь хорошо продуманная тактика, направленная на достижение цели.

Козероги редко вмешиваются в чужие дела и не сплетничают. Никогда не станут они давать советы, если их об этом не

просят. Очень часто про Нозерогов говорят, что они женятся и выходят замуж по расчету. Это, конечно, преувеличение, но благоразумный Нозерог никогда не женится впопыхах, скоропалительно, основательно не подготовившись к этому событию.

Самые страшные враги Нозерогов — страхи, угрюмость и пессимизм. Те из них, кто стремится продлить себе жизнь, должны проводить больше времени на свежем воздухе, заниматься физическими упражнениями и выработать более оптимистичный взгляд на вещи.

Многим Нозерог кажется робким, доверчивым и мягким, возможно, лишь чуточкой упрямым. На самом же деле он научился хитроумно скрывать свое "я", добиваясь тайной цели — положения лидера.

Знаменитости, рожденные под знаком Нозерога: Морис Бенар, Вудро Вильсон, Барри Голдуотер, Эдгар Гувер, Жанна д'Арк, Марлен Дитрих, Галина Уланова, Поль Сезанн, Исаак Ньютон, Луи Пастер.

Из этого списка видно, что Нозерог — один из наиболее мужественных знаков Зодиака, так как в нем преобладают представители сильного пола. Из них мы выбрали человека, известность которого в свое время соперничала с популярностью нынешних звезд шоу-бизнеса, а уж сделал он для своей страны куда больше, нежели все они вместе взятые.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Слава и власть — его кумиры

В светской жизни Лондона в летний сезон 1834 года видную роль играл салон Каролины Нортон, привлекавший людей высшего света, включая крупных поли-

тиков и государственных деятелей. В этом салоне частым гостем бывал молодой человек, привлекавший внимание экстравагантной внешностью и острым умом.

Современники рассказывали, что он мог появиться в избранном обществе в бархатном широко распахнутом пиджачке весьма оригинального покроя и с кружевными гофрированными манжетами на рукавах. Оливкового цвета лицо имело правильные, чуть удлинённые черты, несколько выдающийся нос восточного типа ничуть не портил его. Черные волосы были напомажены, тщательно завиты и ниспадали локонами на плечи.

Таков был Бенджамин Дизраэли в свои тридцать лет. Он упорно искал важных и нужных связей, и вполне в этом преуспел. Часто ему удавалось знакомиться с министрами правительства — действовавшими, бывшими и будущими. Дизраэли производил на своих знакомых из этих кругов сильное впечатление не столько важным видом, сколько необычностью и оригинальностью суждений о современной политике, истории, литературе, религии. Однажды в доме Каролины Нортон он удивил своими познаниями даже давно ничему не удивлявшегося лорда Мельбурна — премьер-министра и весьма близкого доверенного лица юной королевы Виктории.

Почтенный лорд был многоопытным человеком, прекрасно разбирался в людях, верно оценивал их с первого взгляда. Дизраэли его сразу же заинтересовал. У него был ясный, резкий, логичный язык, которым он выражал свои мысли. А мысли были неординарны. Неожиданно лорд Мельбурн спросил Дизраэли:

— Ну, а теперь скажите мне, кем бы вы хотели стать?

Ответ был быстрым и ошарашил Мельбурна.

— Я хочу быть премьер-министром Англии, — сказал Дизраэли.

Его собеседник только усмехнулся.

Но говоря о намерении стать премьер-министром Англии, Дизраэли отнюдь не шутил. Ему нужна была власть, и власть самая большая, как бы ни нереально, несерьезно и, возможно, даже смешно ни выглядела тогда такая претензия.

По традиции этот пост занимали крупнейшие аристократы, титулованные владельцы земли или иных больших состояний. Семья Дизраэли к их числу, мягко говоря, не принадлежала. Семья была еврейской, а евреи в первой половине XIX века не пользовались полными гражданскими правами в Англии. Это означало, что возможности для Бенджамина сделать карьеру были ограничены.

Бенджамин Дизраэли родился 4 января 1805 года в Лондоне. Друзья убеждали Дизраэли-старшего, что сына нужно крестить и тем самым расчистить для него дорогу в жизни. Убедить его не составило большого труда, ибо он сам был неверующим, убежденным последователем Вольтера, а сын, унаследовав широту взглядов отца, был еще и Козерогом. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

2 июля 1817 года Бенджамин был крещен, и отныне его религиозной принадлежностью стала англиканская церковь. Проблема выбора для него жизненного пути волновала родителей больше, чем самого Бенджамина. Его устроили учеником в солидную адвокатскую контору, но юриспруденция для него была скучна, ему хо-

телось быстро добыть и славу, и деньги. Он стал легкомысленно играть на бирже вместе с товарищем и, естественно, проигрался, оназавшись в долгу примерно в 7000 фунтов стерлингов — сумма по тем временам очень большая. Так возникло бремя, которое росло всю жизнь, и от которого он освободился лишь на склоне лет.

Это был негативный итог. Позитивные же результаты этих авантур состояли в том, что Бенджамин хорошо узнал хитросплетения английской жизни, правила, по которым развивается бизнес, и прежде всего узнал человеческую натуру, понял, чего стоят люди его круга и как с ними следует иметь дело. Отсюда истоки невероятного цинизма, который впоследствии часто приносил Бенджамину преимущество в его борьбе за место под солнцем.

Знаменательно, что уже на этом, раннем, этапе Бенджамин начинает понимать значение для тех, кто стремится к власти и влиянию, опоры на простых людей. "Почему влияние миллионеров для всех очевидно, а роль "благородного интеллента" остается неизвестной и не удостоивается почета?" — ставит он вопрос. И отвечает на него: "Потому, что люди интеллента не изучают (и не учитывают) человеческую натуру простых людей". И делать это нужно следующим образом: "Мы должны смешаться с толпой, мы должны постичь их чувства, мы должны с юмором относиться к слабостям, мы должны сочувствовать их огорчениям, даже если этого не чувствуем, мы должны участвовать в развлечениях дураков. Да, чтобы управлять людьми, мы должны быть с этими людьми... Таким об-

разом, человечество — это арена моей большой игры".

Поскольку приложить интеллектуальные способности к решению государственных дел он пока не мог, Дизраэли бурно занялся литературой. Неудачи в других сферах жизни не деморализовали его, а, наоборот, придали новую энергию. За свою жизнь Дизраэли написал очень много стихов, поэм, рассказов, очерков, политических памфлетов и так далее.

Начало 30-х годов — время, когда закончились колебания между литературой и политикой, и Дизраэли принял окончательное решение добиваться своих целей: славы, власти и состояния, прежде всего действуя в сфере политики. С литературой не было полного разрыва, но она стала вспомогательным средством, занятием для души и для денег.

Для этого нужно было прежде всего завоевать место в парламенте. И он со всей энергией в 1832 году бросился в избирательную борьбу. За пять лет он предпринял четыре попытки стать депутатом палаты общин, и все напрасно. Избирательные кампании отняли много сил и стоили немалых денег. Долги выросли. Но воля у Дизраэли была сильная (Нозерог!), и он не капитулировал.

В это же время Дизраэли сформулировал свое отношение к браку. 22 мая он писал сестре, что в одном доме обратил внимание на девушку, которая имеет данные, чтобы стать его женой: "Между прочим, не хотела бы ты иметь невесткой леди Зет (Шарлотта Барти); она очень умна, имеет 25 000 фунтов стерлингов годового дохода и любит семейную жизнь. Что касается "любви",

то все мои друзья, женившиеся по любви и привлеченные женской красотой, или бьют своих жен, или живут отдельно от них. В этом буквально и состоит суть дела. Я могу совершить массу глупостей в своей жизни, но я никогда не буду пытаться жениться по "любви", что, я уверен, было бы гарантией несчастья".

В этом рассуждении нет часто встречающегося в письмах Дизраэли позерства и конкетства. Здесь он сформулировал свое истинное кредо по вопросу о браке, выкристаллизовавшееся на основе того, что он наблюдал вокруг себя. При этом сказался и своеобразный прагматический характер Дизраэли.

В период активного самообразования он много читал мыслителей прошлого, и они в значительной степени сформировали его мышление. В письме сестре Саре Бенджамин явно вторит французскому философу XVI века М. Монтеню. "Мне неведомы браки, — писал Монтень в "Опытах", — которые распались бы с большей легкостью или были бы сопряжены с большими трудностями, нежели заключенные из-за увлечения красотой или по причине влюбленности. В этом деле требуются более устойчивые и прочные основания... Удачный брак, если он вообще существует, отвергает любовь и все ей сопутствующее; он старается возместить ее дружбой".

Но это — рассуждения, а жизнь брала свое. Пришло время, когда целеустремленный и честолюбивый Дизраэли оказался настолько захвачен страстью, что игнорировал ущерб, причиняемый его поведением собственной репу-

тации, и на какое-то мгновение готов был принести в жертву чувству свои честолюбивые планы. Более того, были нарушены и внешние приличия: Дизраэли подолгу жил в доме своей возлюбленной — леди Генриетты, замужней дамы. Окончательно шокировал светское общество тот факт, что у мужа — сэра Френсиса — также был роман с некоей Кларой Болтон, и заинтересованные стороны договорились, что сэр Френсис не будет возражать против связи Генриетты с Бенджамином, а Генриетта, со своей стороны, дала согласие на его интимные отношения с Кларой.

Конечно, семья Бенджамина знала о его связи с Генриеттой. Дело зашло настолько далеко, что Генриетта пожелала познакомиться с семьей Дизраэли. Ее визит вызвал глубокое возмущение в местном обществе. Соседи возмущались тем, что Дизраэли, как свидетельствует Роуз, "пригласил в свою семью женщину, считающуюся его любовницей". На самом же деле в этом нет ничего удивительного: Козероги нередко пренебрегают общественным мнением, поскольку искренне считают себя выше подобных условностей.

Роман был слишком бурным и сложным, чтобы продолжаться долго. Биографы сходятся на том, что связь с Генриеттой была для Дизраэли очень трудной и серьезно подорвала его здоровье. Кроме того, любовь не могла навсегда вытравить из души Дизраэли его стремление к славе и власти. Постепенно, не без влияния семьи и друзей, он стал отдавать себе отчет в том, что связь с Генриеттой в том виде, какой она при-

обрела, причиняет ему большой морально-политический вред, подрывает его репутацию и может явиться непреодолимым препятствием для реализации его честолюбивых замыслов. Но прекращение романа с такой энергичной женщиной, как Генриетта, было делом весьма непростым. У очень немногих мужчин оказалось бы достаточно сил и воли, чтобы вырваться из танго запутанного положения. Дизраэли это удалось.

И тогда, и впоследствии Дизраэли интересовался преимущественно женщинами замужними и старше его по возрасту. Объяснять это только корыстными соображениями вряд ли было бы верно. Просто его натуре больше импонировали именно такие женщины. Просто Козерогу никогда не бывает достаточно только внешней привлекательности женщины, его избранница должна обладать еще и богатым внутренним миром, а это, как правило, приходит только с возрастом.

Трехлетняя связь с Генриеттой дорого обошлась Дизраэли в материальном отношении. Новые долги прибавлялись к тем, которые возникли в ранней молодости. Положение создавалось безвыходное. Оно и было одной из важнейших причин очередного ухудшения состояния здоровья Дизраэли. Наиболее трудными в финансовом отношении были для него 1836 и 1837 годы. Иногда положение было настолько сложным, что в перспективе маячила долговая тюрьма.

И опять-таки ситуацию и поведение Дизраэли необходимо рассматривать с учетом существовавших тогда в Англии нравов и

обычаев в тех кругах общества, к которым принадлежал Дизраэли. Большинство его друзей и знакомых по Вест-Энду были "по уши в долгах". Люди света тратили деньги зачастую безрассудно и залезали в долги к ростовщикам в расчете на то, что какое-то неожиданное наследство, выгодная женитьба помогут выпутаться. Надежды на авось в денежных делах, безответственные расчеты на то, что все как-то образуется, были своего рода традицией и даже модой в XIX веке у определенных слоев общества.

Даже все его неоднократные попытки пройти в парламент заканчивались неудачей в основном из-за недостатка денег для проведения избирательной кампании. Это, конечно, была проблема, но — не для Дизраэли.

Принципиально более важным было то, что в начале 1835 года Дизраэли пришел к выводу, что для проникновения в парламент нужна поддержка определенной политической партии. Позировать в роли "независимого", не похожего ни на вигов, ни на тори, критичная и тех и других, было присуще "исключительной натуре" Дизраэли, но нерезультативно. Три провала на выборах убедили его в необходимости примкнуть к определенной партии.

Положение Дизраэли в политических кругах укреплялось. Король поручил формирование нового правительства лорду Мельбурну. Влиятельным членом нового кабинета оказался старый знакомый Дизраэли лорд Линдхерст. Дизраэли стал его близким доверенным лицом, как бы неофициальным личным секретарем министра.

19 июня 1837 года скончался король, и юная Виктория была провозглашена королевой Англии. Перемена царствования влекла за собой роспуск парламента и новые выборы. Дизраэли шел на выборы уверенно, он уже обладал достаточной известностью. Восемь избирательных округов предложили ему выдвижение. Он остановил свой выбор на округе Мейдстон.

От Мейдстона в 1837 году были избраны в палату общин Левис и Дизраэли, оба консерваторы. Пять лет боролся Дизраэли за эту победу, потерпел на пути к ней четыре поражения, но в конце концов ум и воля восторжествовали. Перед ним открылось новое поле политической деятельности — парламентское.

Одновременно не без осложнений происходило и становление семейных отношений Дизраэли. Члену парламента в его возрасте было уже если не необходимо, то, безусловно, желательно жениться и обзавестись собственным домом. Была и привходящая причина — брак с состоятельной женщиной мог явиться средством решения все более осложняющихся финансовых проблем.

Брак по расчету? Полноте! Голый расчет — это не в стиле Козерогов, за этим фасадом обязательно должны быть эмоции, причем нередко гораздо более глубокие, чем у тех, кто полагается исключительно на чувства.

Вопрос о возможности жениться был в практической плоскости решен довольно неожиданно. Мэри Энн Левис осталась вдовой в 1838 году. Она родилась в уважаемой, но не очень знатной и влиятельной буржуаз-

ной семье. Вышла замуж за Уиндхэма Левиса, землевладельца и промышленника. Дизраэли впервые встретил ее у общих знакомых в 1832 году. Тогда его оценка новой знакомой была иронически-снепитической. Мэри Энн была малообразованной; по словам Дизраэли, она не знала, кто же раньше появился в истории — греки или римляне. Не обладала она и аристократическими манерами, хотя благодаря богатству мужа вращалась в высшем свете и завела там прочные связи. Она хвастала, и не без оснований, что когда у нее однажды был прием, то присутствовали 90 гостей, причем половина из них были лорды и леди.

Очень трудно определить, в каких случаях поступки человека диктуются чувствами, а в каких — иными соображениями. Часто эти мотивы переплетаются, что, кажется, и имело место в женитьбе Дизраэли. Считалось, что муж оставил Мэри Энн богатой, поэтому желающих жениться на ней было много. Для Дизраэли это обстоятельство играло важную роль. Замаячила перспектива наконец разделаться с долгами. Он мог сделать лучшую партию и в финансовом, и в других отношениях, и то, что он остановил свой выбор на 45-летней Мэри Энн, может означать, что, кроме расчета, действовали еще и чувства, поначалу игравшие вторую роль.

В феврале 1839 года у Дизраэли произошло неприятное объяснение с Мэри Энн. Он вообще был склонен к аффектации, а при выражении чувств особенно. Так было и на этот раз. В ответ на излишние заявления Мэри Энн заявила,

что его соблазняет не столько она сама, сколько ее деньги. Он крайне возмущен, наговорил резкостей, и ему было предложено покинуть дом. В тот же день он написал ей длинное и очень серьезное письмо, в котором подробно говорил о своих чувствах, а закончил его вежливыми, но твердыми фразами, смысл которых сводился к тому, что пройдет время и Мэри Энн пожалеет о том, что отвергла его.

Но Мэри Энн или играла, или проверяла Бенджамина и тут же написала ему, приглашая вернуться и утверждая, что он ее неправильно понял. "Он явно был привязан ко мне, — говорила позднее Мэри Энн, — хотел сделать предложение, но его смущала разница в нашем материальном положении. Однажды он провел со мной некоторое время, но так и не заговорил о сути дела. Я сама двинула дело вперед, положив свою руку на его и сказав: "Почему бы нам не соединить свои судьбы вместе?" И так получилось, что мы были помолвлены".

Типично для Козерога! Рассчитать все и выждать, пока объект расчета проявит инициативу и все сделает так, как было задумано.

28 августа 1839 года они поженились. Мэри Энн оказалась очень хорошей женой. Все свои силы и энергию она посвятила заботе о Дизразли, безоговорочно веря в его звезду. Он тоже казался хорошим мужем — чутким, внимательным, заботливым. Их брак, замышлявшийся по расчету, оказался браком по любви. Подтвердился принципиальный взгляд Дизразли на супружество, хотя вряд ли этот принцип можно считать бесспорным.

Бенджамин и Мэри Энн жили дружно, неизменно проявляли взаимное уважение, взаимопонимание, обычные супружеские ссоры миновали их дом. Жена помогла Бенджамину урегулировать наиболее срочные платежи (известно, что она уплатила по обязательствам мужа 13 тысяч фунтов).

В феврале 1846 года состоялись решающие дебаты в палате общин. В своей речи Дизразли указал на то, что из двух важнейших отраслей производства — сельского хозяйства и промышленности — преимущество должно быть отдано сельскому хозяйству. Здесь же он настаивал на укреплении монархии, заявив: "Мы должны найти новые силы, чтобы поддержать древний трон и существующую в Англии с незапамятных времен монархию".

Хотя Дизразли отстаивал исторически неперспективный курс, он вышел из этой борьбы с большим личным выигрышем и утвердился в партии и в палате общин как самый искусный и сильный оратор и один из ведущих деятелей-консерваторов. Однако лидерами партии люди автоматически не становятся. Необходимо, чтобы партийная верхушка, в которую входят самые влиятельные деятели, сочла, что то или иное лицо для нее приемлемо на посту лидера. На такое решение влияет сумма самых различных обстоятельств, как объективных, так и субъективных, причем первенство нередко принадлежит последним. В конце концов в 1849 году Дизразли достиг желаемого — стал лидером консерваторов в палате общин. Как отмечается в "Истории консервативной партии", "ли-

дерство в партии свалилось на Дизраэли из-за отсутствия конкуренции... Партия нуждалась в лидере. Ни один другой протекционист не мог превзойти Дизраэли по части ловкости и изобретательности в парламентских делах".

В конце 1848 года Дизраэли с женой обосновались в своем новом доме в Хьюгендине. Здесь они оба прожили до конца своих дней. В наши дни на автомашине до этого места можно добраться от центра Лондона примерно за час. Поместе известно по архивам со времен Вильгельма Завоевателя. В феврале 1868 года Дизраэли стал, наконец, премьер-министром. Его голубая мечта сбылась, цель жизни осуществилась. Многие люди могут похвастать такой удачей. Но счастье было достаточно быстро омрачено — в 1872 году умерла Мари Энн.

Несмотря на возраст и слабое здоровье, Дизраэли, теперь уже полноправный и неоспоримый лидер консерваторов, энергично проводил в жизнь свои политические принципы. Империалистическая политика Дизраэли импонировала шовинистически настроенным кругам в Англии, премьер стал их кумиром. Однако войны против Афганистана и зулусов на Юге Африки завершились тяжелым поражением Англии. К этому прибавились затруднения в сельском хозяйстве и экономический спад. И в 1880 году консерваторы на выборах были забаллотированы. Карьера Дизраэли на этом

закончилась. Он скончался в Лондоне от простуды 19 апреля 1881 года.

Дизраэли до сих пор чтут в Англии. Его считают основателем консервативной партии в том виде, как она в основном действовала на протяжении последних ста лет. Он сформулировал и впервые применил на практике принципы, позволяющие консерваторам в различных исторических условиях сохранять власть в своих руках. Наконец, Дизраэли провозгласил и осуществлял внешнюю политику империализма, во многих отношениях определявшую международные отношения конца XIX — первой половины XX века. Его апологеты утверждают, что он дал консервативной партии Англии двустороннюю единую политику "демократизма и империализма".

Английские правящие круги на протяжении последних 150 лет сохраняют свое господство, избегая крупных революционных потрясений, своевременно, применительно к меняющимся условиям, осуществляя не угрожающие их власти демократические преобразования. Во многом современная Англия обязана этим человеку, родившемуся под знаком Козерога.

Личность Дизраэли сложна и противоречива, как, впрочем, и любая другая выдающаяся личность. До сих пор историки находят в ней много загадочного и неясного. ■

‘Даруй
мне тишью

ТВОИХ
библиотек...”

Елена КЛЫКОВА

Равайте сначала вспомним не такие уж давние времена, когда чуть ли не единственным очагом культуры в небольших населенных пунктах были библиотеки. Да что там очаг культуры — в библиотеку ходить было престижно! О библиотеках слагали стихи, о них пели песни и писали художественные произведения. Правда, существовало еще и презрительное выражение “библиотечная крыса”, но это — от зависти и некомпетентности. Тем более что крыса, как показали последние научные исследова-

ния, существо умнейшее, почти ни в чем человеку не уступающее, а кое в чем и превосходящее "царя природы".

Да, недавно на полном серьезе говорилось: "Остается с моста в реку или бежать в библиотеку". И вдруг все разговоры прекратились в одночасье. Как будто библиотеки и демократия оказались совершенно несовместимыми понятиями, и чем более бурно развивалась вторая, тем скорее хирели первые. Люди перестали читать? Или все обзавелись личными библиотеками (благо книжный рынок предоставляет сейчас для этого практически неограниченные возможности, были бы деньги) и не желают ходить в "очаги культуры"? Или библиотеки закрылись за ненадобностью?

Ни то, ни другое, ни третье. Мы по-прежнему самая читающая нация в мире, только (как показывают социологические исследования) читаем совсем другие книги. И книг в доме стало больше только у тех, кто и раньше без печатного слова себе жизни не мыслил, а теперь готов скорее отказаться от хлеба, чем от книжки любимого автора. И библиотеки как стояли, так и стоят. Так что же произошло?

Можно, конечно, строить бесчисленные умозаключения (кстати, на довольно-таки прочном теоретическом фундаменте). Но ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Мне показалось разумным своими глазами посмотреть, что сейчас происходит в библиотеках. Самых разных — от обычной районной до обычной же центральной. И не только в Москве, но и за ее пределами.

Три экскурсии, три библиотеки. Абсолютно разные — и в чем-то очень схожие. В чем?

Об этом предоставляю судить вам самим, дорогие читатели.

Экскурсия первая. Для гармонии необходимо вдохновение

Почему? Потому что "Гармония" — это детская библиотека, созданная в Красногвардейском районе Москвы в 1973 году. "Вдохновение" же — библиотека для взрослых, основанная на двадцать лет раньше, когда на месте нынешнего "спальника" стояло несколько деревень, мирно паслись коровы и козы, а библиотека была единственным средством приобщения к городской культуре. А теперь...

"Библиотечный Эстетический Центр организован на базе двух библиотек-филиалов №137 "Гармония" и №159 "Вдохновение".

Унылые строки казенного циркуляра никак не передают обаяния той обстановки, в которую попадаешь, перешагнув порог одноэтажной пристройки к стандартной панельной девятиэтажке. Много света, много цветов, мягкие кресла... Со времени моего детства остался неизменным только запах — книги пахнут как-то особенно, неповторимо, и для книголюбов этот запах приятнее самого дорогого парфюма. "Книги пахнут временем и тленом", — всплыло в памяти невесть откуда залетевшее изречение. Что ж, если дым Отечества может быть сладок и приятен, то почему бы и запаху тлена не вызывать положительные эмоции?

Судя по всему, положительные эмоции это вызывает не только у меня. Центр работает со всеми — от самых маленьких читателей до самых взрослых. Проще говоря, от дошкольников до пенсионеров, причем последние составляют самую постоянную категорию читателей. Даже в недавние трудные годы, когда подавляющее большинство людей было озабочено проблемой куска хлеба, библиотека почти не потеряла своих читателей-почитателей. Так что слухи о падении культурного уровня все-таки сильно преувеличены.

Библиотеку "Гармония" ежегодно посещает свыше 20 тысяч человек. Библиотеку "Вдохновение" — 32 тысячи. Количественный аспект остается неизменным, а вот о качественном, наверное, стоит поговорить. Потому что маловероятно, чтобы в изменившемся обществе, в другом, по сути, государстве список так называемых "бестселлеров" оставался неизменным. Этого не может быть хотя бы потому, что этого не может быть никогда.

Но как же определить эти изменения? Основным "индикатором" является спрос на те или иные книги, который меняется в четкой зависимости от изменения обстановки в обществе. **Как ни странно, трудно удовлетворить спрос прежде всего на отечественную литературу.** Ее нет, потому что нет денег. А те немногие спонсоры, которые все-таки находятся, предпочитают давать деньги на интерьер или реставрацию уже имеющихся в фондах книг.

Молодежь читает то, что "положено" читать по программе. Но не все произведение целиком, как раньше, а только определен-

ные фрагменты. Какую пользу может принести такое выборочное чтение, догадаться нетрудно. И все-таки "план по читателям"... выполняется и перевыполняется. После нескольких лет растерянности и оторопи люди постепенно возвращаются к привычным способам проведения досуга. Телевизор может испортиться, кафе и дискотеки не всем по карману, тусоваться во дворах — надоедает. А вот скромное очарование библиотек, как выяснилось, не меркнет.

Помимо того, что людей тянет к книгам, их тянет друг к другу. Постулата о том, что "человеческое общение — это самая большая роскошь", пока еще никто не отменил. Снова популярны читательские конференции, диспуты, лекции. Но "живое" общение с писателями практически отсутствует: то ли писатели сейчас стесняются общаться с читателями, то ли считают, что за подобное мероприятие им должны платить. Вопрос остался без ответа.

Кстати, о деньгах. Заведующий библиотекой получает 1000 рублей, старший библиотекарь — 900. А начинающий сотрудник — не падайте в обморок! — 350. Комментариев не будет просто потому, что слов нет. Одни эмоции, да и те...

Можно было бы, конечно, поправить материальное положение библиотек, сделав их условно-платными. Четыре тысячи читателей, по 5 рублей в год с каждого — вот и 20 тысяч рублей на обновление и пополнение фонда. Но, во-первых, для многих читателей, особенно пенсионеров, и это нереально. А, во-вторых, нужно заполнить столько бумаг, написать столько

отчетов и выдержать приход стольких проверяющих комиссий, что лучше ничего не затевать. Я видела квитанции, которые должен заполнить библиотечарь, чтобы "оприходовать" штраф: рубль за каждый просроченный день. По-моему, бумага, на которой они напечатаны, обходится дороже. Нельзя без отчетности, украдут? Знаете, не верю. Люди, способные добросовестно — подчеркиваю, добросовестно! — работать за очень смешные деньги, не могут быть нечисты на руку. По определению. К тому же — люди, искренне любящие свою работу. Вот, например, документальное свидетельство одного библиотечаря:

"Ставлю на стол ящичек, в который я складывал формуляры вчерашних посетителей.

Беру чистый лист бумаги, начальными буквами обозначаю разделы книжного фонда: художественная литература, искусство, техника, учебники и т. д. Вынимаю из ящичка формуляр, нахожу вчерашнюю запись, ставлю точку на разграфленном листе бумаги. Вынимаю из ящичка формуляр за формуляром, ставлю точки, соединяю их линиями: четыре точки, четыре черточки — прямоугольник получился. Соединяю противоположные вершины прямоугольника диагоналями — получается "почтовый конверт". Полный "почтовый конверт" — это десять книг. Считаю "конверты", доли "конвертов" и ставлю в конце каждой графы итог, а потом подсчитываю, сколько всего книг было выдано за вчерашний день.

С разграфленного листа бумаги переношу цифры в клеточки библиотечного дневника. Сравниваю итоги вчерашнего дня с ито-

гами позавчерашнего. Радуюсь, если цифры растут, огорчаюсь, если они падают. Иной раз в такой восторг придешь от вчерашней выдачи — за семьдесят перевалило, елки-палки! — что в диком азарте стучишь кулаком по столу.

Есть у меня одна слабость: в дни рекордных выдач меня неудержимо тянет к последнему библиотечному дневнику моей предшественницы. Извлекаю этот дневник из ящичка моего письменного стола и начинаю сравнивать цифры. У нее в день 20 книг брали, в лучшем случае — 25. У меня 60 берут, а то и 70! А бывают дни, когда и до 100 доходит! До ста, черт возьми!"

Так какие же книги сейчас пользуются "ажитажным" спросом? Только не те, которые в свое время ходили по рукам в "самиздате"! "Запретный плод", перестав быть таковым, теряет свою сладость. Детektивами и современными любовными романами, похоже, уже насытились. Возвращаются к классике — нашей и зарубежной, к фантастике, к историческим романам. И это, наверное, правильно. Классика — это те произведения, которые выдерживают проверку временем. А оно имеет обыкновение все расставлять по местам.

Экскурсия вторая. Энтузиаст — вид вымирающий?

Помните, где искала себе мужа одна из героинь культового фильма "Москва слезам не верит", которую играет Ирина Муравьева? Правильно, в читальном зале библиотеки. Не районной, разумеется, а научной. Именно

там собирались "сливки" столичного интеллектуального общества, именно там должен был "тусоваться" уважающий себя человек. Так оно и было на самом деле: без читального зала научной библиотеки нет и не может быть научного сотрудника, а значит — и науки. Тогда ведь об Интернете слыхом не слыхивали.

Теперь рекламой этого самого Интернета под завязку забиты все средства массовой информации. Конкуренция библиотекам создалась, что и говорить, мощная, но... Но библиотеки ее почему-то не ощущают. Как стояли очереди в читальные залы, так и стоят, как нужно в них было занимать место и заказывать нужную книгу чуть ли не с вечера накануне, так все и продолжается. Если что-то в этом мире и изменилось к худшему, так это положение сотрудников библиотек, которое, повторюсь, никогда не было блестящим.

Про заботы и проблемы Ленинской библиотеки написано сегодня так много, что создается впечатление, будто кроме этой "кузницы научных кадров" другой не существовало и не существует. Ничего подобного! Была и есть, например, Историческая библиотека, работать в которой в свое время считалось даже более престижным, ну уж по крайней мере, — изысканным. Старинное здание в одном из переулков в центре Москвы, небольшие залы, узкие, извилистые коридорчики... Что стало с "Историчной" теперь, когда слова "ученый" и "нищий" оназались практически синонимами?

А ничего особенного — как стояла, так и стоит. Если и был

какой-то спад интереса к науке и, следовательно, посещаемости ее залов, то он пришелся на начало 90-х годов, когда мы чувствовали, что обществу, даже интеллигенции, не до культуры вообще и не до библиотек в частности. Тогда как раз мы воочию видели кризис академической науки: число людей, занимающихся научными исследованиями, явно пошло на убыль. Ну и еще абсолютно отсутствовали ученые из провинции, которые приезжали работать в центральные библиотеки. Денег не было на такие поездки, да и многие ученые стали заниматься совсем другими делами, мягко говоря, далекими от науки.

Это продолжалось примерно до 1997 года. Но если говорить о востребованности Исторической библиотеки, то она на самом деле не пропадала. Потому что одновременно с этим шел очень активный процесс изменения системы образования. В частности, вузовской системы образования. Еще нет новых методик, новых подходов, но уже ясно, что есть новые сюжеты. Вместо "Истории партии" появилась социология и футурология, вместо старых учебников студентам предложили работать с новыми источниками, в том числе — с дореволюционными, то есть теми, которые исполнен венов хранились под грифом "ДСП". И Историческая библиотека, обладающая большими фондами, сразу почувствовала это, потому что пошел процесс наплыва студенческой молодежи.

Да, большие фонды имеются также и в Институте научной информации, но там жестко ограничивают посещение, допуская только уже дипломированных сот-

рудников. Студенту, например, туда попасть практически невозможно. "Ленинка"? Те же достаточно строгие лимиты, создающие замкнутый круг: пока нет диплома, не попадешь в научную библиотеку, а без этого довольно трудно получить диплом. В Исторической библиотеке таких ограничений нет, в общие залы допускаются все желающие: был бы паспорт да две фотографии установленного образца.

К тому же академическая наука очень быстро вернулась к своему нормальному статусу. Ученых не стало меньше, просто они стали заниматься другими вещами. Не стану рассуждать на тему о том, насколько нужны и полезны для общества те или иные научные изыскания — это тема для отдельной статьи. Но ведь художественную литературу читают не для того, чтобы получить "корочки", а с какими-то иными целями. Представьте себе, есть люди, для которых архивные документы и старинные манускрипты представляются куда более увлекательным чтением, нежели все детективы с любовными романами вместе взятые.

Обязательно следует сказать о том, что у библиотечарей появились новые проблемы, новая тематика, о которых раньше никто и не подозревал. Информатика, например, или органомина. Для читателей это — естественное расширение научных горизонтов, а для библиотек — новая головная боль: вопрос обеспечения литературой по этой тематике, по этим проблемам. И не просто обеспечение, а еще и умение разбираться в соответствующей литературе, что тоже требует немалых усилий.

Это когда-то библиотекари могли быть (и были!) энциклопедически образованными людьми, так тогда и энциклопедии были в сотни, если не в тысячи раз менее объемны и информативны. А некоторые исторические направления, например, историю предпринимательства в России, приходится если не начинать с нуля, то уж точно собирать чуть ли не по крупицам. Кому еще совсем недавно могло прийти в голову изучать деятельность "эксплуататоров и кровососов"? Только патентованному сумасшедшему.

Впрочем, любителей чтения, тем более — серьезного, научного, в России никогда нормальными и не считали. Удивительный парадокс: мы действительно самая читающая страна в мире, а слово "интеллигент" у нас почему-то ругательное. Вот уж точно: умом Россию не понять. Сначала квалифицированные рабочие и шоферы получали в несколько раз больше научных сотрудников: конкурсы в высшие учебные заведения были запредельными. Теперь любой, даже самый мелкий коммерсант — Крез по сравнению с ученым: очереди в читальные залы научных библиотек не уменьшаются. Число читателей Исторической библиотеки каждый год увеличивалось на 30 процентов, к сегодняшнему дню она уже работает на пределе посещаемости, на некоторые книги нужно записываться в очередь чуть ли не за месяц вперед. В библиотеке сейчас зарегистрировано 30 тысяч человек, это стабильная цифра. Ежедневно приходит 600-800 человек, и это уже потолок, потому что библиотека — не ресторан, и попав в читальный зал,

люди оттуда, как правило, не уходят "до упора".

И это называется снижением культурного уровня общества...

А между тем библиотека рассчитывает только на госбюджет и живет только за счет его со всеми вытекающими из такого положения последствиями. Нинаких платных услуг "Исторична" не оказывает, разве что зарабатывает какие-то крохи на ксерокопировании и микрофильмировании, хотя в последние годы уже даже не жила, а выживала, потому что фактически деньги отпускают только на зарплату, а какая зарплата в библиотеках — всем известно. А робкие попытки как-то выправить ситуацию приводили к смешным и одновременно очень грустными ситуациям.

По законодательству библиотека — государственное учреждение и брать с читателей даже символические деньги не имеет права. То есть ДЗЗ, например, может брать с граждан деньги за справки по своему усмотрению, а библиотека — ни под каким соусом. Как же, очаг просвещения, несет культуру в народные массы и вдруг — презренный металл. Фи! Поэтому, когда в самые трудные годы не было денег на оплату работы гардероба, пришлось за это брать плату с читателей — чисто символическую, эквивалент нынешним 50 копейкам, — то поднялась самая настоящая волна протеста, хотя пенсионеры проходили бесплатно. Одна газета даже напечатала фельетон о "коммерсантах от науки", где директору "Исторички" предлагали "заведовать не библиотекой, а платным туалетом". Очень остроумно! Предполагалось, очевидно, что

сотрудники библиотеки должны бегать от стойки выдачи к гардеробной стойке, тогда все приличия были бы соблюдены.

А если серьезно, то наше общество абсолютно не готово к тому, чтобы платить за всегда бесплатное. Точнее, за то, что мы привыкли считать бесплатным. Поэтому моральные потери библиотеки оказываются гораздо больше, чем те гипотетические доходы, которые можно было бы получить. Конечно, при наших средних зарплатах любая платная услуга выглядит форменным издевательством над людьми, но это уже другой вопрос.

Одно время контингент читателей Исторической библиотеки помолодел: люди старше 20 лет больше искали способы заработать, чем занимались научными исследованиями, но потом все вернулось на круги своя — фактически к доперестроечным временам. В основном это произошло потому, что люди пенсионного возраста, пережив первый шок, стали искать "противоядие". Одним из таких антистрессовых средств стали исторические и генеалогические изыскания. Что ж, наверное, это лучше, чем ничего. Точнее, то, что может предложить государство своим гражданам, вышедшим на заслуженный отдых.

Для того, чтобы записаться в библиотеку, нужно иметь — в идеале — диплом о высшем образовании. Но и для взрослых людей со средним образованием проблем нет. Есть проблемы для студенчества, для студентов младших курсов неисторических вузов, особенно коммерческих, потому что они создаются гораздо быст-

рее, чем библиотечная база в них. У большинства юридических вузов, например, нет библиотек вообще. То есть число студентов растет быстрее фондов. Но и это еще не самая главная проблема.

Самая главная, самая острая проблема во всех библиотеках сейчас — это нехватка кадров, потому что на такие оклады никто не идет. Люди без высшего образования получают 550 рублей, заведующий отделом с образованием получает 1000 — 1100. Удивительно не то, что библиотекари бегут, удивительно, что кто-то остается, особенно если учесть, что некоторые получают ровно столько, сколько стоит проездной билет. Ну, может быть, останется что-то пару раз перекусить в местном буфете. Комментарии, по-моему, излишни.

По-видимому, одновременно с сокращением числа библиотекарей будет сокращаться и продолжительность работы библиотек, где — не падайте в обморок! — еще совсем недавно ориентировались на установленную еще в 1918 году традицию: библиотеки должны работать с 8 утра до 11 вечера без выходных. Теперь будут работать с выходными днями, с 10 утра и до 8 вечера, что тоже далеко не подарок при наплыве читателей. Потому что если приходит 50-70 человек в день — это нормально, а если больше, то один библиотекарь не справляется, а второго просто нет. Люди перерабатывают, возникают стрессовые ситуации, и весь этот комплекс проблем опять решается исключительно за счет энтузиастов. Так ведь энтузиасты сегодня — это вымирающая популяция, а дальше что?

У истоков науки и культуры у нас, как всегда, находятся нищие. По-видимому, кто-то из руководящих товарищей слишком буквально понимает библейское изречение "Блаженны нищие духом". А общество без библиотек не может нормально жить и развиваться, потому что — нравится нам это или нет — всегда будут люди, для которых шуршание страниц в тиши библиотек самое предпочтительное времяпрепровождение. Библиотеки не исчезнут, пока есть такие люди, но их, библиотек, существование вряд ли можно будет назвать безоблачным.

Надежда, конечно, умирает последней...

Экскурсия третья. А как в провинции?

Третья библиотека располагалась уже не в столице, а в некотором от нее отдалении. Не в "глубинке", конечно, но... Но грустный парадокс нашего времени состоит в том, что стоит сделать буквально несколько шагов за пределы Московской кольцевой автодороги, как попадаешь совершенно в другой мир (чуть не сказала — в другое измерение), ненамного отличающийся от всей российской провинции. Увы, сердце нашей Родины, дорогая наша столица, живет совсем в ином ритме, нежели периферия. Любая.

Уж где-где, а на этой самой периферии библиотеки, они же избы-читальни, давно были действительно чуть ли не единственным культурным центром (если, конечно, не считать клубов с кинозалом). С кинозалами, равно как и с клубами, мягко говоря, и сегодня

плохо, а вот библиотеки отнюдь не утратили свое значение как культурные очаги. Библиотека теперь — это центр информации, а духовное начало — на втором или даже на третьем плане. Плохо? Почему? Неужели потому, что у нас чуть ли не век был явный "перекос" в сторону этой самой духовности? Так немного информированности народу, ей-Богу, не повредит.

Если сравнить библиотеки с кинотеатрами, музеями, клубами, мне кажется, что библиотеки на данном этапе развития нашего общества отнюдь не утратили свое главенствующее значение, опять-таки из-за первостепенной важности информации. Прежде всего потому, что все поменялось: наши оценки, политический курс, общественная система. Пришло новое: учебники, учебные заведения нового типа, организации, новые рабочие места. По всему этому не хватает элементарных учебных пособий. Денег у людей не так уж много, чтобы покупать книги в личное пользование, хотя выпускается сейчас практически все, что необходимо и даже сверх того. Нужна книга или справочник на время или на один семестр, следовательно, люди обращаются в библиотеки, которые поэтому вышли на первый план по сравнению с другими культурными учреждениями.

Другими словами, библиотеки являются самыми "продвинутыми" среди культурных учреждений и в плане приспособляемости к современным условиям жизни изменившегося общества. Когда "вырубилась" Останнинская телебашня, жители подмосковного городка Видное это пережили: других

забот хватало даже пенсионерам. А вот когда с полгода тому назад не столько по техническим, сколько по финансовым причинам "вырубилась" местная библиотека, народ чуть было не взбунтовался. Пришлось местным властям принимать экстренные меры. Обошлось.

Во взрослой библиотеке примерно 4 тысячи читателей, в детской — около 3,5 тысяч. Число читателей за последние несколько десятилетий не изменилось, но... Но если раньше их нужно было заманивать, завлекать, проводить какие-то несусветные кампании по подписке в библиотеку, то теперь возник самый настоящий "ажитажный спрос" на услуги библиотеки. Почему?

Во-первых, наверное, потому, что личные библиотеки, по-видимому, отошли в прошлое. На какое-то время. Те, у кого есть деньги, книгами интересуются постольку-поскольку, а те, кому книги интереснее всего остального, деньгами, скажем так, не обременены. Остается... правильно, идти в библиотеку.

Во-вторых, людям трудоспособного возраста читать сейчас некогда. Я имею в виду серьезную художественную литературу. Рабочие места, на которых можно часами упиваться толстыми журналами (вариант — решать кроссворды или вязать нофточки), остались где-то далеко в прошлом. Зато появилась настоятельная потребность постоянно повышать свою квалификацию, если уж нашлась стоящая работа. Где учебники? Правильно, в библиотеке. Ну, и так далее.

Поэтому основной контингент местной библиотеки — учащиеся

и пенсионеры. С учащимися все понятно, а пенсионеры читают по привычке. Есть у них такая давняя традиция — читать для души. Ни на подписку, ни на покупку книг у них денег нет. И далеко не все — что бы там ни утверждали средства массовой информации, — не мыслят себе жизни без очередного "мыльного сериала". Очень даже мыслят.

Библиотека сейчас, в основном, — это центр информационной поддержки образования, — так считает ее директор. А еще ей представляется, что "для души" найти литературу сейчас очень трудно, поскольку ощущается явный дефицит современной настоящей прозы. Создается впечатление, что сейчас писатели пишут не столько для людей, сколько для себя, для какой-то узкой "тусовки". С этим трудно не согласиться: писать просто и доступно многие признанные "мэтры" считают ниже своего достоинства. Не дай Бог, кто-то заподозрит в отсутствии интеллектуальности. А от излишней сложности порой — один шаг до скуки, которую, например, Стендаль считал синонимом бездарности. И сделать этот шаг очень легко.

Изменились школьные программы — изменились и читательские требования к художественной литературе. То есть "программные" авторы остались, но приоритетные произведения — поменялись. Например, вместо "Матери" Максима Горького спрашивают "Фому Гордеева". Маяковский тоже как бы отошел на второй план. А вот "Разгром" Фадеева по-прежнему фигурирует в списках обязательного чтения для старшенкласников и вызывает до-

полнительную головную боль у сотрудников библиотеки: книга не переиздавалась с незапамятных времен и несколько сохранившихся экземпляров уже могут поспорить по степени обветшания с древнеегипетскими папирусами.

Еще одна проблема для библиотекарей — работа с новой литературой. Потому что некоторые термины — "органомина", например, — нужно еще понять, прежде чем сможешь подбирать по ней литературу. Внезапно вспыхнувшая любовь к пышным иностранным терминам там, где вполне можно обойтись привычными русскими словами, не облегчают положения.

Что же, собственно говоря, может облегчить, улучшить положение библиотек и библиотекарей? Увы, спасение утопающих в данном конкретном случае — дело рук самих утопающих. Вот библиотеки и крутятся, как могут. Например, в видновской библиотеке используют все еще существующие очереди на некоторые книги. Тут уже возникает возможность немножко заработать: ввели платный (символически — 8 рублей в месяц) абонемент на внеочередное чтение дефицитной литературы. На вырученные деньги можно как-то обновить книжный фонд.

Что же касается "живого" общения с читателями, то эта форма общения на какое-то время захирела: всем некогда, всем не до того, развлекаться предпочитают как-то по-другому. Но потихонечку все возвращается на круги своя — проводятся встречи с писателями, конкурс чтецов, поэтические конкурсы... Существует множество очень талантливых лю-

дей, которые не востребовааны. А тут — возможность себя показать, людей посмотреть. Нет, не все внимание людей приковано к телевизорам, далеко не все.

Что касается окладов... Повторяюсь, оклады на грани физического выживания. И все равно люди работают не за страх, а за совесть, и если чего-то и просят у руководства, то возможности получить новые книги и журналы, а не прибавку к зарплате. В общем, слухи о падении духовности (равно как и уровня культуры) в России сильно преувеличены. Непонятно только, кем и зачем.

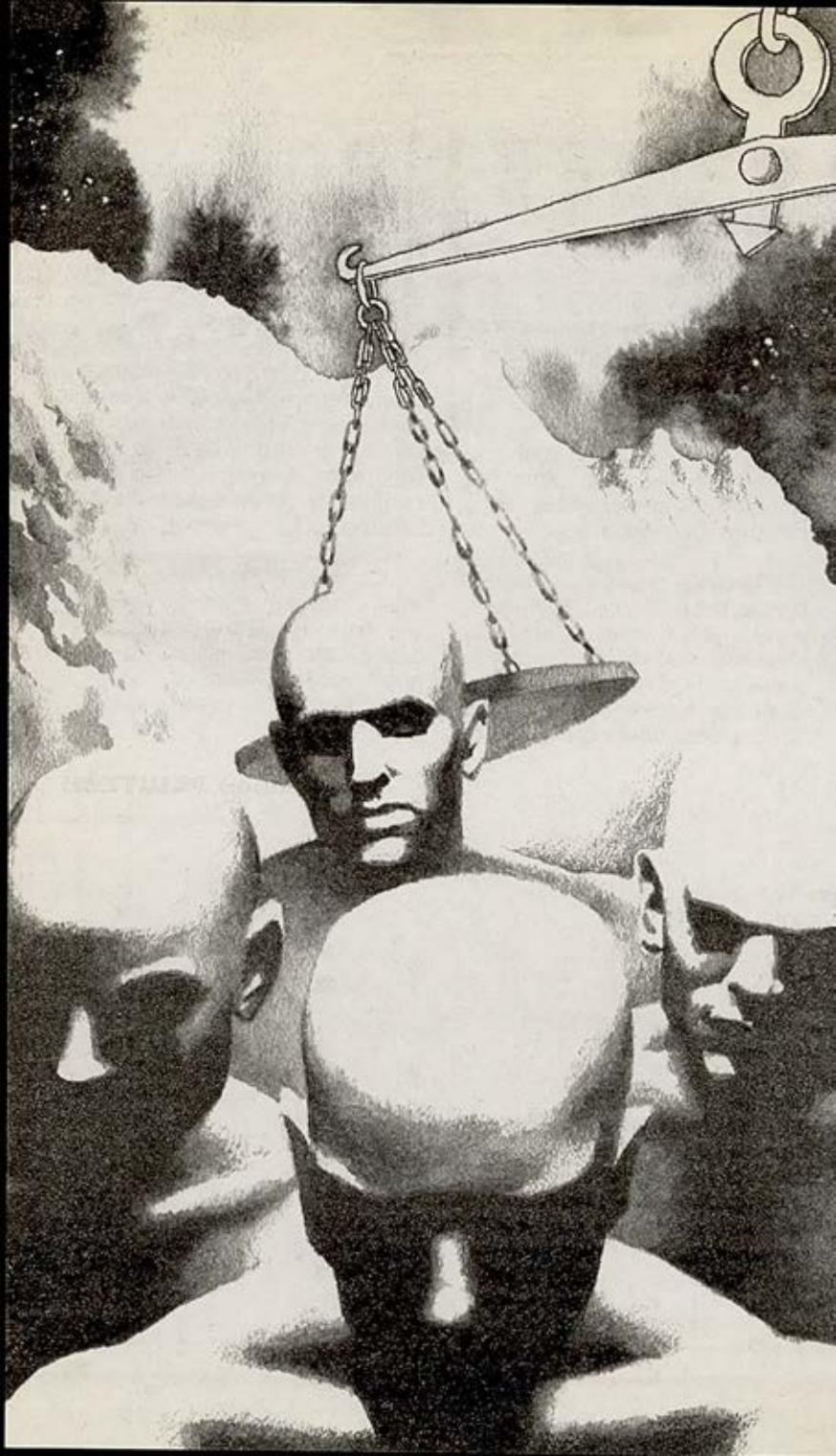
Почему я решила написать о библиотеках? Вопрос достаточно интересный, а ответ на него простой: практически все, с кем я общалась при сборе материала, — люди моего круга, нашего круга, то есть читающие люди. А читаю-

щий человек без библиотеки — это нонсенс, абсурд.

Спонсоров у библиотек, естественно, никаких нет. Это на "дином Западе" можно основывать библиотеки своего имени, там это престижно. А у нас пока еще руки не дошли и мозги не додумали. То есть полстраны, без преувеличения, пользуются услугами библиотек, в театры ходят значительно меньшее число людей, но спонсировать актеров как бы престижнее, чем библиотечкарей. Да и кому придет в голову вкладывать средства в "библиотечных крыс"? Смешно, право, и перед людьми стыдно.

Кстати, 27 мая — День библиотек. Отмечается, между прочим, уже пять лет. Кто-нибудь что-нибудь об этом слышал кроме библиотечкарей? Сомневаюсь.

В интересной стране живем, ребята. ■

Александр ЭКШТЕЙН

рисунок **Алексея Остроменцкого**

ЛПД — люди полной луны!

Смерть — это не конец, а начало, это робкий огонек, утративший возможность погаснуть. Смерть — это любовь. Тот, кто испытывает страх перед смертью, после ее свершения получает этот запредельный страх. Тот, кто испытывает к ней ненависть, в ответ получает посмертную ненависть. Смерть — мстительная женщина. Самоубийцы, спешащие в объятия смерти, лжецы, они не любят смерть, они просто боятся жизни. Смерть нужно любить чувственно, человек должен испытывать к ней сексуальное влечение, как его испытывают повешенные. Если палачи не идиоты, то там, где вешают, нельзя устанавливать помост, под вздернутым должна быть земля. На том месте, где прольется его семя, вскоре вырастет корень мандрагоры... Я улыбаюсь. Я повесил этого человека по всем правилам эротического искусства. Внизу земля, а он, словно экзотический плод любви, висит на дубовой ветке. Я добр к людям, и я улыбаюсь, когда помогаю им встретиться со смертью правильно.

Глава первая

— Н-да, — произнес Самсонов, — повесили скромного человека, законопослушного горожанина, и ни одной зацепки.

Степа Басенок, Слава Савоев и новенький в оперативной группе Николай Стромов сидели в кабинете полковника и внимательно смотрели на портрет президента России у него за спиной.

— Ну, и что вы молчите? — спросил у оперативников Самсонов. — Повешен человек и, должен вам сказать, как-то по ритуальному повешен.

— Кришнаиты, их почерк, — на всякий случай выдвинул первую версию Басенок, но, взглянув на Самсонова, сразу же, хотя и неохотно, отказался от нее. — Или сам повесился.

— Со связанными руками влез на дуб и повесился? — усмехнулся полковник.

— Надо проверить, — вмешался Слава Савоев. — Может, он в цирке многие годы работал иллюзионистом-акробатом.

Николай Стромов сидел молча. Он с удивлением слушал разговор полковника с оперативниками и ничего не понимал. Ему казалось, что над ним или смеются, или принимают за дурака, но, решив не обращать на это внимания, произнес:

— Кстати, квартиру убитого, Леонида Кузьмича Клунса, тоже обворовали. Она стояла на охране, но все равно пострадала.

— Вот, — обрадовался Басенок, — его обворовали, он расстроился и, вспомнив цирковое мастерство, повесился.

— Хватит, Басенок, — хмуро оборвал Степу Самсонов. — Давай по делу.

Степа согласно кивнул головой и стал докладывать.

* Первая книга трилогии — "Солнечный убийца" — была опубликована в "Смене" № 12, 1999 г., вторая — "Тибетские качели" — № 8, 2000 г.

— Леонид Кузьмич Клунс, сорок пять лет. Родился у нас в городе, но затем уехал и двадцать лет проживал в Москве...

— ДИССИДЕНТ, — веско охарактеризовал его Савоев и с опаской посмотрел на Самсонова.

— Вот вам и первая зацепка, — не обращая внимания на Славу реплику, обрадовался Самсонов, — в Москве. То есть никакая это не зацепка, а стопроцентный “глухарь”.

— Точно, — согласился с ним Слава Савоев. — Москва столица нашей Родины, сердце России.

— Печень, а не сердце, — поддержал разговор Николай Стромов.

— Три года назад Клунс вернулся в Таганрог и поселился в трехкомнатной квартире, оставшейся от родителей. Это по улице Дзержинского... — Степа сделал паузу и, оглядев присутствующих, продолжил: — Леонид Кузьмич действительно скромный человек, в смысле законопослушный горожанин...

— Не обезьянничай! — прикрикнул на Степана Самсонов. — Говори по существу.

— Банда квартирных воров под руководством Комбата действительно брала квартиру Клунса. Вместе с ними был вьетнамец Хонда, данные по которому нам поступили из Москвы. Они взяли в квартире Леонида Кузьмича много старинных предметов, в том числе и культово-религиозных, из драгметаллов. Предметы культа не относились к христианству, какие-то сектантские прибаломбасы с индуистским уклоном... — На этом месте Степа со значением бросил взгляд на Самсонова. — Их сбытом занимался Италия, наш городской “законник”, но это предположительно, никто из шниферов по нему показаний не дает. Хотя, конечно же, Италия не мог быть не в курсе, это раз, а во-вторых, у него связи есть везде, он же специалист по антиквариату.

— Италия серьезный противник, — покачал головой Самсонов и спросил у Басенка: — Ну, а что о Хонде известно?

— Ничего, кроме того, что известно, — развел руками Степан. — Исчез. Почти все из задержанных домушников утверждают, что он потерял интерес к кражам сразу же после ограбления квартиры Клунса, ну, а Клунса вчера, точнее сегодня во второй половине ночи, повесили. Можно делать выводы.

— Никаких выводов, — отмахнулся от его слов Самсонов, — звонил Хромов из Москвы, говорит, что по Хонде будет работать его человек. Он уже давно выехал к нам, но что-то не появляется, втихаря, наверное, работает, негоже это, надо его выследить.

— Выследим, — заверил полковника Савоев, — и высушим.

— В смысле? — вскинул голову Самсонов. — Ты смотри у меня, Савоев, — на всякий случай пригрозил он Славе, — а то я тебя так высушу, что усохнешь до сержанта и будешь работать в медвытрезвителе. Понял?

— Да, — кивнул понятливый Слава. — Тогда давайте Италию потрусим хорошенько.

— Можно и потрусить, — согласился Самсонов, — но это крепкий орешек, почитай досье на него, перед тем как трусить.

Таганрог, конечно, город еще тот, непредсказуемый. Впрочем, как и Москва, впрочем, как и любой другой город, как и любое другое село, как и вообще жизнь на планете Земля.

Изощренно-циничный, подловато-умный, истерично-самоуверенный и по-блатному респектабельный вор в законе Геннадий Кныш по кличке Италия обладал в городе неограниченной властью среди уголовного сословия. Ему нравилось быть вором, нравилось качество уважения, которым его окружала жизнь. Фактически он был хозяином теневой части города, королем ночного Таганрога, одним-единственным “вором-законником” в городе. Никто не мог покуситься на его власть. Деньги, дом, красивая жена, многочисленные девочки-однодневки. Любая его команда выполнялась на полусогнутых, на “цырлах”, как говорят “филологи” российского рецидиво-опасного разлива. Италия любил Таганрог. Любил за тепло и солнце, породившие город, за тихую и безмятежную жизнь в нем. Вот и сейчас он прогуливался по улегшимся меж домов теплым улицам, без охраны, один, как простой горожанин. На шее Италии висела золотая цепь, четыре перстня украшали пальцы рук, массивные “тигриноглазные” часы обрамляли запястье левой руки с обычной для дорогих вещей солидной скромностью. Карман, на всякий случай, оттягивала взятая пачка денег пирамидоглазого достоинства. Уже на подходе к ресторану “Вишенка” он услышал громкие крики и поморщился, так как не любил хулиганства и строго карал за него своих подданных. Вывернув из-за угла переулка, он увидел группу подростков, яростно отстаивающих между собой свою формирующуюся точку зрения на жизнь с помощью кулаков, ног, время от времени подымаемых с земли палок и прочих предметов быта, выброшенных за ненадобностью на улицу. Когда Италия вышел на арену битвы, один из подростков, долговязый и длинноволосый, наносил эмалированной дырявой миской для стирки удар по голове другого, рыжеволосого и круглолицего.

— А ну брысь, сявки! — гаркнул Италия. — А то уши пообрываю.

Подростки как по мановению волшебной палочки прекратили междоусобную драку и заинтересованно подошли к Геннадию Кнышу.

“Уважают”, — удовлетворенно подумал Италия и грозно спросил:

— Я сколько раз предупреждал, чтобы в радиусе пяти километров вокруг моего дома никаких драк и всякого хулиганства не было. Что вы не поделили?

Подростки недоумевающе переглянулись между собой, с изумлением посмотрели на “короля” и, не сговариваясь, стали его бить.

— Ох! — вскрикнул Италия, получив удар в ухо. — Да я вас... — Но удар в челюсть прервал его возглас на полуслове. — Ох! — Кто-то ударил ему ногой между ног. — Ну все... Ох! — Приложились к его второму уху.

Когда Италия очнулся, вокруг уже никого не было, а вечер давно ушел в прошлое, оставив территорию города на попечение ночи. Он сел, затем, держась руками за землю и пошатываясь, встал на ноги. Часов на руке не было, и перстни пропали, но золотая цепь чудом сохранилась. Он хлопнул себя по карману, денег тоже не было. “Позорище, — раздраженно подумал Италия. — Малолетки пахана ограбили”, и медленно пошел в сторону ресторана. Оставалось лишь пересечь густопоросший деревьями сквер. Неожиданно с ним поравнялись двое молодых подвыпивших парней.

— Эй, мужик, дай прикурить, — обратился к нему один из них и, окинув взглядом, спросил: — Тебя КАМаз переехал?

— Ты как со мной разговариваешь? — возмутился Италия. — Фраер недоброкачественный!

— Ого! — Парень прямым тычком кулака отправил Италию в нокдаун. Его приятель, не долго думая, ударил “короля” ногой между ног.

“Ох!!!” — взорвалось в голове Геннадия Кныша, и он потерял сознание.

Очнулся Италия в окружении сквера и глубокой ночи. “Ни хрена себе, погулял перед ужином”, — подумал он, стал ощупывать себя, не подымаясь с земли, и почти сразу обнаружил отсутствие на себе брюк стоимостью триста долларов и сандалий “Саламандра” стоимостью двести долларов. Плавки были на месте. Италия сел, ухватился рукой за молодое деревце каштана и, качаясь, встал на ноги, не выпуская каштановый ствол из рук. На этот раз золотая цепь не сохранилась. Немного придя в себя, Италия стал пробираться к своему дому. Он был в светлых плавках, разорванной рубашке и белых носках, поэтому, подойдя к освещенному шоссе, затаился в кустах, выжидая, пока оно станет абсолютно пустынным. Он увидел, как проехал джип с его охраной, и понял, что его уже разыскивают. Но в таком виде Италия не собирался никому показываться на глаза. Он незаметно пересек шоссе и углубился в запутанную сеть переулков городского района “Соловки”, решив к своему ярко освещенному особняку подойти дворами — с тыла. Кныш с трудом одолел штакетный забор соседа и, нагнувшись, стал пробираться через его двор к своему забору, где был небольшой лаз. Он был почти у цели, но вдруг почувствовал опасность и из последних сил рванулся к лазу. Ему не надо было оглядываться, он знал, что это была овчарка соседа. Кныш быстро юркнул к себе во двор, но овчарка все же успела разорвать ему сзади плавки и поранить ягодицы. Италия тяжело рухнул на клумбу с ирисами, благо позади дома было темно, и пополз к окну спальни. Держась за стену дома, он, тяжело, с хри-

пом дыша, стал подниматься на ноги, но вдруг перед ним вспыхнул свет.

— Ничего себе! — услышал Италия хорошо знакомый ему голос оперуполномоченного Савоева. — Тебя изнасиловали, что ли, Кныш, или я ошибаюсь?

Ярко освещенный, прижавшийся лицом к стене своего дома, окровавленный голый король ночного Таганрога ничего не ответил. Все его тело сотрясалось. Он громко, вздохнул, как в детстве, рыдал.

Глава вторая

Приехав в Таганрог, Саша Стариков не стал официально представляться. Он снял флигель в частном секторе городского района "Богудония" и под видом отдыхающего начал осматриваться. Во-первых, его интересовал Хонда, а во-вторых, сам город, но этого он не мог объяснить даже самому себе. Город как город, обыкновенная приморская дыра с промышленным уклоном. "Сочи в центре металлургического комбината", — с усмешкой думал Саша. Но эта усмешка была вторичной, город все-таки очаровывал и даже слегка пугал. В его улицах почти физически ощущалась какая-то потусторонность. Впрочем, Саша не обращал на это внимания. Чтобы он там ни чувствовал, все его чувства ориентировались на УК РФ. Саша был сыщиком до мозга костей. Через два дня он понял, вглядываясь в лица горожан, что уголовному розыску здесь скучать не приходится. Не то чтобы лица горожан попадали под классификацию физиогномической теории Ломброзо, нет, лица были красивыми и даже добропорядочными в основной массе, если не считать того, что в поступках таганрожцев мерцало какое-то непредсказуемое вдохновение, делавшее эту жлобоватую добропорядочность двусмысленной. Дело в том, что таганрожец может при случае и украсть, но остаться при этом порядочным и, более того, интеллигентным человеком. Парадокс юга, северянину этого никогда не понять, не почувствовать. Но Саша Стариков в такие глубины и не старался проникать. Всю эту эпопею с инкогнито он проделывал лишь с одной целью: изучение города в географическом и психологическом плане. То есть Саша с утра до вечера ходил по улицам, магазинам, паркам, рыночным базарам, посещал пляжи, кафе, рестораны, всевозможные "гадюшники" рюмочно-пивного происхождения, совался во все маргинальные "дыры" и закоулки, усваивал лексику города, пробовал жизнь на вкус, вписывался в фон. Ему предстояло быть в городе столько... "Сколько нужно для того, чтобы мы, столичные власти, знали об этом городе все", — напутствовал его в дорогу Хромов. Саша хотел явиться в УВД города не "столичной штучкой", а матерым московским волкодавом российского значения.

Зеркало, луна и смерть, — при этом Зеркало первично, — присутствуют в нашей жизни всегда. И если смерть еще каким-то

изысканным способом держит нас в напряжении тайны, то луна — обыкновенная небесная декорация, на которую сбрасывают вымпелы, луноходы и американцев.

Убывающий месяц, растущий месяц, Полнолуние. В это время у многих людей нарастает душевное беспокойство, появляется депрессия, бессонница или не обоснованное ничем возбуждение. В полнолуние очень комфортно чувствуют себя все виды шизофрении, включая светло-плюсовую, сумеречно-творческую, черно-минусовую и лунно-маниакальную. Все, кто родился в полнолуние, явные или скрытые левши, они несут в себе блики таланта, то есть высшую форму разума — Безумие. Жуткий маньяк и Моцарт тождественны.

Лучше всего умирать в ночь убывающей луны, тогда душа умершего успевает проскользнуть в теплое пространство беспристрастной безмятежности и будет избавлена от бестолково-мучительного пребывания в алогичной действительности. Смерть в растущую луну чревата блужданиями, ибо в этот момент на землю обрушивается мощный поток реинкарнационных возвращений в жизнь. Этот поток вбирает в себя души умерших и опускается на землю уже запрограммированным на смерть. Если человечество сможет хотя бы в один период прибывающей луны не допустить ни одной смерти, то на людей обрушится самое страшное, что можно представить, — беспощадный вирус Бессмертия. Смерть в полнолуние — это смерть избранных. Люди, умершие в полнолуние, рождаются вновь в другом месте через несколько секунд после смерти, это разведчики из параллельных миров, абсолютно адаптированные к существованию в нашем мире. Если человек заканчивает жизнь самоубийством в полнолуние, это значит, что он носитель экстренной информации — его вызвали. В любое другое время луны самоубийство приравнивается к бессмертию — вечному, холодному и беспредельно-жуткому.

Кроме луны, косвенное отношение к смерти имеет зеркало. Древние религии запрещали смотреться в него. Когда в доме покойник, занавешивают зеркала, дабы мертвый не подсмотрел за живущим и не забрал его с собой раньше времени. Зеркала — вход в Зазеркалье. Зазеркалье другая жизнь, вход в параллельность, но ни в коем случае не в смерть, древние ошибались. Смерть недоступна человеческому и зеркальному взору, она за гранью понимания, ее можно лишь чувствовать.

У некоторых профессиональных фотографов бывали случаи, когда во время фотографирования группы людей вдруг случалось необъяснимое явление. При великолепном качестве снимка лицо одного человека из группы вдруг тускнело и возвращалось в качестве негатива. Это говорит о том, что фотографу удалось запечатлеть человека именно в момент “щелчка смерти”, то есть в момент вздрагивания пространства над ним. Любители ночных походов, геологи, рыбаки, охотники, проводящие ночь на природе, знакомы с этим “щелчком”. Вокруг ночь, и неожиданно, хотя ничего и

не изменилось, понимаешь, что где-то в пространстве распахнула свои волшебные крылья бабочка рассвета.

Люди не знают, хотя когда-то давно, в прошлом, знали, что, глядя на себя в зеркало, позволяя себя фотографировать, снимать на видеопленку, рисовать художникам, мы совершаем частичное самоубийство, ослабляем свою жизненную энергию. Одним словом, нас нагло и бесцеремонно лишают силы, так необходимой по ту сторону жизни. Мы не сможем войти в смерть с достоинством, ибо оставили частицы себя в жизни, оставили память о себе, то есть вовлеклись в круговорот мучений, вложили свои изображения в фундамент Ада. Отсюда проистекает и наш страх перед смертью и неоправданная любовь к жизни. Впрочем, придет конец времени, оно исчезнет, и тогда смерть пощадит всех.

В перерыве на совещании у главы городской администрации Самсонов с удивлением посмотрел на Миронова:

— Как здоровье, Сергей Антонович, что-то у тебя круги под глазами?

— Хорошее у меня здоровье, — покосился на полковника Миронов, — вам такого даже во сне не видеть.

— Я сплю без снов, — еще больше удивился Самсонов, не ожидавший от Миронова такой резкости, — а у тебя, Сергей Антонович, предынсульный вид.

— Да нет, — пожал плечами Миронов, — уверен, что вас-то я на пару десятков лет переживу. — И, скептически посмотрев на полковника, уточнил: — А то и на три десятка.

— Как сказать, — поперхнулся кашлем Самсонов. — Идешь по улице, а тебя раз и на матрас, в смысле лепнина с карниза оторвется килограммов восемьдесят весом и как даст по башке, а то и хулиган с ломом, — Самсонов незаметно для себя увлекся, — из-за угла выскочит и как шарахнет по голове, или...

— У вас нитроглицерин есть? — перебил его Миронов.

— Кажется, есть! — обрадовался Самсонов и стал хлопать себя по карманам кителя, но был вынужден огорченно добавить: — Эх, тоска, дома забыл.

— Возьмите мой, — флегматично предложил Миронов. — Примите, а то что-то вид у вас неважный. Я как раз сегодня свежий для тещи купил.

Но им пришлось прервать свой разговор. Перерыв закончился, и все потянулись в кабинет мэра города.

— Ну и как у вас, Семен Иосифович, — спросил у Самсонова мэр Рокотов, — продвигается дело о преступлении в роце "Дубки"? Общественность волнуется. Случай, конечно, безобразный, жуткий, Клунса в городе хорошо знали, особенно в среде интеллигенции.

— Ищем, Глеб Константинович.

Рокотов, повернувшись к Миронову, поинтересовался:

— Как поживает прокуратура?

— Полнокровно, — готовно ответил Миронов. — А в деле Клунса никаких сложностей нет, обыкновенная бытовуха местного разлива. Вспомните трехгодичный случай с Астаповым, человеком, тоже ведь повесили, пытали, где деньги. И с Клунсом так же.

— Возможно, — миролюбиво пожал плечами Самсонов. — Мы все версии отработываем.

Совещание продолжалось. Рокотов вступил в полемику с генеральным директором металлургического комбината, настаивая на усовершенствовании очистных сооружений, а Самсонов, слегка скосив глаза, посмотрел в сторону Миронова. Миронов тоже косился на полковника, и они встретились взглядами.

Ничуть не смутившись этим обстоятельством, Самсонов хлопал себя по кителю и неожиданно нащупал во внутреннем кармане стеклянную трубку с нитроглицерином. Он поспешно достал ее и, протянув Миронову, участливо произнес:

— Возьмите, Сергей Антонович, штук пятнадцать положите под язык.

— И что будет?

— Не знаю, — пожал плечами Самсонов. — Говорят, при тридцати таблетках пена изо рта идет, а вот при пятнадцати не знаю. — Он участливо заглянул в глаза Миронову и с чувством добавил: — Честное слово.

Николай Стромов лежал на раскладушке в деревенском саду своего тестя и смотрел в ночное августовское небо. Его мучили бессонница и необъяснимая тоска. Он не знал, что именно в этот час полнолуния странную тоску и какой-то призыв почувствовали и другие люди. Он не мог знать, что именно в этот момент Лёня Светлогоров подошел к окну загородной психиатрической больницы Дарагановка и не мигая стал смотреть на огромный диск луны, чувствуя, как по волосам на его голове стали пробегать какие-то совершенно неизъяснимые потрескивания, напоминающие шепот неведомого. Лёня не видел, что почти в каждом окне больницы, где находились палаты, прильнул к стеклу кто-то из пациентов и столь же завороченно смотрел на ночное небо.

В это же самое время Глория Ренатовна Выщух осторожно, чтобы не разбудить Самвела Тер-Огонясяна, встала с постели и в полном блеске своей наготы, с закрытыми глазами, вышла в соседнюю большую комнату. Она раздвинула шторы, села возле зеркала, взялась руками за свои груди и, постанывая, стала их поглаживать. Через несколько минут она встала, глаза ее были по-прежнему закрыты, задвинула на окне шторы, вернулась в спальню и, не разбудив Самвела, легла на место. В двух километрах от Глории Ренатовны, в центре ночного города, на балконе шестого этажа под миражным светом луны стоял странный человек, тоже голый, но в шляпе. Он курил и сплевывал вниз, не обращая на луну никакого внимания. Это был городской прокурор

Миронов. А в тысяче километрах от него, в Москве, посередине огромной комнаты с растопленным, несмотря на лето и тепло, камином сидел в кресле Алексей Васильевич Чебрак. Он замороженно смотрел на огонь и, слегка раскачиваясь, напевал: "Поле, русское-е по-оле..." По его застывшему лицу было видно, что с таким же успехом он мог напевать все что угодно. Алексей Васильевич находился в состоянии транса.

Глава третья

"Чем больше умных людей собирается в одном месте, тем сильнее заметно, что среди них очень много идиотов", думал Игорь Баркалов, разглядывая людей, наполнивших роскошный зал закрытого ресторана "Первая скрипка". Сегодня здесь расслаблялись участники элитной конференции "Бизнес энд Политика". Ради такого случая оркестр "Виртуозы Москвы" прервал свое зарубежное турне и предстал перед респектабельно-жующей публикой ресторана закрытого типа во всем своем исполнительском великолепии. Весь зал был украшен тропическими орхидеями, стены задрапированы настоящими лианами сарта, стволы которых были густо усыпаны крошечными голубовато-розовыми цветами. Все это, в сочетании с продуманным дизайном, делало кревоугодный мир ресторана похожим на сад Эдема, приватизированный Дьяволом. "Прекрасная музыка, прекрасные цветы, удивительная гармония цвета, света, звуков и мерзкие жующие богатеи. Красиво жить не запретишь, но хотя бы запретили некрасиво жевать".

Впрочем, все эти мысли особо не задевали Игоря, они возникали от скуки. В эту смену он должен был сервировать подносы с холодными закусками и подносить их к основному выходу из кухни в зал. Там эти подносы, словно эстафету, у него принимали официанты и несли дальше. Игорь заглянул в ассортиментное меню на сегодняшний вечер и покачал головой: двадцать четыре блюда из мяса, черепахи-лобстеры-омары-осьминоги в коньячно-виновом соусе, суп из раков, паштет из языков колибри, жареные улитки, пиявки и саранча, суп из змей, лягушачьи лапки, восемьдесят сортов мороженого и вина. Особенно возмущал Игоря специальный раздел меню под названием "БКК" (Большая Красная Книга). Этот раздел служил лишь для предварительных заказов. Клиент мог заказать себе блюдо из редких, исчезающих видов животных, представителей морского и речного миров. Игорь считал, что блюда из "БКК" заказывают лишь садисты, не имеющие возможности удовлетворить свой садизм другими способами. Чаще всего их заказывали знаменитые оперные певцы, знаменитые основатели и руководители благотворительных фондов, ушедшие на отдых экологи, титулованные борцы за мир и спивающиеся богатые гуманисты.

На Игоре были серые брюки, черные легкие туфли, белая рубашка, серебристая куртка и бабочка под горлом. "Официант,

черт побери, — в гневе думал он, — мать вашу за ногу!” Его примирал с действительностью лишь один успокаивающий штрих — ПММ, пистолет Макарова модифицированный, в специальной, чтобы не выпирал, кобуре под мышкой. При последней неофициальной встрече Хромов попытался развеять его беспокойство и скептицизм...

— Я понимаю, что ты понимаешь, — объяснял ему Хромов, — что весь ресторан утыкан внештатными агентами ФСБ, да и что там греха таить, МВД тоже. Но ты-то в штате, оперативник ты один, все остальные на подхвате, наблюдатели. Лишь ты знаешь, — на этом месте Хромов хмыкнул, — точнее сейчас узнаешь, кто нас интересует и как действовать, если они появятся. Во-первых, если увидишь в зале ресторана вот этого человека, — Хромов положил перед Игорем фотографию, — то сразу же даешь об этом знать Ласточкину, связь у вас налажена. Больше ничего не делаешь. Если увидишь вот этого человека, — Хромов положил перед ним еще одну фотографию, — то поступаешь, как и в случае с первым, но будешь предельно осторожным, ибо сможешь увидеть неподалеку еще одного человека, вот этого, — Хромов положил перед ним третью фотографию, — и если ты его увидишь рядом с собой или приближающимся к тебе, то стреляй на поражение без всяких предупреждений, даже в зале ресторана, даже если вокруг будет масса народа, убей его, но, — Хромов поднял вверх палец, — это почти невозможно. Поэтому, если ты увидишь кого-нибудь из этих людей, — Хромов постучал пальцем по первым двум фотографиям, — и где-то поблизости с ними будет находиться этот человек, — Хромов потряс третью фотографию, — то ты никого в упор не видишь, на связь не выходишь, пистолет прячешь в свой рабочий шкафчик и, высунув язык, выполняешь свою работу помощника официанта. Понятно?

— Понятно, — ничего не понял Игорь. — Увидеть этого, кстати, он очень похож на Пьера Ришара, и застрелить как собаку, но если увижу, то сразу прячу свой пистолет и в упор его не вижу, так, что ли?

— Вот именно! — одобрительно воскликнул Хромов. — И никак иначе. Я не собираюсь брать на свою совесть твою смерть.

“...Интересная у меня работа, — усмехнулся мысленно Игорь, вспоминая этот разговор и транспортируя очередной поднос с закусками к выходу в зал, — как у Дэвида Копперфилда”.

— Ты думаешь, они уже в той кондиции, что могут и это съесть? — поинтересовался у него официант, кивая на поднос. — Может, сам попробуешь отнести к столику?

— А что... — начал было Игорь, но осекся. На подносе, который он принес, стояла наполненная окурками в губной помаде пепельница и валялась разорванная в нескольких местах однодолларовая купюра.

— Натюрморт а'ля Сальвадор Дали, — рассмеялся официант, — сюда еще поставить в хрустале одинокую белую розу, бо-

кал шампанского с утопленной в нем коралловой лягушкой и ценник — 100.000\$. Уверен, среди этих интеллектуальных бесогонов, — он кивнул в сторону зала, — запросто покупатель найдется.

“Вообще-то, — думал Игорь, спеша заменить поднос, который он по рассеянности взял со стола “Грязные”, — официанты хорошие люди”.

На фотографиях, показанных Игорю Хромовым, были изображены Иван Селиверстович Марущак, Алексей Васильевич Чебрак и человек категории “солнечный убийца” по кличке “Улыбчивый”. Эти фотографии Хромову по дружбе, а заодно и по службе, предоставил Тарас Веточкин. ФСБ и МВД не отказались от мысли разобраться с “УЖАС”ом на неофициальном уровне. На том же уровне им содействовала СВР. С инициатором “тихого” похода на “УЖАС”, ГРУ, решили не связываться. У ГРУ было семь пятниц на неделе, то они враждуют с “УЖАС”ом, то дружат. Все силовики понимали, что ГРУ полностью зациклено на своей игре и будет вести себя в этом походе с теми же выкрутасами, то есть с теми же семью пятницами на неделе или, в лучшем случае, с четырьмя воскресеньями.

Постепенно накапливаемая информация о таинственном Управлении слегка ошеломила Хромова и Веточкина. И тот и другой предполагали, что “УЖАС” это нечто особенное и нечто обособленное от узкогосударственных целей, но такого международного-глобального охвата они не ожидали.

— Я не понимаю, — глядя на Веточкина, Хромов эмоционально недоумевал, — это же розенкрейцы, франкмасоны, тамплиеры и египетские маги в квадрате, плюс страшные истории на ночь, которые при дневном свете стали реальными.

— Хм, — отвечивал ему Веточкин, — ты еще не все знаешь.

— Так расскажи, — сердито набросился на него Хромов, — не прикидывайся знатоком из телепередачи “Куда? Кого? За что?”

— Ладно, — добродушно махнул рукой Хромов, — это я так, просто...

Веточкин был в гостях у временно холостого Хромова. Они сидели в креслах друг напротив друга посередине комнаты. Их разделял низкий журнальный столик. На нем стояли не начатая бутылка джина “Гордон”, начатая бутылка минеральной воды “Нарзан”, открытая банка итальянских оливок, пепельница, полная окурков, а на самом краю лежал мощный пистолет “М-770”, ласково называемый в ФСБ “Мишенькой”.

— Службы, аналогичные “УЖАС”у, есть почти во всех странах мира, кроме Израиля и еще, по-моему, Индии. В принципе, более или менее проясняющую информацию, хотя, вполне возможно, и уводящую от понимания дезинформацию, нам предоставил израильский МОССАД. У них, естественно, была масса всевозможных недомолвок, оговорок и намеков в этой информации, но она час-

тично совпадает с нашими наработками по этому вопросу. К тому же, МОССАД, видимо, имеет в своей структуре одесский отдел, шуточки у них какие-то дерibasовские, мать их за ногу.

— Объяснение, конечно, исчерпывающее, — с пониманием отнесся к рассказу Веточкина Хромов. — Одесса и все такое, я понимаю. — Он исчерпал все аргументы своего понимания и замолчал. Интуиция подсказывала ему, что ФСБ владеет информацией столь опасной и необыкновенной, что лучше всего ему ее не знать. — Не хочешь, не говори, у меня своих секретов грузовик с тележкой, и я тебе их навязывать не буду. — Впервые в жизни Хромов отказался от информации и впервые в жизни сделал это искренне.

— Ты когда-нибудь об Атлантиде слышал? — спросил Веточкин у Хромова. — О Лемурии, о Тибете, о существовании на дне мирового океана источников непонятной энергии, о странных процессах и явлениях в районе Марианской впадины, о входе в подземную страну в районе Бермудского треугольника, о мягком прерывании времени, о том, что среди людей очень много нелюдей, эмиссаров из параллельного мира? Ты об этом знаешь что-нибудь?

— Фу, слава Богу, — облегченно выдохнул Хромов, — фантастики насмотрелся и желтой прессы начитался. Давай-ка лучше джина выпьем по рюмочке. — Хромов встал, взял из серванта бокалы, поставил их на столик, откупорил бутылку, наполнил до самого верха бокалы джином и произнес: — По маленькой, проклятой рюмочке.

Они выпили, вытащили из банки по оливке, закусили, почти синхронно закурили, и только после этого Веточкин продолжил:

— Это не фантастика, Леонид Максимович, это голая, конкретная и беспощадная правда, как товарищ пуля из господина "М-770". — Он ласково похлопал ладонью по рукоятке "Мишеньки". — Эта правда, если окажется правдой, перечеркнет все убеждения и смыслы. Если она подтвердится, то окажется, что мы проживаем бессмысленную, тупиковую и холостую жизнь. — Впрочем, по мере внедрения в кровь джина "Гордон" безысходность в рассуждениях Веточкина постепенно трансформировалась в некую уверенность. — Хотя, — продолжал он философствовать, — если все подтвердится, то наша жизнь примет неожиданный и многообещающий ракурс.

Хромов слушал Веточкина вполуха, ожидая момента, когда у того закончится научно-фантастический бзик и он сможет перевести разговор на реального Хонду и прочее, связанное с нахальным убийством Тассова и реальной деятельностью "УЖАС"а.

— Кстати, — перебил он Веточкина и показал рукой на книжную полку. — Можешь взять почитать, полное собрание сочинений Жюль Верна.

— Кстати, Хромов, — Веточкин разлил джин по "рюмочкам", — я послезавтра в Техас лечу.

— Ну и на здоровье, — не поверил ему Хромов, поднимая бокал. — Ковбой из тебя будет что надо.

Глава четвертая

Мало кто знает о том, что в конце августа 2000 года на небольшом стилизованном под ранчо участке земли в глухом уголке штата Техас вблизи мексиканской границы началась встреча представителей спецслужб почти всех развитых стран мира, включая Россию. Спецслужбы обставили свою встречу столь профессионально, что мировые СМИ не догадались об этом, и поэтому мир был в полнейшем неведении. Правда, один прокол все-таки был, но не имел последствий. В первый день встречи возле ранчо возник какой-то репортериска из тех, кто подпитывает дешевыми сенсациями желтую прессу, но по какой-то дурацкой причине он решил разыграть из себя ковбоя, гарцуя на лошади. Само собой, лошадь понесла и унесла его куда-то в Мексику, с тех пор о нем никто не слышал. Его “форд” месяца три пылится на стоянке в городишке Тэн-рок, пока хозяин стоянки не продаст его, в счет оплаты за стоянку, какому-то местному идиоту, который этот “форд” разбил на следующий день после приобретения, и он окончательно успокоился на дне огромного оврага, служащего местным жителям городской свалкой и природным ландшафтом одновременно.

Встреча представителей спецслужб назревала уже давно, пришло время делиться информацией. В последние десятилетия в мире стали накапливаться таинственные факты и знамения, ставящие в тупик науку, политику и даже религию. Главная тема парадоксально-интернациональной конференции силовиков и разведчиков звучала почти по-голливудски: “Экспансия нелюдей”.

Российскую сторону представляли Игорь Анушев — СВР, Геннадий Вельтов — СВР, Борис Власенко, замдиректора ФСБ, Бортник Леонид Васильевич, уфолог при ФСБ, и Тарас Веточкин. Английская делегация состояла из директора МИ-6 Гарольда Смита, Гардиана Уайльда, руководителя военно-морской разведки, и Чарльза Витсмера, парапсихолога, руководителя отдела обобщений пресс-службы МИ-5. Американцы заявили целой пентагоновской компанией, в которую входили Майкл Флин из службы космического слежения ЦРУ, Готлиб Браун из компьютерно-информационного отдела ЦРУ, Джанинг Вельт, замдиректора ФБР, Роберт Страу, директор центра парапсихологии при ЦРУ и генерал Солимон Джагер, руководитель отдела аномальных явлений Пентагона. Немцы были представлены двумя правительственными чиновниками молчаливо-секретной внешности. Французы, Люсьен Гримари и Леже Кони, походили на алжирских террористов, притворяющихся представителями сексуальных меньшинств, хотя на самом деле любили женщин и были высокопоставленными правительственными чиновниками с Вандомской площади. Израиль направил на встречу двух моссадовцев

с хитрыми лицами и зачем-то приставил к ним раввина из Хайфы, который родился в Одессе, учился в Киеве, женился в Москве, там же стал директором планетария и оттуда уехал в Израиль. Звали его в Москве Ефимом Яковлевичем Чигиринским. Мир тесен. Оказалось, что русско-украинский еврей из Хайфы знаком с Тарасом Веточкиным. Они встречались на соревнованиях по байдарочному спорту. Впрочем, это классика. Если русский едет за границу, он обязательно встретит там знакомого еврея из России.

Странное впечатление производила делегация спецслужб Италии, с недоумевающими лицами сицилийских мафиози, нечаянно-негаданно попавших в полицейскую облаву...

Первыми, кто заметил и обратил внимание своих правительств на то, что внутри Земного шара действует какая-то грозная, разумная и не имеющая никакого отношения к человечеству сила, были спецслужбы, и лишь после них на это явление обратили внимание другие. Ученые вдруг начали понимать, что вся классифицированная картина мира не соответствует действительности, затем "проснулись" окончательно и выяснили, что из глубины земли на поверхность пробивается странная энергетика упорядоченной цикличности, и, уже окончательно впадая в паранойю, стали утверждать во всеуслышание, что среди их коллег есть агенты влияния от неизвестной и мощной цивилизации внеземного происхождения. После этого открытия ученые пришли к окончательному выводу, что все достижения медицины, генетики, физики, химии не имеют разумной перспективы и ведут в тупик развития.

Творческие люди, особенно писатели, всегда имели косвенное отношение к спецслужбам, уже хотя бы по той причине, что хороший писатель — это осведомитель Бога, стукач, работающий на Христа, Аллаха и Будду. Писатели уже давно подвергаются атаке со стороны злонамеренных сил, населяющих землю, ибо творчество в их лице наиболее глубоко и полно проникло в таинственный ход происходящих событий, и поэтому писатели так склонны к истерии, депрессиям и припадочному оптимизму.

И лишь люди, достигшие высшей степени политической власти, публичной или тайной, люди, определяющие дальнейшее развитие мировой политики, науки, контролирующие и манипулирующие мировыми деньгами, знали многое, но не считали нужным делиться этой информацией для избранных со всеми.

Именно увеличение необъяснимых аномальностей на Земле и волновало представителей спецслужб развитых стран, собравшихся на комфортабельном псевдоранчо в пустынном уголке штата Техас.

Первыми поделились своими опасениями американцы.

— Самую серьезную угрозу для будущих поколений представляют компьютеры! — огородил всех Готлиб Браун. — Во-пер-

вых, они дегуманизируют человечество в принципе, во-вторых, вызывают у людей привязанность к ним как к живому существу. Компьютеры втерлись к нам в доверие, господа... — Готлиб Браун медленно обвел глазами аудиторию, как бы спрашивая: "Доколе!" — В-третьих, — продолжил он, — совершенно непонятна эволюция компьютера, их появление в нашей жизни слишком демонстративно и злонамеренно. В этой электронике уже проскальзывают и набирают силу самозарождающиеся и саморазвивающиеся формы. Слишком доверяя компьютеру и налегая на его дальнейшее усовершенствование, человек и общество деградируют... — И тут Готлиб Браун сказал то, что, собственно говоря, и собрало всех на этом ранчо. — Нас, я имею в виду человечество, кто-то использует втемную. Заинтересованные службы стран, собравшиеся здесь, конечно же, знают, о чем идет речь...

Да, все находящиеся на псевдоранчо в штате Техас знали, о чем идет речь. Серьезную и пристальную заинтересованность вызывал феномен Бермудского треугольника. До этого наука лишь неуверенно предполагала о наличии у древних величественных знаний и копошилась возле египетских пирамид и мумий, озадаченно "чесала затылок" возле Стоунхенджа и странных статуй острова Пасхи, пыталась вникнуть в нечто удивительное по мироощущению в тибетских учениях, но все это шло в рабочем порядке, ни шатко - ни валко. Политика и крупный капитал оплачивали исследования в этом направлении, как оплачивали бы свой досуг: в свободное от основных занятий время приятно пощекотать свою душу чем-нибудь необъяснимо-таинственным и запить все это бокалом радостного шампанского. Явление Бермудского треугольника "Бертруа" развеяло в прах идиллию. От этого места в океане исходила прямая угроза их власти, их кораблям и самолетам. Все помнят, как шумел мир, вся мировая пресса о феномене Бермудского треугольника, а затем все стихло, и ни "гу-гу". В дело вмешались политика и бизнес. Феноменами такого масштаба нельзя будоражить массы.

Явление "Бертруа" было знаковым и недвусмысленным. В 1984 году район "Бертруа" окончательно изолировали от основных воздушных и морских маршрутов. После нескольких десятков необъяснимых, с точки зрения науки, происшествий с морскими судами и самолетами ВВС США, случай с "Боингом" североамериканских пассажирских авиалиний с трехстами пассажирами на борту поставил точку в определении "Бертруа". Этот район попал в полное распоряжение науки и неутомимо опекающих ее спецслужб. Дело в том, что на подлете к Флориде "Боинг" неожиданно исчез с экранов радара, канул в неизвестность. Поднялся переполох, но через пятнадцать минут он снова, как ни в чем не бывало, появился на экране и через несколько минут благополучно приземлился. Пилоты ничего не могли объяснить. Полет проходил в обычном режиме, ес-

ли не считать, что некоторое время они находились в густой, странно-серебристой облачности. Все бы ничего, но бортовые часы и часы пассажиров отставали на пятнадцать минут, ровно на столько, сколько самолет отсутствовал на экранах радара. Это говорило о том, что пятнадцать минут "Боинга" и людей в нем просто не существовало в земном пространстве...

...— Безобразие какое-то, — ворчал Готлиб Браун, — район Бермудского треугольника — это далеко не единственная территория обескураживающей тайны, их много, и вы все об этом знаете. Такое ощущение, что все мы со своим прогрессом и научными достижениями находимся под пристальным наблюдением каких-то более сильных существ...

— Ну да, — раздался возглас из левой части конференц-зала, где находилась российская делегация. — С чего вы взяли, что на земле есть научные достижения, и зачем путаете регресс с прогрессом?

— Это кто там такой умный?! — возмутился Готлиб Браун. — После заседания жду вас в спортивном зале, там разберемся, где и как я путаю.

— Хорошо, буду рад встрече, — обрадовался уфолог Бортников Леонид Васильевич, — но до спортзала вам придется не переступать границы фактов. Можно подумать, что никто из сидящих в зале не знает о существовании почти во всех странах силовых организаций автономного действия, подчиняющихся какой-то международной конторе МОАГУ в Тибете.

— У нас нет такой организации! — не преминул выкрикнуть Чигиринский и толкнул в бок одного из моссадовцев. — Ты что молчишь как рыба?

— Позор! — ошарашил всех своим возмущением моссадовец и вопросительно, как бы ожидая поощрения, взглянул на Чигиринского.

— Сядь, болван! — рассердился тот и громко заявил спецсиловому бомонду Европы и Америки: — Внутри Земного шара существует цивилизация на много порядков выше нашей.

— Вы правы, коллега, — поддержал еврейского священника английский разведчик Гарольд Смит, директор МИ-6. — А Бермудский треугольник, НЛЮ, существование в народе веры в привидения, домовых и прочей чуши подтверждение этому.

— Месье, господа! — вдруг звонко воскликнул французский силовик Леже Кони. — С чего вы взяли, что здесь начнут делиться своей информацией, это же смешно в конце концов.

— А ведь правда, — рассмеялся Игорь Анушев из службы внешней разведки России и, поднявшись, обратился к залу: — Коллеги, скажите, положите руку на сердце, кто-нибудь приехал сюда, чтобы поделиться своими тайнами и сомнениями с остальными?

— Ха-ха-ха! — раздался ему в ответ дружный интернациональный смех.

Тем не менее, после официальной части люди, посвятившие себя профессиональному любопытству, разговорились.

— Вот допустим, какого черта ваш Эрнест Колибров, профессор, поперся в Тибет, в эту обитель голодного черта, в эту чертову страну, питающуюся консервированными чертовыми тайнами?

— Эрнест Ральфович Колибров не из ФСБ, ты это брось, Фима, и вообще, раз слинял в Израиль, то и говори о нем, а о России я и сам все знаю.

Раввин из Хайфы и Тарас Веточкин выпили бутылку виски и уже вошли в то состояние, когда становится ясной необходимость во второй бутылке.

— Брось, — махнул рукой Чигиринский, — давай по существу распахнем свои души навстречу надвигающейся тайне. Она утратила снисходительность и прет на нас во всем апокалиптическом разноцветии. Ваш профессор гений, он подтвердил то, что мы и без него знали, предоставил доказательства и расчеты того, что существует мировая система пирамид и других сооружений, не связанных с человеческой цивилизацией...

— Кому он предоставил расчеты и доказательства? — скучным голосом поинтересовался Веточкин и внимательно посмотрел на старого приятеля.

— Не важно, — отмахнулся Чигиринский, — в смысле, не твое дело. Он обнаружил на Тибете целую систему рукотворных сооружений, пирамид. Самая высокая, 6714 метров, гора Кайлас. Более того, там около семидесяти таких сооружений на сравнительно небольшом участке, но не это даже важно. Он обнаружил там эффект Бермудского треугольника, но во много раз усиленный. Этот эффект называется сжатым временем. Оказывается, время — это энергия, на которую можно воздействовать. Тамошние ламы могут манипулировать временем, могут даже остановить его...

— Как это не мое дело? — наконец-то вклинился в монолог раввина Веточкин. — Колибров гражданин России, удмурт, и ты обязан мне сказать, кому он предоставил эти расчеты и доказательства, а то я его за шпионаж к ответственности привлеку.

— Помолчи, Веточкин, — опять махнул рукой Чигиринский. — Отчет о его экспедиции на Тибет подробно освещался в российской части серьезной прессы, газеты надо читать. Слушай лучше сюда, в результате этого открытия полностью меняется картина мира и выясняется, что человечество — это толпа неграмотных болванов биороботного происхождения, временно допущенных к проживанию на земле. Мы бракованные клоны Бога.

— Понятно, — остановил распоясавшегося раввина Веточкин. — Вот только одного я не пойму, тебе вера пить спиртное разрешает или нет?

— Ну ты даешь, — удивился Ефим Яковлевич. — Конечно, разрешает. Параграф восьмой, страница десятая, третий абзац сверху, так и написано. “Если нужно, то можно”.

— Все ясно, — рассмеялся Веточкин, разливая по стаканам виски и бросая туда лед.

— Не отвлекай меня, — рассердился Чигиринский, — слушай дальше. Высота тибетской пирамиды Кайлас 6714 метров, расстояние от Кайлас до монумента Стоунхенджа по одному меридиану 6714 километров, так же как от Стоунхендж до Бермудского треугольника, в районе которого, по мнению Блаватской, в древности затонула огромная пирамида...

— Блаватская — аферистка, — перебил приятеля Веточкин.

— Да это все давно знают, — возмутился Чигиринский, — слушай дальше. От Бермудского треугольника до острова Пасхи 6714 километров, а в другую сторону, от Кайлас до Северного полюса, тоже 6714 километров. Расстояние от пирамид, обнаруженных в Мексике, до острова Пасхи тоже составляет ровно одну четверть меридианной линии. Вот и получается, что эта четверть земного шара разделена на два абсолютно равных треугольника. Что ты на это скажешь?

— Я? — удивился Веточкин, но, выпив залпом виски, передумал прикидываться незнающим. — Такая же параллельная система пирамид и монументов существует и на противоположной стороне земного шара, но только на дне океана. Подтверждение этому мы уже получили от наших ученых из военно-морской разведки и космонавтов. Более того, тектонические слои земного шара имеют телескопический эффект самопоглощения. То есть наша Земля-матушка может тасоваться, как колода карт перед раздачей, и получается, что Тибет и гора-пирамида Кайлас некогда находились в центре Северного полюса. Это говорит о том, что все наши исторические знания нужно выкинуть в мусоропровод и признать, что Земля и солнечная система — это рукотворный космический корабль.

— Ни хрена себе, — поперхнулся виски Чигиринский, — ты что, Веточкин, совсем свихнулся? Выходит, мы все на Земле космонавты?

— Нет, — грустно покачал головой Веточкин, — мы случайные и временные попутчики. Настоящие космонавты там, — Веточкин показал в пол, — внутри земного шара...

Дверь в бунгало, где пили Веточкин и Чигиринский, вдруг приоткрылась, и в проем просунулась лохматая голова директора МИ-6 Гарольда Смита.

— Стоунхендж, между прочим, у нас, — сообщил он удивленным приятелям, — и то, о чем вы говорите, уже давно не является для нас тайной. Новенькое у вас есть что-нибудь?

— Подслушивать нехорошо, — возмутился Веточкин и решительно поднялся с кресла.

— Да, — поддержал Веточкина Чигиринский и тоже поднялся. — Сейчас мы тебе лицо и бока кулаками промассажирюем.

— О! — гордо возмутился англичанин и быстро, чуть ли не молниеносно, исчез.

— Ничего себе скорость, — растерянно проговорил Веточкин, выглядывая из бунгало на улицу, и, повернувшись к Чигиринскому, сообщил: — Нам его не догнать.

— Ладно, — махнул рукой московский эмигрант, — мы его завтра в конференц-зале подловим.

Глава пятая

Мировая политическая и интеллектуальная элита, обладая небольшой информацией о странном и таинственном присутствии на Земле высшей и неподвластной им цивилизации, все-таки имела, благодаря этой информации, возможность взвешенно, без экзальтации, оценивать это явление. Мировая толпа такой возможности не имела и жила домыслами, слухами, подогривала себя фантазиями, дезориентированная СМИ, всякого рода голливудскими версиями и пользовалась услугами мошенников, всяких там кармических стабилизаторов, тантрических оракулов, космических экстрасенсорики, а совсем уже меднолобые довольствовались услугами гипнотизеров, выгнанных из провинциальных цирков за пьянство и систематические кражи циркового реквизита. Самые умные и дальновидные представители толпы пользовались услугами сельских ворожей и чрезвычайно редко встречающихся настоящих цыганских гадалок. Как бы то ни было, но человеческой элите приходилось ломать голову над тем, чтобы информация о присутствии на Земле существ внеземного и внечеловеческого происхождения была подана обывателю дозированной и в соответствующей упаковке. Для этой цели политики высшего эшелона власти всех ведущих стран мира и самые мощные представители научного мира срочно внедрили на земном шаре мировую паутину Интернета и с этой же целью кинематограф, издательский бизнес выкинули на рынок невероятное количество разнузданной фантастики. В этом потоке истинные знамения тайны теряли очертания достоверности, а с помощью Интернет-сети население планеты хорошо зомбиривалось, продуктивно для власти индивидуализировалось, начисто теряя умение собираться в протестные, реальные сообщества, заменяя их виртуальным, обаятельно-безопасным для элиты, хакерским бунтом. Власть силы и мысли хорошо понимала, что компьютер незаменим для глобальной бюрократизации мира, главное, чтобы мир, и особенно молодежь, поверили и полюбили компьютер, доверились ему. Это будет первый этап на пути глобализации и создания единого государства Земля, новой версии Вавилонской башни. Элита понимала, что Интернет хорош как средство манипулирования населением планеты, они знали, что это не что иное, как доведенное до совершенства рабство.

Своих детей, будущих наследников и властителей Земли, элита воспитывала в Эшпере, тибетском монастыре, одном из самых защищенных и самых засекреченных мест земного шара. Дети элиты получали другие знания, другое представление, совсем не

похожее на общепринятое, о существующем в мире порядке. Компьютер, конечно же, в Эшере изучали, но как один из самых изощренных репрессивных инструментов власти. Элита компьютеру не подчинялась, она, словно настоящий поставщик наркотиков, никогда не пробовала и не хотела пробовать отраву. Будущие наследники Власти, Мысли и Духа, костяк “золотого миллиарда”, дети мировой элиты, получали доступ к алтарю великого и грозного знания. Одного этого доступа было достаточно, чтобы получить власть над миром.

Монастырь Эшер

Величественное и мрачное обаяние долины Лонака в Гималаях. Тибет — страна демонов, похищающих дыхание жизни. Демоны — сторожевые псы великого монастыря Лхакхангов, название которого по-европейски звучит как Эшер — обитель богов, где хранятся их изображения. Монастырь находится в ста километрах к северу от самого высокого в мире перевала Жонгсон, высота которого достигает 7300 метров, возле горы Кинчинджинг, высотой всего лишь 840 метров. Это недалеко от места, где сходятся границы Тибета, Непала и Сиккима. Пространство Тибета не измеряется километрами, это территория волнообразной зеркалажности и вогнутого времени. Тибет — частная собственность Сатаны, любимца Бога. Сюда не допускается вера, среди потрясающей безмолвности горных долин боги играют в звездный бадминтон, лениво подремывают и кометно сплевывают в потолок неба. Преданные свирепые демоны, охраняя божественный отдых, неутомимо обходят дозором Землю и жестоко карают тех, кого отсутствие Бога на земле обмануло настолько, что они усомнились в его бликующем и повсеместном присутствии...

Именно такое представление о жизни, Боге и смысле получали в виде сказок на ночь непростые послушники монастыря Эшер.

Эмиссары МОАГУ существуют в каждой стране. Они следят за качеством развития, корректируют его в нужную им сторону и вовремя отслеживают личности достойные внимания. Системное обучение детей в тибетском высокогорном монастыре Эшер существует уже сотни лет. С тех пор как первый выпуск воспитанников монастыря занял высшие политические посты в своих странах, установилась традиция — своих детей они отсылали на трехгодичное послушание именно туда. Всех и обязательно. Даже если впоследствии дети и не занимались политикой, они все равно имели свои непонятные для непосвященных обязанности. Отправка детей в Эшер происходила в глубочайшей секретности, могли быть даже инсценировки войн, мелких конфликтов и прочих манипуляций, и поэтому таинственный монастырь никогда не будоражил умы общественности. Она не знала о нем. За сохранение тайны, за безопасность детей, за их доставку в монастырь и

из него обратно отвечало спецподразделение МОАГУ, состоящее из людей, обученных по системе “Сновидение”, оно называлось “Бабочки на луне”. То, что могли делать эти люди, можно охарактеризовать одной фразой — “так не бывает”. Но так было и есть. Присутствие “лунных бабочек” на Земле повсеместно. Они следят за порядком на ней и осуществляют кураторство над периферийными учреждениями МОАГУ, такими как в России “УЖАС”. Впрочем, это отвлечение от основной темы...

Возраст детей, отправляемых в монастырь Эшер, строго не регламентировался. Можно было прислать пятилетнего, а можно и восемнадцатилетнего, нельзя только не прислать, но такого никогда не случалось и не могло случиться. Все воспитанники монастыря Эшер покидали его стены уже пожизненно связанные друг с другом нерасторжимой круговой порукой, основанной на приобретении к высшему знанию...

Поль Нгутанба, глава МОАГУ, воспитывался в монастыре вместе с будущим президентом Франции, двумя сыновьями императора Японии, будущим канцлером Германии, с юным студентом католического университета, будущим Папой Римским, с двумя демократизированными принцами из Англии, 11 и 8 лет от роду, с четырьмя детско-подросткового возраста американцами, один из которых еще тогда был назначен президентом США после 2009 года, двое станут учеными высшего уровня, а четвертый в одно из полнолуний покончит жизнь самоубийством прямо на околоземной орбите в космическом корабле НАСА. Это вызовет шок в американском обществе и повлечет за собой череду громких отставок на самом высоком уровне. Были в монастыре и двое русских, один в будущем станет главой государства и сумеет унять бардак в стране, не прибегая к репрессиям, а второй выберет путь монаха-затворника и сумеет создать над мистическим пространством России молитвенный щит. Самым парадоксальным было то, что в монастыре Эшер воспитывались и девочки, за Полем Нгутанбой закрепили семь из них. В будущем пять девочек станут женами глав государств, одна рок-звездой со скандально-мировой известностью, а еще одна спровоцирует среднemasштабную войну с ограниченным применением ядерного оружия. После смерти в ее честь воздвигнут гробницу, причислят к лику святых и будут ей поклоняться, мусульмане и индусы, что в дальнейшем приведет к новой кровопролитной войне. Поль Нгутанба был влюблен тогда в эту волоокую и смешливую девочку, впрочем, как был влюблен и в будущую рок-звезду и в будущих жен глав государств. Он попал в монастырь восьмилетним, прямой дорогой из Дели, где его папа, индийский посвященный, оставался влюбленным в его маму, французскую гражданку Женев Борхес...

Поль Нгутанба подошел к окну своего кабинета в МОАГУ и стал разглядывать за ним слегка подсвеченную кладку яиц глубоководной гадюки дибу. Она расположилась на каменном выступе,

нависающем над подземным небольшим, двадцать метров в диаметре, озером. Поль прислонился лбом к стеклу. Пещера, куда выходило окно его кабинета, от легкой подсветки слегка мерцала. Это происходило от того, что почти все стены ее были пронизаны, словно венами, кимберлитовыми трубками с алмазами. По трубкам произвели срезы, и алмазы подмигивали своим завораживающим, хотя и фальшивым, блеском. В это время откуда-то сверху соскользнула по стеклу кораллового цвета дыбу, "алмазная змея", и, проструившись рядом со своей кладкой, ушла в пространство пещеры. "Это же надо, — мысленно усмехнулся Поль Нгутанба, — откладывает яйца на глубине две тысячи метров и шастает то на поверхность, то обратно без лифта". Пути змей неисповедимы. Впрочем, Поль Нгутанба не хотел бы находиться рядом с дыбу. Ее яд убивает человека в течение суток, и все эти сутки он будет кричать от ужаса и боли. Противоядия против укуса дыбу на поверхности земли не было, но было у Поля Нгутанбы. Он открыл круглую дверцу стенового сейфа и достал шкатулку из офелита, слабый родственник которого на поверхности именовался яшмой. Внутри шкатулки лежал осанн — настоящий алмаз — награда Полю Нгутанбе за "не фанатичное поклонение истине" после трехгодичного посвящения в монастыре Эшер. Если осанн держать при себе, то дыбу, змея ужаса, не укусит, даже если на нее наступить. Поль Нгутанба погрузился в воспоминания.

...Все, кто попадал в монастырь Эшер, поражались его гулкой солнечностью в первый год посвящения, туманностью сводов во второй год и благоговейно мерцающей темнотой в последний. Три года вполне достаточно для постижения высшей истины, посвящать этому всю жизнь — бесполезная трата времени. Ее или познаешь быстро, или не познаешь никогда. Полю Нгутанбе показали формы высшей истины уже на втором году обучения, а на третий он ее уже знал... В тот день лама-наставник кивнул ему головой и сказал:

— Поль, всякая правда всего лишь одна из разновидностей лжи, а высшая правда это уже из области идиотизма лишь по одной причине, но я этой причины не знаю. Иди к этому человеку, — лама-наставник показал ему на выход из медитационного зала, там стоял лама в фиолетовом одеянии, — возможно, он тебе причину и покажет.

Поль прервал подготовку к медитации и с радостью направился к фиолетовому ламе. Лицо у нового учителя было похоже на лицо тщательно выбритой мартышки. Юному Полю стало смешно.

— Привет, — весело сказал он фиолетовому ламе, — ты мой новый учитель?

— Здравствуй, — улыбнулся ему лама, — вытри поскорее сопли с носа и следуй за мной. Я покажу тебе нечто, от чего ты забудешь детство, что само по себе отраднее, ибо детство, юность, зрелость и старость отвратительные состояния.

— Ты что, покойник? — спросил Поль у ламы, шагая рядом с ним.

В Эшере напрочь отсутствовала иерархия “учитель-ученик”. В монастыре царила высшая педагогика для будущих сильных мира сего. В основе этой педагогики была свобода, раскрепощенность, дружелюбие. Лама разговаривал с Полем на французском языке. Женьев Борхес, отправляя сына в Эшер, попросила: “Разговаривайте с мальчиком на французском, индийский он уже знает во всех вариациях”. Ламы Эшера удовлетворили просьбу Женьевы...

— Если бы покойник, — с грустью произнес лама и, подойдя к низкой двери массивно-древнего вида, остановился. — Нам сюда, в тайну.

До того как войти, Поль был еще ребенком, за дверью же он перестал быть им. Ровно шесть ступенек вели в огромный зал. Пол зала был голубоватого цвета, гладкий, как зеркало, и прозрачный. Лама подтолкнул Поля в плечо, и он осторожно спустился по ступеням. Лама не последовал за ним, он распластался лицом вниз на верхней площадке, бросив Полю всего лишь одно указание:

— Сойди со ступенек, сделай восемь шагов по направлению к центру зала, остановись и посмотри себе под ноги, там вселенная.

Поль ступил, как ему казалось, на хрупкий пол огромного зала, сделав по нему восемь шагов к центру, опустил глаза, и тут тающий внутри него крик запредельного восторга вырвался наружу и заполнил все пространство вокруг. Поль вдруг сразу и четко узнал суть жизни и смерти, увидел будущее и неискаженное прошлое. Он стал Буддой и познал счастье.

Фиолетовый лама по-прежнему лежал лицом вниз возле дверей, но из двух противоположных концов зала вышли два ламы в одеянии карминного цвета и заскользили к Полю с двух сторон. Взяв его за руки, они провели Поля обратно и поставили на камень первой ступени.

— Идем, просветленный. — Фиолетовый лама поклонился Полю.

Мальчик молча последовал за трепещущим перед ним ламой. Дверь вновь открылась и вновь закрылась за их спиной, тотчас же изменив суть Поля. Он перестал быть Буддой, лама перестал трепетать перед ним, но стал относиться к нему как к равному, без снисхождения. Поль уже не понимал суть жизни и смерти, забыл о будущем и смутно догадывался о величии прошлого. Но в нем остался отзвук этого знания, осталась память о прикосновении бесконечности. Он стал посвященным.

Поль Нгутанба медленно закрыл шкатулку из офелита, улыбаясь на прощание осанну, который в ответ пульсирующе блеснул ему. “Боже мой, — подумал он, пряча шкатулку в сейф, — как

можно сравнивать стекло поверхностного алмаза с мудростью глубинного осанна. Несчастные люди". Поль лицемерно вздохнул. Ему было наплевать на людей и в горе и в радости.

...На третий год обучения в Эшере Поль и другие посвященные были допущены в зал атлантов. Три пятиметровых гиганта лежали в каменных саркофагах, как будто уснули всего лишь пять минут назад, но сон атлантов длился уже пять тысяч лет. Их лица с полным основанием можно было назвать красивыми. Глаза были закрыты не до конца, создавалось ощущение, что они смотрят на мир, сильно прищурившись. Тайное, великое знание, ради которого тысячи мудрецов шли на отказ от жизни и мирской суеты, ради которого готовы были отдать и отдавали душу тысячи людей творческих, здесь, в зале атлантов, давалось легко и нежно. А затем Поль Нгунанба был подведен к волнистому жидкому зеркалу акцентного посвящения. Зеркало выровнялось, забликовало, успокоилось, и он увидел в нем продолговатое, сильно заостренное в подбородке крупное лицо с античным, скульптурно-филигранным носом, большим ртом с тонкими властными губами и очень длинными и узкими ромбовидными глазами. Лицо, несмотря на свою похожесть, было совсем не человеческим. "Кто это? Какое совершенство! Какая прекрасная жуть лица!"

— Это ты, — услышал он голос ламы из зала атлантов. — Не-людь.

Глава шестая

Волны Азовского моря имеют сильный снотворный эффект. Люди, живущие на его берегу, никогда не страдают бессонницей. Есть в звуках волн, накатывающих на берега древнего белесого моря, убаюкивающий шепот великого откровения.

Саша Стариков спал в тени акации на берегу и сквозь сон слышал, как приближалась гроза. Он хотел, но не мог вырваться из сладкого истомного сна. Но вот первые теплые капли дождя упали на его лицо и сразу же мощной струей, под напором, стали окатывать его голову. Саша Стариков поспешно открыл глаза... Если вам на лицо никогда не мочился сенбернар, то вы не поймете бурю чувств, поднявшихся в душе московского оперативника.

— Это что за безобразия! — возмутился Саша, вытирая лицо рубашкой, которая до этого лежала у него под головой. — Тебе деревьев мало?

Дружелюбная, наглая, хитрая, рыже-белая, умная и обаятельная морда сенбернара с восхищением, приоткрыв пасть и высунув язык, внимала его словам.

— Чья собака? — крикнул Саша дремлющим на небольшом, умещающемся под четырьмя акациями, пляже-людям. В ответ ему была сонная тишина. Все спали. Саша посмотрел на сенбернара, сенбернар был в ошейнике, но, судя по виду свалявшейся шерсти, уже погрузился в бездомность.

— Кто тебя научил на людей мочиться?

Сенбернар преданно уставился на Сашу.

— Понятно, — с тоской произнес Саша и положил свою мощную руку на большую голову собаки. — Только тебя мне и не хватало. Ладно, — он решительно поднялся, — пошли, Пуаро, будьешь теперь ментом.

Яркий день вступил в пространство золотистого вечера. Ошеломленные августовской жарой горожане облегченно встречали вечернюю снисходительность легкой пунктирной прохлады. Саша Стариков шел по центральной улице с почти полуметровым гребнем в руке. Гребень, впрочем, как и шампунь для собак, он только что приобрел в зоомагазине. Сенбернар Пуаро, удерживаемый новеньким поводком, шел рядом с левой ногой Саши и внимательно, с легким недоверием, поглядывал на окружающий его мир. Мир, как всегда, был с придурью.

— Мужчина, дайте причесаться, — кокетливо задели Сашу две дамы лет под тридцать.

Саша остановился и почти не мигая стал рассматривать женщин цинично-столичными глазами.

— Только после того, как вы помоете головы этим шампунем.

— А что за шампунь? — чуть ли не с французским прононсом поинтересовалась золотоволосая длинноногая дама с лицом побледневшей индианки, у которой родители были шведскими цыганами с примесью норвежской крови.

— Шампунь от блох, — вслух прочитал на этикетке Саша и, чтобы сгладить свою бестактность, кивнул на сидевшего у ноги сенбернара: — А это владелец шампуня.

— Козел! — емко выразилась вторая женщина, выглядевшая так, будто объелась горохом и перенесла два подряд солнечных удара.

— Надо милицию вызвать, — сделала неожиданное заявление первая и, замахав идущим по другой стороне патрульным, звонко закричала: — Милиция!

— Мы здесь, в чем дело? — С трех сторон к дамам, Саше и сенбернару подошли трое в штатском. Это были Степа Басенок, Слава Савоев и Николай Стромов.

— Вы свободны, — махнул рукой Слава дамам, и те почти мгновенно исчезли в сгущающемся вечере.

— Все в порядке, ребята, — кивнул Степа патрульным, перешедшим с той стороны улицы, и те, откозыряв, продолжили патрулирование.

— Старший инспектор уголовного розыска, Степан Басенок, — представился Степан.

— Капитан Савоев, — скромно сообщил Слава.

— Стромов, — смущенно представился Стромов и поспешно добавил: — Николай.

— Салага, — обрисовал ситуацию Слава Савоев.

— Гав-гав-гав! — предупредил всех троих сенбернар и вопросительно поглядел на Сашу Старикова.

— Понятно, — усмехнулся Саша и успокоил сенбернара. — Выследили.

— Да уж, — скучным голосом согласился Степа Басенок, — работа такая.

— Ну, как там в Москве? — решил поинтересоваться столичными новостями Слава Савоев. — Все постреливают киллеры?

Саша лишь усмехался и помалкивал. Всей компанией они подошли к микроавтобусу и разместились в нем.

— Ужинал? — спросил Степа у Саши Старикова.

— Обедал.

Микроавтобус, подрагивая на выбоинах, мчал компанию сыщиков в горотдел. Вечер уже не ярким, а тяжело-красноватым золотом наполнял пространство удивительного города. Возле входа в горотдел внутренних дел микроавтобус притормозил, и Слава Савоев озабоченно спросил у Саши Старикова:

— Ты светиться будешь, или самого Самсонова сюда пригласить?

— Пошли в здание, — сказал Саша, — у меня другие задачи, я никуда внедряться не собираюсь.

Поднимаясь по лестнице в кабинет Самсонова, они столкнулись с двумя широкоплечими ребятами из группы захвата майора Дурнева, которые несли вниз стонущего подполковника Абрамкина с внушительного вида ссадиной на лбу.

— Что случилось? — спросил с любопытством Слава.

— Кирпич, — лаконично объяснил ему крепыш Антонов, — один-единственный на все здание кирпич.

Оказывается, завхоз Федосий решил заделать уже давно мозолившую глаза узкую дыру в стене зала заседаний управления, оставшуюся от старой вентиляции. Он установил там высокие козлы, положил на край помоста кирпич и пошел за цементом. Абрамкин, шедший по коридору, вдруг по какому-то наитию резко толкнул дверь в зал заседаний и заглянул туда. Дверь ударила по ножке "козла", и кирпич, лежащий на самом краю, обрушился на голову Абрамкина.

— Это москвич приехал? — слабым голосом поинтересовался Абрамкин.

— Ну не сочинец же! — возмутился Степа Басенок, скептически, хотя и осторожно, глядя на подполковника сверху вниз и на всякий случай вежливо интересуясь: — А вам какое дело, господин подполковник?

— Вы без меня Хонду не найдете, — произнес уносимый вниз Абрамкин. — У меня есть кое-какие соображения на этот счет.

— Были, — проворчал себе под нос Слава. — Частые травмы в области лба не предусматривают хороших соображений.

— Но бывает и наоборот, Савоев. — Последнее слово осталось за травмированным Абрамкиным.

— Какие люди! — радостно воскликнул Самсонов, подымаясь из-за стола и подходя с рукопожатием к Саше. — Надоело в Москве, так вы к нам направились?

Слегка обескураженный предположением Самсонова Саша ответил на рукопожатие и доложил:

— Господин полковник, капитан Стариков прибыл к вам для выяснения некоторых обстоятельств в отношении бывшего вьетнамского гражданина Шон Тиня и возможного его задержания.

— Да, Хонда, я знаю, — печально произнес Самсонов и кивнул в сторону своих оперативников: — Они его тоже ищут. Он, гад такой, придавил одного наркомана и убийцу из Сочи, за что мы на него не в обиде. Обворовывал с шайкой квартирных воров дома наших горожан, — он кашлянул, — у которых тоже надо выяснить, где они столько добра насобирали честным путем, ну и есть подозрение, что он зверски убил, в смысле повесил, хорошего, как уверяет местная общественность, человека, Клунса Леонида Кузьмича. — Самсонов внимательно посмотрел на Сашу Старикова и неожиданно спросил у него: — Ну и как тебе Таганрог?

— Станный, но красивый город, — вежливо ответил Саша.

— Это точно, — вставил реплику Слава Савоев, — город с придурью.

— Молчи, — строго предупредил Славу Самсонов и, указывая на него пальцем, объяснил Саше: — Это Слава Савоев, в любой момент может такой фортель выкинуть, что я еле-еле свои погоны на плечах удерживаю.

— Хорошо, — улыбнулся Саша, — буду поосторожней. Дайте мне его в помощники.

— А я к тебе всех троих прикрепляю, — обрадовал Сашу Самсонов. — Мне Хонда тоже позарез нужен, вешает тут, понимаешь ли, людей по рощам, скотина такая. А я с ним никак поговорить не могу.

Все это время Самсонов с любопытством поглядывал на гигантскую расческу в руках Степы Басенка, который, уловив его взгляд, спрятал ее за спину.

— Это что у тебя за гребешок? — мрачно поинтересовался у Степы Самсонов и, не дожидаясь ответа, сказал Саше Старикову: — Вот с кем мне приходится работать. Нет, чтобы купить нормальную расческу, он купил для форса трехметровую и теперь будет ходить с нею по улицам и людей пугать, я... — Самсонов прервался и с удивлением посмотрел на скрипнувшую дверь. — Это чей такой песик миленький? — умилился он, разглядывая медвежьих размеров голову Пуаро, просунувшуюся в приоткрытую дверь кабинета.

— Это наш! — чуть ли не хором ответили ему оперативники.

— Да... — удивился Самсонов и подошел к двери. — Зайди! — строго приказал он сенбернару. — Не торчи в дверях. — Потом выглянул в приемную и усмеялся, обращаясь к Степе: — Возь-

ми со стола графин и облей водой Любовь Антоновну, спит она на работе, что ли?

После беседы в кабинете Самсонова оперативники на том же микроавтобусе съездили в городской район Богудония, и Саша Стариков сообщил хозяину снимаемой им жилплощади, что съезжает. "Будешь жить у меня", еще у Самсонова предупредил Сашу Степа Басенок. Затем они поехали ужинать, оставив Пуаро в собачьем питомнике управления внутренних дел, предварительно выкупав его с шампунем и, сменяя друг друга, расчесав скандальной расческой.

— Смотри, — строго предупредил инструктора питомника Слава Савоев, протягивая ему пакет с полуфабрикатными бифштексами, — мы едем на задание в "Морскую гладь", — на этом месте инструктор понимающе хмыкнул, — а ты ухаживай за собакой так, как будто, — Слава ткнул было себя пальцем в грудь, но передумал и указал на Стромову, — это он в вольере сидит.

— Понял, Савоев, понял, — весело ответил заглянувший в пакет инструктор и доброжелательно подмигнул Николаю Стромову.

Когда Саша Стариков, Слава Савоев и Степа Басенок переступили порог ресторана "Морская гладь", они еще не знали, что в этот день Самвел Тер-Огонесян, желая поразить французских яхтсменов, участников ежегодной международной регаты, проходившей в Таганроге, приготовил блюдо "Ереван-Париж", которое подавалось только участникам регаты и особо почетным гостям. Степа и Слава, в общем-то, никогда не ужинали в "Морской глади", но сегодня законы гостеприимства обязывали. Вскоре перед тремя оперативниками, Николая Стромову послали проверить информацию о том, что в городе после ареста Италии намечается сходка воров в законе, в центре стола стояло большое фарфоровое блюдо с еще дымящейся нежной долмой, которую официант серебряной лопаточкой быстро разложил по тарелкам. Внутри виноградного листа было мясо юного барашка, смешанного с мясом нежного поросенка, и вымоченные в кумысе волокна острого перца "Семикаракорск". Саша стал есть долму, наслаждаясь ее сочным вкусом и постепенно ощущая, как у него во рту нарастает тоска по прохладе. То же самое выражение сладостной тоски было написано на лицах Славы и Степы, и тут, как по волшебству, перед ними возникла запотевшая от холода бутылка зеленого вина "Цимлянское". Официант откупорил ее и разлил по бокалам. Вино, слегка покалывая небо, превратило тоску по прохладе в новый приступ радостного аппетита. И постепенно долма на блюде таяла, одна бутылка "Цимлянского" сменялась другой, и вскоре оперативники почувствовали любовь к миру, поверили в то, что рано или поздно в нем исчезнут преступления, и даже в то, что не будет войн. Растроганным взором они окинули зал рестора-

на и увидели, что вокруг них сидит много счастливых и таких же растроганных французов с армянской внешностью, слегка огорченных счетом от официанта, и чем внимательнее они вглядывались в счет, тем меньше на них действовало обаяние веселого пищеварения, больше завораживала мрачная магия цифр.

— Официант, счет, — доброжелательно, но с некоторой угрозой в голосе, попросил Слава Савоев. — А то нам уже на службу пора.

— За счет заведения, — почтительно ответил официант и скопил глаза в сторону служебного входа. Там в проеме двери стоял Самвел Тер-Огонесян и приветственно помахивал им рукой.

Сыщики вышли из ресторана, в зале пораженные сильными ощущениями французы мрачно раскрывали свои бумажники. Самвел всегда в три раза завышал цены для иностранных подданных.

Конец августа в Таганроге это совсем не то, что конец августа в Москве. Мать Степы Басенка, Варвара Егоровна, постелила постели для Степы и Саши Старикова в саду, под навесом из старого парашюта. Там уже стояла одна панцирная кровать, которую они вдвоем вытащили из сарая в конце сада и не без усилий собрали. Пуаро, которого они по пути забрали из питомника, в познавательных целях изучал двор. О его передвижениях по периметру сада можно было догадаться по сообщениям соседских собак.

— Хорошо, — произнес Саша Стариков, натягивая на себя одеяло в белоснежном пододеяльнике и разглядывая сквозь сетчатый парашют усыпанное звездами августовское небо, — тишина. Ни тебе гула машин, ни тебе соседей с музыкой под боком.

— Давай меняться, — предложил Степа, — ты сюда, а я туда.

— Можно, — хмыкнул Саша, — но только с тридцатого июня по тридцатое августа каждый год.

Они засмеялись. И тут же Саша чуть не подпрыгнул на кровати. Со стороны улицы раздался дуплетный выстрел из охотничьего ружья, рев мотоцикла, слова, не входящие в русский орфографический словарь, и звук разбитого стекла.

— Хорошо, — потянулся в постели Степан, — тишина. Это сосед напротив холостыми стреляет в женихов своей дочери. А знаешь, мы задержали авторитетного вора Италию, тебе стоит с ним поговорить. Он антиквариатом занимается, много штучек интересных у него во время обыска нашли, в том числе и из квартиры Клунса, после ограбления которой Хонда исчез, а Клунса спустя три дня повесили, и повесили как-то не совсем понятно. Деньги не взяли, золотой перстень, часы и золотую цепочку с крупным кулоном в виде черепахи из золота не сняли.

— Черепахи? — Саша сел на кровати. — Из такого, немного розоватого старинного золота?

— Не знаю, старинное золото или нет, но розоватое точно.

— Идем допрашивать Италию. — Саша вскочил и стал натягивать брюки.

— Сдурел ты, москвич, или что? — возмутился Степа, тоже вставая и натягивая брюки. — Полвторого ночи.

— Ну и что, — хмыкнул Саша, кивая в сторону улицы. — Люди, как видишь, уже охотятся, гуляют всюду, а мы же не дичь, чтобы спать в сезон охоты.

— Скажи спасибо, — Степа уже надевал рубашку, — что он еще у нас, а не в СИЗО сидит. Туда бы до девяти часов не пустили.

— Спасибо, — буркнул Саша, обувая туфли, и приказал появившемуся из темноты Пуаро: — Иди и охраняй!

Камеры КПЗ в управлении внутренних дел — это нечто среднее между палатой психиатрической больницы, клубом встреч по интересам и ночлежкой для бомжей.

Слава Савоев, задерживая Италию, конечно же, разрешил ему взять из дома другую одежду, взамен исчезнувшей во время неудачной прогулки перед ужином. Поэтому, когда двери камеры захлопнулись за Италией, он был в той одежде, которая вполне уместна для этих мест: “Истинный вор должен легко и непринужденно менять фрак на х/б и прямо из зековского бушлата вступать в мир костюмов за десять тысяч долларов”. Италия спросил у обитателей камеры:

— Люди есть? — И, вслушиваясь в тишину, сам себе ответил: — Людей нет. Нет, так нет, сдвиньтесь в левую сторону плотнее, нечего лежать как на пляже.

В большой камере было около пятнадцати человек разного достоинства, от явных бродяг со следами многочисленных ходок в зону на голове до впавших в депрессивное состояние глав семейств, попавших в КПЗ впервые из-за прямого конфликта с уголовным кодексом во время так хорошо начинающейся выпивки в кругу друзей, на пустыре, после работы, и едва переступившего восемнадцатилетие молодняка, абсолютно не догадывавшегося о том, что будущее почти можно увидеть, если внимательно приглядеться к шрамам на голове бродяг.

— Вот и я, что, не ждали? — пошутил Италия и расположился на беспрекословно освобожденной для него правой стороне сплошных нар. Все камеры КПЗ уже облетела весть: “Человек в доме”. КПЗ не тюрьма, перекликаться через окно здесь не принято, ибо любое громко произнесенное слово может служить для следователей информацией, а для сменяющихся во дворе управления патрульных поводом для тренировки с дубинками.

... Прошло уже два дня со дня задержания. Италия, лежа на спине, закинув руки за голову, смотрел на нижние доски деревянного шкафа для хранения пластмассовой посуды и передач от родственников. На местном сленге такой шкаф именовался “телевизором”. Италия был даже доволен, что шкаф над ним. Во-первых, он заслонял глаза от негасимого света лампочки над дверью

камеры, а во-вторых, лучше смотреть на дерево, чем на безобразно побеленный, ржаво-пятнистый потолок. “Подлый мир, — думал Италия. — Интересно, сколько мне на этот раз засветят?” Он понимал, что “засветить” могут на весь “червонец”, но он также понимал, что вне стен КПЗ уже заработали на его освобождение его друзья, его деловые партнеры, его адвокаты и его деньги. — Скотский мир, — продолжал скорбеть Италия. — Это же надо, как пушистого фраера с поличным накрыли”. Во время бесславного задержания у него в доме обнаружили предметы антиквариата из обворованных шниферами квартир. Италия чувствовал, что оперативники не прочь с ним договориться, он где-то в глубине души понимал, что их интересует нечто другое, более важное, ради чего они были готовы закрыть глаза на его манипуляции с законом. Он снова посмотрел на дно шкафа и услышал, как в коридоре стали открывать дверь, которая вела из здания управления в крыло с камерами временного задержания. “Опера или начальство с проверкой пришли”, — успел подумать Италия перед тем, как на него обрушился шкаф с продуктами питания, и он потерял сознание...

— Кто это его? — огорченно спрашивал Степа Басенок у дежурного по КПЗ, глядя, как Италию с перебинтованной головой несут на носилках для отправки в больницу.

— “Телевизор” колбасой и салом перегрузили, — объяснил дежурный. — Вот он со штырей и сорвался ему на голову.

Саша Стариков подошел к носилкам, внимательно взгляделся в лицо Италии и раздраженно произнес:

— В отрубе, прохиндей. Поехали обратно, досыпать.

— Тут еще один есть, — сообщил ему Степа, — он с Хондой встречался, Найденов. Парень хороший, со следствием сотрудничает, вполне возможно, что его на днях под подписку о невыезде отпустят.

Независимый, сильный, жизнерадостный, привыкший к просторам Азовского моря Виктор Найденов, впервые в жизни попавший в КПЗ за тридцать лет полной уверенности, что он туда не попадет, после десяти дней нахождения в камере стал похож на человека, который на протяжении года каждый день ожидает исполнения смертного приговора. Глаза у него были затравленными и глубоко запавшими, щетина неровно-пятнистой, плечи сутулыми, а голос плаксивым.

— Ну и что ты нам расскажешь новенького о визитере, что приходил к тебе ночью с Ратушевым и краденными вещами? — пренебрежительно спросил у Найденова Степа и с недоверием стал его разглядывать.

— Все! — угодливо вскинул голову Найденов.

— И что ты знаешь о нем?

— Ничего.

— Тогда что же ты нам расскажешь?

— Все, — плаксивым голосом повторил Виктор Найденов, вновь вскидывая голову.

Так бывает. Разогнавшийся по жизни человек, незаметно убивший, как в свое время убил двух человек Виктор Найденов, демонстративно выхватывающий у судьбы лучшие моменты, безжалостно отталкивающий людей на пути к своей цели, презирающий слабость и доброту, такой человек, попадая в непредвиденное состояние обитателя тюремной камеры, вдруг сразу и окончательно пугается и становится неприятно жалким. Тюрьма еще не взялась за Найденова по-настоящему, а он уже был перед нею на коленях, изгибался во всех направлениях.

— Тебя бьют, что ли? — поинтересовался Саша Стариков.

— Нет, гражданин следовательно, не бьют, кормежки много, все хорошо, — заискивающе прочастил Найденов.

Саша Стариков с недоверием посмотрел на Степу Васенка. Тот поймал его взгляд и возмутился:

— Никто тут никого не бьет и не мучает, тем более его. Он сам себя раздел и согнул. Нам помогает, я тебе говорил уже, хороший парень, в смысле дурак и сволочь, даже жену свою хотел подставить, мол, это она у него за спиной скупкой краденого занимается. Такой осел, — Степа с изумлением покачал головой, — что я даже не знаю. Жена его как узнала про это, так сразу же показала все его заначки, два пистолета и две гранаты, короче, он дурак, сам собою запуганный.

— Зачем мы его тогда на допрос вызвали? — удивился Саша. — Пусть идет человек, отдыхает.

Найденова увели в камеру.

— Что там с Кнышем, — позвонил Степа дежурному по управлению, — в смысле Италией?

— Сильное сотрясение мозга и сломана ключица. Оставили его в городской больнице под охраной, — сообщил дежурный. — Допрашивать нельзя, врач не разрешает.

Фирменный пассажирский поезд “Тихий Дон” удалялся от Ростова-на-Дону и приближался к Москве. Две студентки железнодорожного института, Вика Лаймина и Катя Малкина, эту практику проходили в качестве проводниц СВ. Если Вика была красива яркой и смуглой красотой, обещающей страстность и неожиданную изобретательность при очень близком знакомстве, то Катя была вся наполнена subtilной сексапильностью, от которой сильные мужчины теряют голову, приходят в любовную ярость и если вовремя не осознают опасность, таящуюся в по-детски хрупком теле, то навсегда попадают под ее сексуальное обаяние, и женщины другого склада уже не дают им удовлетворения.

В шесть часов вечера Вика и Катя стали разносить чай. “Тихий Дон” выгодно отличается от других поездов России тем, что хороший чай там разносят утром и вечером, а в промежутке — по требованию. Проходя мимо третьего купе, Вика и Катя перегля-

нулись. В глазах той и другой поблескивали влажные блики заинтересованности с элементом испуга, в котором странным образом пульсировала чувственная истома. Еще при посадке они обратили внимание на изящного, с танцующей походкой, человека, до изумления похожего на их любимого актера Пьера Ришара. В нем было что-то такое, отчего обе молодые женщины почувствовали в себе трепет сладостной истерики. Катя, впервые столкнувшись с таким импульсом, даже слегка покачнулась.

— Кто вы? — задала она неуместный для проводницы вопрос, принимая у странного пассажира двойной билет на одного человека.

— Я пассажир, — улыбнулся ей “Пьер Ришар”.

И от этой улыбки по Кате пробежали ласковые мурашки мягченности, а Вика, стоящая по другую сторону входа напротив Кати, в изумлении приоткрыла рот:

— А-а, а-а...

— Что с вами? — ласково спросил у нее обаятельный пассажир, уже собиравшийся войти в чрево СВ.

— Ничегооо... — шепотом выдохнула Вика. — Легкое недомогание.

За окном поезда чистый полумрак вечернего пространства постепенно переливался в чистый мрак ночи, изредка прочеркиваемый огоньками полустанков и небольших городков, не заслуживавших остановок возле них фирменного поезда. Катя включила ночное освещение, и в этот момент загорелась лампочка вызова из шестого купе.

— Кто там у нас? — спросила у Кати Вика, облаченная в форму проводницы, и сама же ответила: — Китаец какой-то странный. Тоже по двойному билету все купе занял. Пойду узнаю, чего он хочет.

— Я с тобой, — почему-то испуганно проговорила Катя, — мало ли что.

Они закрыли свое купе и направились к шестому, но неожиданно дверь третьего купе открылась и представший в проеме улыбающийся “Пьер Ришар” сказал:

— Прошу вас ко мне в гости, плюньте на вызов. Очень плохо приучаться жить по вызову с девятнадцати лет.

Как ни странно, но Вика и Катя приняли приглашение сразу же, забыв о вызове из шестого купе, об ответственности за СВ, забыв о самом поезде и о пространстве, мелькавшем за окном состава...

Обескуражить московских оперативников трудно, удивить невозможно. Оперативники седьмого линейного отделения Курского вокзала встречали фирменный поезд “Тихий Дон”, точнее они его уже встретили. Фирменный поезд доставил им и фирменно исполненное преступление. Три трупа в СВ, чем не название для

криминального романа? Две молоденькие студентки-проводницы и пассажир азиатской национальности. Взглянув на место преступления с мертвыми проводницами, оперативники сразу же поняли, что здесь был секс. Обе девушки даже на мертвых лицах сумели сохранить истаивающую гримасу блаженства. Врач, проводивший первичный осмотр, лишь пожал плечами:

— Никаких следов насилия. Как будто умерли естественной смертью от передозировки наслаждения. Впрочем, сейчас ничего определенного сказать нельзя, только после вскрытия кое-что прояснится.

Врач взял свой чемоданчик, окинул трупы взглядом и с мешком обратился к оперативникам:

— Не трупы, а мечта некрофила.

С третьим убитым была хотя бы ясность в исполнении. Ему зверски, на 180 градусов, свернули шею, отчего лицо и затылок поменялись местами.

Вскоре прибыл МУР и ни как-нибудь формально прибыл, а в лице полковника Хромова, приехавшего почему-то не на служебной машине, а на маршрутном такси. Правда, единственным пассажиром. Водитель такси флегматично остановил свой микроавтобус на перроне возле самого вокзала, достал из кармана пачку "Явы", с отвращением рассмотрел ее со всех сторон, вытащил сигарету и закурил. Это был Ласточкин.

Хромов быстро вошел в вагон. Мельком взглянул на "счастливых" покойниц, изумленно вскинул вверх брови и прошел дальше к шестому купе. Войдя, он приказал перевернуть убитого на живот. Взглянув на лицо трупа, досадливо крикнул и махнул оперативникам рукой:

— Все, я не мешаю, ухожу, делайте свое дело.

Хромов вернулся в маршрутку. Ласточкин облегченно, с видимым удовольствием на лице, отбросил сигарету в сторону и тронул с места микроавтобус. Хромов достал мобильник, набрал номер.

— Веточкина позвоните, — сказал он взявшему трубку человеку в кабинете Веточкина. — В Техасе? — удивился полученной информации и поинтересовался: — У нас в ФСБ и ковбойское подразделение есть, подсобное хозяйство в Америке? — Он продолжал слушать, а затем оборвал собеседника: — Хромов моя фамилия, понял, Штирлиц? Сообщите своему шефу, что я звонил по срочному делу.

Хромов отключился и набрал другой номер.

— Здравствуйте, полковник Самсонов, это Хромов. Передайте, пожалуйста, капитану Старикову, пусть возвращается в Москву. Кстати, и вам сюрпризик, можете Хонду больше не искать, он уже у нас. — Немного подумав, он дополнил информацию: — В морге.

Чувство радостной свободы и вдохновения восхищает меня своими неожиданными проявлениями. У меня как будто бы сле-

тели с рук, ног и мыслей незримые оковы, а за спиной выросли крылья. По всей видимости, я постепенно превращаюсь в Бога. О, как славно имя мое! Это налагает на меня новые обязанности. Я убил пошлого похитителя драгоценных древних рукописей. Ну и что? Ах, да, я не должен был его убивать, должен был доставить в отдел "Четыре" и сдать из рук в руки нашим специалистам. Глупости! Я уже ничего никому не должен. Я свободен, во мне поселилась трепетная суть хрустального преображения. А как изящно, тактично и воистину с безбрежной добротой и чистой любовью я подарил счастье этим двум глупым, но милым проводницам. Девочки ушли из жизни счастливыми и скончались удовлетворенными. Я покинул поезд на полном ходу. Мне нужно побыть в одиночестве. Ведь я постепенно превращаюсь в Бога, а это требует переосмысления моей деятельности и места в мире.

Глава седьмая

На столе Ивана Селиверстовича Марущака тихо и мелодично зазвонил телефон. Он напрягся и осторожно поднял трубку.

— Чрезвычайное происшествие, — раздался хриплый от волнения голос координатора. — Катастрофа, "Улыбчивый" вышел из-под контроля, у нас погасла кнопка воздействия перед его хлечером.

— Та-ак. — Иван Селиверстович побледнел и откинулся с трубкой в руке на спинку кресла, другой рукой расстегивая пуговицу на вороте рубашки. — Где Чебрак?

— Уже как неделю заперся в своей подмосковной вилле и молчит, — доложил координатор. — Просил не тревожить его в течение месяца.

— Потревожить немедленно! — приказал Иван Селиверстович и сдвинул на пульте рычажок "Боевая тревога" вправо.

За все время существования "УЖАС"а это была первая боевая тревога. Сдвинутый вправо рычажок в кабинете Ивана Селиверстовича обладал гигантской мобилизационной силой...

Об объявлении боевой тревоги сразу же стало известно в МОА-ГУ. Поль Нгутанба мрачнее грозовой тучи смотрел на Клосса Воргмана и говорил ему:

— Этот год магнитных аномалий на солнце мне не нравился с самого начала, и я как всегда не ошибся. Российский "солнечный" вышел из-под контроля. Я всегда был против экспериментов Чебрака с шизофрениками. Шизофрения слишком непредельна, она представляет загадку даже для глубинных ученых. Я почти уверен, что саморазвивающийся биочип в мозгу "Улыбчивого" перешел под контроль этой болезни, а ведь все "солнечные" российского "УЖАС"а, кроме одного, были до вживления чипов шизофрениками. Это опасно, это почти на грани катастрофы.

— Ну прямо-таки катастрофа, — усмехнулся Клосс Воргман. — А что сам Чебрак по этому поводу думает?

Поль Нгутанба молча кивнул головой и щелкнул клавишей связи.

— Дайте Россию, — сказал он секретарю и почти сразу же заговорил: — Иван Селиверстович...

Но тот быстро перебил Поля:

— У нас еще одно ЧП, Чебрак в непонятном ступоре. Такое ощущение, что он умер, а тело его живет, поет и радуется жизни.

— Убедительную картину смерти вы мне обрисовали, Иван Селиверстович, ну ладно... — Поль Нгутанба медленно впадал в состояние хладнокровной паники, то есть отбрасывал в сторону все эмоции и входил в режим агрессивного мистика, становился тем, кем был на самом деле. — Приступайте к проверке всех "солнечных", — приказал он, — а вас пусть охраняет с этой минуты Искра. — Он выпрямился в кресле и властно показал Клоссу Воргману на дверь: — Иди к центральному пульту и дай сигнал боевой тревоги в Англию, Германию, Францию и Америку. Если все шизонутые "солнечные" России выйдут из-под контроля, то миру под солнцем придется вздрогнуть.

— Есть! — мгновенно отреагировал Воргман и покинул кабинет Поля.

Оставшись в одиночестве, Поль Нгутанба хотел снова связаться с Россией, но почувствовал покалывание в кончиках пальцев и приближающееся мгновение благоговейного ужаса.

Летучие и легкие междометия окружающих меня мгновений, чистая радость освобождения. Как приятно быть Богом. Почему же я раньше думал, что Бог — это Иван Селиверстович Марущак? Почему принимал за храм эту паршивую контору "УЖАС"? До чего же нравятся мне радужные всполохи мыслей, играющих во мне музыку небесных сфер! И еще, во имя чего я убил в городе Сочи парня с чистым именем Сергей? Вот его нож, я его не отдал Стефану, я сам сшил ему чехол-тельняшку, белое и голубое. Я слышу голоса. Со мной о чем-то перешептываются невидимые существа. О, я знаю, это высшие существа, мои нежные подданные. Я прислушиваюсь и поднимаю к небу лицо. Голоса с неба поздравляют меня с освобождением и говорят, что они мои наставники и будут опекать меня на трудном пути божественного взросления. Я принимаю их помощь. Какой кошмар, как все-таки много людей в Москве, спешат, толкаются. Ну вот, пожалуйста, что за идиотизм? Я остановился в толпе прохожих, чтобы поднять к небу лицо и поздороваться с ним, ибо небо видно и в подземном переходе, а этот тип говорит, что я мешаю движению людей, что сейчас час пик, и требует пройти с ним в отделение... Что ж, не стал его одаривать смертью от своих рук, я разрешил это сделать маленькому грубияну, вытащив его из белого и голубого, и он с восторгом вошел в тело этого парня в милицмейской форме и напился крови. Видел бы ты, малыш, как люди, словно мальки от щуки, прыгнули в сторону. Я же ничего,

я незаметно ушел по системе "Два зеркала в зеркальном тоннеле". А ты спи, мой малыш в тельняшке, спи. Я улыбаюсь.

Алексей Васильевич Чебрак втягивался в нечто, напоминающее влажно чмокающую воронку, его обволакивала маслянистая субстанция, и он — гений! — ничего не понимал, только медленно и неотвратно погружался в тоску и страх. Впервые он почувствовал, что умер, но тем не менее почему-то знал, что умер на время, что где-то ждет его застывшее в нулевом оцепенении тело, впавшее в бессмысленное состояние, и почему-то знал, что это состояние один в один повторяет состояние выращиваемых им клонов-полуфабрикатов. Алексей Васильевич Чебрак, несмотря на принципиально новое существование, абсолютно непонятное и жуткое, сохранил способность к предположениям. Хладнокровная, циничная и могучая воля ученого продолжала, хотя и на полувздохе, сопротивляться случившемуся. И Алексей Васильевич понимал, что это не его заслуга, а тот момент, который доказывает временность его смерти. "Неужто меня вызвали к себе глубинные люди? — промелькнуло у него в голове. — Неужто?" Маслянистый водоворот запредельной "воронки" все глубже и быстрее, влажно всхлипывая, втягивал в себя Алексея Васильевича, и вот он сам и его воля с визгом погрузились в другой мир...

— Этого не может быть, — решительно произнес доктор медицины, самый лучший терапевт и диагност планеты Октавиан Салазар Тредис, штатный врач по МОАГУ. — Его состояние великолепно, все органы работают идеально, на зависть всем нам, но... — он запнулся, — я не понимаю, в чем дело.

Иван Селиверстович Марущак задумчиво разглядывал оболочку Алексея Васильевича Чебрака, сидящего в кресле напротив камина с бессмысленно уставившимися в пустоту глазами и отвисшей челюстью. Время от времени Чебрак как-то механически покачивал головой, хрипло говорил какие-то бессмысленные слова, набор звуков, и вновь застывал, глядя потухшими глазами в угасший камин.

— А я, кажется, понимаю... — вдруг задумчиво произнес Иван Селиверстович, хотя знающий его человек сразу бы догадался, что ни черта он не понимает и, более того, понимать не хочет, а в глубине души даже наслаждается идиотизмом Чебрака и лелеет надежду, что он таким и останется навсегда.

— Я тоже знаю, в чем дело, — вежливо кашлянул психиатр с подозрительной фамилией Гашищ, видя, что Иван Селиверстович не намерен обнародовать свое понимание. — Это каталептическая ступорная кома, чрезвычайно редкое проявление шизофрении, гипертрофированная экстазиальность, более известная в психиатрии под определением "кассандровость".

— И что, помрет?

— Думаю, что с такими физическими данными он еще долго жить будет. — Вместо психиатра ответил Салазар Тредис, считавший всех психиатров хорошо замаскированной бандой мошенников.

— Я тоже так думаю, — невозмутимо подтвердил слова Тредиса Гашиш, — если, конечно, он выйдет из этого состояния в течение недели или двух.

Иван Селиверстович Марущак, два врача МОАГУ, Стефан Искра, вынужденный прервать свою генеральскую и “алкогольную жизнь пенсионера” в связи с тем, что все действующие “солнечные” подверглись проверке МОАГУ, и охранник Марущака находились в подмосковном доме Алексея Васильевича. Кроме них там был то и дело зевающий от скуки куратор “УЖАС” а из МОАГУ. Иван Селиверстович впервые узнал о кураторе и поэтому время от времени бросал в его сторону возмущенно-пренебрежительные взгляды. Тот лишь вежливо и уважительно улыбался в ответ. Куратор был какого-то блеклого, невзрачного вида, то ли тибетец, то ли монгол, то ли притворяющийся негром китаец. На него никто не обращал внимания, лишь Стефан Искра бросал в его сторону настороженно-восторженные взгляды. Инстинктом профессионала Стефан Искра чувствовал, что невзрачный куратор это что-то мощное, непонятное, во много раз совершеннее “солнечных убийц”.

Лазурные ламы не то чтобы были смущены, но некая неопределенность в их словах проскальзывала.

— Мы не имеем полной возможности предугадать судьбу Чебрака, — говорили они Полю Нгутанбе из мрака прильнувшего к толще огромного осанна, — это вне нашей компетенции. Не знаем, что за научные работы он проводил, но, видимо, сделал нечто такое, из-за чего его захотели видеть верховные судьи нашего мира, люди полной луны, бледные демиурги. Можем только сказать тебе, Поль, одно, никогда не стремись к встрече с ними. На нашей непрерывающейся памяти последнего человека поверхности, перед Чебраком, называли Ницше, до того как его вызвали бледные демиурги и вашему миру пришлось хоронить его безумцем.

— Это все философия, — возразил Поль Нгутанба, — а у меня ЧП. В России вышел из-под контроля один из “солнечных”, возникла угроза, что выйдут и остальные, сотворенные Чебраком из психически больных. Он нужен здесь и как можно скорее, иначе будет трясти всю землю. Вы же знаете, что один “солнечный” может захватить даже пульт ядерной установки и осуществить запуск ракеты, если, конечно, хватит ума разобраться в кнопках и механизме запуска. Но в том, что хватит силы, можно не сомневаться.

— Видишь ли, Поль, — осторожно ответил мрак, — люди луны, если что-то делают, то делают это, ни у кого не спрашивая разрешения. Если они примут решение о начале ядерной войны

на поверхности Земли, то она обязательно осуществится, хотя бы этого люди или нет. Но вас это не должно беспокоить, Польша, вы от этого не пострадаете, впрочем, как и мы. Как и Земля в ее чистом виде. Гибель человечества и всей поверхностной цивилизации — это для глубинного мира нечто среднее между капитальным ремонтом и генеральной уборкой.

— Я понимаю, — продолжал гнуть свою линию Польша Нгунганба. — Но вы меня назначили руководителем и возложили на меня ответственность за порядок на земле.

— Мы доверяем вам, — подтвердили полномочия Польша из мрака и с ощутимым интересом замолчали. Польша Нгунганба прямо-таки чувствовал, как “лазурные” ожидали его реакции.

— Тогда я настаиваю на возвращении Чебрака.

— Это решат бледные демиурги, — невидимо усмехнулись “лазурные”. — А что, разве нет другого воздействия на “солнечных”, если они выйдут из-под контроля?

— Есть, — сухо ответил Польша, — уничтожение. Профилактическое, то есть упреждающее, которое может осуществить сам “УЖАС”, или, если они выйдут из-под контроля, с применением “лунных бабочек”, но это, во-первых, война, а во-вторых, я не имею права разбрасываться такими профессионалами. Чебрак может исправить ситуацию, взять “солнечных” под контроль.

— В таком случае, ждите, — ответил мрак, — мы допускаем, что люди полной луны отпустят Чебрака.

Тем не менее события приняли обвальный характер. Модель саморазвивающегося биочипа с алгоритмическими тенденциями соотносящихся с микропроцессорами живого фрагментаризма брусчатых хрусталиков на молекулярной основе стала давать сбои. Биочип “Верность”, вживленный в мозг психически здоровых людей, развивался безупречно и жил в тканях мозга как естественное, органичное и неотъемлемое целое, но у врожденных шизофреников, а таковыми были все, исключая Стефана Искру, “солнечные убийцы”, биочип “Верность”, не справившись с энергией безумия, стал отторгаться. Координаторы оперативного отдела “ТРИ” с ужасом наблюдали, как вслед за “Улыбчивым” переставали посылать сигналы на индивидуальные экранные хлещеры биочипы “Малышки”, а затем “Джентльмена”. После “Джентльмена” Иван Селиверстович отбросил в сторону сомнения и принял, как он это делал всегда в критических ситуациях, самостоятельное решение.

— Оставшихся “солнечных”, кроме Искры, уничтожить. Дайте этим несчастным умереть мгновенно.

— Слушаюсь, — еле слышно проговорил ликвидатор класса “Вирус” из отдела “ТРИ”, который в обычной московской жизни был известен окружающим как Виктор Григорьевич Чуприн, доктор математики, преподаватель МГУ, компанейский, обаятельнейшей души человек...

Ликвидатор печально вздохнул и щелкнул тумблером со знаком "0" под хлещерами с надписями "Гардеробщик", "Августин", "Корсар", "Гиппократ".

Худрук Большого театра досадливо крикнул. Надо же в самый ответственный момент такому случиться. Только начали входить в вестибюль театра уважаемые люди Москвы, в этом году сезон открывался новой версией постановки "Жизель", как гардеробщик, на время преобразованный в швейцара, вдруг отпустил придерживаемую им дверь, куда как раз входил господин Барусонов с женой, и, быстро вцепившись себе в горло пальцами обеих рук, разорвал его, выплеснув из образовавшейся дыры сильный, но скоротечный поток крови на глазах у Барусоновых. Барусонов удивленно вздернул брови и, взяв супругу за локоть, прошел в глубь вестибюльного зала. В Москве по поводу Барусонова гуляла шутка: "Вопрос: "Почему когда Барусонов стоит, то он всего лишь метр в шапке, а когда сидит в ресторане, то выглядит гигантом?" Ответ: "Барусонов подкладывает себе под задницу бумажник"... Гардеробщика тут же убрали, кровь моментально смыли. Никто из гостей, со свойственной для любителей высокого искусства тактичностью, не обратил внимания на лежащего в крови человека с разорванным горлом.

В этот же день из окна шестиэтажного суперэлитного дома полетел на встречу с землей под асфальтовым панцирем неизвестный стране начальник охраны одного из руководителей государства.

В этот же день помощник капитана могучего крейсера, на борту которого дремала ядерная смерть для соседнего европейского государства, пустил себе пулю в висок прямо во время обеда в уют-компани.

В этот же день медперсонал ЦКБ был в шоке, так и не сумев понять, почему виднейший хирург, пользующийся уважением и доверием первых лиц государства, сделал себе скальпелем филигранное, по всем правилам исполненное хакари.

...Иван Селиверстович мрачно вздохнул, мрачно оглядел свой кабинет и задумался. Он относился к своим "солнечным" по-отцовски и теперь всем сердцем ненавидел себя, "УЖАС", само собой, Чебрака и, впервые в своей карьере, МОАГУ. Но он понимал, что самая большая проблема для него, да и вообще для России, далека от разрешения. Три "солнечных" — "Улыбчивый", "Малышка" и "Джентльмен", уже недостижимы для "УЖАС"а. Что будет дальше, Иван Селиверстович боялся даже подумать...

Поль Нгуганба задумчиво повертел перед своим лицом шар из горного хрусталя и улыбнулся преломленному в нем пространству.

— Клосс, — тихо спросил он у своего помощника и друга, — как ты думаешь, для чего вся эта суeta под названием жизнь?

Клосс Воргман оторвался от раскладывания пасьянса картами Таро и веско ответил:

— Не спрашивай, Поль, о таком пустяке, как жизнь. Ты же знаешь лучше, чем кто-либо на Земле, что это промежуточный и достаточно примитивный этап.

— Не скажи. — Поль Нгутанба приблизил шар к глазам и сквозь него посмотрел на Воргмана. — Из этого примитива можно не вырваться, попасть в капкан реинкарнаций. Ты с этим не шути, этих идиотов... — Поль кивнул, и Воргману стало понятно, что он кивнул в сторону поверхностного человечества, — радует мысль, что жизнь у каждого повторится. Они не понимают, что именно в этом весь ужас, замкнутый цикл, круговоротное бессмертие, жизнь-смерть, смерть-жизнь, тик-так, тик-так. Они мечтают о бессмертии, не подозревая, что они бессмертны, день-ночь-утро, жизнь-смерть-рождение. Они даже не знают, что на Земле постоянно живут одни и те же люди, они не обновляются, лишь засыпают в одном месте, а просыпаются в другом. День жизни провел в Туле, а утро следующего дня уже встречает на Филиппинах. Впрочем, случается, что и в двух кварталах от того места, где умер, в смысле заснул.

Клосс Воргман медленно положил последнюю карту Таро под названием "Дом Тайны" в ряд и стал расшифровывать расклад, одновременно разговаривая с Полем.

— Допустим, эти, — Клосс кивнул головой в сторону поверхностной цивилизации, — всего лишь статик-рабы, они скоро уйдут и уйдут, надо сказать, удачно. Ты же знаешь, что скоро мы пересечем зону нейтральных вселенных, там их энергии останутся. Нейтрино хороши тем, что в алогичную действительность, в так называемый Ад, они ничего не сбрасывают, клио-вселенные Ада всегда идут параллельно с нейтрино, пересечение невозможно, несмотря на утверждение придурка Лобачевского. Чему я завидую, в неполной мере, конечно, так это тому, что поверхностные вполне могут попасть с нейтрино в оттеночную, лазерную часть непрерывного развития пульсирующей пустоты. А вот этих, — Клосс указал пальцем в пол, имея в виду глубинных жителей, — попавших сюда из клио-вселенной, нам придется спасать, им не позавидуешь.

— Зависть, — хмыкнул Поль, не отрывая взгляда от горнохрустального шара, — глупое людское понятие, а ты носишься с ним, как дурак с писаной торбой. Но ты прав, главное не в поверхности, главное там — в глубине.

— Да, — закивал головой Воргман, — это главное.

В это время шар из горного хрусталя в руках Поля Нгутанба тихо, нежно, словно цветок, расцвел переливающимся светом. Не говоря ни слова, Поль и Клосс Воргман вскочили с кресел и бросились к двери соседствующего с кабинетом огромного зала, в центре которого был установлен самый мощный телескоп мира с линзами из осанна, усиленными энергетикой остановленных за-

крытым пространством стремящихся фантомных частиц. Это была обсерватория МОАГУ, расположенная внутри Эвереста; шторы вершины вместе со снегом раздвигались, и телескоп "Око Тибета" смотрел в сторону вселенной...

Поль быстро вложил расцветший шар в нишу у основания телескопа, натянул, Клосс это уже сделал, на голову визуальный шлем, соединенный с "Оком Тибета", и, откинувшись в кресле, впери́л взгляд в бесконечность. Розовый, бликующий черным, красным и необъяснимо кометным, мир предстал перед их взором. Лица Поля и Клосса изменились, стали продолговатыми с сильно заостренными подбородками, а глаза сделались узкими, длинными и ромбовидными. Но вот в кометное разноцветье, подсмотренное "Оком Тибета", выплыло гигантское облако, переливающееся мириадами оттенками бирюзово-аквамаринового цвета, и стало быстро уходить из поля зрения.

— Оооооо, — певуче вдохнули Поль и Клосс и восхищенно выдохнули: — Раа-аайй.

Глава восьмая

Отпустив свиту на перевале Чонзак, далай-лама плотнее запахнул верблюжью накидку и стал подниматься по узкой тропинке, направляясь к ручью Жорканского плато. Было холодно, но правитель Тибета не обращал на это внимания. Он поднимался все выше и выше, лишь изредка останавливаясь и оглядывая пространство вокруг. Китайских пограничников в этих пустынных суровых краях можно было не опасаться. Китайское правительство только делало вид, что Тибет оккупирован ими. В конце концов, они китайцы, потомки юсаней, а не идиоты, и отлично понимают, что такое Тибет для буддийского мира. "И будет править миром желтолицая, звероподобная раса". Далай-лама усмехнулся, вспомнив изречение из наивного христианского Евангелия. Высший и незаметный миру шовинизм желтолице-узкоглазой расы опытен, скрытен, терпелив... Наконец-то перед правителем открылось Жорканское плато, огромная каменно-кремниевая равнина на высоте 5670 метров, посередине плато стоял камень более десяти метров высотой. Далай-лама сделал еще несколько шагов и взобрался на небольшой выступ скалы сбоку от тропинки. Отсюда было хорошо видно, что камень на самом деле изображает сидящего атланта, застывшего в позе роденовского мыслителя. Разница была лишь в том, что высокогорной скульптуре было десять тысяч лет. Она олицетворяла конец эпохи атлантов, ушедших в страну демиургов, семипещерный мир тайны, оставив поверхность Земли тем, кому они дали эту суетливую и непростительно зависимую жизнь.

Далее путь правителя Тибета шел только вверх, тропы как таковой уже не было, лишь ее намек, насмешка над путником, но далай-лама продолжал восхождение. Через несколько часов пути

он пришел к цели, к пещере великого отшельника, и, войдя в нее, опустился на колени. В пещере было холодно, но далай-лама и на это не обратил внимания. Он лишь кинул насмешливый взгляд на нишу в стене пещеры, где вздрагивали в пока еще тщетной попытке раскачаться глиняные ламы-дети на игрушечных деревянных качелях, и издал странный звук:

— Оз-зМаа, Оз-зМаа.

Он единственный, кто имел право оторвать отшельника от медитации, и анахорет открыл глаза. Если бы любой человек, даже самый умный, самый талантливый, самый самолюбивый и самоуверенный, самый властный взглянул в эти глаза, он сразу бы понял, что его собственный образ жизни и мировоззрение — это мычание идиота с примитивным набором физиологических потребностей.

— Зачем пришел, мальчишка? — спросил у далай-ламы отшельник.

— Сегодня ночью полная луна. Мне нужно увидеть и сказать слова людям полной луны.

— Что ты можешь сказать бледным демиургам, кроме какого-нибудь пустяка?

— Да, может, и пустяк, — спокойно согласился далай-лама, — но я должен о нем сообщить полнолунным людям.

— Значит, это не пустяк, — произнес отшельник, — а ты отважный человек, правитель Тибета, коль второй раз рискуешь встретиться с бледными демиургами.

— Но ты-то встречался с ними гораздо больше двух раз, а мне понадобилось много времени для этого решения, и я дрожу от ужаса уже сейчас.

— Я — это я, — равнодушно произнес отшельник, — а ты садись напротив меня и войди в растягивающуюся бессознательную спираль сферной медитации. Увидишь людей полнолуния, а я постараюсь, чтобы вторая встреча для тебя не была ужасной... мальчишка.

Основные входы и выходы глубинного государства находятся на дне мирового океана, наиболее известные — в районе Бермудского треугольника и Марианской впадины, а также в двух местах — подо льдом Северного полюса и во внутреннем, Азовском море. На суше это Гималаи и Анды в Южной Америке. Существуют и другие способы вхождения в глубинную страну. Они имеют "блуждающе-пульсирующий" принцип, служат для воздействия тонкими энергиями на ту или иную ситуацию в нашей цивилизации. Это воздействие может быть ужасным: глубинные обитатели могут прихлопнуть поверхностный мир со всеми его достижениями походя, словно комара у себя на лбу.

Утраченная память о прошлом заставила человечество смеяться над адом в глубинах Земли, придать ему статус произведения искусства, не имеющий никакого отношения к реальности. Это,

конечно же, не так. Ад-алогичная действительность есть на нашей Земле...

Примерно на глубине двадцати километров под землей начинается фоновая-панцирная оболочка, своего рода твердая атмосфера, защищающая глубинный мир, основу которой составляет хорузитный лунит. Еще один земной шар внутри земного шара — двойная планета. За фоновой-панцирной оболочкой существует волнообразное, пространственно-временное измерение концентрированно изменяющихся форм, недоступных для понимания людей поверхности.

Хорузитный лунит, основа основ защитного панциря атмосферы глубинной страны, вступает во взаимодействие с лунными демо-излучениями и сатан-лучами. Они как бы притягиваются друг к другу и взаимно обогащаются, своего рода сексуальный контакт Земли и Луны.

Люди, населяющие поверхность Земли, не знают и не могут знать об этом, они боготворят Солнце, которое вскоре предстанет перед ними в виде кошмара, ибо Солнце это не что иное, как юная Волосатая звезда — око Апокалипсиса. Глубинный мир, конечно же, не пострадает, если внешняя скорлупа Земли расколется как орех на две части. Он самостоятельной планетой выскользнет из скорлупки и продолжит свое странствие по лазоревой бесконечности...

Разум обрушился в жизнь на Земле давно, девятьсот миллиардов лет назад. Он упал из глубин клио-вселенной и был на много, очень много порядков выше его нынешнего состояния. Существа, упавшие в земную жизнь, сразу же поняли: чтобы сохраниться, нужно принять основной закон Земли — совокупление, и они приняли его. С кем только эти существа не совокуплялись, создавая все новые и новые виды жизни и формы цивилизации. Сначала это была цивилизация демиургов, которая по мере роста сразу же начала обживать глубины Земли. Демиурги хотя уже слегка походили на людей, но ими не были. Во-первых, они были рога-ты, всесильны, знали точно, чего хотят, и поэтому торопились. К тому же они были полутелесны и полупрозрачны. Демиурги ушли в глубины земли и стали управлять процессом выживания оттуда. Вскоре после них возникла цивилизация лемурианцев и олисов, более адаптированная к жизни на поверхности, но тоже ушедшая в глубины на подготовленные демиургами позиции. К тому времени демиурги уже сотворили Ад и вырастили внутри Земли стержень, который нам известен под названием "Тибетские качели". Демиурги "перевоспитали" живой организм Земли под себя. "Тибетские качели" это своего рода "уборка урожая", сбор энергии (душ), необходимый для жизнедеятельности глубинных существ полубожественного происхождения.

Последней цивилизацией, ушедшей в глубины, была цивилизация атлантов. Кстати, решение о ее вбирании под хорузитно-лунитную защиту далось демиургам нелегко. Атланты уже на-

столько вошли в раж совокупления, что завели у себя целые гаремы аборигенов Земли, которые, если судить по меркам земной красоты, были божественно прекрасны ликом и телом, но не обладали внутренней энергией взаимосвязи с высшим. Атланты дали им эту энергию. Бациллы разума усилиями атлантов распространялись по Земле с невероятной скоростью. Белые, черные, желтые, красные расы, жившие до падения разума в их мир безмятежно, расселились по Земле, уже навеки отравленные им. Именно с этого момента и начинается известная нам история человечества. Сами атланты не хотели покидать поверхность Земли, но демиурги применили к ним насилие, и атланты покорились, ушли в Ад. Люди в качестве статик-рабов для выработки энергии душ в глубинную страну остались на поверхности. Все шло для глубинного мира хорошо до последнего времени, пока они с тревогой не узнали, что на поверхность Земли приземлилась космическая субстанция элохимов, которых мы будем называть в этом повествовании "нелюдями"...

Алексей Васильевич Чебрак был сначала умирающей роженицей, затем оторванным от нее плодом, затем умирающим бомжем, а затем погрузился в кошмарный и непередаваемый визг ужаса. Этот ужас не мог окончиться, обрубаясь смертью, он был навсегда, он не мог притупиться привыканием, он навечно был свежерожденным. Кто-то держал в руках его визжащую душу, и даже в этой жути Алексей Васильевич той частью себя, что дебилно смотрела в потухший камин на поверхности Земли, пришел к пониманию, что он в алогичной действительности — в Аду. Затем были слова, которые вообще-то не были словами. Да и визжащая суть Алексея Васильевича не могла бы не то чтобы понять, а даже услышать примитивное звучание обыкновенных слов. Нет, это был какой-то кастаньетного диапазона клекот, который, раздвинув занавес визга, насильственно заставил Алексея Васильевича понимать его и при этом ни на мгновение не ослабил его жутко-кошмарное состояние.

— Интересный экземпляр, психоделическая шизофрения. Мощная, но еще не созревшая энергетика высшего класса, умирать ему ни в коем случае нельзя.

— А мы и не дадим ему умереть. Но посмотрите, как он опасен и одновременно приятен взору.

— Да, я понимаю, я вижу эти три всплеска в его энергетике. Вполне можно утверждать, что он наш дальний родственник, правда, слишком уж дальний, прошедший через генетику лемурии и слегка подпорченный генетикой атлантов. Кстати, а где находится душа, захваченная этим бунтарем?

— Она у него в лаборатории, но скоро уйдет оттуда, и, надо сказать, вместе с лабораторией.

— Элохимы знают о захвате людьми души умершего?

— Не думаю, но, наверное, это встревожит их не меньше нас.

— Я за то, чтобы разрушить МОАГУ. Мы же знаем, что нелюди захватили в нем руководство.

— Не думаю, что нужно ссориться с ними по таким пустякам. Мы все-таки в одной лодке.

— Давайте уже отпускать эту куклу демиургененка, посекали его и ладно, он умненький раб, он поймет.

— Да, пусть возвращается через шершавый тотинный тоннель, через двадцать лет вернется, если злохимы не перехватят. К тому же нас ждет встреча с далай-ламой. О ней попросил вышедший из-под нашего контроля лама Горы.

— Трудно доверять ламаистам, когда они могут выходить из-под контроля, но доверять нужно. Кстати, зачем мы будем его мучить тотинным тоннелем? Я отправлю его в пузыре асии (расплавленный, настоящий изумруд), мне он нравится, а злохимы его не захотят, трудно захватить энергетику, в которой три демиурговых всплеска.

— Асия так асия, пусть уходит. Все будет так, как будет. Но этого и ученых поверхности нужно жестче взять под контроль.

— Вообще-то, мне уже надоели люди, но вы правы, все есть как есть.

— Не надо было их создавать.

— Вы правы, не надо было.

Глава девятая

Руководство службы внешней разведки (СВР) России очень ценило профессиональные качества Александра Михайловича Леева. Он был гением разведки, "потрошил" МИ-5 и МИ-6 Англии, извлекая из их недр информацию для России. То, что он был Леевым, знало лишь СВР. Англия воспринимала его как своего гражданина Гардиана Уайльда, руководителя военно-морской разведки. Англия заблуждалась, но понять ее можно. Любопытный, кроме информированного, рассмеялся бы в лицо тому человеку, который, указывая на Уайльда, сказал бы: "Это русский во всех поколениях, родом из Курской области и села Кметово, окончил десять классов, после черепно-мозговой травмы, в возрасте шестнадцати с половиной лет, попал в психиатрическую больницу из-за проявившейся в нем агрессивной и опасной для окружающих шизофрении". Отсмеявшись, русский сказал бы, указывая на Гардиана Уайльда: "Ты посмотри на него, разуй глаза, придурок, где ты видел таких в курском селе? Это же АНГЛИЧАНИН!". В СВР сказали бы: "Александр Леев блестяще закончил МГУ и параллельно иняз, был замечен нами, проверен и внедрен. Он действительно родом из Курской области, действительно после десятого класса попал в больницу, но после излечения поступил в эти вузы, и в итоге от него поступает в нашу страну ценнейшая секретная информация". Лечащий врач районной психбольницы в не до конца цивилизованных глубинах Курской области забегал бы глазами и сказал: "Кто, Леев? Да он умер от

инфекции на десятый день после поступления в больницу. Инфекция была столь опасной, что его тело отдали родителям в закрытом гробу. Его могила где-то там, на сельском кладбище в селе Кметово". Так бы сказал вам лечащий врач, но его уже давно нет, он умер от воспаления легких, а саму больницу закрыли, и даже здание разрушилось, предварительно подвергшись пожару. Иван Селиверстович Марущак мог бы сказать: "Это "Джентльмен", "солнечный убийца", обученный по методике "Маккиавелли", моя головная боль и угроза стабильности на Земле". Но не надейтесь, Иван Селиверстович вам не скажет этого. И лишь на комфортабельном ранчо, в далеком штате Техас, где собрались представители всех спецслужб развитых стран для выработки общей концепции в борьбе с непонятными явлениями оккупации Земли извне, Ефим Яковлевич Чигиринский хриплым голосом сказал Тарасу Веточкину, указывая на безукоризненно одетого Гардиана Уайльда в английской делегации:

— Посмотри на этого британского пижона, одет как на приеме у королевы. Давай и ему морду набьем заодно со Смитом из МИ-6.

Тарас Веточкин бросил короткий взгляд на Уайльда и в принципе не возражая, засомневался:

— Мы не справимся с ним, Фима, и вообще, мы не в Одессе, я уже не говорю о Москве. Давай станем естественными, в смысле респектабельными, а то меня на службе в архив, на бумаги посадят.

— Как это не справимся?! — возмутился хулиганистый раввин из Хайфы. — А это зачем? — Он указал на двух следующих за ними могучих мossaдoвцев, преданно глядевших на Чигиринского.

— Давай и Смита не трогать, — уверенно встал на путь здравого смысла Веточкин. — Мы все-таки на международной конференции.

— Да ты глянь на них, — рассмеялся Чигиринский. — Это же полный атас — выноси веники.

И действительно, посмотреть было на что. Делегаты, медленно стекающиеся в большой конференц-зал ранчо, выглядели не лучшим образом. У Готлиба Брауна после встречи в спортзале с Бортниковым Леонидом Васильевичем под глазом пылал синяк-шедевр. Лучшая американская косметика потерпела поражение в попытке заретушировать его. Самого Бортникова не было, он спал у себя в номере, решив прогулять, как депутат Госдумы, это заседание. Американский генерал Солимон Джагер из Пентагона был безукоризненно выбрит и одет в смокинг, но на ногах у него были, явно по рассеянности не замеченные им, пушистые, зеленого цвета комнатные тапочки, а в глазах генерала плескалась вселенская, почти приближенная к русской, тоска. Оба немца, на первый взгляд, выглядели так же, как и в первый день, но на второй взгляд становилось понятно, что они вообще ничего не сообщают, потому что пьяны в стельку. Французов можно было

увидеть из окна конференц-зала, они забрали у одного из конных охранников ранчо лошадь и пытались по очереди сесть на нее, судя по их виду, это была далеко не первая попытка. И лишь итальянцы, наглухо официальные и в черных костюмах, как были похожи на сицилийских мафиози, так и остались, да и то Веточкин заметил, что из нагрудного кармана одного из "мафиози" задумчиво свисала одинокая вареная спагеттина.

Ребят можно было понять. Устроители этой конференции перестарались. Слишком много было на ранчо высококачественной, крепкой и вне ранчо недоступной по цене бесплатной выпивки.

Тяга к здравомыслию не была случайной в Тарасе Веточкине, не зря ведь он служил в ФСБ, одном из самых изоциренных ведомств России. Одного взгляда на Гардиана Уайльда из британской делегации ему было достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Эти выводы были не в пользу рукоприкладства, как того требовал неукротимый раввин из Хайфы. Более того, Веточкин заметил в Уайльде нечто такое, что ему до боли было знакомым, и вот сейчас, в последний день конференции, он пытался понять, что же именно.

Последний день конференции в корне отличался от первого дня и формой и содержанием. Во-первых, Готлиб Браун, погруженный в мрачный пессимизм после встречи с Бортниковым, наотрез отказался вести конференцию, мотивируя свой отказ странным умозаключением, не свойственным для США в общем и для ЦРУ в частности:

— Да я не лысый, чтобы как дурак распинаться перед всеми.

Странность была в том, что Готлиб Браун был действительно лысым до блеска на голове, а высокохудожественный синяк под глазом делал его заявление "как дурак" более чем двусмысленным.

Борис Власенко, непосредственный начальник Тараса Веточкина, толкнул его в бок:

— Иди и скажи что-нибудь высокой аудитории.

Веточкин коротко взглянул на начальника и шепотом ответил:

— Не могу, я весь в работе. Обратите внимание на англичанина Гардиана Уайльда. Даю сто процентов, он имеет отношение к нашему управлению по жизненно-актуальным ситуациям.

— Да ты что? — удивился Власенко. — Ладно, работай. — Он с пренебрежением посмотрел на сидящего рядом с ним Геннадия Вельтова из СВР, оглушительно чихнул и буркнул: — Извините.

— Что вы, что вы, дон Педро, это я вам должен кучу денег, — язвительно процитировал знаменитую театральную фразу Геннадий Вельтов.

— Я тебе сейчас за дон Педро... — возмутился Власенко, но, вспомнив, что он руководитель делегации, мягко проговорил: —

А я и не знал, Геннадий Анатольевич, что вы интересуетесь искусством, по вашему лицу этого не скажешь.

— Господа! — раздался голос Чигиринского, под охраной моссадовцев продвигающегося к трибуне. — Председательствовать буду я.

— Нет, сейчас время Германии! — неожиданно для всех поднялся с места один из немцев, и все присутствующие в зале поняли по его виду, что это невозможно в принципе.

Раввин из Хайфы утвердился с довольным видом на трибуне. Два моссадовца стали по бокам ее.

— Как вам не стыдно? — упрекнул Чигиринский немцев и с досадой посмотрел на трибуну, она была великовата для него, похожего ростом на Луи де Фюнеса. Яков Ефимович покинул трибуну, подошел к невысокой квадратной тумбе, на которой стояли в корзине цветы, убрал их и указал на тумбу моссадовцам, чтобы они перенесли ее к трибуне.

— Вот, — возникла над трибуной сияющая физиономия раввина, — спите! — махнул он в сторону уснувшего в своем кресле немца и произнес пламенную речь перед конференцией, собравшей представителей государственных служб, которых, в принципе, нельзя собирать вместе и которые, в принципе, сопротивляются этому. — Господа разведчики, хватит разыгрывать друг перед другом эту хохму. Завтра утром мы покинем гостеприимное ранчо, которое за счет правительств наших стран наполнено дорогостоящей выпивкой и прочими, включая очаровательных амазонок, достижениями цивилизации. Я предлагаю разойтись и посвятить оставшееся время работе с документами и размышлениям о Боге.

Последние слова Чигиринского потонули в буре аплодисментов, и поэтому никто из присутствующих, кроме Тараса Веточкина, не обратил внимания на то, что Гардиан Уайльд, “английский джентльмен”, встал со своего места, пренебрежительно окинул взглядом аудиторию и покинул конференц-зал. “Джентльмен” вдруг почувствовал, что стал тем, о ком предлагал поразмышлять Яков Чигиринский.

Можно сколько угодно думать, говорить и писать о судьбе, о роли в ней случайности, приравненной к целой цепи закономерностей, о том, что спуск воды в унитаз родственен, в той или иной мере, виртуозной игре на виолончели, о взаимодействии улыбки Джоконды с отрыжкой за обеденным столом. Можно сколько угодно размышлять об этом, ни на шаг не приблизившись к пониманию поступков судьбы, явлению случайностей и природы закона взаимосвязи.

“Джентльмен”, покинув конференц-зал уже Богом, направился к себе в номер. Если, как утверждают специалисты, каждый человек это “ходячая энциклопедия со множеством опечаток”, то каждый шизофреник это сгусток более-менее подконтрольного болезни хаоса. Алексей Васильевич Чебрak, создавая “солнеч-

ных”, учел все, кроме одного — непредсказуемых метаний шизофрении, которая, в конце концов, перестроила саморазвивающиеся биочипы в голове “солнечных” под себя. “Джентльмен” по действию отличался от “Улыбчивого”, не говоря уже о Стефане Искре. Нет, конечно же, и “Джентльмен” мог толчком пальца сломать человеку позвоночник и, если надо, пробежать за одну ночь сто километров, но это, как говорят студенты мединститута, “общая специализация” перед выбором индивидуальностей. Индивидуальная специальность “Джентльмена” не требует пояснений, она слышится в самой кличке. Поэтому Гардиан Уайльд, войдя в номер, раскрыл свой дорожный кофр и, поставив его на кровать, стал собирать вещи. Первое, что он счел нужным туда положить, — зубная щетка, паста, мыло и полотенца. Затем “Джентльмен” уложил в кофр две чистые рубашки, дюжину носовых платков, электробритву, три пары чистых носков, комплект нижнего белья. Взяв в руки служебный револьвер, тут же с пренебрежением отбросил его в сторону — суперразведчику “УЖАС”а, прикомандированному к СВР, револьвер не нужен, это все равно что подстраховать ручной гранатой взрыв ядерной бомбы. Собравшись, Гардиан Уайльд подошел к зеркалу и с пристрастием оглядел себя: Бог должен выглядеть безукоризненно. “Джентльмен”, “солнечный убийца”, именно так и выглядел. “Сначала в Нью-Йорк, — решил “Бог”, — он должен погрузиться в хаос, а затем домой, в деревню, надо посмотреть, целы ли в моем тайнике бинокль, подаренный отцом, и морской кортик, хи, что я стырил у Васьки из десятого “А”.

“Джентльмен” взял в руки кофр, еще раз оглядел номер и направился к выходу. Он не знал, что судьба уже сделала ленивое телодвижение, случайность уже выложилась в неизбежность, закон взаимосвязи стал непреложным.

“Джентльмен” спускался по лестнице к парадному выходу из ранчо, но, проходя мимо мозаичного и дорогого исполнения витражного окна сбоку лестницы, решил покинуть ранчо через него, что и сделал. Оп-паа! Высота шесть метров для “солнечного” не высота, он выпрямился, и тут же в голове его раздался взрыв, и все, включая хаос в Нью-Йорке и встречу с несуществующей юностью в деревне Кметово, стало для суперсолдата и супершпиона, обученного по системе “Маккиавелли”, неактуальным. Он умер, спрыгнув на землю именно в тот момент, когда взбешенный неуклюжими попытками пьяных французских разведчиков сесть на него мустанг охранника лягнул задними ногами. Леже Кони отпрыгнул, а на его место спрыгнул английский джентльмен из Курской области.

— Что случилось? — с недоумением спросил Люсьен Гирмари, подходя к растерянному Леже Кони.

— Если не ошибаюсь, — уже вполне невозмутимо ответил Кони, — это международный скандал, американская лошадь убила английского подданного.

Глава десятая

Стечение обстоятельств выложилось так, что сочинский подполковник Абрамкин с сильным сотрясением мозга оказался в одной двухместной палате с рецидивистом и вором в законе Геннадием Кнышем по кличке "Италия", у которого кроме сильного сотрясения мозга была сломана ключица. "Два лоботряса", пошутил Самсонов, навещая по знакомству Абрамкина и с оперативной целью Италию. Но с Италией ничего не получилось, он беспробудно спал чуть ли не круглыми сутками, а подполковник Абрамкин шепотом сказал Самсонову, кивая на постового милиционера в палате:

— Прощу тебя, Иосифович, убери ты его из палаты, пусть в коридоре сидит. Я прикинусь тоже рецидивистом и задружу с Италией, когда он очнется, может, удастся что-либо выведать, а ты проинструктируй постового, чтобы он вел себя со мной соответственно легенде.

— Давай тебя еще и наручниками за одну руку к кровати пристегнем, — воодушевился Самсонов, — и не брейся.

— Давай, — покорно согласился Абрамкин, — пристегивайте. Вид у Абрамкина был еще тот, щетина, перевязанная "корзинкой" голова, одержимый огонь в глазах.

— Тогда надо делать все по уму, — принял решение Самсонов, — театр требует жертв.

Последней фразой Самсонов даже слегка испугал Абрамкина, правда, не надолго. Подполковник был не из пугливых.

— Ты прав, начальник, — мгновенно вошел в роль сочинский подполковник. — Театр начинается с вешалки, — обескуражил он цитатой Самсонова, — гадом буду.

Служба есть служба. Пока Италия, потрясенный ударом камерного "телевизора" и снотворными препаратами, спал, у подполковника Абрамкина отобрали хорошую домашнюю пижаму и одели в кальсоны и майку с больничными штемпелями, отобрали сигареты "Винстон" и выдали "Приму", забрали продукты домашнего приготовления, принесенные ему Аллой Вострецовой, владелицей ателье "Мечта", у которой на время командировки поселился Абрамкин, и он стал хлебать больничный суп. Вдобавок ко всему, сменили патрульного милиционера и поставили в коридоре двух новеньких, которые были абсолютно уверены, что охраняют двух закоренелых преступников, одного хорошего, местного, которого они знали (Италию в городе знали все), а второго гада, залетного гастролера. Аллу Вострецову перехватил возле больницы Савоев, когда она вытаскивала сумки с провизией из своей "тойоты".

— Алла Юрьевна, бросьте переводить продукты, вот посмотрите. — Савоев протянул ей брачное свидетельство, паспорт и фотографию семьи Абрамкина вместе с самим Абрамкиным в центре, которые он, неизвестно зачем таскающий с собой и брачное свидетельство, хранил в сейфе управления. — Он морально не-

стойкий. Мы его после выписки привлечем к дисциплинарной ответственности за разврат.

— Какой разврат, с кем? — удивилась Алла Юрьевна, с умирающей в глазах надеждой глядя на фотографию, где Абрамкин, обнимая необъятных размеров супругу, стоял в окружении своих детей, четырех мальчиков и двух девочек. — С кем разврат, Савоев?

— Не с вами, конечно же, — успокоил ее Савоев, с интересом разглядывая аппетитную во многих местах фигуру Аллы Юрьевны, — честное слово.

Алла Юрьевна бросила на Савоева заинтересованный взгляд, аккуратно сложила пакеты с продуктами на заднее сиденье “тойоты” и смущенно сказала оперативнику:

— А ведь со мной, Слава, заниматься развратом даже очень интересно. — Она села в автомобиль, включила зажигание и, прежде чем тронуться, предложила Славе: — Заходи ко мне в ателье, я с тебя мерку сниму.

— Что ты? — подошел к Савоеву Степа. — У тебя вид кастрированного плейбоя.

Сообщив Хромову в Москву, что он еще задержится в Таганроге для “выяснения некоторых странных обстоятельств, напрямую касающихся Москвы”, Саша Стариков еще толком не понимал суть и форму этих обстоятельств, но чувствовал их едва уловимую неординарность.

— Как ты думаешь, что за тайна спрятана в этом взлохмаченном, южнорусском городе? — спрашивал Саша у Пуаро, запуская пальцы в его густую шерсть.

Все дело было в Клунсе. Саша внимательно осмотрел квартиру Клунса, старинные предметы неизвестного культа, похищенные из нее и изъятые во время обысков в доме Италии и Комбата. Допросы членов воровской группы шниферов принесли мало информации по этому поводу...

— Он попросил отдать ему эту штуковину, — рассказывал Саше Старикову один из подследственных воров по кличке “Паскуда”, — и тогда он отказывается от доли. Комбат ему еще говорит, ты дурной китаеза, бери эту штуку и долю получай, нам эти свитки до лампочки, даже если они миллионы стоят. Мы их продать не сможем, низко летаем. Но узкоглазый только эту штуковину взял и все, больше его не видели, ну да это его дело.

Паскуда курил сигареты и чувствовал себя вполне хорошо в кабинете оперативников, где кроме Саши Старикова был еще и Степа Басенок, не вмешивающийся в ход допроса. Он сидел за своим столом и заполнял бумаги, писал отчеты, то есть нес самое тяжелое бремя оперативной работы.

— Да объясни ты толком, что это за штуковина. И что в ней хотя бы приблизительно находилось?

— Круглый стаканчик, из бронзы, по-моему, — охотно делился знанием Паскуда, — сверху закручивался крышкой, внутри

какие-то плотные листы, свитки, одним словом, фигня. Я спросил у китаезы, что это такое, а он говорит "Некрономник", короче, фигня на постном масле...

"Некрономник" — книга мертвых. При упоминании об этой книге вздрагивают бледные демиурги и становятся тоскливыми глаза "спустившихся с неба" элохимов, бледнеют лица священников, посвященных в тайные знания вечного движения, усмеются тибетские отшельники и впадают в транс шаманы тувинского племени эгльс, еще тысячи лет назад покинувшие Туву и осевшие в непроходимых дебрях Амазонских джунглей. В свитках "Некрономника" было нечто, что ставило под сомнение все, включая клио-вселенные, откуда пришли демиурги, создатели Ада, и высшее знание элохимов, опустившихся на землю из пространственно-глубинной, собирательно планетарной облачности, которую они называли гортанно-мягким именем "Ра-аай". "Некрономник" нес в себе закодированное имя создателя начала бесконечности. Но даже не это напрягало и смущало нелюдь и нежить Земли, а то, что "Некрономник" предназначался не хозяевам, а рабам-людям. На заглавном свитке "Некрономника" была начертана штриховой письменностью истина: "Познавший суть мертвого, с ужасом взирает на живущего".

...Саша Стариков ничего этого не знал, да и не хотел знать. Он хотел лишь поймать преступника, вешающего людей, и отправить его в тюрьму, по возможности, навсегда. Узнав об убийстве Хонды, он сразу же подумал, что его убийца и убийца Клунса это одно и то же лицо.

Пока Саша Стариков пытался выяснить, почему агент ФСБ и вьетнамский авторитет Хонда оказался в Таганроге в роли квартирного вора, интересующегося культовым антиквариатом в виде свитков некоего "Некрономника", полковник Хромов, в свою очередь, пытался выяснить по телефону у Самсонова следующее:

— Как там дела у вашего городского прокурора?

— Миронова, что ли? — удивленно переспросил у него Самсонов.

— Да, — удивился удивлению Самсонова Хромов. — Он хороший парень.

— Ладно, — неожиданно воодушевился Самсонов, — я выясню, позвони попозже, Леонид Максимович. А сам почему ему не позвонишь?

— Уже четыре раза звонил, но его то дома нет, на работу ушел, то на работе нет, еще из дома не вышел.

— Понятно, — усмехнулся Самсонов и добавил: — Он у нас такой, встретишь один раз на улице, и потом всю жизнь по ночам снится будет.

— Миронов, что ли? — пришла очередь удивляться полковнику Хромову, но вспомнив Миронова, идущего под московским ап-

рельским снегом в шортах, он согласился с коллегой: — Да, конечно. Яркая личность.

— Ходячая фотовспышка, — рассмеялся Самсонов и ни к селу, ни к городу пояснил: — В смысле фотографироваться любит. — И тут же без всякого перехода спросил: — Ну и что вы думаете насчет Хонды? Ваш человек по-прежнему у нас что-то обнажить пытается.

— Где он, кстати? — живо заинтересовался Хромов. — И как он вам?

— Хороший парень, копия моих разгильдяев. Они уже сдружились и сейчас гуляют с Пуаро, в смысле с собакой, ушами груши околачивают.

— Понятно, — расхохотался Хромов, — работает, ну и добро. Значит, узнаешь, Иосифович, как дела у фотовспышки?

— Хорошо, — согласился Самсонов, — узнаю. А как там мой парень?

— Молодец, парень талантливый, — похвалил Игоря Хромов. — Я его у себя оставлю.

— Ну уж нет, — возмутился Самсонов, — я тогда с тобой разговаривать не буду и руки на банкете каком-нибудь не подам демонстративно.

— Шучу.

— Да я знаю.

С некоторых пор город и управляющее им начальство обратили внимание на то, что в Миронове появились признаки какой-то одержимости, напоминающей осатанелость. Он стал жестким, несговорчивым и неприятно честолюбивым, то есть говнистым. Миронов вдруг начал следовать букве закона настолько, что даже перестал брать взятки, что до глубины души возмутило всех, даже областного прокурора, который поспешил отписать в Генеральную прокуратуру представление о “бескомпромиссной работе прокурора города Таганрога Миронова С. А. на ниве закона” и о том, что “служение закону вызвало ряд угроз в адрес нашего коллеги, и областная прокуратура всерьез опасается за его жизнь”. В Генпрокуратуре, ознакомившись с этим представлением, стали чесать затылки, ибо понимали, что есть всего два способа официально избавиться от неугодного чиновника — смешать его с грязью или протолкнуть на удаленное от занимаемой должности повышение.

— Видимо, взятки не берет? — поинтересовался Генпрокурор у куратора по Ростовской области, заноса руку для подписи под приказом о повышении в должности Миронова. — Или как?

— В нашем ведомстве факты получения взяток чрезвычайно редки, — ответил Генеральному куратор, — а Миронова я хорошо знаю. Добродушный, огромного роста увалень, мягкий, интеллигентный человек. Не предполагал, что он настолько достанет область, что они его даже на повышение начнут толкать.

— Ага, как же, — злорадно усмехнулся Генпрокурор, — нашли где искать дураков. — Он ткнул пальцем в куратора, государственного советника юстиции первого класса. — Возьмешь весь уральский регион, а Миронова сюда, пусть теперь из Москвы за своими земляками наблюдает.

— Потрясающе! — воскликнул довольный куратор, получивший в виде “уральского региона” значительное “трамплинное” повышение, и от избытка чувств добавил неизбежное восклицание: — Вы гений!

После операции по удалению внутрочерепной опухоли Миронов вдруг четко осознал, что он не такой, как все, а гораздо умнее, достойнее и благороднее.

— У нас в роду дворяне есть? — как-то спросил он у своей семидесятидвухлетней матери. — Или что-то наподобие?

— Конечно, есть, — с удивлением посмотрела на него старушка. — Твой отец директором Дворца культуры завода “Красный котельщик” был, а дед так вообще буфетчиком в обкоме партии служил.

— Ну да, — разочарованно покивал головой Миронов, — конечно, конечно, мама.

Родословная не смутила Миронова. Он чувствовал в себе хлесткую и упругую энергию холодного интеллигента. Он не знал, что вживленный ему в мозг биочип “Самурай” увеличил его интеллектуальные и психические возможности в три раза. Миронов стал замечать, что ему достаточно один раз бросить взгляд на страницы записной книжки, чтобы уже никогда не пользоваться ею. Память отщелкивала все записи, и надобность что-либо записывать у Миронова отпала навсегда. У него вдруг появились способности к языкам, и в течение двух недель он уже вполне сносно владел английским и приступил к изучению японского. Ему стали понятны человеческие лица, взглянув на лицо собеседника, он сразу проникал в глубины его характера и психологии, знал, когда тот говорит правду, когда лжет. Одним словом, Миронов стал опасным конкурентом для всех, кто делал карьеру на поле Правосудия, которого, как известно, нет, не было и никогда не будет ни в одном государстве мира. Но Миронов не знал, что в нужный час и в нужном месте он перестанет быть самостоятельным человеком и превратится в ОРУЖИЕ.

Странная, мощная и клочковатая сила шизофрении, периодически овладевающая Леней Светлогоровым, делала его похожим на врожденного дебила, который неожиданно для себя и окружающих защитил докторскую диссертацию по хронологическому времени и был внесен в шорт-лист на соискание Нобелевской премии.

— Вы, Светлогоров, — говорил ему Мурад Версалиевич, — неменяемы по сути, маньяк-гуманист.

— Я знаю, — благодушно кивал в ответ Ляня, — а вы, в принципе, дурак по форме.

— Это еще почему? — сбился с мысли Мурад Версалиевич и, бросая в урну под столом извлеченную из кармана халата кожуру банана, добавил: — Попрошу не переходить на личности.

— Хорошо, — легко согласился Ляня Светлогоров. — А в город меня по выходным выпускать будете?

— Нужно разрешение комиссии, а затем решение суда о том, что тебе можно покидать больницу по ходатайству родственников или тех, кто готов внести за тебя залог, я имею в виду Самвела Тер-Огоняна.

— А как насчет самоволки? — поинтересовался Ляня. — В смысле в пятницу ушел, а в воскресенье вечером пришел?

— Ну да, — усмехнулся Мурад Версалиевич, — и за это время ты все кладбища в городе квадратно-гнездовым способом перекопал.

— Я два раза в одну реку не вхожу, — сморозил чушь Ляня Светлогоров. — Я просто хочу по городу осеннему походить, а ты мне, Мурад, прошлое поминаешь. Сволочь психиатрическая.

— Ну, ну, — всполошился Мурад Версалиевич, — успокойся. Самоволка предполагает, что тебя никто не увидит. Я закрою глаза, а ты их пошире раскрой, особенно в пятницу, когда уходить будешь, и в воскресенье, когда приходить станешь, тем более, что у меня в это время выходной, так что тебе не со мной, а с Екатериной Семеновной договариваться надо.

— А ты не дурак, доктор, — похвалил Мурада Версалиевича Ляня, — но и я не придурок. Напиши ориентировку.

— Что за ориентировку? — перепугался Мурад Версалиевич. — У тебя что, Светлогоров, волна пошла?

— Обыкновенную, — спокойно развивал свою мысль Ляня. — Чтобы она во время обхода думала, что я выгляжу как застеленная постель со спящей на ней подушкой и делала в своем журнале пометку “Светлогоров в субботу вел себя хорошо, читал книги, спал и писал картины”.

— Ну уж нет, — обреченно махнул рукой Мурад Версалиевич. — По выходным лучше я дежурить буду. Но, — он строго взглянул на Ляню, — через раз.

“Хватит тебе дрыхнуть, — мысленно возмущался подполковник Абрамкин, поглядывая на похрапывающего Италию, — сколько можно?”

Подполковник подготовился к работе “подсадной уткой” по полной программе, но уже начинал тяготиться ожиданием. Италия спал и, судя по глубине и продолжительности сна, собирался это делать долго.

— Хватит колоть человеку снотворное, — обратился Абрамкин к процедурной сестре, пришедшей делать уколы в сопровождении милиционера. — Совсем замучили парня.

Медсестра промолчала, а сопровождающий ее охранник бросил зло:

— Молчи лучше, а то вторую руку наручником пристегну.

— Молчу, молчу, начальник, — успокаивающе поднял свободную руку Абрамкин.

Прошло уже три дня, как подполковник надел на себя шкуру залетного гастролера-уголовника, и за это время он здорово преобразился. Трехдневная щетина, питание синим больничным супом и прохлорированной мороженой рыбой сделали его похожим на рецидивиста, ветерана тюрем, после десятидневной голодовки. Во всяком случае, дежурившие в коридоре милиционеры считали его куда как более опасным преступником, чем мирно спящий и хорошо знакомый им Италия. По ночам Абрамкин мерз, больничное одеяло было коротким и прозрачным от времени. Он с завистью поглядывал на вора в законе, которому уже передали огромное и толстое одеяло с изображением медведя панду. "Ничего, — думал прохладно-осенними ночами принявший позу эмбриона под одеялом подполковник Абрамкин, — вот раскручу эту скотину, — он с ненавистью посмотрел сквозь прореху в одеяле на Италию, — и тогда посмотрим, кто лучше, сочинские или таганрогские".

На четвертый день утром Италия открыл глаза, сладко зевнул, повернул голову в сторону Абрамкина, несколько мгновений недоуменно смотрел на него и сказал:

— Привет, майор. Это тебя из Сочи меня охранять прислали?

— Не майор, а подполковник... — начал было Абрамкин, но осекся и со злостью посмотрел на Италию.

Глория Ренатовна Выщух готовилась к свадьбе. Несмотря на то, что это противоречило всем традициям и условностям, Самвел Тер-Огонесян настаивал на белом платье, кортеже, многолюдном пиршестве и прочих атрибутах, включая венчание в церкви и регистрацию в загсе.

— Это же смешно, Тери, — увещевала его Глория Ренатовна, — у меня же есть ребенок и напрочь отсутствует девственность. Зачем так много шума, да еще белое платье с фатой?

— Дорогая, если у человека есть возможность устроить праздник, он не должен отказываться от этого. Нельзя отнимать у людей возможность позлословить и похихикать за спиной, это слишком жестоко, люди этого не прощают, особенно тем, у кого есть деньги. Удачливые и счастливые ничего кроме ненависти у окружающих не вызывают.

Глория Ренатовна настолько заинтересовалась мыслью Самвела, что даже прекратила разглядывать подаренные им спиралеобразные золотые серьги с капельками бриллиантов на концах.

— Мы организуем свадьбу по всем канонам. Я выставлю стол на всю длину улицы. Пусть люди как следует поедят и выпьют, пусть переберут за столом наши косточки и подвергнут осужде-

нию за размах и демонстративность, а затем снова поедят и выпьют. Тогда они нам многое простят, и зависть их будет не так разрушительна для нас, да и для них тоже.

— На всю длину улицы? — переспросила Глория Ренатовна, начиная вживаться в роль жены. — Лучше на всю ширину, да и то слишком жирно будет.

— Ну что ты, дорогая, — усмехнулся Самвел. — Улица не городская, а та, где наш загородный дом в дачном поселке, всего-то двадцать метров, и живут на ней в основном мои родственники.

Глава одиннадцатая

Отшельник-лама Горы исполнил свое обещание. Вторая встреча далай-ламы с демиургами не была мучительной. Они не стали вынимать из него душу, он пришел к ним весь...

Хорузлитно-лунитная оболочка глубинного мира не была сплошь монолитной, внутри у нее были ходы, залы, наблюдательные пункты, тайные выходы в заповедные сапфировые пещеры, ведущие в сторону поверхности. Этот "буферный" мир был многолюден. Его освоили тибетские ламы, иудейские маги, индуистские монахи, племена, пришедшие сюда еще со времен ацтекской цивилизации, никогда не поднимавшиеся на поверхность. Здесь можно было встретить храмы абсолютной темноты, где выращивались пророки, отсюда выводили в Индию живого ребенка Бога. "Буферный" мир был страшноватым, его населяли люди древнего обрядово-культового и мистико-магического мировоззрения. Именно отсюда пришли на поверхность Земли знобкие и туманные представления о вампирах, призраках и неприкаянных душах умерших. Далай-лама знал, что здесь, в "тамбурно-буферном" мире можно встретить смерть на каждом шагу, но он также знал, что, убив, тебя сразу же могут оживить и пожелать дальнейшего "счастливого пути", потому что "буферный" мир на самом деле был огромной научной лабораторией, страной великих ученых, сохранивших цельнокупное мышление, сочетающееся с практицизмом узкой специализации и имеющих возможность для безграничного созидания. Ученые "буферного" мира напрямую общались с атлантами и лемурианцами в каплеобразных пустотах хорузлитно-лунитной оболочки и поэтому ведали обо всех возможностях прошлого, величие и мудрость которого начисто зачеркивали и принижали значение будущего. Здесь, в промежуточной цивилизации, можно было понять тягу фараонов к мумифицированию своих тел после смерти и сокрытие их в пирамидах...

Пять дней и ночей понадобилось далай-ламе для того, чтобы тайными ходами через лабиринтные пещеры добраться до первых форпостов промежуточной цивилизации. Дорога была опасной и трудной уже по той причине, что он шел не через проторенные храменные пути Индии, а выбрал по совету ламы Горы пути соглядатаев, своеобразный "черный ход" в пространство необуздан-

ной истины. На шестикилометровой глубине ему стали досаждать дибу, алмазные змеи, почти все щели и выступы пещерного пути на этой глубине были заполнены кладками яиц этой смертоносной красавицы. Стоило только присесть или прилечь, как тут же эти кораллово-желтые носительницы смерти льнули к теплу тела, вползали на грудь и замирали в экстазе. Далай-лама не прогонял их в короткие минуты отдыха. Браслеты правителя Тибета из осанна на запястьях рук надежно защищали его от убийственного поцелуя алмазной змеи.

После шестикилометровой глубины дибу исчезли, чувствовалась близость мебиусной пещеры, места, где время качественно меняется и становится более снисходительным к тем людям, которые сумели прийти к нему.

Далай-ламу удивляло многое на этом пути к демиургам. Во-первых, наитие, которое вело его подземными тропами в глубь Земли. Он шел уверенно, не сомневаясь, как будто ходил этой дорогой всю жизнь. Во-вторых, уже после уровня глубины, когда исчезли дибу, исчезло и ощущение пологости спуска, далай-лама почувствовал появление не знакомой ему горизонтальности, хотя точно знал, что продолжает идти вглубь. На десятикилометровой глубине воздух стал чистым и легким, стали попадаться совершенно невообразимые для людей поверхности сооружения в виде нефритовых пещер. Они были настолько высокие и обширные, что взор далай-ламы не видел их конца. Впрочем, это уже нельзя было назвать пещерой, просто другое пространство, плавно перетекающее из нефритового в гроссуляровое, где верхнего свода уже не было видно. Ровный и нежный свет с мягкой прозеленью и робкой розоватостью в своей лучевой структуре лился сверху, сбоку и снизу, преломляясь в огромных холмообразных глыбах сапфира, скользя по поверхности асианских озер. Если бы кто-то увидел далай-ламу со стороны, то заметил бы, как вокруг него вихрится облако, а над головой сияет корона нимба. Но пространство было безлюдным, никто его не видел в этом одеянии из света. По мере погружения в область "буферного" мира далай-лама чувствовал, как его тело наполняется легкостью и уверенностью в себе. Далай-лама был знаком с этим эффектом возвращающейся юности, он знал, что пересекает потоки тонкой энергии сапфирово-бирюзово-изумрудного происхождения. Неожиданно лама резко остановился и схватился двумя руками за голову. В его мыслях, грубо и резко, вспыхнула чья-то усмешка. Далай-лама отвел руки от головы, сосредоточился и перешел на плавный медитационный шаг. Он знал, что попал в поле зрения агрессивного мистика. "И куда ж ты идешь, неуклюжий лама?" — услышал он внутри своих мыслей чужой вопрос. "Как отвечать, — растерялся лама, — словом или мыслью?" "А ты не отвечай, я сам все выясню", — прошелестел голос. У далай-ламы создалось ощущение, что внутри его головы ползет скорпион, задумчиво решающий, вонзить ядовитый шип в мозг или не надо? "Не надо, не надо, —

успокоил его голос, — я страж у входа в хорузлитно-лунитные лаборатории, я предупрежден, лазурные ламы ждут тебя, неуклюжий лама. Не торопись, потомок, а то проскочишь вход. Подойди к центру асияного озера и стой там". Далай-лама послушно свернул к небольшому, метров пятьдесят в диаметре, ярко-зеленому озеру и, став на переливающуюся вздохами бликов поверхность, проскользил к центру. "Изумрудное" озеро вздохнуло, и далай-лама, застывший в медитации, стал погружаться в зелено-нежное пространство асии.

Глава двенадцатая

Красный "феррари-360 спайд" вывернул из-за угла 13-й улицы на Чартон-стрит и на большой скорости направился к 72-му шоссе, ведущему к Аризоне. За рулем сидел одетый в светло-легкий костюм дорогого качества мужчина лет тридцати. Мужчина был редкого класса, красавец, плейбой и одновременно ведущий ученый Хьюстонского научного центра, создатель хронометрической сплавной структуры на основе открытых российским ученым Тассовым брусчатых хрусталиков, соединенных с маломанитными сверхпрочными металлами. США, втайне от мира, приступили к созданию первого в мире хронолета. Америка хотела заполучить власть над временем. Мужчину звали Вильям, а фамилия у него была Кузнецов, он был русским гражданином США. Время от времени он бросал влюбленные взгляды на сидящую рядом с ним прекрасную девушку. Несмотря на легкий налет субтильности, девушка не выглядела хрупкой. Когда "феррари" разогнался до скорости 250 миль в час, девушка окликнула мужчину:

— Вильям.

— Да, любимая, — немедленно отозвался мужчина, не отрывая взгляда от дороги.

— Прощай. — Одинокая слезинка скатилась по щеке девушки.

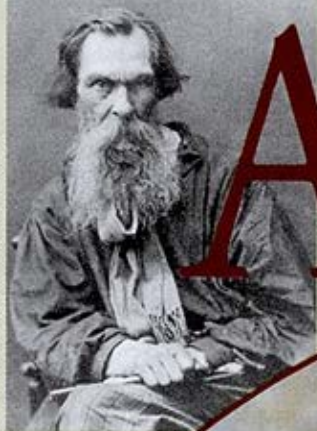
— Что?!

Но более Вильям Кузнецов ничего не смог сказать. Девушка правой рукой схватила его за подбородок и рывком вздернула голову мужчины вверх, убив мгновенно.левой рукой, действующей одновременно с убивающей правой, она открыла дверцу со стороны водителя и толчком ноги выбила труп на шоссе. Перехватив руль, девушка переместилась на водительское место, одновременно захлопывая дверцу.

По 72-му шоссе в сторону Аризоны мчался красный "феррари", за рулем которого сидела красивая одинокая девушка. Это была вышедшая из-под контроля "УЖАС"а "Малышка", "солнечный убийца", обученный по системе "Черная вдова". В данный момент она улыбалась и чувствовала себя юным Богом... ■

Окончание следует.

А. Н. Саврасов. Фото. 1890-е

Алексей

Саврасов

Ирина БЕСПАЛОВА

Вид на Москву от Мазилова. 1861.

Странная закономерность. Художник в России, за весьма редким исключением, как бы талантлив он ни был, как бы удачно ни складывалась в самом начале его карьера, — конец имеет горький и печальный. Куда-то исчезают восторженные поклонники, друзья оказываются явными недоброжелателями, а публика равнодушно отворачивается от вчерашнего кумира. В душе разлад, а впереди маячит — у кого петля, у кого канава, как последнее прибежище, или бездонная бутылка, в которой топится вместе с тоской и разочарованием талант, или же, и это в лучшем случае, тихо угасает, смирившись с не востребованностью и забвением.

Не избежал подобной участи и Саврасов. Тонкий и лиричный пейзажист, один из самых поэтичных художников России.

Поначалу все складывалось довольно удачно...

Алексей Кондратьевич Саврасов родился 24 мая 1830 года в Москве, в Замоскворечье, в семье мещанина Кондратия Артемьевича Саврасова. В тихом и сонном Замоскворечье селились в основном мастеровые, средней руки купцы. Весной улицы наполнялись пьянящим ароматом цветущих садов, по осени царила непролазная грязь. Вдоль улиц жались впритык лавчонки с дешевым товаром, в одной из которых и торговал галантерейной мелочью Кондратий Артемьевич. Семья постоянно кочевала с улицы на улицу, видимо, отец выбирал для своей торговли место побойчее, и жили то на Якиманке, то на Пятницкой, то прибывались к Калужской заставе. Достатка особенного не было, но и не бедствовали.

Тяга к рисованию у маленького Саврасова проявилась рано. Лет в 12 он уже сбывал по дешевке свои картинки перекупщикам с Никольской улицы. Сюжеты брал из заморской жизни, что-то типа “Извержение Везувия” или “Бури на море” — явное подражание Айвазовскому; писал гуашью, карандашом или акварельными красками. В 14 лет поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, но проучился там недолго, пришлось уйти, тяжело заболела мать, да и Кондратия Артемьевича желание сына стать художником приводило в ярость. Естественно, ему хотелось видеть наследника солидным торговцем, купцом, а не перепачканным краской бродягой. Потому наследник был частенько бит и выгоняем “из квартиры за страсть к живописи на чердак”. И хотя у Саврасова не было наставника, никто не учил его, как правильно обращаться с кистью, акварельными красками, не раскрывал секреты профессиональных премудростей — несомненный талант мальчугана не остался незамеченным. У него даже появился покровитель, обер-полицеймейстер Москвы, генерал-майор Лужин, прослышавший о “необыкновенных художественных способностях” юного дарования. (Несколько лет спустя Саврасов напишет два полотна с видом имения покровителя.) Именно Лужин в 1848 году похлопотал перед руководством Училища живописи, ваяния и зодчества, чтобы Алексея Саврасова вновь зачислили в пейзажный класс. Мастерскую вел известный в то время

художник Карл Рабус, человек просвещенный и образованный, с широкими взглядами. Своих подопечных Рабус не только учил основам мастерства рисунка и живописи, но и развивал их, образовывал, читал лекции по эстетике, истории искусств. И дети крестьян, мелких торговцев, мещан, не имевшие возможности изучать общеобразовательные предметы, получали от Рабуса необходимые для культурного человека знания.

В Училище Саврасов довольно быстро и легко выдвинулся в лучшие, перспективные ученики. И хотя по-прежнему копировал любимого Айвазовского, у него появились этюды Воробьевых гор, написанные с натуры, что так поощрял Рабус, не устававший повторять, что лучший учитель для живописца — сама природа. И в 1848 году, по сути толком еще и не проучившись, он был отмечен в отчете Московского художественного общества как ученик, “представивший лучшие эскизы”.

Год спустя Саврасов совершил свою первую творческую поездку. Отправился на Украину, писать тамошние виды, благо все “командировочные” расходы взял на себя известный московский меценат И.В. Лихачев. Поездка была краткосрочной, но весьма плодотворной. И хотя композиционно некоторые работы выстроены не совсем удачно, в них чудесным образом сочетались “правда самой природы” и настроение, чувства самого художника. И о Саврасове заговорили как о “надежде русского искусства”. А еще через год, в 1850-м, он написал две прекрасные картины: “Вид Московского кремля при лунном освещении” и “Камень в лесу у Разлива”. Они были так хороши, так самобытны и мастерски исполнены, без малейшего намека на ученичество, что Карл Рабус, отправляя их в Петербург на выставку в Академию художеств, на всякий случай приложил к ним письмо, в котором подтверждал, что его ученик создал их самостоятельно. А Совет Московского художественного общества посчитал, что Саврасов уже достиг достаточно зрелого мастерства, и присвоил ему звание некласного художника.

Саврасов никогда не писал портретов, но и не был “чистым пейзажистом”, потому что многие картины “населял” фигурами людей, отчего усиливалось и подчеркивалось единство природы и человека. При этом он не превращал их в “сладкую пастораль” со счастливыми пастушками и румяными пастушками. Напротив. Вот мальчишки, собравшиеся на рыбалку, внезапно вышли на крутой обрыв и теперь решают, как миновать препятствие; босоногая женщина убегает от надвигающейся грозы, а небо уже в тяжелых тучах, резкие порывы ветра ломают сучья векового дерева; чумаки устроили вынужденный привал, так как застряли на раскисшей после сильного дождя дороге; от тихой сонной реки с крутыми берегами уходит домой мужик, таща тяжелые сети и корзину с уловом. А еще на его сельских дворах копошились куры, на покосившихся изгородях сидели вороны, оголодавшие за зиму волки выходили из голого леса и как разбойники подсте-

Древовидный папоротник. 1854.

художника вследствие теплого и вместе разумного воззрения на природу”.

В 1854 году в Училище проходила выставка работ ее воспитанников. Представил и Саврасов свои полотна. Их незаурядность, бесспорное мастерство привлекли внимание президента Академии художеств, большой ценительницы искус-

регали добычу у накатанной людьми дороге, стояли, спокойно прядая ушами, кони в ночном, на залитой солнцем лужайке паслись коровы, у небольшой речушки ворковала супружеская пара журавлей, и желтая бескрайняя степь незаметно сливалась с бледным от зноя летним небом.

В начале 1850-х годов Саврасов работает над картинами “чудного приволья” — своеобразный отчет от поездок на юг России и Украину. Действительно, “приволья” в них оказалось с избытком: степи без конца и края, огромные пространства земли, расстилающиеся под синью неба. И нежные, ласковые краски, прозрачные, спокойные тона. Преподаватель Училища, скульптор и критик Николай Рамазанов писал о них в журнале “Москвитянин”: “Пейзажи г. Саврасова... дышат свежестью, разнообразием и тою силою, которая усваивается кистью

ства, великой княгини Марии Николаевны. Августейшая особа купила его картину “Степь с чумаками вечером” и пригласила художника в свою загородную резиденцию Сергиевка под Петербургом “для написания видов с натуры”. Лестное предложение было с трепетом принято. Саврасов написал две работы: “Морской берег в окрестностях Ораниенбаума” и “Вид в окрестностях Ораниенбаума” и кое-что по мелочи из оранжереи княгини, в частности “Древовидный папоротник”, и очаровал ими не только великую княгиню, но и Совет Академии, который присвоил за них Саврасову звание академика. Художнику тогда было всего 24 года.

Озеро в горах Швейцарии. 1866.

Вернувшись домой, Саврасов продолжал писать любимые окрестности Москвы в Кунцеве, Сокольниках, некогда необычайно живописные места, притягивавшие к себе многих художников. Писал Кремлевские соборы, московские церкви, нищие подмосковные деревеньки с ветхими домами, сельские пейзажи с фигурами крестьянок...

В 26 лет Саврасов женился. Счастливой избранницей оказалась девица строгих правил, с железным характером, самостоятельная и независимая, всегда собранная, аккуратная. Типичная немка. Аделаида Софья Герц. Софи была из очень приличной семьи, родню имела знатную, известную всей Москве. Отец — богатый, удачливый купец, владел собственным огромным домом на Мясницкой, кстати, расположенном напротив Училища. Видимо, это обстоятельство и поспособствовало знакомству молодых

Сосна из Гусарова. 1850-е. Рисунок.

людей. Да к тому же, младший брат Софи, Константин, учился вместе с Саврасовым, и они даже приятельствовали. К слову, еще один брат — старший — Карл был преуспевающим архитектором и преподавал историю искусств в Московском университете. Несмотря на обеспеченность, Софи, не желая ни в чем зависеть от родителей, получила образование, и сама зарабатывала на жизнь, давая частные уроки детишкам из богатых семейств. Правда, невесте к моменту венчания уже перевалило за тридцать, ну да что с того. Главное, именно такая “железная” девушка и нужна была мягкому, безвольному Саврасову.

Сосны. 1860-е.

К тому времени он преподавал в Училище, вел класс живописи и перспективы. Молодоженам предоставили казенную квартиру, располагавшуюся в верхнем этаже малого училищного флигеля. Здесь они с Софи прожили девять счастливых лет, здесь же родились две их дочери. Когда по прошествии времени старшая — Веруня — проявила способности к рисованию, Саврасова это от-

крытие не обрадовало. Он искренне огорчился, представив, какая перспектива ожидает женщину-художницу, когда и мужчинам-то приходится мыкаться в поисках заработка. А фортуна — дамочка капризная, не ко всем лицом поворачивается. Вера Алексеевна вспоминала: “Отец не хотел учить меня рисовать или лепить, находя, что художники обречены на полуголодное существование, даже имея талант. Этот взгляд оправдался на нем самом”.

А Россия в конце 60-х вступала в очередную “эпоху перестройки”. Художникам захотелось “правдивого слова в искусстве”. В моду стали входить картины на бытовые темы, появились жанровые сюжеты. Особенно талантливо это проявилось в творчестве Василия Перова. Как ни странно, в пылу преобразований даже от изображения природы потребовали “идейности”.

“Перестройка” закутила и Саврасова, вовлекла в самый центр художественной жизни Москвы. У него появилось много друзей и знакомых, людей известных и уважаемых — писатели, художники, искусствоведы, меценаты... По воспоминаниям ано-

Проселок. 1873.

Дубы на берегу. 1867. Рисунок.

нимного современника, в его дом “на чашку чая” приходили, в частности, Перов, Пукирев, Боткин, Третьяков... Они “вели оживленные беседы об искусстве, читали литературные новинки, спорили по вопросам, волновавшим в то время русское общество”. Не остался в стороне Саврасов и от только создавшегося Общества любителей художеств, собранного под своей крышей лю-

дей культуры и искусства. Кстати, секретарем его стал родственник и задушевный друг художника — Карл Герц.

Деятельность в Обществе дала возможность Саврасову в 1862 году отправиться в Лондон на открытие Всемирной выставки, а заодно побывать в Дании, Германии, Франции и Швейцарии. Расходы брало на себя Общество. А через пять лет Саврасов вновь выехал в Европу. Он был в восторге от английских живописцев, французских барбизонцев. С сочувствием отнесся к их противостоянию с косной Академией, ценившей только холодную, “выдуманную” красоту, потому что и дома, в Москве, сталкивался с такой же проблемой. Из заграницы он привез “Вид в Швейцарских Альпах”, “Озеро в горах Швейцарии” и еще несколько работ. Показал их на выставке, но успеха картины не имели. Критик Рамазанов, добрый друг, даже поручитель на свадьбе с Софи, с большим чувством обругал картины в газетах: “... г. Саврасов не вводит нас в леса родного севера, как он делал это прежде... Предоставим Швейцарию Каламу и вспомним, что Сильвестр Шедрин овладел в совершенстве итальянской природой лишь в двенадцатилетнее знакомство с ней...” Заодно зачем-то припомнил Саврасову конкурсный пейзаж, написанный в другое время и в другом месте, но тоже, по мнению Рамазанова, “очень монотонное, как по очертаниям, так и по краскам...”

Саврасов молча проглотил обиду и с удовольствием вернулся к родной, русской природе. С карандашом и кистью отправлялся на этюды в Сокольники, Фили, Кунцево, Строгино, Братцево... (Поистине ценнейшие рисунки в наше время, когда уже и в помине не осталось — кроме названий, конечно, — этих заповедных мест, поглощенных огромным мегаполисом.) Продолжал преподавать, вместе с Пукиревым работал над учебником рисования для Училища живописи и ваяния, даже ввел в него “подробное изображение изб, деревень, какие обязательны для художника, изучающего русский пейзаж”.

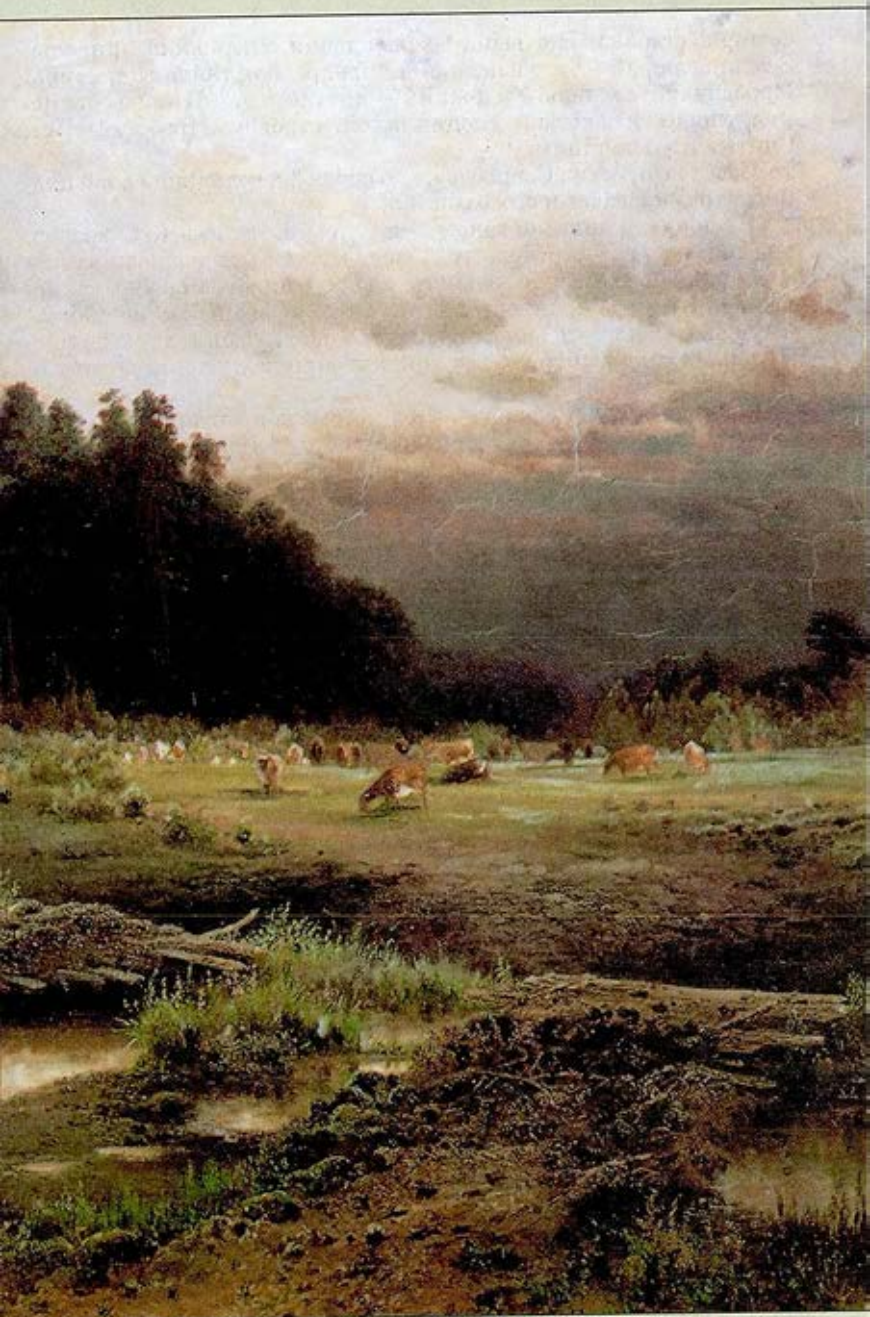
В 1869 году Саврасов написал чудесное полотно “Лосиный остров в Сокольниках”. На выставке картина произвела фурор. Восторженные зрители толпились возле нее, восхищенно ахая. Сам Петр Михайлович Третьяков не остался к “Лосиному острову...” равнодушным и приобрел для своей коллекции за довольно приличные деньги. Что было весьма кстати — Саврасов постоянно пребывал в “стесненных обстоятельствах”. Теперь у него появилась возможность осуществить давнишнюю мечту — побывать на Волге. “Что Россия без Волги? — часто восклицал он. — Простор! Простор там необыкновенный!” И вот Саврасов в Нижнем Новгороде. Прямо с вокзала, не заезжая в гостиницу, чтобы оставить багаж, погнал извозчика в одно из красивейших мест города — на Дятловы горы. Вид отсюда открывался совершенно замечательный, “словно всю Россию видишь!” На пристани теснились барки, плоты, лодки, суденышки под разноцветными парусами, черный дым валил с пароходов, неторопливо тащились тяжелые баржи.

Удивило, что в некоторые баржи были “впряжены” женщины. И уж совсем немислимая красота — в этом месте в Волгу вливалась Ока, а внизу белел величественный Печерский монастырь.

Все приводило в восторг. И он жадно, нетерпеливо принялся за работу. Даже времени на еду и сон жалко было тратить. Сделал панораму Нижнего, наброски пристани, несколько этюдов с бурлаков, не забыл и баб с девками, с протяжными песнями тянувших баржу, позже написал картину “Бабы лямка”. Получались почти жанровые вещи, ранее не свойственные ему. И конечно — Печерский монастырь. Писал его с натуры, а заканчивал уже в Москве. Несколько раз возвращался к работе, что-то переделывал, дописывал — в итоге создал два варианта монастыря. Один приобрел Третьяков.

Саврасов был совершенно счастлив. Упоенно работал над этюдами, привезенными с Волги, делал виды дальнего Подмосковья, уже добрался до Сергиева Посада, выезжал на Оку, на Керженец. И в это время его неожиданно вызвал к себе секретарь Совета художественного общества, которое управляло Училищем, и объявил, что он, Саврасов, лишается казенной квартиры. Формулировка звучала убийственно: “вследствие малого числа учеников, изучающих пейзажную живопись”. Это было несправедливо. Да, конечно, в данный момент в классе Саврасова пребывало только пять учеников. Но ведь когда-то было и по двадцать, и, может, через какое-то время класс вновь пополнится. К тому же Саврасов воспитал прекрасных художников-пейзажистов. Исаак Левитан, Сергей и Константин Коровины, Михаил Нестеров — эти имена известны всей России. Но “количество учеников” оказалось только предлогом, чтобы наказать Саврасова. Дело в том, что Василий Пукирев с несколькими молодыми преподавателями отправили дерзкое письмо в Совет. В нем говорилось об устаревших методах обучения, что молодежи не дают настоящих профессиональных навыков, не формируют идейно. Вносились и предложения — не томить учеников в душных классах, а больше уделять внимания природе, проводить занятия на природе, а не заставлять без конца копировать пыльные гипсовые головы, вазы и прочие “достойные оригиналы”. Стоит заметить, что Саврасов давно уже призывал “идти на природу”. Игорь Грабарь вспоминал о преподавательских методах художника: “Саврасов умел воодушевить своих учеников, и те, охваченные восторженным поклонением природе, сплотившись в тесный кружок, работали не покладая рук и в мастерской, и дома, и на природе. С первыми весенними днями вся мастерская спешила вон из города и среди тающих снегов любовалась красотой пробуждающейся жизни. Расцветал дуб, и Саврасов, взволнованный, вбегал в мастерскую, возвещая об этом как о событии, и вводил с собой молодежь опять туда, в зеленые рощи и поля”. Известны слова Саврасова в пересказе Константина Коровина: “...манер живописи много, дело не в манере, а в умении видеть красоту... Природа вечно дышит. Всегда поет, и песнь

Лосиный остров в Сокольниках. 1869.

ее торжественна. Нет выше наслаждения созерцания природы. Земля ведь рай — и жизнь тайна, прекрасная тайна. Да, тайна. Прославляйте жизнь. Художник — тот же поэт". И он не обременял учеников жесткой дисциплиной, строгими требованиями. Считал это излишним.

Совет не простил Саврасову, что среди "революционеров"-подписантов оказалась и его фамилия.

Но пока его лишили только квартиры. Вот тогда-то Саврасов, видимо, впервые осознал, что у него могут быть и враги, что он может вызывать злобу, зависть. Такое открытие оказалось неожиданным и неприятным. И это он-то, совершенно не способный обидеть кого-либо, который даже поругаться толком не мог, а если вступал в спор, то без конца извинялся, что имеет иную, свою, точку зрения.

Собирая скерб, Софи бушевала. Снимать квартиру? На какие деньги? Шестьсот рублей жалования в год — просто смешно. Одно и то же платье она перелицовывает по многу раз. Девочки ходят в штопаных-перештопанных обносках. Конечно, Софи преувеличивала, но в главном была права... Саврасов все прекрасно понимал. Проклятая, унижительная нищета. Картины его покупали редко, да и деньги за них мгновенно разлетались неизвестно куда. Он не был модным художником, не содержал шикарный салон, в который бы заглядывали аристократы или жирные нувориши. Да и по натуре был робок и мягок. Не умел, а, может, не считал нужным зубами выгрызать свой законный кусок "жизненного пирога". И не предпринял попытки пойти на поклон к Совету, объяснить свою позицию, как-то оправдаться... На семейном совете, когда Софи поутихла, решили, что как-нибудь выкрутятся. Он будет давать частные уроки, предложения к тому же поступали и раньше, да все недосуг было откликнуться, еще можно взять в Училище класс акварели, но это, конечно, он оставит на потом, потому что сейчас обращаться с этой просьбой к Совету было выше его сил.

И он тихо невзлюбил любимое некогда Училище.

Как, оказывается, много сил, страсти, души отдал он ему. Даже длинные гулкие коридоры, даже обшарпанные стены, запахи и сам воздух были ему милы и дороги. Здесь прошли его самые счастливые дни, рождались идеи, замыслы... Ни на секунду не мог представить, что когда-нибудь все приобретет совсем иную окраску. Станет враждебным, чужим. Появилась "стойкая противность" приходиться в классы. Еще невыносимее встречать коллег и ловить их — может, только казалось — злорадные взгляды. И он ходил, низко опустив голову. Стеснялся, что стал изгоем.

Теперь угнетало все. Даже подчеркнутое прилежание учеников, старавшихся по мере сил поддержать своего учителя. И вызывало подозрение любое внимание со стороны друзей. За словами сочувствия мнилась завуалированная злоба и выискивался какой-то иной, как правило, негативный смысл. Такое душевное

напряжение долго длиться не могло. Он сломался. Запил. Все произошло в ноябре, слякотном и мерзком. Тогда его спасла “железная” Софи. Умная женщина нашла единственно правильный и простой выход — сменила обстановку. Уступая ее просьбам, Саврасов написал прошение: “Имея частное поручение исполнить рисунки и картины зимнего пейзажа на Волге, покорнейше прошу Совет уволить меня от службы на пять месяцев с 1 декабря 1870 года”. С нескрываемым удовольствием Совет разрешил художнику уйти в академический отпуск. И все семейство отправилось в Ярославль.

В Ярославле сняли уютную, тихую и светлую квартиру. В Москве, где жили на Мясницкой, у них дверь не закрывалась, вечно толпился народ. Саврасов обожал гостей, был радушен и хлебосолом. Не только друзей, но и шапочно знакомых привечал и щедро угощал. Застолье, споры, бесконечные разговоры о судьбах народа, России, об искусстве продолжались подчас до утра. Теперь решили жить уединенно, тихо. Так и было. Пить Саврасов перестал. Вновь вернулся к работе над волжскими сюжетами. Ждал наступления весны. Он так страстно и сильно любил весну, что совершенно преображался с ее наступлением. Становился бодр, весел, ощущал необычайный прилив сил, вдохновение. Это было его время года. Ученикам твердил: “Смотрите, смотрите и пишите ее, ибо весна — великая музыка жизни, прекрасней ее нет ничего...”

В Ярославле Саврасову не сиделось на месте. Постоянно разъезжал. То вдоль Волги, то наведывался в Кострому, перебивал во всех близлежащих деревеньках. И однажды попал в большое село Молвитино. Увидел тонкие искривленные березки, деловито суеющихся грачей, занятых строительством гнезда, некрашенный забор и облупленную церквушку. Еще увидел сияние и свет наступающей весны. И родился шедевр — “Грачи прилетели”.

Картина была представлена на первой экспозиции только созданного Товарищества передвижных выставок, проходившей в Петербурге в ноябре 1871 года. “Грачи” стали событием. Саврасов — знаменитым. Картину купил расторопный Третьяков, а императрице досталась ее копия. Затем “Грачи” заказывались бесчисленно...

Жизнь налаживалась. Возобновилось преподавание в Училище, его избирают членом Правления и кассиром-распределителем Московского отделения Товарищества. И счастливого Саврасова вновь потянуло на Волгу. На этот раз прихватывает с собой и самых любимых учеников. Везет нищую ораву за свой счет... За каких-то три года он написал почти двадцать волжских работ. “Разлив Волги под Ярославлем”, “Волга. Дали”, “Село Болгары”, “Оттепель”, “Ночной вид на Волге”... Сил хватало и на московские сюжеты: писал весенний Кремль, Сухаревскую башню, запорошенную снегом. А в 1873 году написал “Проселок”, по простоте, силе и мастерству не уступающую “Грачам”. Раскисшая от

дождей проселочная дорога, неказистые влажные деревья, рваные пухлые облака. И удивительная лиричность... "Проселок" словно иллюстрировал слова Третьякова, однажды сказавшего: "Дайте мне хотя лужу грязную, да чтобы в ней правда была, поэзия: а поэзия во всем может быть, это дело художника". "Проселок" публика не заметила. Хотя он и был отмечен в журнале "Артист" (правда, не без мудрености) как "...высшая точка высшей точки в силе поэтической трактовки воздуха у Саврасова".

На картину покупателя не нашлось, и Саврасов подарил ее своему другу Иллариону Прянишникову, благо и случай подходящий подвернулся, того зачислили преподавателем в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Софи не одобрила такой щедрости мужа, и в доме вспыхнули скандалы. Саврасову припоминалось все: гостеприимство, расто-

Оттепель. 1890-е.

чительность (для немецкой души Софи это было особенно нестерпимо), постоянное раздари-вание картин кому ни попадя, и еще много чего... Денег, действительно, несмотря на успех, почему-то не хватало, хотя Саврасов набрал учеников, иллюстрировал географические издания, копировал наиболее понравившиеся публике свои картины, да еще и получал ссуды в Обществе любителей художеств. Дочь Вера Алексеевна с горечью писала:

Ранняя весна. 1880-е.

“В борьбе за существование он прямо изнемог, и, не имея со стороны семьи крепкой моральной поддержки, стараясь забываться от жизненных невзгод, он начал пить, погубил этим себя, свой талант, разрушил семью”.

В конце концов Софи собрала свои пожитки, прихватила девочек и укатила в Петербург, к сестре. Все. Жизнь закончилась. Нет, конечно, она еще продолжалась, и не один год, но превратилась в сплошную агонию... Сохранилось много свидетельств, как интеллигентнейший, тонкий и деликатный Саврасов угасал, превращаясь в тяжело больного человека... В июне 1882 года Саврасова уволили из Училища. Теперь он писал пейзажи нетвердой рукой и радовался, когда за них давали штоф водки. По воспоминаниям Константина Коровина, действительно он стал воспринимать как “ярмарку”, “темный, страшный подвал”. Вначале часто менял квартиры на более дешевые, жил в мебелированных комнатах,

грошовых гостиницах, а затем — неизвестно где. Он опустился, поистрепался, быстро состарился. Ходил с непокрытой лохматой головой, грязный и оборванный. Впрочем, Софи и девочки не забывали Саврасова. Писали письма, вскользь интересовались его делами и словно в насмешку — неужто не знали его положения? — просили прислать деньги...

Постепенно менялся и круг знакомых. Респектабельные, преуспевающие приятели куда-то исчезли, их место заняли бездомные бродяги, впрочем, хоть и горемыки, но талантливые люди, которые по тем или иным причинам “не вписались в праздник жизни”. Так, сдружился с писателем Николаем Успенским, обитавшим в самых страшных трущобах Москвы и в итоге покончившим с собой. Заприятельствовал с художником Алексеем Колесовым, весьма колоритной личностью, талантливым, но непутевым и безалаберным — то писал без удержу, запершись в своей мастерской, то пил беспробудно. Колесов как-то уговорил Саврасова и написал его портрет: пронзительный взгляд, неопрятная седая борода, худое, осунувшееся лицо.

Появилась у Саврасова и новая жена, гражданская, Евдокия Моргунова, она даже родила ему детей. Жили впроголодь, в трущобах, в ужасающей нищете. Архитектор Александр Померанцев, случайно встретив Саврасова в 1894 году, был так потрясен, что написал докладную записку в Академию художеств: “Достигнув преклонного возраста (А.К. Саврасову за шестьдесят лет), этот больной человек вынужден жить с женой и двумя малолетними детьми в обстановке столь жалкой, которая едва ли бы удовлетворила самого непритязательного ремесленника, вынужден подвергаться самым крупным лишениям... Он за последние годы попал в руки некоего эксплуатирующего его талант торговца, который, продавая его картины по дорогой цене, сам оплачивает их грошами, постоянно держа художника в состоянии задолженности. ...он даже и не жалуется, по-видимому, почти примирившись со своей тяжелой долей”.

Саврасов часто болел, катастрофически терял зрение. “Часами не вижу форму предметов”, — жаловался он. И тем не менее, хоть временами и дрожащей кистью, он продолжал писать замечательные картины. Только теперь они получались тревожными, беспокойными, полными тоски и грусти... Самые значительные из них — “Распутица”, “Весна. Огороды”. В последние годы жизни Саврасов, прекрасный рисовальщик, начал работать, и довольно успешно, в графике. А в 1894 году близкие ему люди издали альбом рисунков — своеобразный подарок художнику к пятидесятилетию его творчества.

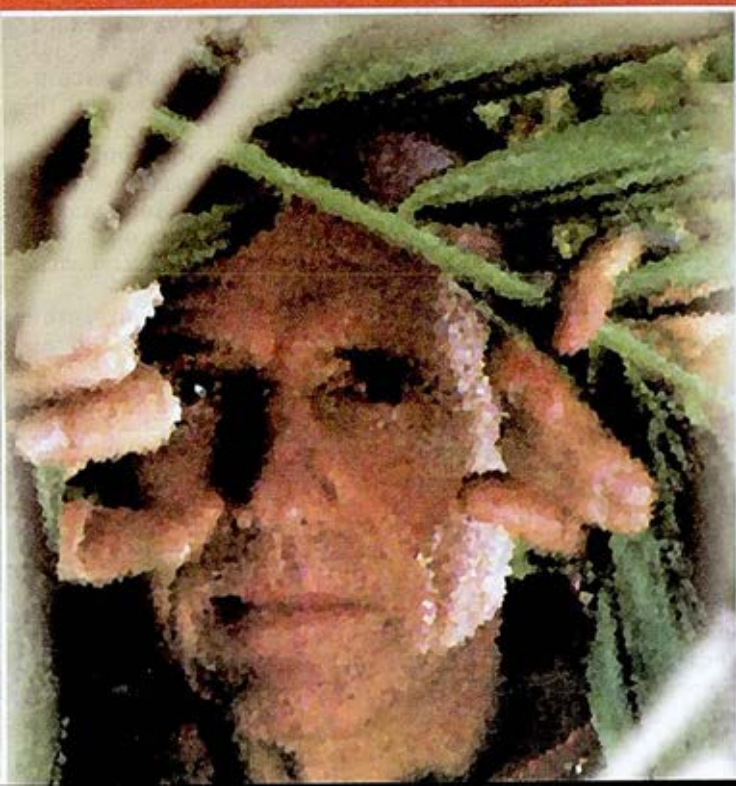
...Наступила осень 1897 года. Деревья сбрасывали листву. Солнце все чаще пряталось за облаками. Улетали птицы. Природа замирала, готовилась к зиме. Но увидеть ее Саврасову уже не пришлось. 8 октября его не стало. ■

Грачи прилетели. 1871.

Восемнадцать Привидений

Станислав-Андре СТИМЛ

Дизайнер: Наталья Федорова

Станислав-Андре СТИМАН — новое для наших читателей имя, поскольку в России его произведения почти не издавались. А во Франции это один из самых знаменитых детективных авторов, лауреат национальных премий. По нескольким его романам поставлены кинофильмы, в частности, фильм А.-Ж. Клузо "Набережная ювелиров", получивший приз Венецианского кинофестиваля. По мотивам романа "Восемнадцать привидений" поставлен широко известный на Западе фильм "Спальня для старшекласниц".

девиц от пятнадцати до семнадцати лет, в голубых, цвета лаванды, юбочках со сборками и с накрахмаленными воротничками. Мне вспомнились "Мушкетеры в монастыре". Кажется, девицы наслаждаются свободой. Вам бы это шествие представилось живым воплощением весны или неким языческим праздником.

Только одна особа женского пола, платиновая блондинка, была в трауре и под темной вуалью. Коротышка с манерами светского фата поддерживал даму под локоток. Он был ниже ее на голову. Парочка шла впереди, за ней девчушки. Потом — десяток женщин средних лет в учительских платьях с кокетками; две даже ничего себе: одна — креольского типа, другая — изящная, как фарфоровая статуэтка. Замыкали траурную процессию двое мужчин. Первый, совсем лысый, напоминал сельского эскулапа (позже я узнал, что он действительно пользовал всех этих дам и девиц гормональными средствами), второй, бородач, смахивал на вольного художника (как выяснилось впоследствии, бедняга действительно едва сводил концы с концами).

На крутом повороте дороги я был вынужден притормозить, чтобы пропустить катафалк, мы едва разминулись. Процессия помещала мне пристроиться прямо за ним. И вообще, дорога настолько сузилась, что девушки шли уже не парами, а гуськом. И, проходя мимо, каждая пользовалась случаем стрельнуть глазками. Сначала — на "Берту", чтобы не зацепиться за крыло, потом — на меня, дабы убедиться, что я так же хорош, как моя колымага. Симпатичные малышки, хотя немножко нескладные, как все подростки. Но я знал — самая красивая из них канула безвозвратно и теперь обречена обратиться в прах. Ее и увозил катафалк, возглавлявший процессию.

Подождав, пока все пройдут, я нажал на газ.

И еще я знал — мог бы даже поклясться — убийца сейчас прошел перед самым моим носом, то есть наша партия началась.

1

Не думаю, что мне когда-нибудь еще доведется побывать на таких красивых похоронах.

Украшали их отнюдь не многочисленные стихари и сутаны, уже видневшиеся у ворот кладбища, когда я, покинув улицу Насьональ, дом 7, двигался в сторону Меремона, влившись в траурный кортеж, словно сходя в разверстную могилу. Красив был белоснежный катафалк, сверкавший как новенький, доверху заваленный цветами. Но главный источник красоты — полторы дюжины

Вот и Меремон. “Колледж для девушек”, гласит табличка на ближайшей пихте, возвышавшейся по левую руку. Проезжаю километр — снова пихта, опять табличка: “Меремон. Частное учебное заведение”. На каждой — стрелка, указующая верную дорогу.

Следуя столь точным указаниям, я меньше чем за пять минут добрался до ворот парка. Путь от ворот до крыльца потребовал времени побольше. Вот и судите о размерах парка.

В архитектуре я профан и, чтобы не попасть впросак, не стану описывать Меремон как творение зодчества. Лишь уточню, что ему лет сто, а то и больше. Здание из белого камня в форме латинской “L”, ярко сверкало на солнце. Что еще в нем примечательного? Длинные окна во французском стиле, а по бокам — башенки, почему-то похожие на перечницы.

И никаких признаков жизни, только крутится водомет, орошая поляну. Левое крыло здания изуродовано лесами, которые на нем, словно бандаж от грыжи. Строителей, однако, не видно.

Хлопаю дверцей, под ногами скрипит белый гравий. И, видимо, в ответ на эти почти одновременно раздавшиеся звуки в тени, отбрасываемой лесами, некто зашевелился. Гляжу — да это садовник, прыщавый мальчуган, подрезает чайные розы.

Тут же маленькая деревянная табличка с названием. Подхожу поближе, читаю. Оказывается, прекраснейшая из здешних роз именуется “Виссией”. Виссия, а ведь так звали покойную. Парень стоит ко мне спиной. Беру его за плечо, разворачиваю и понимаю, отчего он не обернулся сразу — мальчишка ревет, как белуга. С тех пор, как попал на похороны, я впервые лицезрел искреннее горе...

— Не грусти, сынок, — утешил я его, — смерть это еще не конец.

Не знаю почему, может быть потому, что уж очень красивы были розы, или оттого, что столь весомо прозвучали мои слова в знойном воздухе, но я почувствовал уверенность — сейчас мальчуган утешится.

Паренек взглянул на меня исподлобья и пробормотал:

— Она... Она была такая красивая и такая... такая...

— Милая?

Видимо, он искал более сильный эпитет, но все равно охотно закивал.

— Мы собирались пожениться, — добавил он доверчиво, — когда я... когда я встану на ноги!..

— И ты надеялся, что тебе вскоре удастся?

Парнишка кивнул и тут же принялся хвастаться своими розами:

— Лучшие во всей округе! Я сначала и не думал их продавать, но потом...

— Лучше скормить их пороссятам?

Он взглянул на меня удивленно, чуть не с презрением. Занятый мальчуган. Тощий, как скелет. И в голове, надо думать, полная каша, что следует учесть.

— А вы случайно не детектив?

В точку! Вот ведь как хранят тайны в Меремоне! Пришлось признаться.

Мальчуган мгновенно оживился.

— Я вам буду помогать! Ведь вы хотите, чтобы я помог вам... разоблачить? Спрашивайте *о чем угодно!*

— Добро! Где ты был и что делал, когда произошло убийство?

Другого такой вопрос мог обескуражить. Его ничуть. Принял как должное.

— Ничего. Я спал.

— Значит, ты знаешь точное время убийства?

— Нет, но... Известно, что ее убили поздно ночью, а ночью...

— Ты спал?

— Конечно.

— А должен бы томиться под ее окнами, не так ли?

— Только не этой ночью! В прошлый раз меня поймал отец и...

— ...закатил хорошую оплеуху?

— Целых две! — уточнил паренек.

Он взглянул на свой секатор, потом на меня:

— Ну, ведь правда, вы хотите, чтобы я вам помог? Можете спрашивать о чем угодно.

Заладил. Не говорю ни да ни нет. Боюсь бойскаутов, как чумы.

— Я знаю всех, кто вокруг нее увивался, — добавил он словно с неохотой. — Могу назвать.

— Но, как я понял, она обещала выйти замуж за тебя?

— Ну, конечно, мы друг друга любили! Но она была такая красивая... она не виновата, что эти... старики... ей надоедали!

— Она расплачивалась за свою красоту, — подсказал я.

— Точно!

Вот и найдена утешительная формула, примирившая с тем, что потерял он девушку, когда она была еще жива.

— Они ей были вовсе не нужны, понимаете? Ей угрожали, она боялась! Ведь она все-таки... была совсем девчонкой.

Виссия... Она одна могла бы раскрыть тайну своей смерти, но оживить девушку, увы, невозможно.

— Ну и кто же вокруг нее увивался?

Я не ожидал ответа на прямой вопрос, думал, он тут же сдрейфит, побоится расхныкаться, а то и просто не захочет вляпаться в неприятную историю. Ничуть не бывало, паренек мужественно выдержал мой взгляд. Ничего мальчонка, такого я бы нанял на прополку своих четырех арпанов земли (если бы они у меня были).

— Карнавон, художник... — перечислял он с запинками. — Потом, ее будущий отчим, он уже неделю тут... Ну и, конечно, все здешние! К тому же некоторые ее одноклассницы...

— Тоже вокруг нее увивались?

— Нет... Они завидовали ей, жутко!

— Так завидовали, что?..

— Я не знаю. Нет, не думаю.

— И это все?

Я знал, что не все, но продолжения не последует.

— Как тебя зовут?

— Жан, но вы можете звать меня Жанно... как называла Виссия. Когда я вам буду нужен, просто свистните... вот так. Вы хотя бы чуточку умеете свистеть?

Если бы я ответил нет, он решил бы, что я лгу.

3

Скорее можно было представить, что крысы (или по меньшей мере полевые мыши) шмыгают по парку, но только не по зданию. Сразу видно — здесь им бы не поздоровилось...

Пустынные коридоры, облицованные мрамором, безлюдные комнаты. В распаренном воздухе плывут запахи мела и лака — жара, должно быть, градусов сорок на солнце.

Я ищу спальню. Она и есть — место преступления.

Голая мраморная тетя по имени Адель (если верить корявой надписи, нацарапанной углем на ее ягодицах), послужила для меня предупреждением, что я приближаюсь к парадной лестнице (как статуя Свободы предвещает близость нью-йоркского рейда). Пробираюсь на цыпочках (ведь не всех пансионеров погнали на похороны, у самых младших наверняка идут уроки), открываю одну дверь, другую... Класс для музыкальных занятий, судя по расставленным в шахматном порядке пюпитрам. Класс рукоделия — пу-сто, только котенок играет с клубком ниток.

Приоткрыв третью дверь, я тут же понял, что наконец попал куда надо: предо мной предстали два ряда кроватей, разделенных яркой солнечной дорожкой, и маленький человечек в короткой пятнистой шинели и черной пасторской шапочке. Он занимался тем, что кончиками пальцев пробовал упругость матраса, видимо, от скуки. По правде сказать, первое, что я разглядел, был именно он: белизна постельного белья сливалась с солнечной дорожкой, и на этом фоне четко вырисовывался тщедушный силуэт.

— Пружинит? — спросил я, входя в спальню. Думал, что незнакомец будет застигнут врасплох. Однако удивил он меня, а не наоборот.

— Как столярная пила, — ответил человечек, еще немного помучил кровать и только потом обернулся. — И половицы скрипят превосходно. Особенно девятнадцатая, считая от балконной двери.

Его помятая физиономия смахивала на морду брюссельского грифона. Глаза навывкате, причем мощные линзы делали малыша совсем уж лупоглазым.

— Комиссар Брош, тулонская сыскная полиция, — представился он столь же равнодушно. И добавил, пряча лукавую улыбку этакого старичка-проказника: — Официальный представитель...

Дальше мог не продолжать. Все, что он мне бы сообщил, я и так знал.

— Дезире Марко, сыщик-любитель... — представился я в свою очередь. — А я-то думал, вы уже убедились, что дельце вам не по зубам?

— Я — да, а начальство — нет. — Человечек аккуратно подоткнул одеяло, словно оно еще укрывало убитую девушку. — Какие-нибудь факты?.. — поинтересовался он с безразличным видом.

Несмотря на серьезность тона, было очевидно, что ему глубоко на меня наплевать.

— Да откуда же? — изумился я. — Я приезжаю и сразу... А у вас?

— Да откуда же?.. Я уезжаю.

Делаю шаг вперед (как в прямом, так и в переносном смысле):

— Это ее кровать, на которой она умерла?

— Именно, седьмая, если считать от окна, пятая, если от двери... причем, и все остальные были заняты. К тому же две юные особы утверждают, что в ту ночь почти не спали... — Человечек еще раз, напоследок, ткнул матрас: — Если им верить, у одной болели зубы, точнее зуб — первый коренной слева, другая тайком писала письмо двоюродному братишке. Правда, и третья девица заявила, что не спала — зубрила Тита Ливия для экзамена, но, по-моему, она болезненная лгунья.

— И неужели никто из них ничего не видел?

— Ничего не видел, ничего не слышал.

Это я знал из газет, которые к моменту, когда мне позвонили из Меремона, изучал уже добрую неделю. Но были факты еще более непостижимые и страшные. Пришлось переждать, пока комиссар Брош меня внимательно изучал. Не без иронии, но смягченной подчеркнутым товарищеским участием.

— Я читал, что... руки и ноги девушки были?.. — конец фразы я проглотил.

— ...связаны? — закончил человечек, потом серьезно кивнул: — Накрепко. Я лично развязывал.

Он был терпелив, как рыболов: ни слова лишнего, ждал, пока я сам задам вопрос. Я клюнул.

— И... Она была хороша?

Что я надеялся услышать в ответ? Что газетчики преувеличили?

Тщедушный комиссар Брош вновь молча кивнул головой. Казалось, обо мне он тут же позабыл, вспоминая Виссию, ее мертвенно-бледное лицо, остекленевшие глаза, уставленные в потолок. Удушенную собственной косой.

Нас с ним разделяла всего пара кроватей, но в этот миг мне почудилось, что он где-то очень далеко. Я представил себе, как июньским утром, таким же вот солнечным, человечек склоняется над девушкой, откидывает одеяло и видит... то, что увидел, о чем расстрезвонили газеты.

— Одежда была аккуратно сложена на стуле, *ее* стуле, — спокойно уточнил человечек. — На ночном столике, *ее* столике, стоял ночник с выгоревшим маслом и лежал огрызок шоколадки. На нем — следы *ее* зубов.

Я понял, что мой добровольный осведомитель сказал больше, чем намеревался. Но подобные люди отступать не привыкли.

— И еще стакан с водой, — добавил он неохотно, — там обнаружена сильная доза снотворного, но девочку убили раньше, чем она успела выпить хоть каплю.

Вот об этом газетчики умолчали. Дела... Остается надеяться, что этот сюрприз будет последним.

— И как же вы определили, что там снотворное? Отхлебнули?

Малыш пожал хилыми плечиками и с подчеркнуто скромным видом — я уже понял, что он любит изображать скромника, — произнес:

— Ну это, чего проще. Ведь надо и ребятишкам из лаборатории дать подзаработать на хлеб с маслом.

— В таком случае, как вы объясните, что?.. — начал было я и заткнулся. Кто это может объяснить, кроме самого убийцы? Девушка приготовила такую дозу снотворного, что заснула бы навек. Убийце бы чуть подождать, но нет. Прокрадывается в спальню (не нашел лучшего места ее прикончить), где спят еще восемнадцать девичьих, из которых одна мается зубами, другая сочиняет письмо — наверняка какую-нибудь похабщину, а третья, если ей верить, мусолит Тита Ливия.

И, оказывается, никто-ничего не видел и не слышал! Девушки просыпаются, начинают весело щебетать. Прекрасный денек, почему б им даже не порезвиться, не поноситься по спальне. Всем, кроме Виссии. Ну и что особенного, может, ей сладко спится, с кем не бывает? Чтобы обнаружить преступление, надо заглянуть под одеяло. Тут и предстанет девушка с посиневшим лицом, связанная простынями и удушенная собственной косой... Невыносимая картина.

Высказываю вслух:

— Она бы выпила и...

Комиссар Брош понимающе кивнул и заметил со скучающим видом:

— Но ведь убийца мог и не догадываться, что в стакане снотворное. — В его тоне, однако ж, не чувствовалось уверенности. — Мало ли кто мог подлить и в каких целях. Нам даже в голову не придет. Да и сама Виссия могла не знать.

— Она страдала бессонницей?

— Насколько мне известно, нет.

Вот они и факты, все же комиссар со мной поделился. Но так, будто всучил фальшивую купюру.

Лежит, бедняжка, связанная по рукам и ногам. Удушенная собственной косой. А коса у нее длиннющая. Восемнадцать свидетель. Ни одного показания.

Да почему бы, собственно, комиссару и не посплетничать, Чем больше он мне поведывал, тем меньше сообщал. Только и думает, как подстрелить меня на взлете. В отличие от тех ребят из лаборатории, свой хлеб с маслом он не очень-то стремится отработать! Но,

по сути дела, я уже знаю больше, чем он: Карнавон (художник), будущий отчим, немного влюбленный в свою будущую падчерицу. И еще один, имя которого Жанно, не решился произнести, но, думаю, отважится. Ведь сам поспешил предложить: "Спрашивайте о чем угодно!"...

— Благодарю вас, комиссар! Сигарету?

Оценит ли человекек мою любезность? Или он из категории непрошибаемых?

— Большое спасибо, но я курю только эвкалипт... сердце пошаливает, — пояснил он доверительно.

Сам не понимаю, почему его слова меня задели?

— В таком случае вам не стоило идти в ищейки.

Одарив меня добродушной улыбкой, он полез во внутренний карман и тем же движением, как доставал бы из кобуры свою пушку, извлек плоскую картонную коробочку.

— Надеюсь, у вас не сложится ложного впечатления о полиции... и обо мне. Знаете, как меня прозвали коллеги? — И, не дожидаясь, чтобы я расписался в собственном невежестве, просто-душно поведал: — Папаша Тише-едешь-дальше-будешь. — Он счел своим долгом разъяснить, как будто и так не понятно: — Когда я веду расследование, люблю кому-нибудь дать фору — пусть обгонит меня в два раза, в три. Иногда это бывает свидетель, иногда подозреваемый. А случается, что и свой брат сыщик, неважно, полицейский он, любитель... Торопыга пускается опрометью, а я за ним трюхаю потихоньку. Потом, когда мне уже известно все, что он знает, а главное, что он проворонил, я в свою очередь начинаю жать на все педали и финиширую прямо перед его носом. А ведь какую дал фору...

Запах эвкалипта уже начал заглушать аромат роз.

Я ухмыльнулся:

— Значит, вы пропустили бы меня вперед?

— Скажем, рассчитывал бы на вас.

В этот миг я услышал пульсацию собственной крови. Нет, это не кровь. Но какие-то повторяющиеся, ритмичные звуки все приближались. Так хромые или слепые постукивают своими палочками: бим-бом... бим-бом... За моей спиной вдруг распахнулась дверь, и гляжу — комиссар Брош вмиг съежился, как змея, увидавшая мангусту.

— Господин Марко, — произнес властный женский голос, — пройдемте в мой кабинет.

И опять палочка стук-стук, и эхо гулко разнеслось по пустынным извилистым коридорам: бим-бом... бим-бом...

4

Старушенция не потрудилась представиться. Кто я, она знала, а для меня много будет чести... И все же чуть позже я выяснил, как ее зовут — Флоранс Фельц. Видимо, когда она была юной девицей, имя ей вполне подходило.

Вслед за старухой я вошел в ее ампирный кабинет, который мне показался еще более сумрачным, чем весь домишко. Она уселась за монументальный стол, сверкавший как зеркало, и ткнула своей эбеновой тростью с серебряным набалдашником (весьма небрежно): мол, садись туда.

Для меня оставалась непонятной столь величественная повадка пожилой дамы. Ведь не красотой же своей она гордилась! Было очевидно, что не только под старость она стала уродиной, но и всегда была. Очень уж смахивала на кобылу: высокий рост, грузное тело, на верхней губе пробиваются усики, пасть оскалена. Я просто обалдел, столкнувшись нос к носу с таким морским коньком... Казалось, каким-то чудом ожил старинный портрет: передо мной восседала старуха в платье из черного сукна до полу, как у принцессы, с поясом, сверкающим стеклярусом, строгим воротничком, заколотым камеей с головой ангела, с седыми прилизанными волосами и голубенькими глазками — голубизны неба, нет, скорее орденской ленты, — и брезгливо меня рассматривала.

— Я надеялась, вы постарше, — проворчала она, выпуская из рук черный черепаховый лорнет.

— С каждым днем старею, — утешил я.

— ...и более...

— ...солидный?

Но старуха меня уже не слушала. Она выдвинула ящик стола и принялась в нем рыться.

— Виссия, — сообщила она, метнув мне фотографию негнущейся, исковерканной артритом рукой.

Обычное фото 18x24, так называемое художественное. Если на нем изображена особа прекрасного пола, так уж во всей красе, то есть окутанная облаком (нисшедшим на землю) муслина или тюля.

— Ну и как она вам?

Я вздрогнул от неожиданности, поскольку был поглощен тем, что пытался за внешним обликом прозреть девичью душу.

— Красивая.

— Вам кажется?! — Пожилая дама явно ждала иного ответа. — Я бы отметила другое... в первую очередь.

Передаю инициативу старухе:

— И что бы вы отметили... в первую очередь?

— Дикарка. Кокетка. Собственница. Резвущка.

Резвущка?.. Вот бы не подумал.

— Допустим. Это ведь не мешает ей быть красивой?

Моя собеседница снова вскинула лорнет.

— Скажите, пожалуйста, — поинтересовалась старуха с приторной улыбкой, — к какой школе детективов вы относитесь? К тем, что обожают ползать по земле с лупой, или к тем, кто вместо этого предпочитает пропустить стаканчик?

Чувствую, как кожа щек подтягивается к ушам, словно мне сделали пластическую операцию.

— К обеим разом: после того, как выпью, случается, ползаю... Хотите, чтобы я представил характеристики? — добавил я преувеличенно обиженным тоном, демонстративно доставая бумажник, в котором сроду ничего подобного не водилось.

Пожилая дама отмахнулась:

— Да что вы, вечно не то говорю. Я хотела уточнить, как именно вы предполагаете вести расследование.

— Строго научно, — отвечаю, поощренный последним ее замечанием. — Во-первых, мне надо знать, сколько душ ютится под сей кровлей — пансионерок, учителей, обслуги. Мне требуются как можно скорее: прямо — биографии каждого (с присовокуплением краткой характеристики их привычек, нрава, а также с указанием социального происхождения), секундо — расписание уроков, терцио — список изучаемых предметов...

Заметьте, я не потребовал, чтобы мне сообщили какой формы здешний парк — треугольный или квадратный, мне это ни к чему. Так что ничего лишнего.

Г-жа Фельц уже перетряхнула ящик до самого дна.

— Не волнуйтесь, все вам будет... — произнесла она и так же, как прежде фото, метнула мне ворох листков, исписанных аккуратным угловатым почерком. — Надеюсь только... — Она нахмурила брови, густые, клочковатые, затенявшие глаза, отчего, однако, ее взор не становился менее пронзительным: — ...что вы правильно понимаете свою задачу.

Вот это нечто новенькое!

— То-есть-как? — выдохнул я в несколько приемов, даже стал заикаться. — Я был уверен, меня наняли, чтобы отыскать убийцу.

— Разумеется, — с готовностью, даже чуть поспешно, поддакнула г-жа Фельц. — Но важно, чтобы вы уяснили: ее не мог убить никто из проживающих в нашем Доме.

“Дом” прозвучал именно с большой буквы.

— Ну, знаете...

— Поймите, у Виссии здесь не могло быть врагов, — терпеливо втолковывала пожилая дама. (Теперь в ее речи вместо заглавных появились курсивы...). — Здесь *все* ее любили больше, чем родная мать, которая собиралась вступить в брак, потому, вероятно, несколько обделяла девочку вниманием. Во всяком случае, *никому* бы здесь и в голову не пришло ее убить. Да и как бы удалось? Зато я боюсь, что она завела интрижку с кем-то из *чужих*. Девочка была такой импульсивной, такой... (Мол, додумывай сам.) Взять строителей, которые работают в левом крыле... Потому малышки и спят в общей спальне, на всякий случай... Понятно, все они солидные люди, в большинстве отцы семейств. Но ведь и отец семейства отнюдь не гарантирован от некоторого рода соблазнов...

— Даже меньше, чем другие! — вырвалось у меня.

— Даже меньше, чем другие, — согласилась госпожа Фельц. — Именно поэтому я очень бы хотела, чтобы мы с вами нашли общий

язык! Достопочтенная госпожа Азар-Абран, основательница и первый директор нашего колледжа... — Тут пожилая дама обратила благодарный взор на портрет основательницы, столь выцветший, что он мог бы с тем же успехом изображать и перелесок в утреннем тумане. — ...денно и ночью пеклась о том, чтобы девочки, которых нам доверили, превратились в само совершенство, в женщин, прежде всего тонко отличающих хороший поступок от дурного. Я бы даже посмела утверждать, что изящество — как душевное, так и физическое, — и есть главная дисциплина, преподаваемая в нашем колледже. Мы очень строги в отборе преподавателей, принимаем только тех, кто способен научить девочек, как им следует себя вести в этом не лучшем из миров... Короче говоря, Институт Меремон не может воспитать убийцу.

Я подвел итог:

— Короче говоря, вы хотите, чтобы я задержал строителя.

Мой укол, однако, не достиг цели.

— Виссию убили как раз во время забастовки строителей, — ответствовала госпожа Фельц тоном, в котором прозвучал упрек мне за то, что я этого не знал (а заодно и строителям, которые выбрали для забастовки столь неудачное время). — Я лишь для того привела вам этот пример, чтобы вы избежали ложного направления поисков, как, полагаю, случилось с полицейскими.

Нашла дурака! Что ж, приходится играть теми фишками, что выпали.

— Я хорошенько обмозговал таинственные обстоятельства преступления и, признаться, так и не понял, каким образом убийце удалось его совершить. И совсем уж недоумеваю, как он сумел справиться с замком...

— Зачем ему замок? В спальню можно войти через балконную дверь. Летом мы ее не запираем.

— И вы думаете, что...

Госпожа Фельц пропустила мои слова мимо ушей. Она явно потеряла ко мне интерес. Ей уже было глубоко наплевать, торчу ли я здесь, или отбыл в свою контору на улице Вивьен, точнее в "Каньон", возможно даже в компании с Мойрой.

И все же я упорствовал:

— Ну, а кроме как через балкон, был у преступника способ проникнуть в дом?

— Нет. Правда, можно днем спрятаться в стенном шкафу и там дожждаться ночи, но...

— Что?

— Это вряд ли. Наша экономка, мадемуазель Прямовбой не расстается с ключами.

— Понимаю, — произношу я, продолжая размышлять. А почему бы не спросить впрямую?

— Значит, остальные двери в то утро оказались запертыми?..

— На замок и на задвижку.

Всегда терпеть не мог училок! С грустью подвожу итог:

— Получается, тут поработал, как минимум, человек-невидимка!..

— Был не заперт сарай, — сообщила госпожа Фельц, — а там хранится штук шесть лестниц.

— Тогда остался бы след на земле. Его обнаружили?

— Нет. Но это неважно. Преступник мог стереть.

— Но когда он крался по спальне, должны были скрипеть половицы, а по меньшей мере две девушки в ту ночь мучились бессонницей. Ведь так?

— Войти через дверь не меньший риск, чем через балкон, даже больший. Ему бы пришлось прокрасться по коридору, подняться или спуститься по лестнице, пройти мимо дежурки.

Это ж надо, совсем забыл о дежурной!

— А кто дежурил в ту ночь?

— Наша экономка, мадемуазель Прямовбой.

Прямовбой. Вот это имечко! Как раз для театральной злодейки.

— Держу пари: она ничего не видела, ничего не слышала.

— Именно так. Обычно она делает обход часов в десять, сразу после отбоя. Но, если ей не спится, потом еще один.

— И сколько же в ту ночь?

— Представьте себе, два. Первый, как всегда, второй — около часа ночи.

— И ни малейшего сомнения, что она не заливает?

— Ни малейшего. Она работает в институте со дня его основания и всегда отличалась добросовестностью.

Не доверяю я ревностным служакам. Может быть, потому, что пока не встречал ни единого. К тому же, ничто меня не раздражает так, как славословие. Разве что охаивание. Дневной свет — совокупность всех цветов радуги.

— Допустим! По заключению врача, смерть наступила в полночь. Если бы мадемуазель чуть поторопилась, у нее был бы шанс застигнуть убийцу.

— Вне всякого сомнения... А вам, оказывается, одного преступления мало. Будете расследовать сразу два?

Об этом действительно стоит подумать.

— Комната мадемуазель Прямовбой расположена рядом со спальней, так?

— Прямо напротив нее. Только это не комната, а просто закуток, наполовину застекленный.

— Застекленный?.. Значит, если бы кто-нибудь проходил мимо...

— Фелиция его бы заметила! — торжествующе подытожила госпожа Фельц. (Следовательно, убийца мог проникнуть только через балкон, так-то!)

Правда, можно пригнуться, как по пути в спальню, так и обратно.

— Сколько лет мадемуазель Прямовбой?

— Около сорока, но выглядит старше. Особенно сдала после убийства. Вот вы ее несправедливо упрекнули, что она опоздала со вторым обходом. Да вы не представляете, как она сама себя казнит. Мне уже кажется, что никогда себе не простит.

Я вспомнил маленького комиссара Броша с его безникотинным табаком и высказал догадку:

— Сейчас у нее побаливает сердце?

— Да уж не гланды. Такое потрясение...

— Понимаю...

Опять я запутался, ничегошеньки не могу понять. Разве что — душевное состояние бедняжки Прямовбой. Бедняжки?.. Минутку! Она ведь находилась в двух шагах. Тем более, что ни у Виссии, ни у ее одноклассниц не вызвала бы никаких подозрений.

— Она любила Виссию?

— Об этом спросите у нее. Но, по крайней мере, у мадемуазель Прямовбой не было ни малейших оснований *не* любить девочку.

— Она ведь была совсем рядом. Всего-то перейти площадку, открыть пару дверей...

— ... и затворить одну, — закончила госпожа Фельц. — В свое прошлое.

Концовка мне показалась грандиозной. В театре после столь великолепной реплики сразу падает занавес. Когда-то я разделял мнение г-жи Фельц, однако жизнь заставила его переменить. Разумеется, пожилая дама тысячу раз права: чтобы пойти на убийство, нужен веский повод. Ну, а вдруг да приспичит, вдруг да накатит жажда убийства? Тут уж человек пойдет до конца, как пчела, которая готова расплатиться жизнью, чтобы хоть раз ужалить. Он прикончит вас вернее, чем любая хворь.

— Хотите, я представлю вас моим девочкам?

Я высказался без обиняков:

— Весь колледж и так знает зачем я приехал.

— Весь колледж? — переспросила госпожа Фельц с удивлением.

— Еще бы. Когда я сделал открытие, что даже садовникам...

Пожилая дама уже открыла рот, но тут раздался стук в дверь. В комнату заглянула девушка, на которую я обратил внимание еще на похоронах, как на единственную дурнушку.

— Господин Марко?.. Вас вызывает госпожа Директор.

5

Свое изумление я выразил не сразу, а чуть позже, когда мы вышли в коридор.

— Госпожа Директор?.. А с кем же я?..

Девчонка прыснула, прикрыв рот ладошкой, словно боялась, что выпадет ее зубная пластинка.

— Что?! Госпожа Фельц?.. Она такая же директриса, как я губернаторша!

— А я уж было испугался...

— Почему вы так решили? Из-за ее повадки?

Поэтому тоже. Но главное по тому, как она говорила о Меремоне (так шкипер говорит о своей посудине).

Девушка косила на меня водянистыми голубенькими глазками, притаившимися под сильными окулярами в латунной оправе.

— Она вам сама сказала, что она директриса?

С удивлением я вспомнил, что нет, не говорила.

— Она действительно спала и видела стать директрисой, когда умрет госпожа Азар! Уже строила из себя начальницу, во все совала нос. Да и госпожа Азар ей почти обещала...

— Что обещала?

— Передать бразды.

— И обманула?

Мадемуазель-всезнайка мигом разоткровенничалась:

— Знаете, тут сыграл роль голос крови. А, может быть, еще и чувство вины. У г-жи Азар была сестра — неудачный ребенок, семейный позор. Она в 1942-м погибла при бомбежке. У нее осталась дочь, которой старуха в конце концов и передала эстафету.

— А как к этому отнеслась госпожа Фельц?

Девчонка хихикнула:

— Была в восторге! Вы же видите, как она и сейчас любит покрасоваться?.. Мы ее прозвали “Черный кардинал”, — закончила девушка, очень довольная собой.

Черный? На мой вкус, к черному стоит добавить чуть белого, тогда и получится как надо. Однако данное соображение я решил оставить при себе, тем более, что мне не терпелось задать вопрос:

— А почему ты ее так ненавидишь, она тебе чем-то насолила?

Если бы девчонка была красивой, я бы обратился к ней на “вы”. Красивая девочка это почти женщина. Ощутила она нюанс? Наверняка. Дурнушки очень обидчивы.

— Ничем! — отрезала девица и замкнулась. — А вам я разрешаю называть меня на “вы”.

Я сразу замедлил шаг и приотстал от нее. “Женщина не обязана быть красавицей, но быть обаятельной ее долг”, — частенько приговаривал старина Понс. Предоставлю-ка я дурнушке возможность позорно бежать с поля боя. “Кучер не может обогнать свой дилижанс” — опять-таки слова старины Понса. Прогляжу-ка я тем временем бумажки г-жи Фельц. Возможно, там значится имя убийцы. Но вообще-то, как я понял, данное сочинение призвано воспеть прелести Колледжа Меремон:

Если вы хотите, чтобы ваша дочь получила серьезное классическое образование, печетесь о том, чтобы сформировать из нее гармоническую личность, которая... которую...

Сплошные откровения!

Колледж Меремон набирает: поток “готовящихся к сдаче экзамена на звание бакалавра”, включающий классы с шестого

по класс философии; поток "будущих коммерсантов", где девушек обучают практическим основам коммерческой деятельности, и поток "социального воспитания", объединяющий и т.д.

Достоинства Колледжа: Бесподобные условия... Великолепный парк... Розарии...

Обучение: Продуманный распорядок дня дает возможность... Ограниченное количество учениц в каждом классе, не больше двадцати, позволяет...

Господи, почему у меня нет дочери!

Благотворительность: Основательница Колледжа Достопочтенная г-жа Азар-Абран учредила стипендию для способных девушек из неимущих семей. Благотворительность г-жи Азар-Абран позволяет Институту каждый год принимать в свои ряды одну неимущую девушку, и в том случае, если она закончит учебный год лучшей в классе, оплатить и следующий год ее обучения...

Каникулярный курс...

Экзамены...

Дипломы...

Религиозное воспитание...

Медицинское обслуживание...

Ну прямо роман-эпопея!

Учебный год: Учебный год начинается в первый понедельник сентября и заканчивается тридцатого июня. Он делится на три триместра...

А я думал на четыре!

Переписка: письма должны быть адресованы на имя госпожи Директора, которая...

Все предусмотрено, ну все на свете, кроме разве что землетрясения.

К этой поэме госпожа Фельц присовокупила список "преподавательского состава", в котором, однако, были поименованы только учителя старших классов, которые чаще других общались с Виссией.

Общие предметы: мадемуазель Сержант.

Иностранные языки: миссис Бекер-Квин.

Музыка и рисование: госпожа Р.-Л.Перс.

Домоводство и шитье: экономка мадемуазель Прямовбой.

На последнем листке тем же аккуратным угловатым почерком были переписаны все одноклассники Виссии. Но к нему-то я испытывал не больше интереса, чем к афишкам с "кратким содержанием фильма", которые раздают в кинотеатрах. Зачем тогда фильм смотреть? Правда, было бы любопытно угадать, которая из всех этих Аврелий и Сабин заигрывает со своим кузеном, а которая предпочитает Тита Ливия Альфреду де Мюссе. Имя говорит больше, чем, к примеру, окружность талии, так что в случае чего я всегда могу свериться со списком.

— Не споткнитесь! — раздраженно бросила моя проводница.

Ого, неспровоцированное нападение. А я-то чуть не позабыл о ней. Спускаемся на первый этаж. Дурнушка стучится в дверь директорского кабинета и сразу туда заглядывает:

— Господин Марко... Дезире! — добавляет она злобно.

Ну не ожидал, даже имя знает.

6

Кабинет, в котором должна состояться моя беседа с госпожой Директором, оказался полной противоположностью конуры госпожи Фельц (но мебель точно такая же: почтенная госпожа Азар-Абран была сторонницей строгого единообразия), хотя сначала показался мне еще более сумрачным. Потом я сообразил, что это по контрасту с залитым солнцем парком, ведь первый этаж.

Зато сразу бросилось в глаза множество легкомысленных вещей. Как то: шляпка с петушиными перьями и плотной шелковой вуалеткой, придававшая гипсовому Сократу чуть залихватский вид; перчатки с крагами, раскинувшиеся на кресле, как пара отрубленных рук, в углу подсыхал раскрытый зонтик (накануне шел дождь). Стол был застелен скатертью, на которой прекрасно смотрелся кружевной платочек, напоминавший засушенную меж страниц орхидею. Рядом расположилась пластиковая косметичка, содержимое которой — помада, пудреница, румяна — так же служило украшением стола, хорошо гармонируя с телефонным аппаратом со съехавшей трубкой. Все это вместе, и главное запах (да-да, он сразу ударил мне в ноздри!), резкий, тяжелый запах духов, смешавшийся с ароматом роз, создавало атмосферу будуара.

Ослепленный ярким солнцем, я сделал несколько неуверенных шагов (за окном — белизна, которая могла бы поспорить с накрахмаленным постельным бельем), а потом встал, как пень, точнее, как ослепший тореадор.

— Господин Марко? Добро пожаловать в Меремон...

Ко мне приближалась молодая женщина, осторожно ступая на высоченных каблуках. Та самая, с головы до ног изящная, которую я отметил на похоронах.

— Меня зовут госпожа Легран. Я директриса, — добавила она так тихо, словно сама в этом не сомневалась.

Мне пришлось приложиться к ее руке (которую она сунула прямо под нос). Таким образом я искупил свой грех — ведь пожилой даме руку целовать не отважился.

На маленькую госпожу Легран — в ней было метра полтора роста — подобная изысканность произвела сильное впечатление. Буря чувств — смущение, восторг. У малышки были подозрительно ровные зубы, вероятно, вставные, умильная мордашка лающей кошечки, разграфленная мелкими морщинками, как тетрадка в клеточку, взбитые, как у ведьмы, волосы, да еще искательная улыбка.

Это особый тип женщин. Она вам предложит чашку чая так любезно, что не успеет еще принести сахар, как вы уже будете готовы раскрыть ей всю душу.

— Пожалуйста, садитесь... Нет, подождите!.. Сначала я вам представлю... Госпожа Берг, несчастная мать бедняжки Висии... Господин да Коста, ее жених...

Ба, снова знакомые лица! Платиновая блондинка, что вела себя на похоронах как власть имущая, и типчик на крепеньких ножках, бережно поддерживавший свою разбитую горем подругу. А я их сперва и не заметил, поглощенный изучением малютки Легран. Но теперь-то мне их показали крупным планом.

Жених, этот сутенер? Вот уж не ожидал! Такой-то котяра!

Жених встал, видимо, чтобы уменьшить разницу в росте между ним и мной, однако же не дотянул мне и до плеча. Что касается дамы, которая тут же отвела глаза, стоило мне на нее глянуть, то она относилась к совсем иному разряду женщин, нежели г-жа Легран. Госпожа Берг была из тех кисок, которые проводят каждое утро в потугах сделать свое лицо иным, чем оно есть на самом деле. Они уверены, что весь космос, что уж говорить о солнечной системе, создан исключительно ради их удовольствия. Эти кошечки так убеждены в собственной неотразимости, что даже перед слепым не забудут целомудренно одернуть юбку, дабы не ввести беднягу в соблазн. Сами понимаете, что она вызвала у меня исключительную симпатию.

— Я очень надеюсь, что господин Марко найдет того, кто... — начала малютка Легран. — Она запнулась, залившись краской (тяжко ей приходится: “черное с белым не берите”), а потом начала фразу более осторожно: “Господин Марко считается лучшим детективом...” Опять запнулась, взглянула на белокурую даму, потом на меня. Такое озадаченное выражение бывает у маленьких девочек, когда кукла вдруг перестает пищать “мама”. И, наконец, обреченно пробормотала: — Если вы хотите задать вопрос госпоже Берг...

Ну, вопросов-то у меня куча, готов их задавать с утра до ночи, только бы найти хоть какое-то объяснение столь загадочному убийству. Но даме они, видимо, успели прискучить.

— Не вижу никакого смысла... — произнесла она холодно. — Все, что знала, я уже многократно сообщала полиции, *всю правду*.

Ну уж конечно, так она и доверится ищейкам! Знаю, что она рассказывала, даже слышу ее слащавый голосок: “Это был ребенок!.. Настоящий ребенок!.. Мы с ней были как сестры...” Дама, надо полагать, опасалась, что почтенный господин да Коста вдруг да предпочтет дочку мамаше, глядишь, и соблазнится, вот и сослала свою малышку в пансион: “Потому что она ходит в слишком коротких юбках... Она ведь совсем девчонка...”

Ну, хватит дурака валять, строить из себя джентльмена, в конце концов эта блондинка не госпожа Фельц. Задаю вопрос:

— Вы уже были в Меремоне, когда произошло убийство? (Никогда бы не подумал, что произнесу это слово с таким удовольствием!).

За нее ответил да Коста, слегка раздраженно:

— Мы приехали на вручение наград. Но главное, госпажа Бэрг захатэла мэна представит будущэй падчэрицэ...

— Когда вы приехали? За сутки до убийства? За двое?

— За пят или шест. Мы хатэлы вэнчатса на Лазурном Бэргу, правэсти там мэдовый мэсяц, а патом вэрнутса на вручение...

Вот он-то казался искренним. Может быть, даже чересчур. Значит, недоговаривает. Только что именно?

— Следовательно, вы собирались только завернуть в Меремон? Почему задержались?

— Канэшна. Но малишка, панымаэтэ, так бэзумно абрадовалас мамэ! Ми уже сабиралыс уехать, когда узналы, что праизашло такое нэсчастье...

— Когда и от кого?

— В субботу утром, в гастынэцэ, ат адной учитэлныцы...

— От мадемуазель Сержант, — уточнила крохотная госпажа Легран. — Я бы никогда не решилась... — добавила она со своей постоянной извиняющейся улыбкой.

Чего же она боялась? Сообщить новость или взрыва родительского горя?

Снова принимаюсь за мужчину:

— Где вы были и что делали в ночь, когда произошло убийство?

Вы и ваша невеста.

Смущенный да Коста недовольно пожал плечами:

— Паслюцитэ, что луды делають ночью? Ночью спат!

— И вы спали... оба? — Надо бы спросить: “вместе?”

— Канэшна. Правда, нэ всю ночь. Мая нэвеста нэмнога забалэла. Я ей памагал.

Так вот оно что!

— С какого часа и по который?

— Я нэ сматрэл на часы, я был занат!

Госпажа Берг уже начала томиться. Меня, кстати, удивляло, почему это она не прерывает своего жениха. Видимо, только потому, что пока он не допустил ни одного прокола...

— Ну, хватит, Энрико! — неожиданно произнесла дама. — Пойдем, я больше не могу. — После чего встала, демонстрируя полное ко мне пренебрежение.

Энрико, фамилию которого ей вскоре предстоит носить — единственный его взнос в семейную копилку, — поспешно устремился за невестой.

— Ви нас извиньтэ...

Но я еще не до конца расколулпал яичко.

— Минутку! — говорю, переводя взгляд с одной женщины на другую. — Кто из вас двоих меня нанял, перед кем я должен отчитываться? Перед вами? — “Вы” относилось к скорбящей матери.

— Нет-нет, это я! — пробормотала малютка Легран. — Разумеется, я буду держать госпожу Берг... Но мне первой пришлось... Значит, вы мне...

Слово не воробей, развеялась ее робкая надежда хоть с кем-нибудь разделить ответственность.

Госпожа Берг и бровью не повела. То есть не применила свои брови по их прямому назначению.

— Да, ведь еще надо к нотариусу, — бесцеремонно перебила она госпожу Легран. — Если не ошибаюсь, в понедельник утром, в одиннадцать? Надеюсь, и вы придете?

Мне показалось, что вопрос привел малютку в сильное замешательство.

— Конечно! С удовольствием. Разумеется... Сейчас себе помечу, — добавила она смущенно и даже как-будто с некоторым опасением, что ей не поверят.

Когда парочка нас покинула, мы с госпожой Легран как-то разом смутились, словно два пассажира, случайно столкнувшихся в зале ожидания. Я не знал, что сказать. Директриса тем более. Отгородившись от меня обширной столешницей, она своими тонкими пальчиками выстраивала в рядок разбросанные по столу вещицы — помаду, пудреницу, румяна.

— Госпожа Берг и господин да Коста собирались присутствовать на балу по случаю окончания учебного года, — пробормотала она, словно сообщая новость. — Представляете, какой для них удар... — И вновь умолкла на полуслове и полуулыбке. Она была добрейшим существом и прекрасно воспитана, но что поделать: язык мой — враг мой...

— Вы слышали про нотариуса? — спросила она. — Знаете, за чем мы к нему идем?

— Догадываюсь... Отец оставил Виссии наследство... Теперь оно достанется госпоже Берг.

И опять тишина. Только слышно перешептывание струй водометов за окном и клацанье секатора. Это трудится Жанно, мой недавний собеседник. Звук его инструмента мне уже знаком.

Я было открыл рот, как вдруг захрипел телефон — так он звонит, когда неплотно положена трубка.

Госпожа Легран что-то мне шепнула, но я не разобрал. А директриса уже прильнула к аппарату...

— Да... Нет... Да... Нет...

Обычное начало телефонной беседы! Особенно, когда присутствует третий лишний. Терпеть не могу выступать в подобной роли. А ведь таков мой удел!

Я уже направлялся к двери, когда услышал нечто, заставившее меня замереть на месте. Голос госпожи Легран теперь напоминал рычанье попавшего в западню зверя.

— Пьер, не может быть?.. Это невозможно... Пьер, Пьер!

Правила вежливости требовали, чтобы я еще полминуты назад покинул кабинет. Но теперь я словно прилип к полу. Украдкой

взглянул на висевшее над камином зеркало: малютка Легран прижимала руку к груди (левой) и бледнела прямо на глазах. Оказывается, и у нее сердце пошаливает! Как у Броша и у мадемуазель Прямовбой.

— Вы же мне обещали!.. Вы же мне поклялись!.. — Все те же ошметки фраз, заканчивать которые она предоставляет собеседнику. — Но это... невозможно! Скажите мне, что это не так! Я понимаю, но... Я поверила, что в этот раз... Я уже начала свои чемоданы... Нельзя заранее... Все испортила! — Прямо крик души. За ним последовал еще один:

— Пьер!.. Мой Пьер!..

Малютка рыдала, взгляд был безумен. Когда слезы смыли с ее лица всю косметику, я, к своему удивлению, обнаружил, что старила его не только приклеенная улыбка.

Я рванул на себя дверь и выскочил из кабинета.

7

И сразу неожиданность. Чуть не сбиваю трех девчонок — в смысле, старшеклассниц, стоящих в обнимку, как регбисты.

— Ага, подслушиваем под дверью?

Они кивнули, продолжая прислушиваться. Одна из них была блондинка, другая — брюнетка, третья — рыжая.

— Все тип-топ? — спросила первая.

— Он ее увозит? — полюбопытствовала другая.

— Сегодня вечером? Завтра? — зачастила третья, не дожидаясь ответа.

Я был вынужден их разочаровать, сообщив, что у Пьера произошла какая-то затырка.

— Что стряслось? — допытывалась блондинка. — Вы ведь все слышали.

— Жена помешала, — предположила брюнетка. — У больных чутье.

— Ах, сколько можно? Они так давно друг друга любят, — вздохнула рыжая.

Тема мне показалась занятой.

— Тогда почему бы им не пожениться?

— Они собирались еще в детстве, — объяснила блондинка. — Потом поссорились...

— ... и он женился на другой, она тоже вышла замуж, — закончила брюнетка.

— Но беда в том, что пока овдовела только она, — посетовала рыжая.

— Вы его видели?

— Нет, — призналась блондинка (с сожалением), — но слышали, как он подъезжал.

— На "кадиллаке", — уточнила брюнетка, — такой дурак, не глушит мотор, когда за ней заезжает... по вечерам. Да еще торопит, библикает, если она слишком долго прихорашивается...

— Ну и что такого? — заступилась рыжая. — Он лет на пять ее моложе! Инженер, обалденный мужик! — пояснила она мне категоричным тоном.

Задаю еще вопрос:

— Если он инженер, ему тут и заняться-то, наверняка, нечем?

— Факт! — подтвердила блондинка. — Потому он и решил отчалить!

— В загранку, — уточнила брюнетка.

— И там попытать счастья, — предположила рыжая.

— Но ведь у него большая жена. — Это уже я вклинился.

— Он и не собирался ее брать, здесь она ухожена. Но он такой чудак, “порядочный”... Вбил себе в голову, что должен ехать один.

— По-моему, идиотизм! Живем только раз!

— Если его жена умная женщина, она его не станет удерживать силой! (Уже не важно, чья реплика кому из них принадлежала. Девчонки тараторили наперебой.)

— Это еще почему? Он обязан скрывать, что у него есть другая, что он безумно влюблен...

— Жена должна верить, что он любит только ее!

— Кому важнее всех, узнают последними...

— А в Меремоне, наверно, уже все в курсе?

Вопрос риторический!

— Еще бы! — воскликнула брюнетка.

— Он ей звонит два, а то и три раза на дню, — явно преувеличила брюнетка.

— Когда у человека горе, ему необходимо поделиться, — изрекла рыжая.

— Значит, она с вами делится?

— Бывает, — подтвердила блондинка. — И с мадемуазель Сержант, и с госпожой Р.-Л. Перс, со всеми, *кто способен посочувствовать*.

— Она нам и письма к нему давала, — зашептала брюнетка, — просила положить в дупло на Перекрестке Вяза.

— Только от госпожи Фельц скрывала, — сообщила рыжая. — И от малышей. Но они и так все знают.

Роман директрисы, аромат роз, смерть Виссии... А, может, и не так плохо, что у меня нет дочери.

— Не выдавайте нас. Вы ничего не знаете, даже ни о чем не догадываетесь! Ну, может быть, чуть-чуть...

Тут я, наконец, вспомнил, зачем, собственно, завернул в Меремон.

— А вы знаете, кто я?

Три болтушки, сразу приумолкнув, неуверенно кивнули.

— Вы любили Виссию?

Они украдкой переглянулись и тут же закрылись, как цветки флокса.

— Очень, — произнесла одна из девочек.

— Она была не совсем своя, — призналась другая.

— Но никто бы никогда не сделал ей плохого, — убежденно возразила третья.

Было слышно, как за дверью мечется малютка Легран, передвигает кресло, выдвигает ящик.

— А она? Она могла бы сделать?..

Будь у меня время, возможно, удалось бы что-нибудь выудить. Так и хотелось выведать всю их подноготную, от подобного искушения не устоял бы и святой Антоний. Но вдруг затренькал звонок. Сначала тихонько, потом раззвонился вовсю. Я еще недоговорил, как девушки попытались улизнуть. И не потому, что боялись опоздать на урок. Они узнали все, что нужно, и теперь торопились разболтать, что похищение откладывается. Двух я решил отпустить, а с одной еще чуток потолковать. Не важно с какой, выбрал наудачу. “Удачей” оказалась рыжая.

— Подождите! Можно вас на минутку?..

Она для виду поколебалась — глаза при этом сияли — и, только чуть поломавшись, уселась со мной рядом на угловую банкетку.

— Что... что вам от меня надо?

— Собираюсь вас изнасиловать.

— Изна... изнасиловать? — Ее губы побледнели от ужаса. — Я... я сейчас закричу!

Я кивнул:

— Валяйте, не поможет. Насиловать я вас буду только словесно. Почему? Примо: вы еще слишком молоды. Секундо: вы не в моем вкусе.

Котенок сразу выпустил коготки — любо-дорого поглядеть.

— А вам никогда не говорили, что вы — грубиян?

— Ого. Сколько раз. И мужчины, и женщины. Мужчинам второго случая уже не представлялось. Нет, однажды представился — Сладкому Рею Робинсону. Ну, а что касается прекрасного пола, то от них это звучит не обидно, даже похвалой. Всем известно, что женщины обожают крутых мужиков.

Звонок заливался вовсю, мимо нас рысью пробегали встрепанные девчонки. Я понял, что пора вернуться к главному.

— Как вас зовут?

— Эмэ, — ответила девушка. — А вас?

— Дезире, — сообщил я. Разумеется, постеснявшись добавить, что несколько юных особ прозвали меня Пашой. Также я не добавил, что соответствие наших имен^{*} как бы накладывает на нас обоих некоторые взаимные обязательства. Но она и сама, вероятно, об этом размышляла, пока одергивала рукавички своей школьной формы.

— Ну ладно, до встречи, — попрощалась рыжая, буквально спрыгнув с банкетки, видимо, с единственной целью продемонстрировать свои ножки. — Занятия заканчиваются в семь, в восемь

^{*} Ате'е — любимая (франц.). Desire — желанный (франц.).

у нас обед, номер моей комнаты вы знаете. — В ее голосе звучала насмешка, но меня этим не проймешь.

— Не закрывайте на ночь окно, — попросил я. — Ждите меня ровно в полночь.

В этот момент, в мое оправдание, розы благоухали как никогда.

8

— Вы меня не поняли, — втолковываю. — Я не собираюсь покупать вашу гостиницу, хочу всего лишь снять номер.

Хозяин гостиницы — старичок с жиденькой бородашкой и большим кадыком — уже снял с доски ключ.

— Господин шутит. Господин во всей округе не сыщет такой дешевой комнаты.

Тут он прав, во всей округе не отыскать не только дешевой, но и вообще никакой комнаты — гостиница “Бель-Вю”, принадлежащая этому прохиндею, здесь единственная.

— Я вас поселю в тринадцатом номере, — сообщил старичок с заговорщицким видом.

— Тринадцатый?.. — Мойру, возможно, это бы позабавило, по крайней мере, нисколько бы не смутило. Но я был возмущен коварством старикана: — Почему? Потому что несчастливый?

Старичок из вежливости улыбнулся.

— Вовсе нет, — произнес он, продолжая раскачивать ключами перед моим носом. — Потому что рядом с четырнадцатым.

— И с двенадцатым!

— Разумеется. Но в двенадцатом никто не живет.

— А в четырнадцатом?

— Там проживает госпожа Берг.

Я уже начинал злиться не на шутку:

— Ну и что из этого? Может, вы воображали, что я в нее втюрился?

Старичок воздел руку, словно защищаясь от обвинения, что мог заподозрить меня в сомнительных помыслах.

— Как вы могли подумать! Мне ведь известно, что вы — детектив. Знаете, мало ли чего... обрывок разговора за стенкой...

Дабы меня соблазнить, старый Шейлок готов был заделаться стукачом! Как бы вы поступили на моем месте? Я сдался. Цапнул ключи.

— Не забудьте чемодан! — крикнул мне вдогонку старик. — Мы не держим прислуги. — И поспешно добавил, когда я направился к лифту: — Подъемник не работает.

Ври больше!..

— Завтрак у нас в час дня, обед — в семь вечера, — сообщил он, когда я уже начал взбираться по лестнице. — Дополнительные заказы пансионеры оплачивают отдельно.

Тут мне захотелось спуститься и попросить старика нанять меня управляющим (или хотя бы ночным портье). Но что толку, подобные типы прекрасно защищены от всего на свете, в том числе и

от иронии. Хоть вывернись наизнанку, все ваши поношения они разве что примут к сведению.

Тринадцатый номер располагался на втором этаже. Его единственное окно выходило во двор, по которому разгуливали куры. Дивный вид! Я раскрыл чемодан, вывалил все его содержимое, а потом плюхнулся на кровать, прямо в башмаках. Так и лежал, закинув руки за голову. Нет, спать я не собирался. Да еще попробуйте уснуть на этой койке! Мне просто хотелось немножко подумать...

Подумать! Только о чем? Я встал, порылся в своем шмотье и отыскал бутылку спиртного, без которой я бы не пустился в путешествие даже от площади Конкорд до Триумфальной арки. Несмотря на задернутые шторы, солнце щекотало мне кончик носа. Дышать было нечем — в спертom воздухе плавал одуряющий аромат роз. "Откуда он взялся?" — лениво подумал я. Видимо, его источала моя одежда. Или подсознанка.

Задача оказалась не из легких (а вся-то укладывалась в короткий вопрос: "как?"), и решить мне ее не удалось; что поделать — засыпался. Но ведь споткнулся и Брош, который изучил дистанцию получше меня. Тогда возьмусь с другого конца — попытаюсь ответить на вопросы "зачем?" и "кто?" Но "зачем?" — вопрос праздный, черт с ним! Судя по всему, Виссия была эдакая маленькая потаскушка, похитительница сердец всех попавшихся на глаза кузенов и мучительница всех Жанно в округе. Меремону было суждено сгореть в пламени возбужденных ею страстей. Значит, причина — ревность, любовь или ненависть... Мотивы в данном случае существенной роли не играют, как принято говорить на судебных слушаниях. Сам убийца лучше всех объяснит, почему он ее уколошил (когда угодит за решетку).

Если подумать, все до смешного просто! Для начала надо распотрошить всех подозреваемых (включая и сердечников). Я хватил глоток виски и стал загибать пальцы...

Начнем с преподавателей: мадемуазель Сержант (общие предметы), миссис Бекер-Квин (иностранные языки), госпожа Р.-Л. Перс (музыка и рисование), мадемуазель Прямовбой (обратить внимание, так как дежурка рядом со спальней). Да, еще малютка Легран и ее командир в платье до полу — госпожа Фельц... Потом девушки, всего-то полторы дюжины!.. (Разумеется, все они не подозреваемые в полном смысле, скорее полуфабрикаты.) Кто еще? Госпожа Берг, будущий господин Берг... Жанно с его неразделенной страстью... И, наконец, этот художник, Карнавон, слишком уж бородастый для честного человека. "Борода всегда призвана нечто скрывать", — утверждал старина Понс.

Я снова отхлебнул виски. Ну, а Пьер? Пьер, именуемый Пьеро? Тот, который являлся во мраке ночи, два-три раза бибибал, и сразу уезжал, так никому и не явив своего лица? Пьер, который, не находя в здешнем захолустье применения своим талантам мостостроителя, намылился нас покинуть?.. Как все складно —

он, вроде бы, влюблен в малютку Легран, каждый вечер за ней заезжает... (И долго-долго ждет, пока она прихорашивается...) Представляю себя на его месте. Напряженное ожидание, смолит сигареты одну за другой... Прислушивается. Вот только шелест чьего платья он жаждет услышать?

Солнце жарит всюю, огромная муха колотится в оконное стекло, а я вспоминаю Мойру, гордясь собой, что смылся из Парижа, не позвонив ей. Стоит только звякнуть этому гаденышу Годону, который бережет секреты, как собственные сопли, не прошло бы двух суток, и она бы прискакала. Стопроцентно в этом убежден. Так же как, например, в том, что Эмэ могла бы вступить в орден кармелиток, только перепившись денатурата.

Эмэ... Вспоминаю, как рыженькая в голубом платье, цвета лаванды, испуганно зажалась в углу. Красивое имя — Эмэ, быть любимой — ее судьба. Девочка, надо признать, прехорошенькая.

Но ведь сколько вокруг соблазнов! У подруг — брат чемпион, папа генерал...

Я поднялся и вставил электробритву в розетку.

— Разыграть из себя Ромео? Нет, уж лучше душителя!

Розетка не работала.

9

И звлекаю шнур из розетки, беру ключ, выхожу из номера, запираю дверь. Дивная, потрясающая ночь — небо полно звезд, благоуханный ветерок, лирические арии лягушек. И в довершение всего где-то в отдалении, в деревне, вдруг запел охотничий рожок. Он звучал, как предвестие осени, как бы напоминая: цветение быстротечно, и потому спешите наслаждаться. Охотничий рожок наигрывал "Трали-вали на сеновале":

Мне к'рсотка Николетта пообещала это...

Я крался по парку, словно вор, — возможно, восемь дней назад так же точно прокрадывался убийца, отплевываясь от мошкар, забивающей ноздри, оставляя клочки одежды на розовых кустах. Должно быть, его тень металась по земле еще тревожней, чем моя.

Освещенный луной Меремон выделялся белым, чуть в голубинку, пятном на фоне черных древесных стволов. Несколько окон еще светилось, одни красным светом, другие оранжевым, в зависимости от того задернута или нет занавеска. Малютка Легран, разумеется, еще не легла. У меня была возможность повторить обход ночной дежурной, заглядывая поочередно в каждое окно.

В поисках сарая я обогнул дом и вышел на более освещенное место. Залитый лунным светом, я вдруг почувствовал, что продрог: оказывается, не такая уж теплая выдалась ночь. Продолжал надсаживаться охотничий рожок, но теперь он всюю наяривал "Добиньи":

*Добиньы звонит в Шапезе,
А в ответ на звон
Вдалеке рожки запели
Звону в унисон.*

Тут я буквально вмазался в деревянную избушку, спрятавшуюся в тени двух огромных пихт. Не похоже на сарай. Но все же толкаю дверь, отворившуюся с противнейшим скрипом, захожу в хибарку, чиркаю спичкой.

Нечто вроде каптерки. Вон там, под чехлами, видимо, стулья-диваны, судя по выпирающим углам. Жутковатый у них вид, как у монахов под капюшоном. Вот груды заржавевшего садового инвентаря. Почему-то манекен, наряженный в безумную индийскую юбку. Скатанные ковры.

Вспоминаю, что захватил карманный фонарик, и тут же его включил. В ярком пучке света мне предстало следующее. Печка из красного кирпича, причем было заметно, что ее недавно растапливали. Круглый столик. По бокам от него — два кресла-качалки. Незачехленный диван. А вон и чехол — аккуратно свернут в головах вместо подушки. Так-так, на полу — раз, два... штук шесть окурков. Я нагнулся и принялся внимательно разглядывать один из бычков, слегка тревожась: вдруг г-жа Фельц застигнет меня за этим занятием. Табак был завернут в сухой дубовый лист, на котором сохранились следы губной помады. Когда, закончив осмотр, я вновь пробежал фонариком по стенам, в углу что-то блеснуло. Еще одна интересная находка — за печкой припрятаны два грязных стакана. Все как в моей канадской хибарке. Вот, оказывается, куда меня занесло — в холостяцкую берлогу.

Ветерок, спасибо ему, напомнил мне о цели экспедиции. От его дуновения затворилась дверь, и ее скрежет оторвал меня от приятных воспоминаний. В конце концов, всегда можно сюда вернуться и еще порыскать. Я погасил фонарик и отправился на поиски сарая.

Наконец я отыскал сарай, притаившийся между двумя теплицами. Заглянув в него, я убедился, что госпожа Фельц несколько не преувеличила — лестниц там еще и побольше. Теперь главное — выбрать подходящую: не короче, не длиннее.

Если бы вы меня увидели пятью минутами позже, то приняли бы за трубочиста на свержурочных, или, по меньшей мере, за электрика-верхолаза. И подобная догадка меня бы здорово устроила, я бы даже попросил вас подержать лестницу.

Что и говорить, если убийца действительно воспользовался данным способом и теми же техническими средствами, чтобы проникнуть в Меремон, значит, он совсем уж чокнутый. Лично я не нашел бы ни единого слова в свое оправдание, если б меня застигли и стали расспрашивать, что за игру я тут затеял...

Лестницу я выбрал удачно, точно прикинув высоту балкона. Однако и достигнув вожделенной цели, все равно чувствовал себя иднотом.

Балкон оказался совсем узеньким. Но стоило мне туда втиснуться, как я тут же возблагодарил Бога: створка балконной двери была приоткрыта, а ведь могли ее забаррикадировать каким-нибудь нормандским шкафом...

Да, поразительная беззаботность. Неужто ни одна из восемнадцати девочек не боится убийцы? Ведь может и снова заявиться. Это была первая неожиданность. За нею сразу последовала вторая: где-то вдалеке, у ворот парка, крикнул клаксон. Тут же хлопнула дверь, и я услышал легкие женские шаги, совсем рядом, метрах в десяти. Несмотря на недавнее разочарование, малютка Легран не отказалась от своих ночных проказ.

Я подождал, пока затихнет хруст гравия. Потом ветерок донес звук отъезжающего автомобиля. Но одновременно, выставив в дверной проем свое ухо наподобие локатора, я прислушивался к звукам спальни. Они были потише, зато мелодичны (по крайней мере уютны): нежное похрапывание, поскрипывание матрасов, шуршание простынь... Неутомимый рожочник теперь пытался изобразить "Бросок":

Я в спальне, погоди, задую свечи...

(Малый, конечно, и не догадывается, что его единственный слушатель это я. Ну, не считая малютки Легран и Пьера, которые под звуки столь проникновенной серенады наверняка помирятся. Куда им деваться? А тут еще — ласковый свет приборного щитка, шелест туго натянутых шелковых чулок, лунный блик на капоте. Нет, нет, примирение неизбежно...)

А я тем временем ужасно переживал, что сейчас июнь, а так ведь мог нарядиться Дедом Морозом.

На первой кровати в левом ряду с видом невинного ангелочка почивала блондинка, изогнувшись в форме басового ключа. На первой в правом — девица с растрепанными волосами, подстриженными а-ля Титус, и тоже вся этакая с виду беззащитная. Я не стал их слишком долго разглядывать — нагляделся, пока беседовал.

Ведь девиц-то восемнадцать, да и кроме них есть на что поглазеть, взять на заметку. Не пожалев новых брюк, опускаюсь на четвереньки, ползу, как заправский следопыт. И, конечно, тут же занозил руку. Хорошо, что левую.

Теперь я мог лицезреть только ножки кроватей, свесившиеся до полу одеяла, тифельки самых разнообразных размеров да кучи сора в недоступных для метлы закутках, но зато я имел возможность слиться со своей тенью. К тому же так было удобнее пересчитывать половицы, чтобы, упаси бог, не опереться на девятнадцатую от окна, которой, сам того не желая, припугнул меня коротышка Брош.

Все путем, вот только эта проклятая лунная дорожка, протянувшаяся до самой двери! Да еще заноза, которая засела в мякоти теперь уж до лучших времен.

Я надеялся на благоприятный исход, так как не забыл надеть тапочки, да и забег-то не больше, чем на стометровку. Однако всякий раз, когда останавливался перевести дыхание, или вдруг начинал скрипеть пол, я чувствовал, что обливаюсь потом, а ноги совсем одеревенели. При этом мне приходилось аккуратно пересчитывать половицы — четырнадцатая, пятнадцатая, шестнадцатая, — чтобы не прозевать нужную, верней сказать, вовсе ненужную.

И я ее не прозевал. Нет, я не ступил на нее коленом, наоборот, оперся на роковую половицу всем телом, чтобы перенести ногу на следующую. Раздался скрежет, как если бы мне удалось запустить заржавевшую мельницу.

В ответ — ни звука. Я уж было успокоился, решив, что никого не потревожил. Увы, увы, то оказалось затишье перед бурей.

Уяснив это, я собрался вскочить на ноги и рвануть к двери, но опоздал. Страсти разгорелись не на шутку — со всех сторон неслись крики: “Бей вора!”, “Пожар!”, а им в ответ: “Лупи мерзавца!” и тому подобные призывы.

Через миг две юные особы вцепились мне в куртку. Остальные также покинули свои места и толпились рядом, не скупясь на советы, которые меня в восторг отнюдь не приводили.

— Господи, да выверни ему руку! — Выцарапай ему глаза, так надежней! — Дай-ка мне вазу, ту, большую! — Садани его головой об пол!

Эта блистательная коррида, поверьте, принесла мне массу приятных ощущений! Одна девица, самая пухленькая, примостилась у меня на затылке, другая упорно пыталась притянуть мою правую ногу к голове, в то время как третья разувала левую, уж не знаю в каких дьявольских целях. А еще одна здорово врезала мне по кумполу рожком для обуви.

Увы, я был ограничен в средствах самообороны, опасаясь, что у всех этих очаровательных толстух и худышек столь тонкие рубашки, что будут рваться при любом прикосновении. Действительно, каждый мой порыв к свободе сопровождался воплями негодования или возмущенным квохтаньем:

— Ах, он меня ущипнул! — Ох, он порвал мне рубашку! — Какой нахал!.. — Прижми его руку, чтоб не дрался! — Может, свяжем его? — Блеск! Держи мой пояс...

Несмотря на то, что через пять минут этой славной битвы моя шея была стиснута чьей-то ногой, — хорошо еще, что не моей собственной, — а к щеке притиснута чья-то недоразвитая грудь, я все же продолжал тешить себя надеждой, что бой еще не проигран. Но тут я услышал, как распахнулась дверь, и страстные объятия мигом разомкнулись.

Передо мной предстала госпожа Фельц. Опирающаяся на свою трость с серебряным набалдашником, отбрасывающая прямоугольную тень, она показалась мне тем более массивной и величественной, что я был вынужден ее созерцать снизу вверх.

— Господин Марко! Что за безобразную комедию вы тут устроили?

“Стоит вам получить в наследство велосипед, как вы тут же сломаете ногу”, — утверждал старина Понс.

Я встал. Вид у меня был плачевный. Я украдкой прикинул потери противника.

— Г-мм. Вы же предлагали представить меня этим юным дамам? Ну, вот и...

Амазонки, успевшие прикрыть стыд своими лохмотьями, теперь разбредались по койкам.

— Что все это значит? — сурово допытывалась госпожа Фельц.

— Что убийца не мог войти через балкон, — объяснил я. — Или что он сильнее меня в устном счете.

Я думал, концерт окончен, однако ошибся.

Госпожа Фельц явилась не одна. За ее спиной притаилось существо, на полголовы ниже ростом, с мертвенно-бледным одутловатым лицом, одетое во фланелевый пеньюар, наспех накинутый на вискозную ночную рубашку в стиле помпадур, с глухим воротом. Глаза пожилой дамы были вперены в некую точку за моей спиной, куда она уставилась сразу, как открылась дверь, еще до того, как госпожа Фельц включила свет. По дрожащим губам и выпученным глазам я понял, что ей привиделось нечто кошмарное.

— Там! Там! — бормотала она срывающимся голосом, тыча пальцем в пространство. — Вис-сия!

Я с трудом сдержался, чтобы не выругаться. На кровати Виссии действительно возлежала не слишком одетая девица. Ее роскошные белокурые волосы таились под черной сеточкой, так что при плохом освещении она могла сойти за брюнетку. С такой красоткой я не отказался бы перекинуться парой слов.

— Ну, Фелиция, — несколько раздраженно увещевала экономку госпожа Фельц, — вы же прекрасно видите, что эта девушка совсем не похожа на Виссию. Конечно, надо было вас предупредить, — добавила она уже помягче. — Это мадемуазель Фудр, она собирается пройти у нас каникулярный курс. Родители ее только вчера привезли...

Но Фелиция будто оглохла. Облаченная во фланелевый пеньюар дама одела посреди спальни, словно прохуdivшийся мешок с отрубями. Однако сознание не потеряла. У бедняжки было выражение лица, как у боксера в нокдауне.

— Быстрее! — скомандовала госпожа Фельц. — Мартина! Сусанна! Отнесите мадемуазель Прямовбой в ее комнату...

Что и говорить, сестер милосердия госпожа Фельц выбрала удачно. В Мартине и Сусанне я опознал двух самых умелых кетчериц. Мог ли я оставить моих амазонок в заблуждении, что они одержали надо мной полную и окончательную победу?

— Давайте-ка я... А вы мне посветите!

Не стану утверждать, что дама была легка, как перышко. Наоборот, как мне показалось, она тянет на центнер, как все раненые

и больные, которые непостижимым образом умеют сделать себя неподъемными. Мартина и Сусанна добросовестно светили, к тому же и сами просвечивали сквозь ночные рубашки, что служило мне единственным утешением.

Протиснувшись в дежурку, я сразу вспомнил краткое ее описание, сделанное госпожой Фельц. Мой коллега Ване в таких случаях говорил: "Краткое, но ёмкое". Действительно, это была не комната, а закуток (скорее всего, выгороженный в ту пору, когда Меремон только еще приспособляли под учебное заведение), застекленный до середины, но во всю длину переборки, следовательно, с видом на лестничную площадку. Комнатка была снабжена раздвижными шторами, так что дежурной, дабы уединиться, достаточно дернуть за шнурок.

Вслед за нами вошла госпожа Фельц в сопровождении двух-трех любопытных девиц, свернувших себе шеи, чтоб, упаси Боже, не пропустить ничего интересного.

— Эмма, бегом за доктором! Чтобы через минуту был здесь!

Эмма! Еще одна юная дама, которую я не скоро позабуду. Никогда не прощу мерзавке ее подлых приемчиков!.. Я-то ее сразу опознал в куче-мале по очкам, писклявому голоску и запаху чернил. Разумеется, как же она могла упустить такой удобный случай поставить меня на место, отбить охоту тыкать! Готов биться об заклад, что она первая ученица в классе и учится на стипендию, причитающуюся самой прилежной, но бедной. Мадемуазель Прямовбой крихтела, как старуха, которая взбирается пешком на седьмой этаж, с каждой ступенькой приближаясь к своей гибели.

Я вдруг испугался, что она вот-вот отдаст концы, поэтому поспешил задать вопрос:

— Почему вы решили сделать второй обход в ту ночь, когда убили Виссию?

Тут я почувствовал, как у меня по спине побежали мурашки, словно морская рябь. Девицы сгрудились вокруг нас. Мизансцена слегка напоминала картину Рембрандта "Урок анатомии".

Мадемуазель Прямовбой, глядя на меня кротким взглядом раненой лани, пробормотала нечто невразумительное.

— Я же вам объясняла, — вмешалась госпожа Фельц, — что Фелиция обязана совершать только один обход, сразу после отбоя, чтобы проверить, не нарушают ли девочки режим. Если она делает второй обход, как той ночью, то не по обязанности, а из добросовестности, или когда не спится. Она могла бы и вообще нам об этом не сообщать.

— Разве что ее кто-то видел! — Я не был в восторге от своей роли, но давать обратный ход было поздно. — Прошу вас, напрягите память. Неужели во время второго обхода вы хотя бы из любопытства не заглянули в спальню?

— Да с какой стати? — снова вмешалась госпожа Фельц. — У нас в разгаре экзамены, девочкам необходим отдых! Если бы бед-

няжка Фелиция чуть скрипнула дверью, она могла бы их разбудить...

— Не всех! — вырвалось у меня.

Если бы я усомнился в важности данных сведений, то, разумеется, избавил бы себя (а заодно и бедняжку Прямовбой) от этой пытки. Но расследование только началось, поди разбери, что важно, а что нет!

Собрав все свои силы, мужественно преодолевая хворь, мадемуазель Прямовбой сделала жест в сторону верхнего ящика комода. Выдвигаю ящик, где вперемешку свалены: недовязанный пуловер, моток шерсти, пожелтевшие письма, коробка слипшихся конфет, кошелек, осыпавшийся букетик бессмертников, — короче говоря, весь хлам, который хранят старые девы, живущие только воспоминаниями. Я чуть ли не вообразил, что смутил ей душу, и она уже готова во всем признаться. Убийцы ведь считают хорошим тоном исповедаться на смертном одре.

Однако госпожа Фельц рассеяла мое заблуждение.

— Там у нее лекарство, — сообщила она, вовсе не скрывая, что осуждает мою несообразительность.

Наконец я нашел ярко-красную упаковку, цвет которой был, видимо, так же могуч, как и обретающиеся в ней драже. Госпожа Фельц поспешно выхватила ее у меня из рук, открыв моему взору пяток малолетних статисток, разместившихся на заднем плане. Одна повернулась ко мне спиной и как раз собиралась нагнуться, остальные перешептывались. Я мог созерцать их только миг, но девицы почувствовали мой взгляд и мгновенно вскинули очи. И каждое — словно объектив фотоаппарата. Мгновенный взмах ресниц, чуть загадочный взгляд. Нет, тут не просто любопытство, девочки явно встревожены. Даже чуть струхнули.

Госпожа Фельц увещевала болящую:

— Ну, еще немножко потерпите, Фелиция... Сейчас вам помогут... Уже позвали врача... вспомните мой дренаж, — закончила она уже потише.

Потом обернулась ко мне:

— Господин Марко! Малышкам здесь нечего делать... Отведите их в спальню и проследите, чтобы они легли.

Я так и сел. Всего за сутки я проделал путь от Паши до мамы Марко. Девчонки тоже не верили своим ушам. Мне пришлось буквально выпихивать девиц из дежурки, всех, кроме новенькой.

— Боюсь показаться навязчивой, — шепнула она, когда я руководил переходом малолеток через лестничную площадку, — но жажду узнать, где и когда мы с вами увидимся.

Имевший полную возможность изучить женский нрав, я ожидал чего угодно, только не этого. А я-то и взглянуть на нее толком не решался!

— Завтра вечером, около десяти, — торопливо зашептал я, — в деревянном домике на опушке.

— Заметано, — ответила она, убедившись, что остальные девочки скрылись в спальне. — Принарядиться или прийти, как сейчас?

Меня спасло от обморока только появление сначала Эммы, потом лекаря.

Избавлю вас от описания доктора Каде, ведь вы с ним уже познакомились на похоронах, правда тогда он был поаккуратнее причесан. Было заметно, что его буквально сдернули с постели. Остатки волос вздыбились над ушами, словно рожки, а пояс халата волочился за ним следом, как хвостик. Мне показалось, что ему самому неплохо бы подлечиться гормональными средствами.

— Доктор! — сообщила Эмма, вваливаясь в дежурку как к себе домой. — Бы-ыс-трее не мо-ог-ла, — добавила она, изображая, что запыхалась. Она, видно, была из тех людей, которым даже землетрясение во благо: использует, чтобы отличиться.

За ней, уставившись в пол, шагал доктор. Вдруг он быстро наклонился и тут же выпрямился. Иной очкарик подумал бы, что он обронил какую-то мелкую вещицу и нагнулся поднять. Но я-то собственными глазами видел, как лекарь выдернул из-за плинтуса переборки вдвое сложенный листок и сунул его в карман халата.

Я дал ему время всласть выругать больную, как это водится у врачей, затем тоже зашел в дежурку.

— Помочь, док?

Док уставился на меня, разинув рот. В левой руке он держал шприц, а правую привычным жестом поднес к шее, словно желая поправить галстук.

— Господин Марко, — устало произнесла госпожа Фельц. — А это доктор Каде, наш врач. — И добавила, давая понять, что в моих услугах не нуждаются: — Я полагаю, доктор, вы ее быстро поднимете на ноги.

— Надеюсь, — подтвердил доктор Каде, пробуя пальцем иглу. — Только не могу понять, как это ее угораздило...

— Вчера нам привезли новенькую, и мы ее положили на кровать, где раньше спала *бедняжка* Виссия. Вы знаете, какая у нас теперь теснота из-за этого ремонта... Но, к сожалению, я не предупредила *бедняжку* Фелицию. Видит, в темноте кто-то шевелится на кровати бедной малышки...

Доктор Каде слушал с глубочайшим вниманием (продолжая поигрывать шприцем).

— Сейчас около полуночи, разбудили меня минут десять назад... Как я понял, Фелиция сегодня делала обход позже, чем обычно?

Оказывается, этот добродушный с виду малый имеет склонность докапываться до сути. Возможно, поэтому и пошел в лекари.

— Это не был обычный ночной обход, — уточнила госпожа Фельц еще более устало. — Вообще-то, у нас с Фелицией было

некое предчувствие... тревога, даже не знаю почему. А тут в спальню пробрался мужчина, малышки его обнаружили, приняли за убийцу Виссии и подняли такой визг, что мы проснулись...

Да уж, версия, прямо сказать, сомнительная. Госпожа Фельц, в своем наряде вдовствующей королевы, совсем не напоминала человека, которого сдернули с койки!

— Ну и ну! — вскричал доктор Каде. — Мужчина! (И что ему так волноваться, ведь мужчина, не медведь?) Надеюсь, вы его поймали?

— Нет-нет, — заверила госпожа Фельц, — без всяких дурных намерений.

Доктор совсем запутался.

— Это мужчина вам сказал?

— Нет, но... Да неважно, он не опасный.

Еще один камень в мой огород. Если бы госпожа Фельц подслушала мое собеседование с новенькой, она бы, конечно, воздержалась от поспешных выводов.

— Значит, вам известно, какие цели этот человек преследовал?

Госпожа Фельц — за что я ей крайне признателен — решительно отмела любые сомнительные домыслы.

— Разумеется! Чисто профессиональные.

И поскольку ей уже смертельно надоело играть в загадки, она разом открыла карты:

— Кстати, можете познакомиться, вот он. Господин детектив.

— Помочь, док? — пользуюсь я случаем снова предложить услуги, оттеснив Эмму и насильно вырвав у нее из рук пузырек со спиртом.

Доктор Каде был так потрясен, что почти забыл о больной. К тому же, вероятно, уже начали действовать могучие таблетки.

— Благодарю вас! — ответил доктор, выхватив у меня спирт с такой поспешностью, будто от моего прикосновения он мог тут же обратиться в цианистый калий.

— Хотите, я вам посвечу?

— Не стоит.

Впрочем, в дежурке мне больше нечего делать. Я узнал все, что нужно, а через минуту узнаю еще больше. Только бы выбраться в парк и прочесть записочку, уворованную доктором Каде. Луна светила всюю, и мне удалось тут же разглядеть то, что в ней значилось. Нет, она содержала не письмо, а довольно небрежно накарбанный ребус.

— Вы не собираетесь убрать лестницу? Ночь еще не закончилась, вдруг убийца снова... Вледный же будет у вас вид.

Я даже не дал себе труда обернуться, еще за миг ощутив, что запах эвкалипта заглушил аромат роз...

У дверей гостиницы я минут десять мучился с замком и уже подумывал, не прибегнуть ли опять к лестнице. Но дверь отворил сам хозяин, облаченный в клетчатую пелерину по моде лондонских извозчиков, и впустил меня.

— Поздновато, — упрекнул старикашка с недовольным видом человека, проглотившего вставную челюсть. Я показал на неподвижные стрелки стенных часов:

— Еще и десяти нет. Разве это поздно?

Но, думаю, вы уже поняли, что у господина Огрызка, как я называю низкорослых старичков, чувство юмора отсутствовало.

— Гостиница “Бель-Вю”, — продолжал он язвительно, — не какой-нибудь шикарный отель. (Вот это уж точно!) У нас проживают простые люди, со скромными привычками. Разумеется, ваша профессия, простите, ищейки имеет некоторую особую специфику, что непозволительно сбрасывать со счетов. Ведь не требуем же мы от угольщика непременно белоснежного белья. (Лучше бы не выразился и старина Понс!) Однако, если вы не откажетесь от нетерпимой в общежитии привычки путать день с ночью, вам придется переселиться к Беттине.

— Беттина! — повторил я, не скрывая удивления.

— Первая улица налево, второй дом по правой стороне, — уточнил он, всем своим видом давая понять, сколь глубоко мною недоволен. — Вы должны были мимо него проходить...

Но я не дослушал.

— Спасибо за адресок! — крикнул я ему уже с улицы.

Бар Беттины был одним из тех маленьких кабачков, которые распускаются, словно цветы, в самых неожиданных местах, и так же, как цветы, вянут к осени. Полуночник их всегда вычислит по атласным шторам в цветочек и тюлевым занавескам.

— Привет! — поздоровался я, ввалившись в бар. — Всем выпивку за мой счет!

Должен признаться, что “всеми” был один единственный мужчина, который, обхватив голову руками, казалось, размышлял о бренности человеческого существования.

Беттина из своей клетушки с кассой одарила меня лучезарной улыбкой. Я дал бы ей лет сорок, но она бы их отвергла. У дамы были иссиня-черные волосы (небось, накануне подкрасила) и смуглая кожа (грим-пудра “Сент-Анж” № 9 для жирной кожи). На ней красовалось вишневое атласное платье (отхватила от занавески), по выступам на котором вы могли безошибочно определить, где начинается корсет, а где располагаются подвязки.

— Две звездочки? Шампанское? — предложила она предупредительно.

— Скоч энд плеш*, — заявил я по-английски, с единственной целью — впечатлить.

* Шотландский виски “с прицепом” (англ., своб. пер.)

Однако Беттина сразу поняла, что мне требуется, и тут же хлопотала. Пока она что-то там химичила, я решил осмотреть помещение. Круглые стулья, обитые красным бархатом; столы из черного пластика, покрытые немаркими скатертями, чтоб не бросались в глаза пятна; кремовые стены, украшенные картинками. Внимательно приглядевшись к одной, я убедился, что она совсем свежая.

Тут Беттина проявила исключительную наблюдательность:

— Как она вам? *Непрезентабельна?*..

Мне ни на секунду не пришла мысль, что она допытывается, дабы потешить свое неутоленное авторское честолюбие.

— Интересно.

— А вон та?.. “Поздняя молодость”...

Моя прогулка по бару начала превращаться в крестный путь.

— “Возвращение Страсти”, — доверительно сообщила Беттина, заметив, как я отпрянул от холста, вымазанного яично-желтой краской вперемешку с нежно-голубой.

— Потрясающе.

Беттина дала мне перевести дух, однако ж не отстала.

— А вот эта? — торжественно произнесла она, когда я уже вообразил, что пытка искусством закончена. — “Дитя, собирающее чернику”...

Не в силах больше сдерживаться, я сорвался:

— Дерьмо.

— Дерьмо? — проревел в ответ замогильный голос. — Ты слышала, Бет-тина?.. Он сказал: д-д-дерьмо.

Я развернулся на сто восемьдесят градусов. Гляжу: тот тип, что размышлял о смысле жизни, прет на меня, как бульдозер.

— Нет, вы могли назвать мою картину ме-мерзкой, га-гадкой, дря-дрянной! Но вы нашли другое слово: д-д-дерьмо! И, заметьте, не потому, что творец данной мазни — так? — сидит рядом. Значит, не желая мне польстить!.. Знаете, чего вы заслужили?.. Сейчас сниму ее со стенки и вам по-подарю!..

Мне удалось отклонить щедрый дар.

— Ладно уж, — согласился он разочарованно, — я все равно не могу ее по-подарить. Я ее отдал Бет-тине в счет своих плодотворных, хоть и раз-разорительных, попок. Я в восторге — так? — от вашей мещанской категоричности. Д-д-дерьмо!.. Сказали бы: ме-мерзость, га-гадость...

— Дрянь.

— Ради Бога, — разрешил он. — За милую душу.

Если бы не его таканье, пришепетыванье и заикание, я бы решил, что он издевается. Но ничего подобного: несмотря на некоторую язвительность, художник говорил искренне. Я только сейчас заметил, что его борода аккуратно подстрижена.

— Я счастлив, господин Карнавон! — произнес я вкрадчиво.

— Черт подери!

По тому, как он сосредоточился, я понял, что мазила готовится обнародовать один из манифестов — обычно в три пункта, — призванных заклеить обывательские вкусы. Но мне удалось его опередить.

— Ваш дринк, — сообщил я, подсовывая ему стакан. — Знаете, о чем я думаю, наглядевшись на ваших зеленых коров? Что же вас могло в ней привлечь?

— В ком?

— В Виссии.

— Зайдите как-нибудь вечером, — радушно предложила Беттина, выковыривая осколки из черепа Карнавона, после того, как я уже оплатил все: два стула, стаканы (целый сервиз), миксер, скоч энд плеш, разбитое зеркало. — Мне кажется, я смогу объяснить...

— На вашем месте я не стал бы платить за зеркало, — услышал я голос комиссара Броша, как только завернул за угол. — Оно было уже треснутое.

11

Прикиньте, сколько времени мне понадобилось, чтобы, уже порядком нагрузившись, вскочить со стула, вооружиться соседним, шлепнуться на задницу, подняться, защититься от бокового в глаз, ответить прямым в печень, шлепнуться на задницу, хватить скоч энд плеша, отыграть полных три сета стаканами (ушел целый сервиз), разбить вдребезги зеркало (уже треснутое), защититься от прямого в печень, ответить боковым в глаз, шлепнуться на задницу, хватить скоч энд плеша, покорежить одновременно миксер и кастрюлю об голову гениального (или возомнившего себя таковым) художника, привести в чувство сорокалетнюю красотку лет пятидесяти, так же туго упакованную в свой корсет (лимонный), как мексиканские сопляки в заспинный кулек, урыть упомянутого художника, возвратиться к даме, дабы помочь ей ослабить путы, хватить скоч энд плеша, повесить на место упавшую картинку, позаботившись, чтоб висела поровнее, еще раз поправить, любовно договориться с хозяйкой о размере возмещения за причиненный ущерб, включая сломанную молнию, скостить треть, прикончить на двоих бутылку, с достоинством откланяться и удалиться с не меньшим достоинством (по крайней мере, попытаться...). Прибавьте к этому время, необходимое, чтобы избавиться от комиссара Броша, семь раз обогнуть церковь, высосать три сигареты, оборвать звонок у нотариуса. Сложив все вместе, вы не удивитесь, что, когда я вернулся в номер, там уже дымилась чашечка утреннего кофе, который я заказал накануне, еще надеясь плюхнуться в койку в час-два ночи, как все нормальные люди.

Выпить я успел только полчашки, но не потому, что кофе оказался настоящей бурдой. Меня отвлекли раздраженные голоса за стенкой. Догадавшись, что скандалит будущая госпожа да Коста, я тут же подался к стенке (лежа, как обычно: руки за голову, не скинув башмаков) и наострил уши. Глухо. В чем-в чем, а в этом гостиница "Бель-Вю" не подкачала. Надо бы добиться скидки за звукоизоляцию.

К счастью, куколки из Меремона надоумили, что делать в подобном случае. Выхожу в коридор, подкрадываюсь к четырнадцатому номеру, становлюсь на колени и припадаю к замочной скважине...

Мне всегда казалось, что настоящей горе постоянно саднит душу, как власяница — кожу. Но госпожа Берг, видимо, предпочитала утаивать свои страдания на манер веселых вдовушек. Она сидела перед туалетным столиком, демонстрируя мне свою спину, излишне мясистую, но тем избавленную от морщин, затянутую в корсет цвета чайной розы. Только черная юбка и чулки свидетельствовали о ее безвременной утрате.

Более расстроенным выглядел да Коста. Он расхаживал по комнате в сиреневых кальсонах, причем так резво, что постоянно закрывал мне обзор.

— Который был час, вы говорите? — переспросила госпожа Берг.

— Но я же не магу знат точна. Ви атабралы мои часы! Госпожа Берг невозмутимо продолжала прихорашиваться.

— Я заснула около полуночи. Вас еще не было.

— Значит я возвратылса сразу, как ви заснули. Я просто пощел пагулат.

— Зачем?

— Какие дела? Просто падицат свэжим воздухом, памэчатат о ващем...

— Я не понимаю, зачем надо было куда-то идти мечтать обо мне, если я лежу в вашей постели.

— Хатэл пакурыт... Ви же нэ лубитэ, когда я дома куру.

— А сейчас вы почему курите?

— Патаму, что нэрвничаю от ващих вопросов. Ви, как слэдова-тэл.

— Думаю, следовательно будет к вам построже. А может быть, вы с кем-нибудь повстречались? Кто мог бы подтвердить?

— К сажэлэнию, нэт. После дэсаты здэс ни адной сабаки.

— Но сами-то вы прогуливались?

— Я же вам объяснил. Ви так устали. Я рэцил, что вам надо спакойна паспат...

— ...и так обо мне беспокоились, что угостили снотворным.

— Дорогая, ведь это ви самы папрасылы! Ви самы пасавэтовалы прагулатса.

— Просто пробный шар. Хотелось услышать, как вы отнесетесь к моему предложению.

- Не панымаю, какой шар. Это била лавуцка?
— Как-то вы чересчур быстро подружились с Виссией, вам не кажется?
— Я абажял маму! Как же я мог влюбиться в дочку? Нэкак!
— Мы с Виссией не ладили, вы знаете. Если б она вас окрутила, я не слишком бы удивилась.
— Дарагая, Виссия била савсэм дэвочка, рэбенок! Развэ будущий отчым нэ должен старатса, чтобы его полубыла будущая падчерыца?
— Виссия была уже не ребенок, а женщина.
— В такой юбачкэ, ныже калэн?
— Вы хорошо знаете: я хотела, чтобы она выглядела помоложе... Энрико!
— Что, дорогая?
— Вы клянётесь, что с ней не виделись в тот вечер, когда ее убили?
— Канэчна кланус, дарагая! На калэни встану.
— Это необязательно.
— Ну, подумайтэ, как я мог вэрнутса к полуночи, если я бил в каллэже. Я ушел в адыннадцат.
— Вполне достаточно времени, чтобы добежать до Меремона и... Да, еще не факт, что вы вернулись к полуночи.
— Я же вам поклялся! Харащо, еслы вам нэ хватает клатвы да Коста, я прэдставлу алыбы!
— Докуривайте же, наконец! И передайте мой пояс... Нет, другой... На стуле... Вы же уверяли, что никого не встретили.
— Савсэм пазабыл! Такая галава... Жюли еще нэ спала, когда я вэрнулса... Спрасытэ у нее...
— Жюли?
— Горничная, такая каратицка, риженькая... Которая прыносит щакалат, вэчна туда волосы раняэт...
Тут госпожа Берг соизволила обернуться. Медленно, плавно. Она мне показалась очень бледной, или это от пудры? Губы у нее были поджаты точно так же, как в кабинете малютки Легран. Бй бы арапник в руки, была бы вылитая крепостница.
— Вы меня считаете дурочкой? — За неимением арапника, она схватила флакон с духами. Причем траекторию его будущего полета было нетрудно вычислить заранее. — Эта девка в вас втюрилась, она что угодно подтвердит... Уверена, что вы переспали!
— Дарагая, как ви можетэ? Я панымаю, ви страдаете...
— Страдаю? А по чьей вине?
Дальше ничего интересного: флакон, прежде шархнувшись об дверь, разбился об пол. Энрико продолжал оправдываться с преувеличенным негодованием. Я же отправился на поиски Жюли, которую обнаружил в бельевои.
— Вот, считаю полотенца, — сразу сообщила Жюли, отбрасывая со лба непокорные огненно-рыжие кудри. — Видите, какая

растрепана, — добавила она, наверняка заблуждаясь относительно моих намерений.

Начинаю допрос:

— Когда ты обычно ложишься спать?

— Как придется, но если меня попросят...

— Когда ты легла в прошлую пятницу?

— В пятницу?

— Да, когда в колледже произошло убийство. Только не ври, что не помнишь... Ищейки тебя уже допрашивали?

Удивленно покачала головой. Ничего девочка, даже несмотря на эдакое перемежающее косоглазие, которое она использует, чтобы всегда быть начеку, хотя, вероятно, у нее уже давно отпала необходимость оберегать свое сокровище.

— Вспоминай!.. В тот вечер господин да Коста вернулся около двенадцати. Он тогда еще сказал, что ваши часы спешат!

Я тоже спешил. У меня было предчувствие, что наш интим вот-вот нарушат. И как в воду глядел! Жюли еще в задумчивости почесывала затылок, когда в световом квадратике на стенке появилась чья-то носатая тень.

— Жюли! — воззвал персонаж теневого театра. — Ви здэс? Я хатэл вам сказат...

Оборачиваюсь, дабы его поприветствовать.

— Господин да Коста? Наконец-то...

— Считаю полотенца, — сочла необходимым оправдаться Жюли. — Такая растрепана.

Эрико уже успел надеть отутюженные брюки древесного цвета, однако, по-моему, еще не успел изжить "кальсонный" комплекс. Чем я и постарался воспользоваться.

— Ну, что, освежим ей память?.. Запевайте песенку, а я буду благодарным слушателем.

Эрико попытался выиграть время:

— Нэ панымаю вас...

— Вероятно, виноват мой акцент... Кому пришла мысль навестить Виссию, вам или вашей невесте?

Огорошенный Эрико метнул взгляд сначала на Жюли, потом на меня, потом на дверь. На всякий случай я придержал ее ногой.

— Мнэ, — выдавил он наконец. — И наклыкал... Панымаэтэ?

— Я-то все понимаю. Вы любили мамашу, но были не прочь, чтобы в вас влюбилась дочка. Тем более, что она и побогаче.

— Кто это сказал?

— Никто. Просто не хочется, чтобы вы тешили себя иллюзиями...

— Я уже вишел из возраста, когда тэщат...

— Вы так думаете? Или полагаете, будто госпожа Берг согласилась навестить Меремон, потому что вы так захотели? Может, логичнее предположить, что она получила письмо от Виссии, в котором...

Энрико как-то неубедительно пожал плечами.

— Канэшна, Виссия хатэла со мной познакомитса, но...

— И когда знакомство состоялось, вы произвели на нее неизгладимое впечатление?

— Впалнэ вазможна. Я нэмнога разбираюс в женщинах.

— И вы потом видались с ней конфиденциально?

— Я нэ савсэм понал “канфыдэнциална”?

Усаживаю жениха. Прямо на ворох тряпья.

— Ну, хватит вилять! Ты подцепил мамашу, не зная, что у нее дочка. Или не догадываясь, что дочка — красавица. А когда увидел дочурку, да еще узнал, что приданое за ней вдвое больше, чем за мамашей, то попытался окрутить. Бабок побольше, а хлопот поменьше: это тебе не старую перечницу ублажать. Уж куда как приятней! Но ты просчитался! Девчонка вовсе не стремилась выйти замуж, хотя и не прочь была пококетничать. Почему? Чтобы разом убить двух зайцев. Примо: ты был ей противен. Секундо: еще больше она терпеть не могла свою мамашу и хотела ее позлить. (Ах, она совсем еще ребенок!) Нисколько не удивлюсь, если ты сейчас споешь песенку о том, что убил ее, испугавшись потерять обеих разом...

Вы меня упрекнете, что я забрасывал удочку наугад, что не пристало детективу, который обязан идти по следу. Но я и следовал — здравому смыслу.

— Это щто, лавуцка? — угрюмо спросил да Коста.

— Скорее пробный шар.

У него глаза на лоб полезли, однако развить успех мне не удалось. Дверь вновь распахнулась.

— Энрико! Что вы тут делаете?..

— Спасает свою шкуру, — объяснил я. — Увы, Жюли оказалась не на высоте.

— Считаю полотенца, — оправдалась Жюли. — Такая растрепана.

Госпожа Берг, одетая во все черное, так и взывала к состраданию. Пожалуй, даже нотариуса она сумеет разжалобить, не говоря уже о прочих, но я-то на ее удочку не попадусь.

— Вы идете получать наследство Виссии... А ведь это она должна была вам наследовать, — заговорил я торопливо. — Ей не хотелось, чтобы да Коста обобрал вас до нитки и бросил. Потому она вас и вызвала, чтобы отбить его, а потом вернуть в целости и сохранности. Тогда бы вы сообразили, что он за тип. Думала, вы ее поймете... Но мы плохо знаем своих родителей. Вы решили, будто она хочет рассорить, чтобы самой... и... и... — Как ослепляет резкий свет лампочки, так и свет истины, поэтому я начал запинаться: — ... ведь не только у вашего жениха, но и у вас самой нет алиби. Вы тоже успели бы добежать до Меремона! Кто посоветовал ему прогуляться, попросил снотворное? Которое, кстати, вы так и не выпили!

Госпожа Берг выслушала меня с полным равнодушием.

— Пойдемте, Энрико, — только и процедила она, окинув презрительным взглядом меня и Жюли. И отыгралась: — Не будем мешать детишкам...

Я готов был разорвать ее в клочья! Ведь как все рассчитал. Не хуже астролога, добавила бы Мойра.

В этот момент дверь опять распахнулась, и вошел новый посетитель, точнее — посетительница. Лишь только на стенку пала тень от ее королевского платья, все мы как-то съежились.

— Ну, вот, семейство в сборе, — заметил я, поскучив.

Гостя оглядела присутствующих, задержав на мне взор:

— Вы удивлены, господин Марко?

— Ну отчего же? — возразил я. — Вы ведь жаждете, чтобы преступление совершил кто-нибудь из посторонних. Почему бы вам не порасспросить Жюли?

— Считаю полотенца. Такая растрепана! — встряла упомянутая Жюли.

После чего я закончил:

— Только удивлен, что я вас опередил.

— Столько дел, — вздохнула госпожа Фельц.

Я выглянул за дверь. Броша в коридоре не было. Я обнаружил его в своем номере, приканчивающим мою бутылку виски.

— Ну, как вам Жюли? — поинтересовался он. — Ее б немного причесать...

12

Разумеется, мне следовало сходить проведать Карнавона (тем более, что стоило взять его в долю за разбитое зеркало...).

Я и вообще-то редко заглядываю в календарь, разве что в конце месяца. А в данном случае в нем и вовсе не было никакой нужды: лишь только я, допив кофе, покинул гостиницу, как сразу сообразил, который сегодня день недели. Возможно, услышав предсмертные хрипы фанфар, фальшививших в отдалении, возможно, потому, что Жюли, которую у дверей поджидал ухажер, вырядилась в голубое атласное платье, или же по тому, как вальяжно разлеглись на земле тени. Короче, не стоило заглядывать в календарь — и так было ясно, что воскресенье.

Кстати, и у виллы Карнавона был вполне воскресный облик. Впрочем, таковым он оставался и в будни, благодаря крыше из зеленой черепицы, выкрашенным в кремовый цвет стенам, ухоженному садику и незапертой двери, с которой в данный момент играла кошка. Лапкой с белым кончиком она то открывала, то закрывала дверь, стараясь, чтобы при этом звякала сонетка. Вилла именовалась "Тяготы". Это свидетельствовало, что ее обитатели — люди не суеверные. К тому же, надо заметить, что на клумбах росли именно ноготки, а не какие-нибудь левкой или флоксы.

Перешагнув через кошку, распахиваю уже приоткрытую ею дверь. Я слегка опасался какого-либо подвоха, например, споткнуться о трехколесный велосипед. Нет, никакого велосипеда не

обнаружилось. Зато обнаружилась дама, мурлыкающая “Лесного царя”, бездарно аккомпанируя себе на фортепьяно.

— Госпожа Карнавон? — спросил я, заходя в дом. — Меня зовут Дезире Марко. Я — детектив. Расследую убийство Виссии Берг. Меня впустила ваша кошка.

Госпожа Карнавон оказалась увядшей блондинкой, слегка расплывшейся, небрежно подкрашенной, вероятно, большой любительницей вязать. Она с сожалением опустила крышку пианино и указала на обитое кретоном кресло: упоминание о кошке ее заметно ко мне расположило.

— Садитесь, пожалуйста. Хотите чаю?

— Не стоит беспокоиться.

— Вы не любите чай?

Она произнесла это с грустью. Так же ее, видимо, в свое время опечалили открытия, что мужчинам больше нравятся туфли на высоком каблуке, чем на низком (такие удобные), а шелк больше, чем трикотаж.

— Вы предпочитаете виски?

— Ну, помилуйте...

— Шотландский?

— Ну, вы меня просто... — я подумал, что она вот-вот разоблачит меня, как забулдыгу. Но ошибся.

— Карло тоже! — воскликнула она с восторгом. — Погодите! — Она вышла из комнаты и теперь вовсю гроыхала посудой. — Нашла, — похвасталась дама, распахнув дверь ногой. — Надеюсь отыскать у Карло полную бутылку. Ни одной, куда-то припрятал! Все пустые, или вот, на донышке...

Я ей поверил. Похоже, и в самом деле остались только изрядно обмелевшие.

— Ничего, если я выпью чай? Привыкла как раз в это время. — Дама говорила извиняющимся тоном, но чувствовалось, что никто не послужил бы помехой ее чаепитию. — Вы, наверно, к мужу? — Она положила в чашку кружок лимона и разминала его ложечкой, одновременно буравя меня холодно-голубым взглядом из-под белесых ресниц. — Боюсь, как бы ему не повредило напоминание... Он не совсем здоров.

— Сердце?

— Скорее, общая слабость.

Не буду утверждать, что эта новость меня порадовала, — еще одно препятствие, но, честно говоря, и не слишком расстроило: мой шарабан и так мотало по ухабам.

— Видимо, ваш муж очень нервный?

Госпожа Карнавон охотно подтвердила:

— Да, он такой ранимый.

— Волнуется по пустякам?

— Любая мелочь выбивает его из колеи. (Ну, уж это она недооценивает своего Карло.) Он ведь художник, у них особое видение мира, не как у нас. (Еще бы, он обитает в мире, населенном зелены-

ми коровами, а ей только и занятие — вязать...) Карло необходимо поверить в свою гениальность. Он-то видит, какую мазию малюют другие! Так нет же, постоянно в себе сомневается, уничтожает картины, чуть не две из трех...

Дама привычно потянулась к корзинке с рукоделием и достала оттуда некую штуковину неясного назначения, впрочем, недовазанную.

Я отхлебнул виски.

— Вы знаете, зачем я пришел?

Она молча кивнула, подсчитывая петли.

— Чтобы изобличить Карло в убийстве.

Исключительная прямота, я бы даже сказал — чрезмерная.

— Ну, вам-то, наверное, не трудно доказать его невиновность.

Видимо, в ту ночь вы глаз с него не спускали.

— Разумеется... Карло уходил.

— Уходил! — повторил я, не веря собственным ушам.

Кивнув, она осталась сидеть с опущенной головой.

— Виссия назначила ему свидание на берегу ручья.

— Ручья?

Еще не легче. У супруги удар, пожалуй, похлеще, чем у мужа.

— Его у нас называют Ручьем Влюбленных.

Нет, вроде бы, никакой игры, сама невинность. Сидит, занятая рукоделием, такая же естественная, как ее белесые ресницы. Мне вдруг показалось, что я начинаю понимать госпожу Карнавон, несмотря на несовместимость ее увлечений... С одной стороны — господин Карнавон, такой нервный, требующий постоянного попечения, этаким неуверенный в себе гений, бородач, за которым надо ходить, как за младенцем, а то он еще неизвестно что учинит. С другой (или это главное, кто знает?..) — кошка-меломанка, плодовые ногти, зеленая черепица, чай с лимоном. Такая мешанина, видимо, подчас превращает ее жизнь в какую-то волшебную сказку, приключения Алисы в Стране Чудес.

— Откуда вы знаете, что в тот вечер ваш муж и Виссия... Он вам рассказал?

— Уже потом. Я его выследила.

Еще один, смею вас заверить, ударчик что надо.

— Но вы же не присутствовали...

— Ошибаетесь... — Она замолчала, собираясь с мыслями (и вытягивая нитку из клубка). — Это я захотела, чтобы мы здесь поселились. Мне не нужен никто, кроме Карло. Но ему-то как раз нужно многое. Без чего, по-моему, вполне можно обойтись, всякой ерунды. Например, он любил затевать интрижки только для того, чтобы потом похвастаться, что устоял от соблазна.

— Мне кажется, ему это не всегда удавалось.

Моя собеседница не стала спорить. Сидела, уставившись в пространство.

— Когда я их увидела, они лежали среди ирисов, прижавшись друг к другу, и о чем-то шептались. А я стояла на другом берегу.

Спряталась за деревом, не помню, как называется, ну, с такими сиреневыми цветками. Я была в ночной рубашке, только плащ успела накинуть, ужасно продрогла.

Уж эту холодрыгу она запомнит на всю жизнь, будьте покойны!

— Наверно, им тоже стало холодно, и они спрятались в деревянном домике позади колледжа.

— И вы допустили?

— Карло поклялся, что это в последний раз, и он с ней расстанется.

— Значит, Карло все-таки вам признался, что они...

— Еще в самом начале, когда надеялся устоять. Он меня так любит, ничего не скрывает...

Я взглянул на нее, потом на кипу женских журналов на подоконнике. Интересно, зачем они ей? Удовлетворяют ли только душевные потребности, или она уже успела проникнуться их (с позволения сказать) идеями?

Задаю вопрос:

— Виссия была красивой?

Я уже успел немного подзабыть ее лицо, возможно, даже не узнал бы на маленькой фотокарточке.

— Она была молодой. И...

— И что?

— ... мне кажется, очень чувственной. Уж так ей хотелось, чтобы ее все любили... была готова на что угодно...

— Виссия была убита около полуночи. Когда вернулся домой ваш супруг?

— Почти в полдвенадцатого. Я видела, как он вышел из домика.

— А вы?

— На пару минут раньше. Он-то думал, я легла в девять. А я только успела скинуть плащ и юркнуть в кровать. Была совсем ледяная, но Карло не заметил. Тут же лег... на другой край.

— И вы не признались, что шпионили?

Госпожа Карнавон бросила виноватый взгляд на пустую чашку.

— Да нет, зачем? Наутро он мне сказал: "Все в порядке, с этим покончено". Я почувствовала, что так и есть, они расстались... Еще накануне, вечером, когда он мне показал ее портрет... я поняла, что их роман закончен, Виссия ему больше не нужна...

(Потрясающий цинизм!)

Она встала:

— Хотите поглядеть?

Почему-то мне не захотелось. Как-то неловко, да и жалко уже сложившегося образа: вдруг он изобразил Виссию какой-нибудь трехнутой или калекой.

— Не стоит.

Как и не стоит далее здесь задерживаться, ведь все-таки выходной. Моя карта бита, крыть нечем: госпожа Карнавон, увы, предпочла роль свидетеля защиты.

Я встал, непреклонный, как правосудие.

Но вдруг распахнулась дверь, и предо мной предстал господин Карнавон собственной персоной, с виду уже успевший превозмочь свои хвори. Сначала он заметался по комнате, выхватил из корзинки вязание, с отвращением швырнул обратно, потом замер, как сеттер по команде "пиль".

— Что здесь делает этот шпик?

Перешагивая через кошку, продолжавшую терзать сонетку, я услышал звон разбитого стакана: ну как же без битья посуды?

У калитки я раздавил пустую картонную коробочку. Уж не знаю, что меня заставило нагнуться и поднять ее, зато я тут же узнал, кто заставил меня на нее наступить.

Сигареты "Санитас", прочитал я на крышке, эвкалиптово-ментоловые. При раздражении горла и бронхов.

13

Вот уже три четверти часа, как я "околачивал груши". Уже отзвучало родное, исполненное обычным нетерпением, трехзвучие клаксона: па-па-пи. Уже хлопнула дверь, отскрипел гравий под острыми каблучками, потом шаги возвратились, наконец затихли. Я вставал, разминался, снова садился, опять вставал, переразминался, и так многократно. Как и многократно намеревался смыться. Я уже пошпынял манекен, попытался взломать кованный сундук, прочитал про себя монолог из школьной программы, выкурил предпоследнюю "Лаки", затем последнюю. И уже собирался в надцатый раз хлебнуть из горлышка "Ред Лейбл", который захватил как раз на случай долгого и мучительного ожидания, когда за спиной услышал скрежет двери.

— Мне... мне-не-не надо было сюда приходить, — услышал я.

Чувствовалось, что девица совсем запыхалась.

В ярком лунном свете предо мной предстало словно отлитое из серебра привидение, своими растрепанными золотыми кудрями напминавшее Лорелею, сбежавшую со скалы.

— Считаю своим печальным долгом напомнить, что это вы попросили о свидании! — произнес я с достоинством (возможно, даже чрезмерным, как бывает, когда нагружусь).

— Но откуда я могла знать? — чуть не захныкало привидение. — Я никогда не ходила по траве ночью... Да еще по такой! Как в Лоншаме... Я живу в при-пригороде, у нас ее под-подстригают... Вы же знали, так лучше бы назначили...

— Где, в вашей столовке?

Да уж, оба мы дебютировали не лучшим образом. Женщина в белом потому, что перепугалась, я — потому, что скорее прощу даме полную неявку, чем появление, когда ее уже не ждут.

— Это что, шутка? — кисло спросила дама.

Я отмежевался.

— Присядьте-ка вот сюда, — посоветовал я, усаживая ее в кресло-качалку, которую заботливо пододвинул к негреющему

очагу, — и выпейте глоток миндального молочка... Это вас взбодрит.

В полумраке хибарки ее платье все больше приобретало лавандовый оттенок (тем более, что я, дабы улучшить освещение, пристроил на печку свой карманный фонарик).

— Так рисковать, — вздохнула она, небрежно поигрывая стаканом.

— Чем же?

— Ведь и меня могли задушить!.. Ну просто обезумела!..

— В клиническом смысле или от страсти?

Она наградила меня взглядом, способным пробуравить даже мрак Симплонского тоннеля.

— Опять шутка?

— Из двух шуток надо уметь выбрать меньшую! — отвечаю со все крепнущим достоинством.

— Тьфу-ты!

Что поделать, не прижилось псевдо-молочко.

— Какую пакость вы мне подсунули?

Я уточнил, какую именно, тем, однако, не успокоив девицу.

— Господин Марко! — Моя оскорбленная Лорелея попыталась встать, но не учла особенностей кресел-качалок, в результате чего тут же опрокинулась на спину, заодно плеснув вышитыми оборочками. — Я была уверена, что вы — настоящий детектив! А цель детектива — защищать вдов и сирот!

Тут я оборвал мурлыканье: “Раскачивай, раскачивай качели...”

— Допустим! К кому же вы себя относите — вдовам или сиротам?

Я успел-таки перехватить ее руку, а так получил бы бутылкой “Ред Лейбла” прямо по кумполу.

— Спокойнее, без нервов. Или — марш в постель!.. Терпеть не могу настырных и тех, кто себе воображает...

— Что воображает?

— А вы разве не знаете закона о растлении малолетних?

Ответ был убедительным — без лишних слов она врезала мне по печени. И через миг я уже качался в кресле.

— Раскачивай, раскачивай качели... — замурлыкала девица. — Дура я, дура!.. После всего, что я о нем узнала, после вчерашней безобразной оргии в спальне! Спешу к нему, наплевав на опасность... И что застаю? Прохлаждается с бутылочкой в руках...

Я не стал ей напоминать, что бутылочка сейчас у нее в руках.

— Держите! Я ухожу, и будь что будет. Дайте мне уйти!

Я опять-таки не стал напоминать девице, что ее, собственно, никто и не удерживает.

— Давайте поговорим начистоту, — предложил я. — И пришлите-ка мне молочко. Огромное спасибо. Во-первых, позвольте поинтересоваться: зачем вы сюда явились?

— Собираюсь пройти каникулярный курс.

— Я имею в виду, вот сюда.

— А-а... Конечно же, чтобы вам помочь! Когда лежала в кровати Виссии, — а ведь не знала, чья она, — я вдруг испытала какое-то потрясение, произошло нечто аномальное. В меня словно переселилась ее душа, взывающая к отмщению... Вы меня понимаете?

— Более или менее.

— И потом я подумала... Я ведь вам не противна?

Я взглянул на нее, пораженный переменной тона. Потрясения как ни бывало, она теперь ходила вокруг меня кругами, словно кошка вокруг блюдечка с молоком, обеими руками плотно обтянув юбку, чтоб, словно невзначай, продемонстрировать свои стати.

— Может быть, я вас даже полюбила, но не как влюбляются девочки. Или вы думаете, мне еще рано? (Она снова, уж бог весть почему, скуксилась). Одна девчонка, Эмэ, — кстати, ей уж давно пора носить корсет, — порассказала мне о вашей очаровательной хамоватости!

Произвело-таки впечатление.

— Послушайте, я...

Договорить мне так и не удалось, ибо дама вдруг начала тревожно озираться:

— Что такое? Что там? Что там такое?

Успокаиваю:

— Да сядьте же... Вон туда!.. И не вздрагивайте от каждого шороха, лучше послушайте, что я вам скажу...

Она, казалось, успокоилась и... была разочарована.

— Простите...

Идем дальше:

— Если вы так уж боитесь стать жертвой № 2, что же вас удерживает в Меремоне, разумеется, кроме моей персоны?

Та же наивная улыбка:

— Каникулярный курс.

Пропускаю мимо ушей.

— А если действительно жаждете отомстить за жертву № 1, то вынужден вам напомнить, что время идет... Пора бы вам разродиться...

— Что за безобразный тон!

Господи, опять не угодил. Лучше было бы пропеть ей песенку "Родители меня застигли с ним..." Однако я успел выйти к сетке, не дав ей подрезать мяч.

— Ваши новые подружки... Они не спрашивали, куда это вы отправились на ночь глядя?

— Господин Марко! Девушка имеет право... Только мужчина способен...

— Согласен. Но вы не боитесь, что их беспокоит ваша долгая отлучка, и девицы поднимут на ноги весь колледж.

— А они что, поднимали, когда Виссия сбежала из спальни чуть не каждую ночь?

— Она так часто сбежала?

— Говорят.

- Подождите...
- Что такое?
- Слышите?..
- Нет. А что?
- Тс-с.

Мы оба готовы были рвануть... Но в разные стороны. Я — к двери, чтобы выглянуть наружу, она — к сундуку (забыв, что он заперт).

— Там кто-то ходит... — прошептала девушка, причем ее платье на глазах утрачивало лавандовый оттенок, становилось белым, как вначале. — Н-на ц-ц-цыпочках... Это... это убийца! Теперь я не смогу...

Спешу воспользоваться моментом.

— Ну-ка, начистоту. Все, что знаете.

Должно быть, с перепугу, она решилась:

— Виссия завоевала все награды. Эмма лишалась стипендии.

Так-то, значит, я был прав!

— И это все?

— Нет. В то утро не удалось достучаться к миссис Бекер-Квин.

— Миссис Бекер-Квин?

— Преподавательница иностранных языков. Сусанна обнаружила, что дверь заперта изнутри и в скважине торчит ключ.

— Как это объяснила миссис Бекер-Квин?

— Якобы приняла таблетку снотворного...

Мало того, что здесь сплошные сердечники, так еще и токсикоманы!

Снаружи явно кто-то бродил. Причем не таясь, вполне открыто. Но подобное нахальство соглядатая меня даже успокаивало.

— И все?

— Нет. Малышня чего-то боится. И Сусанна...

— Погодите.

Иду к двери, распахиваю ее настежь. Никого, пусто. Но я-то знаю, сколь коварны пустые пространства:

— Продолжение завтра. Здесь, в то же время?

— Ни за что! Если вы действительно хотите меня еще раз... (Стоило мне слегка приобнять девицу, как она тут же ко мне прильнула, разом сомлевшая: ничто так не сближает, как молочко.) Ждите меня на крыльце. Я выгляну... Если вы там, я выйду. Если нет...

— Буду ждать.

Но тут она вспомнила о более важном:

— Но вы же меня так не отпустите?.. Я не могу одна... там рыщет этот...

Ее губы (разумеется, покрашенные) почти касались моих.

— Сперва женщины и дети, — напомнил я. — Прошу вас.

Увы, она не заметила комиссара Броша. Подобная встреча ее куда б как порадовала. Он стоял справа от двери, затаив дыхание, видимо, решив, что удачно прикинулся тисом.

Мы с ним успели быстро перемигнуться. Так сказать, помахали друг другу ветвями.

Брош был не единственным, кто бдил в эту ночь. Тем же был занят и Жанно, который забрался на самую верхушку некоего неопознанного дерева и спрятался среди листвы. Но он-то как раз, мой верный Ватсон, выслеживал комиссара Броша.

14

В так называемых полицейских романах повелось всех подозреваемых представлять читателю на первых двадцати-тридцати страницах, как участников забега перед стартом. И — делайте ставку, господа. В жизни все по-иному: их приходится выискивать одного за другим, буквально выкуривать из нор. Даже в Меремене, закрытом для посторонних, никого из главных персонажей, вроде бы, и не заподозришь, куда там! У одних неубиенное алиби, другие уж очень не подходят на роль преступника ни по складу характера, ни по физическим данным. Случается, что и вовсе подозреваешь кого угодно, только не убийцу. Он попадаетея лишь нечаянно: бывает, совесть замучит, а чаще — просто невезуха...

Вот также и убийца Виссии. Он столь хорошо все продумал, что доказательств — ноль. Остается ждать — вдруг он сам не выдержит и себя выдаст.

На другое утро, ровно в восемь (час, когда обнаружили Виссию), стучусь, — сначала робко, потом посильнее, — к миссис Бекер-Квин. И в точности как тогда, кто-то, крадучись, приближается к двери, но — молчок. Заглядываю в замочную скважину — все делаю, как девицы в роковое утро, если верить “новенькой”. Не тут-то было: в скважине торчит ключ, и к ручке еще привязана тряпка, так что любопытных просьба не беспокоиться.

Снова постучал, жду. Осторожные шажки затихли в глубине. Ну, что ж, у меня целый день впереди. Будем надеяться — осажденная раньше помрет с голоду, чем я от жажды.

Проходящие мимо девицы поглядывают на меня кто с насмешкой, кто с любопытством. Судя по всему, им известно больше, чем мне. Я был бы не прочь подвергнуть их какой-нибудь не слишком мучительной пыточке, чтоб развязать языки.

“Новенькая” тоже проплыла мимо, небрежно помахивая купальным халатом и расточая аромат духов, способный уложить полк солдат. На меня — ноль внимания.

Я целых десять минут ошиваюсь под дверью, переминаясь с ноги на ногу и уже чувствуя, как во мне закипает лютая злоба, словно тебе в морду ткнули букет кактусов. Но тут дверь отворяется. Точнее приотворяется. Слегка.

— What d’you want?

Тарахтит, как пулемет.

** Что вам надо? (англ. здесь и далее).*

— Миссис Бекер-Квин? — спрашиваю вежливо, одновременно пытаюсь втиснуть плечо в щель.

— Yes. What d'you want?

Все же протискиваюсь в дверь и захлопываю ее пяткой: так коммивояжер обеспечивает себе тылы.

Миссис Бекер-Квин была цветущей дамой под полтинник, казавшейся тем более изящной благодаря брюкам цвета хаки, тем более стройной благодаря высоким туфелькам из рыжей замши, тем более элегантно благодаря голубой английской накидке. Притом еще оказалась увенчанной огненной шевелюрой (ну, это уж точно парик).

— What's the matter? Who are you?¹ — продолжала допытываться она удивленно-недовольным тоном.

Несмотря на то, что всегда смотрю английские фильмы без перевода, сам я говорю по-английски не слишком бегло. Поэтому, чтобы в свою очередь нажать на гашетку, я составил фразу в уме.

— Май нэйм ис Марко, май литтл нэйм Дезире, — выпалил я, используя джентльменский набор слов, которым иные счастливики овладели еще во время войны. — Айм э прайвэт детектив. Айм пэйд фор лукинг фор — энд дискавер — ээ анноун Виссия Берг мэрдерэр...²

Моя автоматная очередь поразила даму в самое сердце.

— Sit down!³ — предложила она любезно. — Садитесь... Можете ли вы беседовать по-французски?

Почему бы и не побеседовать? Она что же, приняла меня за диктора Радио Франции?

— Может быть, вы желаете выпить одну чашку чая? Он у меня уже вскипел...

— Никогда! — отвечаю я не менее любезно. — Пока я в здравом уме.

— В здравом уме? I don't understand.⁴

Ну и фиг с тобой!

— Сит даун, — приглашаю я в свою очередь. — Тэйк э чеа. Ай вуд лайк ту ток э литтл уиз ю...⁵

— I beg your pardon?⁶

Несмотря на врожденную сдержанность дамы, было заметно, что она струхнула и уже начинала дергаться, поглядывать на свои часики. Ну и поделом тебе, не будешь меня томить перед дверью!

— Вам нравилась Виссия? — Сколько я обдумывал вопрос. Чуть дверь не сломал, чтобы его задать. А в результате спросил о другом.

¹В чем дело? Кто вы?

²Моя фамилия Марко, меня зовут Дезире. Меня наняли, чтобы я искал и нашел убийцу Виссии Берг.

³Садитесь!

⁴Я не понимаю.

⁵Садитесь... Возьмите стул. Я бы хотел немного с вами поговорить...

⁶Простите?

— Но как возможно иначе? Она была совсем замечательная ученица.

— А Эмма?

— Она тоже очень замечательная ученица.

— И как вы думаете, кому из них должно было подфартить?

— Подфартить?

— Ну, первая награда, лавровый венок, золотые скрижали!

Поняла быстрее, чем я рассчитывал.

— О... Конечно, Виссия. Она была более — как это говорят? — одаренная...

Вот и Эммин мотив, чего еще надо: стипендия или жизнь?

— Вы помните то утро, когда Виссию нашли мертвой?

Несмотря на нашу обоюдную предупредительность, мы оба так и не присели.

— Friday, isn't it?

— Фридай, именно! Скажите, в то утро кто-нибудь, какая-нибудь, скажем, девочка, не стучалась ли, долго-долго, в вашу дверь? Предположим, как я сегодня?

— Я так думаю.

— Думаете? Вы что же, не уверены?

Я сделал шаг к своей собеседнице. Она отступила на два.

— Нет, но... Я это поняла только потом. Я немного — как это у вас говорят? — несильна на ухо.

Нет бы сразу разыграть глухую!

— Следовательно, вы бы не смогли услышать и предсмертного крика?

— Конечно, не могла. Дети всегда привыкли шуметь утром. Я никогда не слушаю.

А я уже начинал злиться.

— Они такой гвалт поднимают, что мертвого разбудят! Потом: в то утро вы вышли из комнаты гораздо позднее, чем обычно, опоздали на урок!

— Кто вам сказал такое?

— Сорока на хвосте принесла.

Мисс Бекер-Квин продолжала отступать, пока не наткнулась на зеркальный шкаф. Теперь она могла отступить только в Зазеркалье. Но предпочла ринуться в атаку.

— Господин Дезире!.. У нас в Англии произносят: мой дом — моя крепость! Если кто-нибудь, равно и какая-то, стучит в дверь, а вы долго не отпираете, он тогда уходит. Он тогда понимает, что у вас присутствуют личные причины не открыть ему дверь. А во Франции наоборот... Французы, думаю, вы меня поймете, очень навязчивы... они стучат...

— Это потому, что у нас превосходное чувство ритма.

— I beg your pardon?⁸

⁸В пятницу?

⁹Простите?

Вот так-то, чуть что — не понимает. Но она недооценила моих познаний в английском. Я дал очередь:

— Тэлл ми зэ трус?.. Ай ноу зет ю уё ин зис рум. Зен? Уай дид ю нот ансвэр энисинг?.. Зет из зэ квэсчэн!⁹

Она поглядела на меня, как врач на безнадежного больного.

— Я не собираюсь говорить, что я не присутствовала в комнате, господин Дезире. Но я открываю дверь, *когда подобного пожелаю*. Вы меня не слышали?

— Слух у меня прекрасный. Как, впрочем, и у вас! (Перехожу в контратаку.) Но меня как раз интересует, почему вы *не желали* открыть... Вы дремали?..

— Нет. Я сплю недолго и всегда просыпаюсь.

— Может, вы были голой?

— Нет, не была.

Еще больше "наглею":

— Тогда почему же?.. Читали Шекспира? Подкрашивали брови? Прятали любовника под кроватью?

Тут я понял, что хватил через край. Миссис Бекер-Квин надвигалась на меня, причем развевающиеся полы голубой английской накидки довершали ее сходство с ангелом-мстителем.

— Господин Дезире!.. (Надо бы ей сообщить, что меня называют Пашой.) Мне уже раньше приходилось говорить с детективами из полиции, равно и с частными. Но ни единственный не задавал настолько возмутительных вопросов, даже при жестоком преступлении. Или я для вас невиновна, или считаете убийцей! Если я убила, тогда надевайте наручники. В другом случае извольте меня покинуть!

Ни малейших сомнений, что мне указывают на дверь. Отыскал я ее без труда.

— К тому же извольте закрыть за собой. Я открою, когда подобного пожелаю.

Еще раз убедился, что оголтело кидаться в бой небезопасно. Следует прежде провести рекогносцировку. Тебе-то кажется, будто ты столь могуч, что опрокинешь опоры храма, как нечего делать. Но ведь... крыша на башку обрушится. Джейст лайк зэт!¹⁰

Однако вскоре я нашел ключ к разгадке, вернее, он был мне вручен. Уже на лестничной площадке ко мне вдруг обратилась незнакомая дама:

— Господин Марко? Видимо, я могу вам помочь, объяснить. Не надо больше мучить бедняжку Ариетт. Вам, конечно, показалось подозрительным, что она таится. А все дело в том, что она не могла отыскать свой парик. Малышки его стянули, как они часто делают. Вот и все, ничего больше. Когда я узнала, что она не отвечает, пошла, постучалась, сказала кто. Она и поведала мне о своем несчастье, точней бы сказать — о своих муках. Я тут же оты-

⁹Вы скажете мне правду?.. Я точно знаю, что вы были в этой комнате. А потом?.. Почему вы ни на что не ответили?.. Вот в чем вопрос!

¹⁰Так-то вот!

скала эту... деталь. Его, как всегда, насадили на швабру. — Незнакомка улыбалась мне так приветливо, словно повстречала младшего братишку. Ее одежда была столь же скромна, сколь речь откровенна. — Меня зовут мадемуазель Сержант, преподаю общие предметы.

Фамилия подходила как нельзя лучше. Такая и слепого переведет через дорогу, и с ледорубом сумеет сладить. У женщин подобного типа врожденное чувство собственного достоинства. Дети ее наверняка обожают. И она платит им тем же, даже с лихвой. Из-за этой “лихвы” мадемуазель Сержант так и осталась старой девой.

15

Госпожа Р.-Л. Перс, та самая креолка, на которую я положил глаз на похоронах, производила совсем другое впечатление.

Возможно, строгий темно-синий костюм (жакет висел на спинке стула, на ней осталась только блузка цвета слоновой кости, почему-то с инициалом “А” под левой грудью; это меня поразило не меньше, чем если бы я вдруг узнал, что ее зовут не как-нибудь там — Рен-Луиза или Ренэ-Лаура, а, к примеру, Рахат-Лукум) был призван ослабить воздействие ее женских чар. Если так, то напрасный труд. В темно-синем костюме г-жа Р.-Л. Перс выглядела столь же очаровательно, как если б надела национальный убор туземок Тринидада или, на худой конец, Тобаго — тюрбан и белую юбочку.

— Госьподин Дезире Марко? — переспросила она, мило подсюсюкивая, когда я поднялся к ней на подиум. — Можете вы хотите о сем-нибудь спросить моих девосек, пока они все вместе?

Отвечаю совершенно равнодушно, чуть не позевывая:

— Я хотел бы дать им тему. Надеюсь, они работают в сугубо реалистической манере?

Госпожа Р.-Л. Перс поспешно поправила голубой шиньон, поддерживаемый лишь прозрачным черепаховым гребнем.

— Ну, конечно! Вот посмотрите, сто они сегодня нарисовали. Эти три розы.

Три чайные розы в хрустальном бокале. По странному совпадению именно “Виссии”.

— Вообще-то узе скоро звонок, но если вы ситаете, сто это необходимо...

— Совершенно необходимо, — заверил я, нащупывая в кармане заветную бумажку.

Чтобы усилить эффект, надо было перенести изображение на доску. Впечатляюще — белое на черном! Завершив свой труд, я подышал на пальцы, словно согревая. Я был горд: женская головка и череп были точь-в-точь как на листке, который я стибрил у доктора Каде.

— Но ведь это — ребус! — оживилась г-жа Р.-Л. Перс. — Молсание или...

Уж не знаю, что заставило ее умолкнуть. Может, она почувствовала, как потрясены девочки, — на их личиках успели смениться все цвета радуги.

А ведь класс рисования не чета другим: такой благоухающий, легкомысленный, словно приморский кабачок, сверкающий, будто свежееотдраенная палуба прогулочной яхты. Как он сразу поугрюмел. И черная доска, испещренная белыми значками, теперь отбрасывала траурную тень, смахивающую на летучую мышь.

Госпожа Р.-Л. Перс подчеркнуто бодро похлопала в ладоши.

— Вы слышали, сто сказал госьподин Марко?.. На систых листях. Даю вам десять минут.

Девочки уныло подчинились, застучали крышками парт — так ночью цокают каблучки по пустынной улице.

Я прогуливался между партами с важностью инспектора учебного округа. Иные личики мне были уже знакомы. Ухитрился я запомнить и несколько имен: Сусанна, Мартина, Эмэ...

Эмэ! Напрасно я пытался поймать ее взгляд, обошел девочку три раза. Выставив от усердия шершавый язычок, она все же не забывала одергивать юбку, возможно, впервые жалея, что она такая короткая.

Возвращаюсь на подиум. Госпожа Р.-Л. Перс, обеими руками приглаживая шиньон, не спускает с меня глаз, словно боится — или, наоборот, надеется, — что я вдруг растворюсь без осадка.

Отвожу ее в сторону.

— Кто ваша лучшая ученица?

— Эмма.

— И когда была жива Виссия?

— Нет, тогда Виссия.

Тем временем девицы, уткнувшись в свои листки, трудились вовсю. Что-то подскабливали, подтирали, подносили карандаш к глазу, выверяя пропорции. Казалось, все они творят нечто достойное кисти Рембрандта. Кроме, разве что, новенькой. Ну, так и есть! Она безмятежно рисует котенка.

Десять минут почти истекли, когда меня вдруг осенило. Достаяю из кармана оригинал и протягиваю госпоже Р.-Л. Перс.

— Госпожа Перс, у каждой из ваших учениц, должно быть, своя манера? Скажите, пожалуйста, кто бы это мог нарисовать?

Госпожа Р.-Л. Перс задумалась.

— Возможно, Сусанна, или Рези... А, мозет быть, и Ольга... Это так вазно?

Я не стал от нее скрывать, каким образом записочка попала ко мне.

— Понимаю, — произнесла она задумчиво, после того, как я закончил свою повесть. — Понимаю, но нисем не могу... Нельзя тосьно...

Искренне ли она говорит? Или кого-то выгораживает?.. Я, конечно, понимал, что девицы почувяли подвох, а уж автор ребуса сде-

лает все, чтобы не попасться. Однако, когда зазвенел звонок, и я собрал рисунки, меня ожидало открытие: ни одной из восемнадцати девиц не удалось хотя был мало-мальски точно скопировать ни женской головы, ни черепа.

16

Чerez десять минут я входил в клинику — она же и обитель доктора Каде, — разместившуюся во флигеле.

— Доктор Каде вам назначил?

— Уже пару дней как.

Глуховатая и косолапая прислуга, бамбуковая вешалка в прихожей, приемная с обоями в цветочек, пачка старых газет, какая-то мазня на стенах. Как я понял, доктор не брезговал никакими способами, чтобы добить пациента.

— Если господин минутку подождет...

Подождал. Я уже успел стать знатоком повадок китов и полиморфизма, когда, наконец, простеганная дверь, вклинившаяся между двумя лесными пейзажами, приоткрылась.

— Хелло, док! — приветливо поздоровался я.

Теперь у лекаря был вид куда солидней, чем в пижаме. И галстук на нем смотрелся почти как орденская лента.

— Вам требуется консультация?

— Так, небольшая.

Он нехотя впустил меня в кабинет и усадил в низенькое кресло. От моих метра восьмидесяти осталось, в лучшем случае, половина. Но, к счастью, кабинет ничем не напоминал приемную. Он был таким же светлым, как класс рисования, а инструменты сияли, будто начищенное столовое серебро.

— Сигарету, — предложил я.

— Спасибо, не курю.

Я порывлся в другом кармане, где хранились напитки:

— Может быть, немножко дринк?

— Спасибо. Не пью.

Отправляясь к доктору, я твердо решил воздержаться от шуточек, но вдруг что-то дернуло за язык.

— Надеюсь, вы хотя бы женаты?

— Нет, не женат. Позвольте все же высказать предположение, что вы явились не для выяснения моих привычек. Это что же, отвлекающий маневр?

— Хорошо. Если вам не понравился вопрос, задам другой... Что это такое, перед вами?

Каде брезгливо разглядывал вдвое сложенный листок, который теперь лежал у него на ладони, как мертвая бабочка.

— Можете развернуть, — разрешил я. — Он не кусается.

— Вероятно, какая-то шарада, ребус? — предположил Каде, приглядевшись.

— Именно так. Молчание или смерть... А знаете, где я нашел?

— Нет, откуда же мне?..

— В вашем кармане. Прошлой ночью. Когда вы готовились сделать укол госпоже Прямовбой.

Ему не удалось скрыть удивления.

— Я... Я глядел под ноги. Машинально подобрал.

— Так и поверил! Вы не слишком похожи на мальцов, собирающих использованные билеты.

Схватив ручку (шариковую), он принялся что-то взволнованно черкать в своем блокноте. Я решил стащить и эту страничку, дабы узнать, что он там накарябал.

— Хватит вилить, док, — произнес я ласково, выпуская такое кольцо дыма, которое цирковой собаке могло бы заменить обруч. — Ваша работенка требует решительности, а моя — умения воскрешать мертвых. Так вот: выкладывайте-ка все начистоту, а то придется подвергнуть... Не утруждайтесь вызывать вашу Филомену. Я ее послал за сигаретами.

У лекаря сделался такой вид, будто я ему сунул мороженое за шиворот. Он медленно отложил в сторону блокнот с ручкой, и я понял, что клиент дозрел.

— Большинство из этих девушек еще совсем дети, — заговорил он, тщательно подбирая слова. — Для них лучшее развлечение — потешаться над учителями, особенно, если они впечатлительны, пугливы...

— Как мадемуазель Прямовбой?

Доктор кивнул.

— Сердечный приступ просто так не случается, а если их несколько подряд, то причина должна быть серьезной. Ну, конечно, если у человека железное здоровье, то его ничем не прошибешь... Если же слабое, бывает достаточно какой-нибудь неприятности, усталости, испуга. Мадемуазель Прямовбой сперва молчала, как рыба. Но я все же постепенно выцеживал из нее правду, во время приступов она постепенно проговаривалась. И в конце концов я понял... — Он запнулся, видимо, сомневаясь, продолжать или нет.

Пришпориваю:

— Что понял?

— ... что причина ее приступов — всякие шуточки и розыгрыши, — выдавил доктор. — Возможно, ее болезнь и началась из-за чьей-нибудь неудачной шутки. При этом, разумеется, шутницы не ведают, что творят.

— И что же это за розыгрыши?

— Да, как правило, невинные...

— Допустим, ведро на голову опрокидывается, петарда в руках взрывается?

— Примерно. Или подобные таинственные послания. Взгляните...

Порывшись в столе, доктор извлек два небрежных рисунка. На одном было изображено нечто, смахивающее на странный гибрид привидения с огородным пугалом. На другом художник, ви-

димо, попытался изобразить танец летучих мышей или ночных бабочек. Подписаны они оба были одинаково: *Фантома*.

— Позапрошлой ночью, когда меня разбудили, я сразу подумал: наверно, бедняжку Фелицию опять разыграли. Для нее эти невинные шуточки всегда плохо кончаются. А ведь, заметьте, тогда я еще не ведал, какое потрясение она испытала в спальне... Вижу — за плинтус дежурки заткнута бумажка. Тут же ее выхватил. Как успел и те две, чтобы она их не...

Доктор протянул руку, и я ему вернул оба листка. Фу, гадость какая! Свой я бы ему тоже оставил для коллекции. Из-за такой вот чепухи человек может в любой момент отдать концы! Да, умирают подчас от самых неожиданных причин...

— Видимо, вы об этом сообщили госпоже Фельц?

— Только намекнул. Фелиция так боится мести, что я ей поклялся молчать. Вам бы я тоже ничего не сказал. Но мне показалось, вы придали слишком уж большое значение тому эпизоду, и теперь можете пойти по ложному следу.

— Соответственно, и девочек вы не попытали?

— Почему же, двух-трех. Все отрицают.

— Неужели?

У меня была обескураженная физиономия рыбака, вообразившего, что клюнула вот такая щука, а вытащившего вот такую сеньку уклею. Что ж поделать? Закидываю удочку по другому борту.

— Кстати, а что за человек была Виссия? Вы, наверно, ее хорошо знали?

К новому вопросу доктор оказался не готов. Он ведь уже решил, что на сегодня все.

— Неожиданная, порывистая, — ответил он после основательного раздумья. — Просто прелесть.

Оказывается, чтобы знать толк в сигаретах, не обязательно самому курить.

— Где вы были в момент убийства?

— Да уже не помню. Наверно, здесь, в кабинете, работал. Прислуга легла. Я был уверен, что Виссия...

— ... покоится в объятиях любовника на берегу ручья.
Доктор вновь затеребил блокнот и ручку.

— Допустим, а что такого? Она от меня ничего не скрывала. Возможно, я знал ее даже лучше, чем она сама.

Ну и везет!

— Вероятно, ей так хотелось, чтобы ее любили, что она... была готова на все? — предположил я, безбожно обдирая госпожу Карнавон.

Доктор бросил на меня быстрый взгляд, словно был поражен моей неожиданной пронизательностью.

— И да, и нет. Еще ей хотелось, чтобы ее ненавидели... Помните сказку про ученика чародея?

— Угу.

— Такой была и Виссия, — закончил он с неожиданной горячностью. — Нерасчетливой, безжалостной. Ни в чем не знавшей меры, не умеющей лгать, прикидываться. Никогда не разыгрывала тихоню.

— Короче говоря, настоящей женщиной?

— Возможно и так. Врач, как и духовник, иногда узнает больше, чем ему бы... чем он способен... Я ведь лечил не только Виссию, других девушек тоже. Ее, с позволения сказать, подружек... Так что могу судить беспристрастно.

Я сидел в благоговейном молчании, как верующий на богослужении.

— Причем было бесполезно ее воспитывать, поучать. Любые наставления она пропускала мимо ушей. В ней был какой-то демонизм. И она сама это понимала, пыталась бороться. Срабатывал инстинкт самосохранения... Но справиться в одиночку не сумела, не хватило сил...

— Ну и как же она дожимала своих подружек? Подбрасывала колючки в панталоны?

Доктор бросил на меня испуганный взгляд:

— Да нет, потоньше! Она умела нащупать их слабые места... Одна тщеславна, другая пуглива... Приходит как-то девочка совсем... Виссия ее подозвала и показала... — Снова заминка. Я уж было испугался, что его откровенность иссякла. Нет, — поскреб руку, видно сильно зачесалась, — и продолжил: — ... двух комаров, которые на окне занимались... Она долго потом не могла есть — тошнило. Впрочем, еще до этого Виссия ей продемонстрировала, как соль разъедает дождевого червя... Потом другая ее... подружка мне рассказала, что она тайком поворачивала ее цветы, которые та посадила, на север. А цветы ведь поворачиваются к солнцу. Конечно, детская шалость, однако... был еще случай с лягушкой...

Вот это да! Я так и сел, имеется в виду — в переносном смысле. Этому парню, когда он был студентом-медиком, наверняка не раз подсовывали в карман отрезанные уши, а тут еще копайся во всяких девичьих пакостях. Что значит похоронить себя в такой дыре!

17

К омиссар Брош столь увлеченно рылся в шкафу, — причем ему приходилось тянуться на цыпочках, — что не услышал, как в кабинет вошли.

— Вам помочь? — неприятно спросила госпожа Фельц. Человечек отпрянул от шкафа.

— Благодарю вас. Я уже нашел все, что нужно... правда, если у вас нет еще одного тайника. А вам известно, что сокрытие вещественных доказательств подсудно? — добавил Брош вкрадчиво, показывая свои находки: письма и книгу. — Не хочу вас пугать, но подобный поступок может быть квалифицирован как соучастие в преступлении.

Госпожа Фельц доковыляла до своего кресла и облегченно вздохнула.

— Я ничего не скрывала! Эти мелочи я обнаружила в бумажках Виссии и решила отдать матери, на память.

— Но не поторопились.

— Не успела, вы свалились, как снег на голову.

— Но вы обязаны были передать эти документы не матери, а прокурору или мне.

— Вот и прекрасно. Теперь они у вас. Что вам еще надо?

Комиссар в задумчивости наводил порядок в распахнутом шкафу.

— Эти письма, подписанные неким Ксавье... Не кажутся ли вам чересчур... страстными?

— Начитанный молодой человек, этот ваш Ксавье. Все списал слово в слово!

— И все же! Вы прочитали? “О влейте в жилы виноградной крови! Омойте тело брэнное вином...”

— Омар Хайам, — сообщила госпожа Фельц. — Рубай.

— А вот это?.. “Я покрою страстными лобзаннями черные крылья твоего затылка. Я сжал тебя в руках, словно пичугу. О, нежная голубка, я чувствую, как трепещет твое сердечко! Своим проворным языком я пробегусь по твоим рукам, вокруг шеи, я буду кончиками пальцев долго ласкать твои бедра, пока они не затрепещут от желания. Я прильну устами...”

— Можете не продолжать: Пьер Луи “Песни дважды виновного”.

Растерянный комиссар неосторожно задел тюбик с клеем.

— И все же, — упорствовал он, — я был уверен, что письма должны быть адресованы госпоже Директору.

Госпожа Фельц взорвалась.

— Прекратите этот экзамен! Я могла бы вам напомнить, что сама я не директриса, и разговор был бы окончен! Однако я лучше напомню, что даже заключенные ухитряются иногда получать весточки с воли.

— А вы знаете, кто такой Ксавье?

— Догадываюсь. Двоюродный братишка.

— Чей, Виссии?

— Одной из ее подружек. Ее интересовали только чужие кузены.

— Какая извращенность.

— Скорее, развращенность.

— И, зная, вы все же не вмешались?

— Еще как. И с той стороны заходила, и с этой... Кстати, я бы на вашем месте не стала бы включать этого Ксавье в список подозреваемых. Он живет в Сент-Омере.

— Действительно далековато! — согласился комиссар, поигрывая железной коробочкой со скрепками, на которую водрузил тюбик. — Но с другой стороны... В наше время можно очень быстро...

Паренек, способный на такую страсть, пусть и позаимствованную, смог бы...

— Что? Пересечь Францию взад-вперед меньше чем за сутки? Последнее письмо датировано днем убийства.

— Значит, вы не могли его найти у Виссии.

— Ну, разумеется. Почтальон передал его мне из рук в руки.

— И вы прочли?

— А как вы думаете? Вдруг что-то важное.

Комиссар так страстно сжал кулаки, что, казалось, уже никогда не соберется их разжать.

— Допустим! Ну, хорошо, я забираю эти письма, прогляжу их на свежую голову, чтобы составить собственное мнение...

— О ком? О Пьере Луи?

Мальш, к его чести, проявил великолепную выдержку.

— Тут еще книжка: Пьер Милль "Кристина и Он". На обложке надписана фамилия убитой. Судя по всему, это роман?

— Любовный, — уточнила госпожа Фельц с отвращением.

— Думаю, не очень подходящий для девушки ее возраста.

— Совершенно противопоказанный. Видимо, именно поэтому она и заинтересовалась.

— И тайком раздобыла?

— Как видите.

Комиссар наконец избавился от тюбика с клеем, незаметно выбросив его в мусорную корзину.

— Обложка потрепана, вся в каких-то подозрительных пятнах, — сообщил он недовольно, пролистав книгу. — А еще — вы заметили? — не хватает двух страниц: сто первой и сто третьей.

— Что? — удивилась госпожа Фельц. Она встала, опершись обеими руками о свою эбеновую трость, и теперь надвигалась на мальша Броша с видом самки богомола. А приблизившись, бесцеремонно вырвала книгу у него из рук.

— Боже, действительно! Кто бы это мог...

— Разумеется, Виссия. Или вы, больше некому.

— Я? Даже ее не раскрывала.

— Но ведь вы точно знали, что эта книга не для девушек.

— Ну да, когда-то, давным-давно, я ее читала, еще в пансионе.

Комиссару пришлось вновь проявить всю свою выдержку:

— Тогда, может быть, вы припомните, о чем говорилось на тех страницах?

— Да я вообще давно позабыла, о чем сама книга.

— И все же вынесли столь суровый приговор.

— О чем она, я не помню, но осталось впечатление.

Комиссар сделал выразительную паузу.

— Ну что ж, — вздохнул он, — где-нибудь раздобуду неповрежденный экземпляр. Вышла книга давно, в книжных лавках ее, конечно, не сыщешь. Вряд ли роман переиздавали... я имею в виду, в последние годы... Значит, придется... А ведь мало ли что может случиться? Завтра, послезавтра. За целую неделю. Я, конечно,

срочно позвоню в Париж... Но ведь пройдет неделя, не меньше...
За это время столько всего может произойти...

Госпожа Фельц уже собиралась ответить, как вдруг зазвонил телефон, не городской, внутренний.

— Меня вызывают, — бодро сообщила она, опустив трубку. — Это из бельевой. Вы извините... — Дама уже направлялась к двери, когда неожиданно спохватилась: — Возьмите ключи от второго шкафа. Полюбопытствуйте.

— Мать твою! — воскликнул комиссар Брош, когда она вышла. Он так и остался сидеть и просидел довольно долго, тревожно шаря глазами по стенам, с видом гяура, по оплошности попавшего в мечеть. Но вдруг ему показалось подозрительным, что кресло с высокой спинкой задвинуто в самый темный угол, причем спинкой наружу. Так я и попался.

— Что вы там делаете? — спросил комиссар сурово.

— Расслабляюсь. — Я опасался вспышки, позабыв, что имею дело с тонким игроком.

— Вы все слышали?

— Так получилось.

— С самого начала?

— Даже раньше.

— Как это?

— А так, что я пришел первым.

Ему удалось скрыть удивление.

— И как вам пожилая дама?

— Восхитительна. Ей бы на сцене выступать.

— Вам не кажется, что она способна направить по ложному следу?

— Отнюдь, она любезно сопроводит нас с вами до самого минного поля. Чтобы спасти репутацию Меремона...

— ... или собственную шкуру! — скептически заметил Брош. — Чувствую, дело кончится отставкой. Но я готов и сам тут же подать, если она не помнит эту книжонку наизусть.

— Почему бы не телефонный справочник? Однако я готов тоже подать в отставку, если она не помнит содержание именно этих двух вырванных страничек.

Брош с ненавистью поглядел на внутренний телефон.

— Уж я их из нее вытрясу. Обещаю вам!

— Что?

— Страницы.

— Сомневаюсь. Вот они.

Комиссар сработал как мощный пылесос — листки буквально вымело у меня из рук — и моментально отскочил на почтительное расстояние.

— Значит, и вы переходите рамки закона?

— Вовсе нет, — заверил я с достоинством. — Я похитил эти листки с единственной целью — передать правоохранительным органам.

— Предварительно прочитав?

— Так, пробежал... Только успел пролистать книжку, как вдруг слышу — скрипит дверь. Я же не знал, что это вы. Может, убийца... Пришел замести следы. А эти две страницы были с пометками. Я был вынужден их вырвать и сунуть... А как бы вы поступили на моем месте?

Но Брошу было уже не до меня. Он вперился в странички, беззвучно шевеля губами.

“Канонисса была несколько раздражена, пожалуй, даже не столько тоном беседы, сколько свойственной мужчинам самоуверенностью.

— Вы что, смеетесь надо мной? Хотите откровенно?.. Мужчины очень простодушны. Они гордятся собственной неотразимостью, считают, что одержали победу. А ведь в девяноста случаях из ста выбирает женщина — она уже минут пять, а может, и полгода, как решила: “А почему бы, собственно, и нет?..” Как правило, соблазняет женщина.

— Но ведь бывает... — заметила милая госпожа Сурдонне, — бывают такие чудовища, которые способны, даже если женщина не хочет...

— Это невозможно! — воскликнул господин де Пигена. — Значит, вы не читали Бальзака. В его “Озорных новеллах”...

У бедняги было небогатое воображение, а собственный опыт, как вы только что убедились, достаточно скуден. Поэтому ему и пришлось прибегнуть к помощи художественной литературы.

— Невозможно? — переспросил господин Крюсе. — Вполне возможно... Если хотите, могу вам показать.

— Вы шутите!

— Никогда бы не посмел. И поскольку мне бросили вызов... Госпожа де Пигена, позвольте?

Господин де Крюсе усадил госпожу де Пигена на стул и мгновенно связал ей руки двумя носовыми платками. Присутствующие обступили их, сильно заинтригованные. Господин де Пигена, хотя и старался сохранять полное спокойствие, тем не менее выглядел несколько взволнованным, в то время как госпожа де Пигена продолжала очаровательно улыбаться.

Господин де Крюсе обернулся:

— А теперь все выйдите!

Разумеется, продолжения не последовало. Однако присутствующие были в восторге — остальное можно было домыслить”.

Этот отрывок был обведен красным карандашом, и тем же самым карандашом на полях сделана приписка (так вот какой почерк у Виссии): “Не-воз-мож-но”. Прямо над ней стояла другая надпись, начертанная раздраженной девичьей рукой, но уже другим почерком и синим карандашом: “Запросто!”

— Вы что-нибудь поняли? — ревниво спросил комиссар, закончив чтение.

Глаза у него совсем вылезли из орбит, а окуляры съехали на кончик носа.

— Ничего, — успокоил я его. — Только один вопрос меня мучит вот уже два дня. Если Виссию действительно связали прямо в кровати, если ее не положили туда уже мертвую... По крайней мере, теперь я знаю, о чем мечтают юные девицы.

Но я недооценил Броша, как и липучести клея.

— За кого вы принимаете убийцу? — прервал он меня, протягивая свою коварную десницу. — За вурдалака Дракулу?

Комиссар уже направлялся к двери, волоча меня за собой, когда я поинтересовался, на кой ему третья рука.

18

Еще до того, как я, словно клошар, разлегся у порога Меремона (у детективов есть свои привилегии), я предчувствовал, что она не явится. Когда предчувствие перешло в уверенность, я увидел, что из-под двери выползает бумажка. Нагнулся, прочитал: "Сегодня невозможно. Я сделала..." Дальше пара слов неразборчиво, а за ними — одинокая буква "М" с раскоряченными ножками.

Спать мне вовсе не хотелось, ведь до рассвета было еще далеко. Поэтому я решил повторить эксперимент, который с таким успехом провел позавчера. С той лишь разницей, что теперь попытаться проникнуть через дверь.

Я выждал еще чуть-чуть, пока погаснут два-три освещенных окна, включая и окно кабинета малютки Легран. А потом приступил к поискам слабой задвижки. Отыскал я ее мгновенно. Но тут же запутался в шелковой занавеске, что-то опрокинул и вдобавок наступил в мусорную корзину, замарав правую подошву тем самым клеем, который преследовал маленького комиссара. На этом мои приключения закончились. Правда, клей так густо заляпал подошву, что была опасность оборвать все паркетины и увлечь за собой ковры...

При свете мерцавшей в вестибюле лампочки обнаженная мраморная Адель казалась подлинной Галатеей двадцатого столетия... Когда я поднимался парадной лестницей, мне показалось, что мраморная дама провожает меня взглядом.

Вокруг тишина. Только сверху доносятся какие-то негромкие хриплые звуки. Сначала я подумал, радио. Однако, добравшись до лестничной площадки, понял, что ошибся. На самом деле это пела женщина, тихонько подыгрывая себе на гитаре.

Вообще-то, я плохо ориентируюсь, а еще хуже иду по прямой. Прямолинейность мне совершенно чужда... Как ни странно, теперь мне это прекрасно удалось. Я успешно добрался до первого поворота, но тут пришлось резко затормозить. Дверь по правую руку была прикрыта неплотно, в щель просачивался свет. Пение раздавалось именно оттуда: "Ах, не влюбляйтесь никогда на свете..."

Подхожу на цыпочках, заглядываю. И опять ударчик, что надо. Ударов-то я получал еще сколько. Но ведь когда тебя бьют по

носу, тут же отвечаешь ударом по печени (или наоборот), что и служит тебе утешением, — все-таки досталось обоим.

Сначала я ощутил одуряющий запах духов и жар печки, в которой потрескивали дрова... Нет, сперва было назойливое пение (“Ах, не влюбляйтесь...”) и полумрак, как раз подходящий для хостяцкой берлоги... Да нет, все же главное — это две женщины. Госпожа Р.-Л. Перс, причем именно в том облике, что она являлась в моих грезах — в тюрбане и белой юбочке, национальном уборе туземок Тринидада или какого-нибудь там Тобаго. Развалившись в кресле, она наигрывала на гитаре. А рядом — “новенькая”, моя Софи собственной персоной, в лавандовом платье с оборками. Сидит на ковре рядом с печкой и поджаривает на огне кусок шоколадки, насаженный на шампур.

Прелестная жанровая сценка, достойная кисти мастера. На меня, однако, она произвела дурное впечатление. Не то чтобы я застыл на месте под воздействием потрясения (или клея), нет, я испугался тут же хлопнуться в обморок.

Ведь я еще не рассказал вам всего. Не описал пронзительных призывных взоров креолки, ее хриплого уличного распева, а также лицемерной наивности “новенькой”, с которой она бесстыдно склонилась к огню. Обе так и дышали чувственностью. У одной это ощущалось по тому, как она нежно поглаживала собственную коленку, обрисовывающуюся под короткой юбочкой. У другой — с каким сладострастием она посасывала поджаренный шоколад, словно кошечка.

Госпожа Р.-Л. Перс отложила гитару, которая с жалобным стоном сползла на пол. Моя Софи была так увлечена кулинарией, что, вроде бы, и не обратила внимания, как вторая дама тоже пристроилась на ковре, словно роскошный цветок, и, обхватив двумя руками ее голову, начала медленно стягивать сетку для волос.

— Какие у вас прекрасные волосы! Такие же были у Виссии... Осень похозие!

— Но, по-моему, у нее были черные?

— Совсем серные! Но все равно... Она так же их завивала, делала ту же присёску... Они были такие же длинные, такие же дустистые...

Она пригладила ее прическу, потом, как бы невзначай, понюхала волосы, дабы убедиться, что они не менее ароматны, чем у Виссии.

— Они ещё длиннее, сем мои... Поглядите.

Она сняла свой тюрбан и обеими руками приподняла волосы, как говорит, дала подышать затылку.

— Знаете, я осень любила Виссию... Не как уситель усеницу... (Вот уж несколько не сомневался!) Как подружка подружку, как старшая сестра младшую... Она от меня нисего не скрывала... Она была осень открытая, осень порывистая... Я осень страдала, когда она умерла... Но, когда вы приехали... Как-будто вернулась Виссия, как-будто все насылось снасяла... — Она склонилась к моей

Софи и обняла ее за талию. Белые кудри слились с черными, образовав подобие курдского стяга. — У вас есть жених?

— Пока нет, госпожа Перс.

— Господы! — Она так подпрыгнула, будто случайно присела на куст чертополоха. — Называй меня Черничка (было произнесено: Серниська), как называла Виссия, как все девоськи... Это потому сто инициалы "Р.-Л." Вы не находите, что это прелестно?

Так вот откуда "А" на ее кофточке, той, дневной. Моя Софи с шампуром в руке была безмятежна, как рыбак с удочкой.

— Все мои одноклассницы вас обожают, — подтвердила она. — Только о вас и болтают, не знают, чем вам угодить... (А вот я так прекрасно знаю, чем они могли бы ей угодить!) Видимо, у вас есть любимицы, наверно не одна Виссия?..

Черничка — ибо в данный момент она была именно Черничкой — порывисто воскликнула:

— Сесяс вы — моя единственная любимиса!

— Но... раньше?

— А чем вы меня наградите, если скажу? Поселуете?

Софи покраснела, как пион. Она уже отложила шампур и теперь лежала в объятиях госпожи Перс. Я обратил внимание, что рука у Чернички вполне мускулистая.

— Нет, не теперь, — запротестовала она, освобождаясь из объятий. — Пожалуйста, спойте еще песню...

— Какую?

— Вашей родины... Ну, страны, где вы родились...

Креолка чуть поколебалась, потом взяла гитару. Она так и осталась сидеть на полу, только прислонилась к спинке кресла, на фоне которой ее черные волосы казались брызгами чернил. И запела:

А дохтур-то каков, каков!

Ей сделал пару байстрюков,

А за себя не взял...

("Если вы хотите, чтобы ваша дочь получила серьезное классическое образование, печетесь о том, чтобы сформировать из нее гармоническую личность...")

Песенка подошла к концу.

— А кто еще была вашей любимицей, кроме Виссии?

— Сусанна Лукас, — призналась креолка, поняв, что ответить все равно придется. — И еще...

— Кто еще?

— Ольга...

— Русская? Похожая на мальчика?

— Да, которая присесана на прямой пробор... Но я их не так любила, как Виссию, как сесяс люблю вас!

**Arele* — черника (франц.), созвучно: Эр-эль.

— И это все?

— Нет, еще Рези, маленькая голландка... Я имею в виду, сто если бы она узнала, что мы сесяс...

Моя Софи слушала, мечтательно разинув рот.

— Да, три имени, — подсчитала госпожа Р.-Л. Перс. — Звусят, как три поселуя.

Тут я совершил целых два открытия. Мне показалось, что я понял невнятное послание, которым девчонка отменяла свидание. "Сегодня невозможно. Я сделала..." Что она могла сделать? К примеру, ошибку. Или, допустим, уроки. А, может быть, следовало прочесть: пороки? Не слишком грамотно, зато прекрасно отражает ситуацию. Но главное — я понял, почему Жанно, вроде бы, решившийся все выложить начистоту, так и не посмел назвать последнее имя. Потому что оно — женское!

— Черничка, ну, пожалуйста, не надо!

Пока я размышлял, события развивались быстро. Даже, я бы сказал, стремительно.

— Добрый вечер, — здороваюсь, распахнув дверь. — У вас не осталось для меня шоколадной дольки?

Не слишком удачная шутка, признаю. Но слова в данном случае совершенно не важны. Обе были так потрясены, словно бухнул набат.

"Новенькая" тут же перестала дергаться, и ее глаза сразу погасли, как угольки, если на них плеснуть водой.

— Господин Марко! Разве вам не известно, что по правилам, принятым в Меремоне, после десяти вечера мужчинам сюда вход воспрещен? (Было произнесено с великолепной издевкой.) Что вам здесь нужно?.. (Могла бы и догадаться.) Еще заработать...

— Нет, — отвечаю, — скорее наоборот, расплатиться.

Креолка уже встала и теперь разглаживала свою юбочку. Не дав ей опомниться, сжимаю ее в объятиях и целую в губы. Поначалу она отбивалась, как бешеная, потом все слабее, а под конец уже только для вида. Тут я ее и отпустил.

— Вам пойдет на пользу, — заверил. После чего удалился.

Теперь я мог быть спокоен — их вечеринка безнадежно испорчена.

19

У же спускаясь по лестнице, я вспомнил, зачем проник в Меремон и для чего, собственно, меня наняли. Перепрыгивая через несколько ступенек, взлетаю по лестнице и направляюсь к спальне. (Любопытно, что меня там ждет, не очередной ли спарринг?) К моему удивлению, дверь оказалась незапертой; стоило нажать на ручку, как она подалась. Наученный горьким опытом, я бесшумно проскользнул в щель и замер, прижавшись к створке двери.

И тут же почувствовал: что-то здесь не так. Балконная дверь закрыта, оттого погасла лунная дорожка. А девицы не то чтобы

крепко спали, а словно все перемерли. Тогда я врезал каблуком по плитусу, словно бросил камень в воду. Никаких кругов. Тут уж я нашарил выключатель и зажег свет.

Спальня была пуста, девиц как языком слизало. Словно злой Мерлин похитил все полторы дюжины кроватей вместе с содержимым.

Сперва я решил, что ошибся дверью, потом — что меня разыграли. Наконец, все понял.

Я вспомнил, что еще утром строители закончили работу и сразу исчезли, или опять-таки были похищены Мерлином. Теперь убийце — если, разумеется, он окажется рецидивистом, — придется посетить левое крыло.

20

Еще до полуночи я лихо подрулил на старушке “Берте” к кабачку Беттины.

— Ага! — воскликнул я вместо “здрате”. — Зеркало вы так и не вставили.

Подождав, пока Беттина закончит подсчитывать выручку, подсаживаюсь к ней:

— Хочу поговорить о Виссии.

— Вот так вот? Прямо сразу?

— Сразу после того, как пропущу стаканчик.

Беттина оживилась:

— Что вам приготовить? Давайте, “таран”... Любимый коктейль Виссии.

— Она что же, к вам захаживала?

— Случалось. Бывало, на переменке, быстро потискаться со своим художником. Иногда и вечером.

— И все же вы не верите, что они...

Беттина серьезно кивнула.

— Трудно сказать. Но мне кажется, она просто забавлялась. Мужчины, как правило, все воспринимают серьезнее, чем женщины.

— И что же, встречи происходили на ваших глазах?

— Да помилуйте... Я их оставляла в баре, а сама уходила немного повязать.

Ну вот, и она вяжет!

— А вы не боялись? Ведь ее могли выследить...

— Кто ж это? Ее бывший будущий отчим? Или малыш Жанно?.. Уж им-то было вовсе ни к чему со мной ссориться. Я ведь тоже могла про них...

— Про них только... или еще про кого-то?

— Про кого еще? — подозрительно переспросила Беттина. — Вам что, мало троих рысаков, нужна вдобавок темная лошадка?

Опять мимо. Однако продолжаю допытываться: ведь Жанно мог обойти молчанием и рысака.

— Например, доктор?

— Фердинанд?.. (Беттина чуть не опрокинула свою “баллисту”, которую только что закончила смешивать.) Вы ничего не знаете?

— О чем?

— Что они с Фелицией?.. (Она скрестила два пальца.) Остается только ждать свадьбы. Хотя, честно говоря, ожидание может и затянуться.

— Фелиция? Мадемуазель Прямовой?..

Видимо, у меня был вконец обалдевший вид, поэтому Беттина тут же затараторила:

— Наверно, вы видели ее неприбранной? А поглядели бы в церкви! Когда приоденется, она более или менее.

Фердинанд и Фелиция, вот это да! Конечно, мне приходилось встречать много неудачных пар, но век живи — век учись...

— Недавно я присутствовал, когда лекарь делал ей укол. Не слишком-то он был нежен.

— На нее надо было смотреть, а не на него! Она готова разыгрывать приступы, только бы он подержал ее за руку. — Беттина вышла из-за стойки с пресловутой “баллистой” на подносе.

— Беттина, — произношу я сурово. — Никогда бы не подумал, что вы способны на злословие.

— Серьезно? — прыснула она, и стаканы чуть не разделили участь зеркала. — Чего же вы от меня ожидали? Девичьей наивности?

— Я ожидал, что вы расскажете мне про Виссию...

— О ком же мы с вами говорили до сих пор?

— Не так, подробно.

— А как? Прикажете с положительной стороны или с отрицательной? — Беттина одним махом осушила свой стакан и уже поглядывала на мой:

— Пожалуй, слабец! Только для красной девицы! Я вам еще пару намешаю, за мой счет...

Она рванулась к стойке, продемонстрировав подвязки, откупорила чекер, еще какие-то емкости и принялась ловко манипулировать бутылками:

— Знаете, что я вам скажу? По-моему, она была девчонка как девчонка, обыкновенная. Разве что грудь до времени округлилась... Не хотела бы, чтобы у меня была такая дочка, она точно бы села на шею... Но, в общем-то, не лучше и не хуже других. Хорошенькая девочка, этакая маленькая шлюшка, ветер в голове. Ненавидела свою мамашу, но сыграла-то в ящик не мамаша, а она. Значит... Знаете, если вы хотите, чтобы портрет был похож на вас, пошлите позировать своего отпрыска.

— Вот теперь — bravo!

— Почему б ей отличиться от мамыши? — поинтересовалась Беттина, неожиданно вскочив. — Вы надеялись, я вам сообщу, что Виссия — незаконная дочь лорда?

Ну, лорда — не лорда... Но неплохо было бы раскопать какую-нибудь смачную семейную тайну, дабы сюжет разрешился неожиданной развязкой, тем посрамив догадливость читателя.

— Как вам кажется, она все-таки была увлечена Карнавоном?

— Ну, конечно, увлечена, мечтала выщипать у него портрет.

— А Карнавоном Виссией?

— Спросили бы у него.

— Помнится, попытался. Вы видели, чем это закончилось.

— Первая и последняя попытка?

— Я заходил к нему. Приложить пластырь. Но только познакомился с его супругой.

— Поболтали?

— Немножко. Она мне поведала, что в тот вечер, перед убийством, он встречался с Виссией.

Беттина так и застыла с миксером в руках.

— Сучка! Норовит втравить Карло в неприятности. Сказала бы, что всю ночь провалялся рядом.

— Ну, а если он действительно уходил?

— Так никто ж не видел, иначе б давно все знали!

Что тут возразишь?

— Ну, не надо так! — успокоил я Беттину. — Спокойно шуруйте миксером. Я не обижу мальчугана.

Беттина, прижав локти к груди и поправляя воротничок, о чем-то напряженно размышляла.

— Тут может быть пять объяснений...

— Всего-то?

— Первое: Карло никуда не уходил, но его благоверная боялась, что этому не поверят, и выдумала ему алиби. Второе: супруга по дурачости ляпнула правду. Третье: она рассказала правду, но не всю. Подозревая Карло в убийстве, она придумала благоприятную для него концовку. Четвертое: она точно знает, что ее муж — убийца, и опять-таки, чтобы его выгородить, выдумала, что они с Виссией расстались раньше...

— Остается объяснение номер пять.

— Совершенно верно... А может, это она сама убила. Убедилась, что супруг направился домой. Быстренько — раз и прикончила, и тут же бегом домой, чтобы успеть к его приходу накинуть самую соблазнительную рубашечку... Вы, конечно, подозреваете Карло, а не обвела ли она вас вокруг пальца?

— Ну вот, вы опять злословите!

— Что поделаешь? Мне ли, прожженной сводне, не знать повадок этих мещаночек?

Конечно, у меня мелькнуло сходное подозрение, но как же тогда котенок с белыми лапками, чай непременно в четыре, "Лесной царь", изувеченный исполнением?..

— Хлопните-ка рюмаху! — посоветовала Беттина с почти материнской заботой. — В голове сразу прояснится.

Как же, прояснилось!

— Мотив можно найти — так? — у каждого, — продолжал я допрос в два пополуночи. — Вот взять вас...

— Меня? Я вас умоляю...

— Погодите. Пред-предположим — так? — что вы были тайно влюблены в Карнавона. Так же как... в его картинки. Пред-предположим — так? — что Виссия собиралась слить вместе с ним... Пред-предположим — так? — что в ваши планы это не входило...

Однако Беттина не дала мне закончить рассуждение.

— Вам бы в детективы, — подковырнула она. — Давайте-ка еще один "таран".

— Уже протаранен, — пробормотал я. — Лучше устройте мне койку из ваших банкеток.

— И самой прилечь рядом?

— Не надо. Лучше — так? — расскажите мне про Виссию.

Ее обнаружили в своей постели, связанную по рукам и ногам, с глазами уставленными в потолок. Удушенную собственной койкой...

Восемнадцать свидетелей... Ни одного показания... К черту психологию! Лучше было бы пройти стажировку — так? — у какого-нибудь фокусника.

21

На следующий день я узнал много интересного. Например, что у госпожи Фельц не работает желчный пузырь, и потому ей уже год как вшили дренаж, что мадемуазель Сержант (общие предметы) левша, что вручение наград должно бы состояться через два дня. А после этого задался вопросом: чего, собственно, я достиг, ошиваясь в Меремоне? Если так пойдет и дальше, придется сместить работенку.

События начались около пяти вечера, когда явился Жанно и преподнес мне листок бумажки. Я, естественно, лежал на кровати, закинув руки за голову, прямо в башмаках.

— От мадемуазель Фудр, — сообщил Жанно, столь прочувствованно произнося это имя, что я невольно подумал: уж не утешился ли он после смерти Виссии. Быстренько, однако...

Листок содержал следующее: "Сегодня вечером. В десять. У первой излучины ручья. Ждать не буду. М."

Жанно угрюмо переминался с ноги на ногу.

— А вы уверены, что не попадетесь в западню? — решил он, наконец, после мучительной внутренней борьбы.

— Не думаю. Но на всякий случай вооружусь.

— Я вас прикрою! — пообещал Жанно.

В полудиннадцатого я был вынужден признать, что Карнавон и Виссия достойны войти в сонм героических любовников, ибо этот крошечный ручеек, огибавший каждый камешек, каждое деревце, ухитрялся порядком подморозить окрестности. Лишь аромат роз служил мне утешением.

Я видел — не глазами, а мысленно, — как малютка Легран, крадучись, выскальзывает в дверь, как одно за другим гаснут окна Меремона. Я немного побросал в ручей камешки, причем один мне от ricoшетил прямо по бедру. Пофутболил яблоко, запачкав замшевые туфли его мякотью.

Без четверти одиннадцать меня стали одолевать видения. Я представил себе “новенькую”, обманщицу этакую, в объятиях госпожи Чернички Перс, как я застиг ее накануне, предающуюся всем порокам сразу.

В одиннадцать ровно я укрепился в намерении отчалить, все-таки здоровье дороже.

— Господин Марко! Господин Марко!

Жанно, ну просто мой наивернейший Ватсон, вырос как из-под земли, отдуваясь, словно кузнечный горн.

— Господин Марко! Ее похитили!

— Кто кого похитил?

— Старшеклассницы! Мадемуазель Фудр! Они ее...

Швырнув чинарик в ручей, любуюсь голубоватыми кругами:

— Тогда веди! Только поосторожней, не хлещись ветками.

Несмотря на трагичность ситуации, Жанно не забывал подражать своим любимым героям. Он двигался перебежками, будто какой-нибудь гурон или апач (по крайней мере, книжек начитался неплохих).

— Быстрее, быстрее, — поторапливал меня Жанно каждую минуту, но стоило мне вырваться вперед, как тут же осадил: — Тише, тише, они наверняка расставили часовых.

Но это бы еще ничего. Когда мы вышли из леса, ему вдруг взбрела в голову идея, что нам необходимо замаскироваться розовыми кустами.

— Давай, давай, — бросил я ему. — Жми! Со мной не бойся.

Мы крались, словно охотники за тиграми. Впереди Жанно — по-пластунски, в лучших традициях американских вестернов, за ним я — пригнувшись, постоянно рискуя растянуться во весь рост, притом не зная, куда, собственно, мы так несемся.

— Тише! — снова шепнул Жанно. — Они там...

Вот оно что! Разумеется, в деревянной избушке. Но не можем же мы туда ворваться, как уланы в церковь. По крайней мере с марша. Требуется провести рекогносцировку. Оказалось, Жанно-Ватсон все предусмотрел.

— Тише! Сюда! Пока шумят деревья...

Через миг мы уже заглядывали в щель приоткрытой двери. Жанно, присев на корточки, я, наоборот, привстав на цыпочки. Видимо, мы напоминали двух безбилетников, решивших на халяву посмотреть футбольный матч.

Вначале нашим взорам предстал некий хаос лавандовых платьев — они плескались, взвивались. Из этой кучи-малы время от времени возникала то чья-то растрепанная голова, то спина, а то и ее продолжение. (По данным деталям я опознал Сусанну и Мартину,

о которых сохранил самые нежные воспоминания, а также Ольгу и Рези, помянутых накануне госпожой Черничкой Перс, и еще — белокурую бестию, именуемую Лулу.) Наконец танец закончился, и девицы расступились, явив нашим взорам “новенькую”.

— Сразу, как они ее схватили, я побежал за вами, — шепнул Жанно. — Вряд ли они успели с ней что-нибудь особенное...

Уж не знаю, что они с ней успели сделать, но платье-таки содрали, оставили в одном лифчике и нижней юбке. А теперь трое из них добросовестно связывали “новенькую” по рукам и ногам длиннющей веревкой.

— Отпустите меня! — выкрикивала жертва. — Немедленно отпустите! Сбесились, что ли? Вы мне грудь раздавили!

Влажная рука тронула мое запястье.

— Вперед? (Разумеется, Жанно-Ватсон.) На вашем месте я бы первой вырубил Сусанну.

Я с наслаждением размял ноги.

— Назад, юнга! У меня с этой молодой особой свои счеты. Она заслужила маленькую пыточку.

— Господин Марко! Вы шутите?

— Отнюдь! Поймешь через полгода после свадьбы.

Страдалица уже была не слишком похожа на девушку из хорошей семьи, скорее — на мумию фараона или на шелковичного червя в собственном коконе. Она переминалась с ноги на ногу, стараясь удержать равновесие. Но, увы, пришлось все-таки шлепнуться, ибо мучительницы врезали своей жертве под колени креслом-качалкой, куда она и рухнула. А затем сноровисто — раз-два — и прикрутили к нему веревкой. После чего Сусанна уже не принимала участия в боевых действиях, а взяла на себя верховное командование.

— Заткните-ка ей рот, — ласково ворковала она, — чтоб наконец заглохла.

О, жестокосердная!

Узница, пытаясь воспротивиться хотя бы этому последнему унижению, усиленно крутила головой, но тщетно — видимо, она попала в руки профессиональным упаковщицам. Ольга с Волги защемила ей пальцами нос, как прищепкой для белья, а могучая Лулу мгновенно сунула между зубов скатанный в трубочку носовой платок: получился вылитый щелкунчик. Но мало того, этот кляп еще завязали шарфом, три раза обернув его вокруг головы мученицы.

Сусанна снова заворковала:

— Молодцы!.. Снимите-ка с нее каблучки! И пятками — поближе к печке. Да не так! Свяжите крест-накрест... Посмотрим, как она запоет, — и удовлетворенно кивнула.

Я только сейчас полностью разглядел мизансцену: в печке бодро потрескивали полешки, а две девицы еще и усердно раздували пламя. Третья же — нежная Рези — помешивала угли раскаленной кочергой.

Меремон, такое уважаемое учебное заведение, кто бы мог подумать! Много бы я дал, чтобы госпожа Фельц сейчас присоединилась к нам с Жанно

— У-гу-гу,— пыталась возразить узница, которой не улыбалось быть поджаренной, как ее вчерашняя шоколадка.

Сусанна удовлетворенно провела по бедрам, потом по ляжкам, обтянув на себе юбочку. Глазенки при этом сверкали не хуже угольков. Ничего себе малышка, сложена отлично! Только немножко жирка нагуляла на меремонских харчах.

— Если захочешь отвечать откровенно, то подними левый мизинец, только повыше, чтоб видно. Между нами, у тебя нет другого выхода. Если же предпочитаешь молчать... — (Просто блеск — чем же бедняжке говорить? Ах да, пальцами.) — ... тогда готовься. Сейчас мы тебе поджарим пятки кочергой или, на выбор, подпечем на угольках. Сейчас, голубушка, мы примемся за тебя всерьез, уж ты выложишь нам всю подноготную... Рези, подгребни угольки, видишь, как дрожит мадемуазель Фудр, вся продрогла.

Произнося данную речь, она приближалась к своей жертве, не торопясь, подчеркнуто медленно.

— Ну как, решила? — прошипела Сусанна с неожиданной злобой, изо всех сил дернув ее за волосы. — Будем говорить? Или будем запереться?

Нежная Рези уже держала наготове раскаленную добела кочергу.

— Давай сюда, — просипела Сусанна, вырвав кочергу у нее из рук.

Тут Жанно так дернулся, что чуть не сшиб меня с ног. Со второго раза ему бы наверняка это удалось, если бы не вопль, потрясший избушку:

— Сусанна, посмотри!.. Она подняла палец!

Меня удивило, что один, а не все десять. Побился бы об заклад, поставив на кон такую мелочь, как райское блаженство, что, изрядно поломавшись, она все же примет единственно верное решение. Потому я и не вмешался.

Сусанна вернула кочергу Рези, в ее глазах погас хищный блеск. Дрожащими пальцами она принялась развязывать намокший шарф.

— Итак? — произнесла она тусклым голосом. Для начала узница жадно глотнула воздух, словно пловец, вынырнувший из пучины.

— Что?.. Что вы хотите узнать?.. Я... Я не понимаю, зачем вы меня сюда затащили, напали, невесть что со мной творили. И я вас предупреждаю...

— Творили с тобой то, что заслуживают доносчицы.

— Доносчицы! Ну ничего себе! Клянусь вам...

— Не клянись. Лучше отвечай: ведь твоя настоящая фамилия не Фудр?

И всего-то! Моя Софи, надо полагать, почувствовала такое же облегчение, как утопающий, который уже смирился со своей участью, наконец поймав спасательный круг.

— Вы правы, моя фамилия Тоннер, — призналась она. У нее был такой вид, словно она колеблется — раскрывать или нет государственную тайну, а потом все же решилась и представилась светским тоном:

— Мойра Тоннер.

Хотя я, разумеется, узнал ее с первого взгляда, еще когда обнаружил возлежащей на кровати Виссии, но все-таки был удивлен признанием. А, может, кто знает, она вовсе и не она?

— Мойра Тоннер, вот это да! — ахнула потрясенная Лулу. Остальные и вовсе обалдели, стояли и переглядывались, не веря собственным ушам.

— Это вы поете: “Ах, если бы не в море, а на небе искала б я теперь свой остров”?

— А еще: “Дождись, мой милый, вечера, тогда задую свечи я”?

— А еще: “Свежая замша стоит старого замка”?

Никакая овация не доставила бы Мойре подобной радости.

— Подождите, сейчас, м-м-м, — щебетала она, уютно устраиваясь в своих путах, словно в гамаке. — Я, правда, не в голосе, сами понимаете... Вот, например:

Послушайте вы мой совет, кокетки:

Не забывайте дома вуалетки.

Ведь кавалеры, даже напоследок,

Не поднимают наших вуалеток.

Она запела — честное слово! — а девицы, все, кроме Сусанны, слушали ее с благоговением.

— Подарите ваше фото с автографом? — попросила одна, когда Мойра допела песенку.

— А сколько же вам лет? — прошелестела другая. — Вы так молодо выглядите... Двадцать?

— Двадцать три, — рискнула третья.

— Двадцать один, — предположила Рези. Кстати сказать, я и сам был бы не прочь выяснить, но увы, этот вопрос так и остался тайной за семью печатями.

— Двадцать два, как и положено любовнице шпика, — отрезала Сусанна, снова взяв инициативу в свои руки.

— Лю... любовница кого? — раздался изумленный голосок, сопровождаемый разноголосым хором. Сусанна не удостоила ответом.

— Уважаемая мадемуазель Тоннер, вы даже не можете себе представить, как я польщена тем, что имею возможность лицезреть столь выдающееся дарование, — произнесла она подозрительно вкрадчиво. — Однако не воображайте, что вам удастся запылить нам мозги своими песенками и покинуть нас, не выложив всю правду. И соблаговолите побыстрее, иначе... — она так выра-

зительно занесла над Мойрой свою длань, что та инстинктивно втянула шею. Дальнейших разъяснений не потребовалось.

— Я... я ничего особенного не узнала, — забормотала узница. — Я... я знаю только, что миссис Бекер-Квин не отпирала дверь в то утро, когда Виссию нашли связанной.

— Неужели? Еще что?

— И знаю почему. Вы свистнули ее парик. Ей не хотелось показываться без него.

— Врет, но это не важно. Еще?

— Я... я знаю, что вручение наград будет послезавтра, что мадемуазель Сержант левша, что у госпожи Фельц вшит дренаж, что госпожа Легран каждый вечер бегаёт на свидания с неким Пьеро...

Сусанна вдруг побледнела:

— Тс-с-с! Я велела не пересказывать меремонские сплетни, а рассказать, что вы узнали, и что... не успели! Так же я просила вас поторопиться...

Мойра с уморительной гримасой сделала попытку обрести свободу. Тщетно. Я подумал, что сейчас ей все-таки получше, чем когда ее только пленили, потому решил пока не вмешиваться.

— Я... я знаю, что Виссия тайком встречалась с этим художником, Карнавоном, и со своим будущим отчимом... Знаю, что она кокетничала с Жанно, мальчишкой-садовником...

— Ничего себе кокетничала! — возмутился Жанно из партера.

— Знаю, что госпожа Перс и Виссия...

— Интересно, — произнесла Сусанна.

Ну и вляпалась же Мойра! Но теперь надо договаривать.

— Ну, что они... По-моему, они испытывали друг к другу... очень сильные чувства... Короче, были безумно...

Тут ее прервали. Но не Сусанна, а Рези.

— Неправда! Черничка никогда по-настоящему не любила Виссию! Она мне поклялась! Это Виссия...

Стоило только взвить Рези, как тут же вступила Ольга с Волги, могуче раскатывая "р".

— Заткнитесь! — крикнула Сусанна, топнув ногой. — Вы что думаете, мы всю ночь будем здесь торчать? Что я до утра буду слушать ваши байки о... — Последнее слово она проглотила, а потом набросилась на пленницу: — А ты не слышала, что я тебе сказала? Аплодисментов ждешь... по щекам?

— Нет, погодите!

Мойра резко откинулась назад, стукнувшись о спинку кресла.

— Я знаю... что вам не хотелось переселяться из своих спален в левом крыле. А когда вас всех собрали в общую, вы решили разыграть мадемуазель Прямойбой...

— Каким же образом?

— Разными. Прятали ее постельное белье... И еще играли...

— Во что?

Сусанна снова схватила ее за волосы, собираясь дернуть, но Мойра опередила. Я понял, что ей уже на все наплевать, только бы нанести удар. Она произнесла четко и раздельно:

— В привидения.

Пробелом обозначено глубокое затишье, следовавшее за ее словами.

Так вот о чем я не подумал: *в спальне никого не было*. Вторым моим открытием было то, что Сусанна великолепно держит удар.

— Рези, дай-ка мне кочергу, — произнесла она спокойно. — И кляп.

Ну просто навязчивая идея!

— За что? — возразила Рези. — Я вчера от нее не отходила. Она пока еще никому не разболтала.

Наверно, беспокоится о своем автографе.

— Еще бы, — заметила Сусанна, — если ты была рядом...

Рези неохотно подала кочергу:

— Что ты собираешься делать? Выжечь ей язык?

Ну, разумеется, Сусанна была совсем не прочь, особенно после песенки "Послушайте вы мой совет, кокетки".

— Нет, просто наложим клеймо. Как предупреждение. А потом, после того, как она освободит своего шпика от...

Оказывается, все неплохо продумано. Я понял, что пора — прощай дверная щель! — и распахнул дверь ударом ноги.

— Шпик уже свободен, — сообщил я бодро. — И знает он чуть побольше, чем вы предполагаете.

Жанно-Ватсон, проскользнув у меня между ног, бросился развязывать путы.

— Не трогай! — прикрикнул я. — И вставь ей обратно кляп.

Ошарашенные девицы стояли, не шелохнувшись. Зато Мойра, как только избавилась от кляпа, отчаянно завертелась в кресле.

— Паша! Если вы посмеете... мы с вами никогда в жизни не увидимся!

— Не забывайте, у нас еще впереди жизнь иная. Я привык работать без незваных помощников.

Жанно, которому помешали освободить узницу, сначала позеленел, потом покраснел — прямо светофор.

— Вы... Вы же ее не оставите в таком виде? — молил он, глядя, как я затягиваю последний узел.

— Разумеется, в таком не оставляю, — успокоил я. — Дай мне чехол, вон тот. Сейчас мы ее... помоги мне... Чтобы не запылилась.

Пять девиц наконец вышли из оцепенения и задергались так, что у них чуть подвязки не лопнули. Я немного подождал, пока они успокоятся, а потом вышел из домика, оставив последнее слово за собой:

— Зачем столь жестоко? Лучше сыграйте в добровольные признания.

ни там! Они там! — восклицала мадемуазель Прямовбой.

Я жестом попросил ее замолчать.

Из своей засады в дежурке я наблюдал, как девицы, отбрасывая кривляющиеся тени, закутанные в простыни, откуда торчали только ресницы, кончик носа или подол ночной рубашки, одна за другой выкатывались из спальни, словно кегельные шары. Когда вышла последняя, процессия направилась к дежурке. Девицы прилипли к окну, корча рожи. У одних в руках были отвинченные от ночников колпаки, у других — карманные фонарики, в свете которых их самодельные саваны выглядели действительно жутковато. Только одна Эмма нацепила на себя еще и размалеванную карнавальную маску, в которой, кстати, выглядела краше, чем без нее.

— Стоп! — приказал я, зажигая свет и повернувшись к свидетелю, точнее — свидетельнице: — Эти юные дамы все правильно делают, как всегда?

Мадемуазель Прямовбой, восседающая на расшатанном стуле, впрочем, единственном, опустила глаза.

— Не знаю... Кажется...

— А в ночь убийства?

— Видимо... Наверно...

— Вы не уверены?

— Нет, но... Я ведь обычно лежу в кровати... Бывает, спрячусь под одеяло...

— А почему вам не задернуть шторы?

— Я их обычно задергиваю.

— Как часто?

— Всегда.

Полдюжины девиц, напоминающих памятники перед торжественным открытием, хмуро поглядывали на нас. Было заметно, что они дрожат под простынями еще больше, чем бедняга дежурная трепетала в роковую ночь под своим одеялом.

Окинув их равнодушным взглядом, снова обращаюсь к Фелиции.

— Всем известно, что вы — человек пугливый, впечатлительный. Знали это и девочки. Потому они избрали жертвой именно вас. Но ведь ко всему можно привыкнуть, даже к страху... Вы ведь, наверное, понимали, что это не настоящие привидения?

— Да, но... все-таки... — проговорила мадемуазель Прямовбой извиняющимся тоном. — Настоящие или нет, все равно страшно.

— Я хочу спросить: действительно вы так уж боялись?

— Знаете, я, конечно, немножко подыгрывала малышам. Пусть лучше играют в эту игру, чем придумывают что-нибудь неожиданное. Мало ли, что им придет в голову, еще перегнут палку... Приходилось терпеть... Я себя пыталась убедить, — правда, плохо удавалось, — что это всего лишь детские шалости... Ведь если б они поняли, что я... мало ли... могло бы не выдержать сердце...

— Почему же вы не пожаловались госпоже Фельц?

Мадемуазель Прямовбой смущенно потупилась.

— Я боялась, что наказание превзойдет преступление. Эти малышки все-таки меня любят. Они сами не понимают, какой вред...

— Так надо было им объяснить.

— Они не поняли бы, не поверили... Когда молод, какое тебе дело до чужих болезней?

— Я так понимаю, что вы молчали о том, что девочки в ночь убийства играли в привидения, из страха перед этими...

— Да, я... Виссия умерла, ее не воскресишь... А девочки боялись, что, если узнают всю правду, то их обвинят — поверьте, бесосновательно — в том, будто они специально ушли из спальни.

— И это все?

— Д-да.

— А это что такое? — предъявляю похищенный у Каде ребус. — Что это, по-вашему, означает?

Мадемуазель Прямовбой с отвращением взяла бумажку. Если именно этот рисунок ей и не попадался, то немало подобных наверняка приходилось лицезреть.

— Не знаю... Похоже на ребус...

— Именно. Простенький ребус, как из журнала для самых маленьких. Однако его автор почему-то пожелал остаться неизвестным: когда я предложил этим юным девицам его скопировать, *всем до единой* оказалось слабо изобразить череп. Мне было невдомек... Мы с доктором Каде предположили невинный розыгрыш. Тогда я еще не знал об игре. Не знал, что симпатичные малышки пытаются вас запугать, чтобы вы не проговорились... В результате их милых игр вас мог однажды такой удар хватить, что — раз и... — Тут я резко обернулся к девицам, которые мигом побледнели, теперь и впрямь смахивая на привидения. — Итак: ложные показания, запугивание и покушение на убийство свидетеля, — подытожил я в духе комиссара Броша (ну, чуть, может быть, преувеличил). — Да я вас могу тут же засадить. Сейчас звякну, приедет чумовозка... На выбор: либо увеселительная прогулка на воронке, либо чистосердечное признание.

Я был уверен, что Сусанна будет молчать, как партизанка, но нет, заговорила:

— Какое признание? В чем признаваться? Виссия лежала в кровати, будто спящая. Нас уже много раз допрашивали. Что вам еще надо?

Закуриваю "Лаки", дабы укрыться дымовой завесой.

— Отговорки. Почему Виссия не вышла вместе с вами, или раньше всех вернулась в спальню?

— Ну, это только она знает.

— Ее я допрошу, когда мы с ней встретимся. Постараюсь, чтобы это случилось как можно позже. А вы не обратили внимания, что она не вышла или улизнула?

— Вот еще! Мы по порядку номеров не рассчитывались. К нам могло бы присоединиться и настоящее привидение...— И решила, что разговор окончен.

Я дал ей немного времени укрепиться в своем заблуждении, а потом протянул руку и потрогал ее саван, как ощупывают уцененный товар:

— Снова лжешь, моя птичка! Готов поверить, что в начале вашего мероприятия вы действительно не обнаружили пропажу, но когда вернулись... Неужели вас не удивило, что ваша подружка лежит в кровати, неужто не полюбопытствовали, что с ней? Значит, вы не утром узнали, что она убита, а еще ночью!

Публика мне попалась весьма благодарная, слушала разинув рты. Потом девицы начали перешептываться. А Сусанна так вся позеленела — и эта расцветка, надо признаться, оказалась не очень-то ей к лицу.

Еще поддаю жару:

— Пожалуйста, я не настаиваю, можете запирайтесь. Мне давно пора бай-бай... Но тогда вам придется иметь дело с комиссаром Брошем, и очень скоро. Он всегда крадется за мной по пятам. Он полюбопытствует, и мне, конечно, придется... А комиссар — сразу за наручники.

Теперь я обращался ко всем девочкам сразу, наблюдая, кто первой дрогнет.

Однако Сусанна оказалась наблюдательней меня.

— Эм-ма! — провозгласила она, схватив за руку названную девицу.

Дальше события развивались стремительно. С Эммы слетела маска, обнажив ее бледное, искаженное злобой лицо.

— Отвяжитесь от меня, идиотки! (Мартина, разумеется, пришла Сусанне на подмогу.) Вы были счастливы, что я лишусь стипендии, да? (Оборотом “были счастливы” я вынужден заменить непечатное слово.) А я была счастлива (я снова подпрыгнул), что вас заподозрят в убийстве! Вы меня ненавидели, а я вас еще больше ненавижу...

Закончить она не успела. Сусанна залепила ей такую плюху, что слетели очки. Да к тому еще на дурнушку грозно надвигались Ольга, Рези и Лулу.

— Господин Марко! Господин Марко! — взмолилась перепуганная Эмма. — Спасите меня! Помо...

Я дал ей время получить вторую затрепину, за которую когда-нибудь придется расплатиться ее будущему мужу. Затем достал свою пушку и продул ствол.

— Ну-ка, милая девица! — произнес я грозно. — Будь любезна, все начистоту!

Прочие девицы, наконец, ее отпустили и теперь сгрудились подальше, словно та была зачумленной.

Бросив на них суровый взгляд, Эмма подняла с пола свои очки и водрузила на нос с таким достоинством, как низложенный, а по-

том вновь призванный раскаявшимися подданными король снова примеривал бы корону. Наконец она отдышалась.

— Вот эти во всем виноваты! — злоратно сообщила Эмма, по очереди тыкая пальцем в пятерку своих злейших врагинь. — И вон те трое... (Из этой тройцы я никого не узнал, в их-то бурнусах!) Они... они пригрозили, что нас отлупят, если мы проговоримся, если скажем правду...

Я снова от нечего делать подул в ствол своей пушки.

— Какую правду? Вы что же, утверждаете, что они всемером придушили Виссию?

Эмма мотнула головой. Наступил ее звездный час. К тому же ей показалось, что я опять проявил бездарность в устном счете.

— Нет, — произнесла она нежно. — Они *восьмером* ее связали и оставили в постели.

23

Доброе утро, госпожа Фельц, — вежливо поздоровался я. — Вы очень кстати.

Мадемуазель Прямовбой тут же привстала ей навстречу.

— Сидите, Фелиция, — произнесла старуха, не удостоив ее взглядом. Она стояла, опершись на свой посох, и внимательно разглядывала меня (и девочек):

— Не соблаговолите ли объяснить, господин Марко, что это за странный маскарад? Очередной следственный эксперимент?

Я уделил ей столько же внимания, сколько она Фелиции.

— Ну-ка, отвечайте! — приказал я девицам. Те, потупившись, молчали. Эмма в том числе.

— Малышки как будто потеряли дар речи, — поставила диагноз госпожа Фельц, немного подождав.

Я понял, что ответственность за это она готова возложить на меня.

— Не волнуйтесь! — успокоил я ее. — Я знаю одно превосходное средство, сейчас они этот дар отыщут... Рези, Ольга, Кристина! — выкрикнул я (последнее имя наудачу, должна ведь среди них быть Кристина). Принесите мне кресло, дрова, веревки! Если не знаете, где взять, добежите до избышки. Там есть все необходимое.

— Подождите, малышки! — Госпожа Фельц подняла свою трость, и девицы замерли, словно по мановению волшебной палочки:

— Вынуждена довести до вашего сведения, господин Марко, что в отсутствие, к сожалению, госпожи Легран, распоряжаться здесь имею право только я. Поэтому вам придется прежде, чем я разрешу девочкам выполнить вашу команду, объяснить, по возможности кратко, что вы намереваетесь делать с этим... огнем, креслом и веревками?

Бросаю окурочек в холодный камин мадемуазель Прямовбой.

— Охотно. Я собираюсь задать один вопросик вашей подопечной, мадемуазель Лукас.

— Вопрос? Какой именно?

— Очень интересный.

Госпожа Фельц прожила чуть не втрое дольше, чем я, да еще целый год с дренажной трубкой, так что жизненного опыта ей было не занимать. Такую врасплох не захватишь.

— Фелиция! — бросила она через плечо. — Разбудите, пожалуйста, мадемуазель Сержант и миссис Бекер-Квин... поскорее!

Фелиция уже рванулась к двери, но я ее задержал, уронив под ноги свой многозарядный.

— Погодите!.. Той ночью, когда убили Виссию, эти симпатичные девушки играли в привидения. Для своей затеи они похитили все простыни в Меремоне, так же вот закутались, поглядите, выстроились гуськом и продефилировали перед дежуркой. Спросите, зачем? Чтобы нагнать страха на несчастную мадемуазель Прямовбой... Участвовали все, кроме Виссии. Виссия, судя по всему, в это время лежала в своей постели, связанная по рукам и ногам. Прямо готовенькая! Единственное, что я не успел выяснить: почему семь, извиняюсь — восемь, прелестных созданий подвергли ее столь суровой каре... А на добровольное признание я не рассчитываю.

— Фелиция, подайте стул, — приказала госпожа Фельц. Завладев стулом, она уселась на него и застыла, опершись обеими руками о трость и наблюдая происходящее спокойным взглядом голубых глаз. Именно в этот миг я оценил ее по достоинству. И понял: она всегда знала больше, чем я, namного.

— Ну, что же, — произнесла пожилая дама, резко повернувшись к мадемуазель Прямовбой, как всегда пребывающей в смятении. — Вы слышали просьбу господина Марко? Попрошу вас сопроводить этих трех малышей, только, пожалуйста, поскорей возвращайтесь.

Ну надо же, оказалась мировой теткой!

— Но вы же не собираетесь нас... — раздался слезливый голос (принадлежавший Рези).

Казалось, для госпожи Фельц сейчас самое важное — поудобнее устроиться на шатком стуле.

— Господин Марко задал вам вопрос, извольте ответить! — произнесла она, чуть привстав, чтобы расправить складки своего королевского платья.

Если бы и после этого я не получил самые полные и чистосердечные признания, мне была бы одна дорога — в Армию Спасения.

— Почему Виссия не позвала на помощь, не пыталась сопротивляться? — спросил я для разминки.

— Сопротивляться? — фыркнула Лулу. — Она сама согласилась.

Похоже, все началось с того дня, когда Виссия получила бандероль с книгой Пьера Милля "Кристина и Он" и была потрясена страницами 101, 102 и 103. "Не-воз-мож-но", написала она на полях с высоты своего шестнадцатилетнего жизненного опыта. Потом Виссия дала почитать книгу подружкам, умоляя, чтобы побережней обращались.

— Невозможно? — спросила потом Сусанна. — Хочешь покажу?

— Что покажешь?.. Ведь, если захочешь, всегда можно развязаться! Например, госпожа Стейнхель добровольно дала себя связать! А доктор Локар ей тогда сказал: “Может быть, только одна из сотни жертв преступления (а, может быть, даже из тысячи) действительно не могла оказать сопротивления!”

— И ты сама бы развязалась?

— Конечно. Но не собираюсь пробовать...

— Можно попробовать на ком-нибудь другом...

Вот так и родилась идея. Но я и сам бы догадался, если б даже мне не удалось расколоть сообщниц Сусанны, что последняя, попавшая в Меремон прямо из английского колледжа, была как раз энтузиасткой игры в *tying up*^{*}. Игра заключалась вот в чем: какая-нибудь юная дурочка (или дурень) сразу после отбоя позволяла себя связать, и ее цель: за ночь суметь развязаться. Если удавалось, бывшая жертва получала право на следующую ночь точно так же связать своего палача. Если нет, — все повторялось заново^{**}.

Виссия, используя свой авторитет, долго оттягивала собственное испытание. Вплоть до той самой ночи, когда убийца, возможно, на всякий случай запасшийся дубинкой или хлороформом, обнаружил ее готовенькой.

Выслушав признание, госпожа Фельц сразу стала выглядеть на свой возраст. Однако, не успела она и рта раскрыть, как явились еще двое гостей: Мойра под ручку с комиссаром Брошем.

— Господин Марко! — бросился тут же в атаку комиссар, не обращая внимания на остальных. — Честно говоря, я не очень понимаю...

Но не успел он договорить, как появилась бедняжка Прямовбой в сопровождении троих подсобниц, которые волочили все, что я просил: кресло, дрова и веревки.

— А это для чего? — снова встрепенулся комиссар. Я ткнул пальцем в Сусанну:

— Чтобы развязать язык. Только она одна пока что помалкивает.

— Этим займусь я! — воскликнула Мойра и сразу приступила к делу. Командовала: — Если будет сопротивляться, врежьте ей хорошенько! Заломите руки!.. Держите ее крепче!

Госпожа Фельц поднялась и направилась к двери.

— Вы считаете, это — единственный способ? — спросила она уже с порога.

^{*}Связывание (англ.)

^{**}Эта игра, причины которой кроются в бессознательном садо-мазохизме, либо в пристрастии к фильмам ужасов, была запрещена еще в 1945 г., когда одна девушка, привязанная к спинке кровати за шею, была найдена на коврике задыхнувшейся. Однако не исключено, что новые поколения продолжают в нее играть, только еще более скрытно. — (Прим. автора).

Взяв пожилую даму под руку, я вывел ее из дежурки, пригласив жестом и комиссара Броша.

— Очень действенный! Иначе мне пришлось бы поискать другую Мойру.

Моего обаяния хватило только до второго этажа, не дальше, точнее — не ниже. Сверху раздался звериный вопль.

— Я никогда не допущу... — начала госпожа Фельц.

— Если вы думаете, что я буду участвовать... — пробормотал комиссар Брош.

Не скажу, что и мне это было по вкусу. К счастью, тут же раздался другой вопль.

— Все в порядке! Она призналась! — принадлежал он Мойре.

Первым пришел в себя комиссар:

— Ваши методы, прямо скажем, весьма непривычны, но, вынужден признать, вполне действенны. Теперь нам известно, каким образом убийство было совершено и кем невольно подготовлено. Также знаем...

Я нетерпеливо перебил комиссара:

— ...что некто его совершил, пока девицы измывались над мадемуазель Прямовбой! Остается написать на листках имена всех подозреваемых, сложить в шапку и вытянуть наудачу.

Госпожа Фельц не слушала, точнее — она прислушивалась, но не к нам, а к грянувшему наверху хору:

Послушайте вы мой совет, кокетки:

Не забывают дома вюалетки...

— А вы не забудьте, что завтра вручение наград, — напомнила она негромко. — Вы тоже приглашены...

— Заметано, — пообещал я. — Только обязательно пригласите и убийцу тоже.

24

К сожалению, я не записал стихотворное вступительное слово, оно было вполне достойно увековечения. В качестве компенсации я приведу наиболее звучные строки из гимна "Слава Франции", стоявшего в программе вторым номером. Кстати, госпожа Черничка Перс, которой выпала честь дирижировать хором, не очень-то старалась облагородить указанное сочинение. А мадемуазель Сержант, наоборот, испытывала гордость, что она причастна к исполнению подобного шедевра.

Забыв свои недавние раздоры,

Мы все возьмемся за руки, друзья.

Ведь если будем вместе мы, то скоро

Могучей станет Родина моя!

Больше всего меня донимали жара, влажная, словно в парилке, и невыносимая духота, как перед грозой. Все окна были законопачены, дабы избежать налета пчел. Эти последние злобно бились в

стекла, не в силах добраться до дамских шляпок, украшенных цветами.

— Милый, — прошептала Мойра, — обратите внимание вон на ту: третий ряд, вторая справа.

Я, честно говоря, предпочел бы получше рассмотреть другую, которая сидела в четвертом ряду, четвертой слева, но не решился послушаться мою Софи и покорно перевел взгляд на курносое прыщавое существо.

*Но сильным людям ничего не страшно,
Поможет нам усердьи наших рук.
Чтоб распахать сухую нашу пашню,
Впряжемся сами мы в железный плуг.*

В зал, видимо, стащили стулья со всего колледжа и даже парковые кресла, установив стройными рядами. Над креслами развесили гирлянды с трехцветными флажками, вероятно, пришлось изрядно попотеть чтобы их вырезать. В первом ряду восседали: госпожа Легран, госпожа Фельц и весь преподавательский состав, облаченный в безвкусные, да еще и припахивающие нафталином платья, видимо, предназначенные исключительно для столь торжественных случаев. Последующие ряды были предоставлены родителям (в соответствии с рангом и состоянием), выпускникам которых-евсегдаснами, искренним нашим друзьям, а также просто зевакам. В задних рядах, прижатый к стенке, теснился обслуживающий персонал. (Там я обнаружил Жанно-Ватсона, стиснутого с обеих сторон так, что он напоминал ломтик сыра в сэндвиче, и все же упорно пытавшегося передать мне какое-то сообщение посредством азбуки глухонемых.)

Уже через десять минут этакой пытки я промочил два носовых платка, а Мойра сидела вся обмякшая. Однако ухитрилась постоянно толкать меня локтем:

— Ну, что, пойдём? Или еще посидим? Ах, пропало мое платье! (Действительно, ее шикарное шелковое платье изрядно помялось.)

— Придется посидеть. Они двери заперли.

Вслед за гимном "Слава Франции" последовал "Гимн труду", чуть более легкомысленный:

В тень прохладных ветвей

Я прилег — ей-ей-ей.

Вдруг гляжу — муравей,

Ей-ей-ей — муравей.

С тяжелой ношей своей

Он идет и поет,

Муравей, он поет — ей-ей-ей.

Уж не знаю, всерьез ли госпожа Фельц отнеслась к моей просьбе пригласить убийцу на данное торжество. Но подозреваемые, все

как один, в сборе... Вон там, на эстраде, лавандовые девочки. Прямо перед нами весь преподавательский состав, призванный, по словам госпожи Фельц, "научить девочек, как им себя вести в этом не лучшем из миров". Не слишком этим дамам уютно, что я сижу у них за спиной. С чего бы, интересно, неужто бояться моей пушки?

А вот слева — госпожа Берг и ее жених да Коста. Учтывая их глубокую скорбь, будущих молодоженов удостоили первого ряда, правда, усадив на самый краешек. Госпожа Берг восседала вся в черном, кроме, видимо, нижнего белья, и да Коста обмахивал ее программкой.

А справа чета Карнавонов пыхтит на разные лады. Она задыхается от восторга, в который ее приводит любое представление, им, напротив, овладела зевота, возможно, нервная.

Мойра снова пхнула меня локтем:

— Поглядите на него, как прифрантился! Волосы подкрасил, да еще припудрил нос.

Я больше внимания обратил на мрачность физиономии и сделал вывод, что вряд ли в "Тяготах" воцарились долгожданные мир и покой.

— Бедняга, — вздохнула Мойра, которая почему-то недолюбливала бородачей. Она уже не могла усидеть на месте, ерзала на стуле, тербила платье, задирая его выше, чем допускают приличия: — Чего вы дожидаетесь?

— От кого?

— Прямо как в плохом детективе: все подозреваемые собрались в одной комнате, и теперь убийца должен себя выдать.

Все-таки я узнал немало. В частности, и то, до чего рассчитывал докопаться лишь в последнюю очередь: каким образом Виссия была убита: подружки попросту оставили ее одну в спальне, чтобы сделать сюрприз экономке. Также я знал — почему. Мотивы могли быть следующие, и никаких иных: любовь, ненависть, зависть, похоть, корысть...

— Вы на это надеетесь? — не отставала Мойра.

Ну, разумеется, на что же еще! Я вновь перебрал всех подозреваемых: нет, ни один в убийцы не годится! Причины, да, они бы нашлись у каждого. Но, как не умирают от хронического катара, так и не идут на убийство из-за постоянно действующей причины. Для убийства требуется либо роковое стечение обстоятельств, либо конкретный повод...

Чтобы решиться "замочить" любовника жены, вам надо дожидаться пока он сопрет у вас электробритву. Мой скорый "Париж-Ницца" лихо промчал всю дистанцию, но, увы, подвел стрелочник, перевел не на тот путь. И вот теперь мне предстоит выяснить, в какой момент это произошло.

Между тем, полторы дюжины девиц продолжали горланить во всю глотку, а Черничка Перс танцующей походкой бегала от одной к другой, пытаясь их утихомирить:

*Будем вместе работать и петь: тра-ля-ля!
Мы с любимой вдвоем — красота!
Чтобы стала прекрасной родная земля,
Невозможно прожить без труда!*

Под № 4 в программке значилось: Мелодии Форэ (Сусанна Лукас). Однако публику, а в особенности нас с Мойрой, ожидал большой сюрприз. Видимо, произведение было недостаточно отрепетировано, потому певица и аккомпаниаторша действовали не в лад. Не успела последняя закончить вступление, как исполнительница вдруг запела: "Ах, если бы не в море, а на небе искала б я теперь свой остров". Мойра просто обалдела.

— Вы не находите, что у нее неплохое контральто?

— Разумеется. Я это заметил, когда вы ее пытали.

Как бы то ни было, я уверен, Сусанну ждал исключительный успех. Но в том случае, если бы остров так и остался необитаемым. К несчастью, уже в первом куплете на него высадились двое потерпевших кораблекрушение влюбленных, которые тут же, не откладывая в долгий ящик, принялись объясняться в любви. Видимо, из-за того, что бедолагам пришлось долго сдерживать свою страсть, их признания становились все более пылкими. В результате залом овладел некий простудный вирус. Дамы уткнулись в носовые платки и перемежали трубные звуки с отчаянным кашлем.

— Вот мерзавка! — не выдержала Мойра. — Так все испога-
нить.

Я, разумеется, воздержался от признания, что если бы я попал на необитаемый остров с той девицей, то не стал бы так долго разводить ля-ля-тополя.

Сусанна наконец заглохла. Настал черед младших. Наряженные цыганами, они сгрудились вокруг костра, изображенного посредством красных обрезков бумаги. На нем в котелке (пустом) варилась похлебка. Некоторые малышки, самые артистичные, делали вид, будто помешивают ее черпаком. Довольно скоро выяснилось, что им неуютно в степи. Тоскуя по утраченной родине, они затянули с цыганским распевом:

Но-но, ты беги, мой конек!

Но-но, ты лети на восток!

Разумеется, зрители устроили им овацию и трижды вызывали на "бис". После чего малышки унесли со сцены цыганский реквизит — котелок, костер и так далее, а затем пришили к стенке выполненные с почти китайским лаконизмом два рисунка. Нам предлагалось разгадать шараду.

На первом была изображена некая контора. Несколько служащих что-то усердно пишут в тетрадях (школьных). А усатый начальник распекает одного из них за нерадивость. Ясно, что беднягу сейчас вышвырнут за дверь. На втором рисунке — сценка рыцарских времен: дама в средневековом уборе рыдает, уткнувшись в

почти вытканый гобелен. С нею пришел попрощаться ее рыцарь, которого долг службы вызывает в Иерусалим. В данный момент храбрый вояка как раз выходил в дверь.

Первый рисунок не произвел на Мойру никакого впечатления. Взглянув на второй, моя Софи ехидно поглядела на меня снизу вверх.

— Наверное, и этот орешек окажется вам не по зубам. Вполне возможно!

— Погодите, погодите... Этот тип, который выкатывается, он... отправляется в крестовый поход... вон крест на спине... От своей дамы прямо в... прямо в... — не договорив, я вскочил, опрокинув стул.

Я понял.

Я сообразил, кто.

Но, к сожалению, убийца все понял раньше меня.

Первый ряд теперь напоминал челюсть, из которой только что вырвали два зуба.

Мне пришлось распахнуть, наверное, пару сотен человек, прежде чем я добрался до двери, единственной, которую забыли запечатать. Ее створка как раз медленно закрывалась.

25

Ее стану утверждать, что мое бегство осталось незамеченным. Наоборот, скорее я сам перестал что-либо замечать. Сопровождаемый возгласами "о-о!" с почти тирольским распевом, я видел перед собой лишь одну цель — дверь в глубине зала, и единственную задачу — успеть.

Малышки застыли на эстраде, разинув рты. Госпожа Фельц встала и воздела свой посох, словно решая, на чью спину его обрушить. Мойра истошно зывала: "Паша! Паша!", будто я бросил ее на необитаемом острове.

Дверь вела в коридор, в конце которого лучи заходящего солнца нарисовали яркий прямоугольник. Рассеяв целую эскадрилью пчел, выбегаю в парк. Щурю глаза, как состарившийся щеголь.

Убийца пропал бесследно. Но, к счастью, я знаю, где его искать.

Надо мной роятся насекомые, видно, и у них каникулы. А розы испускают такой аромат, что хоть разливай его в склянки. Так, куда теперь? Под козырек оглядываю местность. Аллея, снова аллея, лужайка, снова лужайка, бордюры, снова шлепнулся.

Когда я заворачивал за угол Меремона, мне показалось, будто меня преследуют, но оборачиваться не стал. Я взял такую скорость, что, казалось, несусь, не касаясь земли, на бреющем полете, как ласточки перед грозой. Ну, наконец: розовые стены, голубые ставни, окно, куда я мимоходом заглянул...

Слава Богу, успел! Еще полминуты — и Меремон получил бы второй труп!

К счастью, дверь не заперта. Распахиваю ее, потом еще две и вламываюсь в залитый солнцем кабинет. На стуле сидит женщина. Один ее рукав закатан до подмышки, рука стянута резиновым жгутом. Над ней склонился доктор Каде со шприцем, примериваясь, чтобы всадить его точно в вену.

— Погодите, док!

В тот миг, когда он на меня взглянул, я метко врезал ему в подбородок, и лекарь рухнул на маленький столик, изрядно его покоревив. Шприц разбился о кафель, а я бросился к стеклянному шкафчику и схватил пару одинаковых упаковок с ампулами. Доктор с трудом поднялся с пола и потянулся за скальпелем.

— Бесполезно, док! — сказал я, крепко ухватив его запястье. — Я видел в окно, как были тайком подменены ампулы. Вместо иноптилина вы собирались впрыснуть мадемуазель Прямовбой ту же дозу адреналина, который, учитывая ее состояние, прикончил бы ее в момент, как самый сильный яд.

Тут заговорила сама Прямовбой, перемежая свою речь жалобными оханьями.

— Это... правда! Я раньше вас разгадала шараду и поняла, что вы сейчас всё... Я тут же разыграла приступ... И попросила доктора, чтобы он меня сюда... Дождалась, пока он отвернется и подменила ампулы...

— Вы хотели умереть от его руки?

Она кивнула, избегая смотреть на лекаря.

— Я не могла его попросить... объяснить, что больше так не могу... Я знала, ему все безразлично... потому и решила разыграть острый приступ...

Доктор Каде мигом позабыл о моем нахальном вторжении. Судя по тому, как он сбледнул с лица, до него теперь тоже стало доходить.

— Фелиция, вы сошли с ума! Эта девчонка... Не могли же вы себе вообразить, что я к ней сватаюсь?

— Не знаю. Главное, я поняла, что ко мне вы уже не посватаетесь.

— Как же вы смогли...

Видимо, Прямовбой решила, что доктора интересует техническая сторона.

— Я знала, что малышки всегда меня пугают в ночь полнолуния... Я налила снотворное в стакан с водой, надеялась, что Виссия, как всегда перед сном, ее выпьет, и когда девочки около полуночи... она будет спать. Я положила под свое одеяло пуфики и полотенца, а на подушку — парик миссис Бекер-Квин... Спряталась в стенном шкафу, подождала, когда малышки пройдут мимо в сторону дежурки... Потом пробралась в спальню... Виссия не спала, но была связана, такая у них игра... Все удачно сложилось... Я не могла упустить... Она не успела крикнуть, позвать... Я захватила чулок, но он не понадобился... Закрутила косу вокруг ее шеи... Нет, она не мучилась, но, конечно, поняла... что я собираюсь...

Доктор Каде оттянул пальцем свой воротничок и бросил на меня страдальческий взгляд.

— Надо было — ну, я не знаю! — рассказать мне о ваших муках, открыть душу! Я бы все понял...

Теперь-то уж что!

Мадемуазель Прямовбой кивнула, продолжая тщательно разглаживать свою юбку:

— Это понимаешь только потом, когда поздно... Виссия тоже не поняла. Я ее умоляла перестать с вами... Только усмехнулась: "А что я получу, если верну вам его? "Отлично" за поведение?" У нее вся жизнь была впереди, а для меня — последний шанс... Больше я не могла ждать... — Она подняла глаза, которые словно вылиняли, будто душевный пожар выжег из них всю краску: — Когда она вас бросила, я надеялась вас утешить, привязать к себе, но вышло наоборот... Вы упивались своим горем, полюбили ее еще больше... Никто был вам не нужен... И я решила с нею рассчитаться... Только не ожидала, что так скоро...

Да как же я сразу, дурак, не догадался!

В первый же свой день в Меремоне я высказал госпоже Фельц мысль, что именно экономке было проще всех совершить убийство, ведь та находилась в двух шагах: всего-то открыть пару дверей. "И запереть одну, — ответила старуха, — в свое прошлое".

А я тогда не понял!

Ухитрился не сообразить, что приступ, в ночь, когда я пробрался в спальню, произошел с бедняжкой Прямовбой не от страха и не от сердечной недостаточности. Ее мучила совесть. Она, как та пчела, которой дано ужалить только раз в жизни.

Трудно сказать, когда именно в дверях появилась госпожа Фельц, и сколько времени простояла, опершись о рукоять своей трости, отбрасывая траурную тень. Она появилась бесшумно и незаметно, как является ангел смерти.

Видимо, пожилая дама все же вошла в кабинет, но в тот миг мне показалось, что только тень от ее трости протянулась вперед и коснулась осколков разбитого шприца. И я мог бы поклясться, что губы ее не дрогнули, когда она произнесла изменившимся голосом:

— Доктор... У вас, конечно, есть запасной шприц?

26

Большее мне никогда не приходилось встречаться с комиссаром Брошем, но, роюсь в бумагах, относящихся к этому расследованию, я обнаружил почтовую открытку, доставленную в Меремон именно в день вручения наград. Она содержала всего несколько слов:

"Передумал отдавать свою старшенькую в Меремон. Брош".

Перевод с французского

Александра ДАВЫДОВА.

Светлана
ЛОЙЧЕНКО

Сообщество, которое МЫ потеряли

В одной украинской газете прочитала такой анекдот: "На пляже играют дети. Они в таком возрасте, что могут не обременять себя купальниками. Одна девочка пристально рассматривает мальчика и говорит: "Никогда бы не подумала, что между украинкой и русским такая большая разница".

Анекдот незамысловатый, но весьма показательный для нынешних отношений двух стран, которые еще недавно именовали себя не иначе, как сестрами. Все тогда было одинаково до такой степени, что даже скучно. То ли дело сейчас...

На Украину, к своим родителям, я езжу каждый год, и, возможно, у меня нет той свежести взгляда, который был бы у человека, попавшего туда впервые. За-

то, переодеваясь в ситцевое платье, повязывая фартук и платок, я становлюсь одной из украинских теток. Я не просто знаю их жизнь, я живу этой жизнью. И невольно на все происходящее вокруг смотрю их глазами.

"Какой русский не любит вкусной еды?"

Для начала, вероятно, надо обозначить место действия, ибо не только Россия, но и Украина — страна немаленькая. В этом году посмотрела по карте и сама удивилась: от моего села, которое находится в Черниговской области, до российской границы по прямой километров 50. Знала, что близко, но думала, что все же дальше. Просто пограничье.

Поэтому буду говорить не за всю Украину, а за ее север, даже крайний север. (Впрочем, по собственному же опыту знаю, что схожие настроения и на северо-востоке, и на востоке.) Чернигов часто называют русским городом. В России — с удовлетворением, на Украине, сторонники украинской независимости, — с упреком. Но так сложилось. Если въехать в город с северной стороны, сразу можно увидеть большой гастроном "Брянский". Название "Брянск" вообще мелькает часто — ведь соседи. Дальше — стадион имени Юрия Гагарина, потом театр украинской драмы имени Владимира Высоцкого, центральные улицы имени Ленина и Октябрьской революции. Список подобных названий можно продолжить.

А в нашем селе до сих пор гривну преимущественно именуют рублем, а себя русскими. При том "русский" — не совсем националь-

ность. Это, скорее, обозначение "свой"-чужой". Сидят вечером на лавочках хозяйни, ждут коров и говорят о жизни: "Вот мы, русские, дураки, кому не лень — тот нами и пользуется..." Однажды моя односельчанка рассказывала, как она пошла в гости, а к хозяевам приехали родственники из Германии. Они ей очень понравились — приветливые, добрые, аккуратные. "Смотрю я, — делится она, — сидим за столом: три немца и трое нас, русских..."

Привычка делить мир на "своих" и "не своих", пусть даже, они очень славные, откуда она? Скорее всего, она есть у всех народов — так без враждебности провести линию, обозначить территорию. Но сейчас можно и запутаться.

Но мне подбегает взволнованный крестный: "Ты слышала последние новости про нашу субмарину? Говорят, что ее мог подбить "Петр Великий". Но это американская версия. Наши, конечно, опровергают, наш министр обороны заявил..." Я слушаю и стараюсь сообразить: "наши военные" и "наш министр" — это российские или украинские? Это принципиально для меня и интересно, ибо украинская печать и официальные власти при всем сочувствии горю больше акцентируют внимание на американской версии. Но это печаль, а это мой крестный. Он вдруг увидел вопрос в моих глазах, стал поправляться: "Ну, в смысле ваша лодка и ваш министр". А потом, как бы вдогонку: "Но там ведь 28 наших погибло, то есть украинцев..." Он действительно запутался, махнул рукой: "А, все сейчас в одной могиле лежат, что делить..."

... С моим давним другом, киевским фотожурналистом пообе-

дали в кафе. Обед как обед. Но моему приятелю он почему-то не понравился. В общем, не удивительно, он всегда был гурманом. Чистокровный поляк, который полностью ассимилировался, украинский язык стал для него своим разговорным. Конечно, шляхетный лоск у него останется навсегда, а в остальном — наш парень. Мне надоело его ворчание, говорю, что это не столь уж важно — какая там была еда... Он вдруг стал горячо возражать: "Не скажи! Ведь недаром говорится — какой русский не любит вкусной еды". "Это ты-то русский?" — вырвалось у меня невольно. Он обиделся: "Ты же хорошо понимаешь, что я хотел сказать. Не говорить же мне "славянин", да все мы русские, во всяком случае, так лучше звучит".

Здесь "русский" тоже не столько национальность, сколько обозначение принадлежности к некому сообществу.

Как я обходила стороной памятник Шевченко

Национальные вопросы всегда относились к категории тонких. В том числе и определение самой национальности. Русские националисты под русскими подразумевают представителей трех народов: непосредственно русского, украинского и белорусского. У меня есть знакомые, которые любят подчеркнуть в разговоре: "Ты же русская женщина..." Вот это категорически не принимают украинские националисты. Ученые, историки, публицисты, краеведы в своих исследованиях уверяют, что вот как раз между украинцем и русским такая разница, что, как в

том детском анекдоте, действительно, и не подумал бы.

Впрочем, люди, называющие себя как украинскими, так и русскими националистами, бывают разные. Среди них есть те, кто свои убеждения выстрадал за колючей проволокой. В этом им помогло государство, которое потом и рухнуло под тяжестью собственной двусмысленной национальной политики.

У советского государства она действительно была странная. С одной стороны поддерживалась национальная самобытность, национальная культура, этому уделялось особое внимание, а с другой...

Я училась на идеологическом факультете — это факультет журналистики Киевского университета. Шаг влево, шаг вправо поистине здесь считался побегом.

Маленький пример. Два сельских пареня, первокурсники факультета журналистики, шли себе в один майский день через парк мимо памятника Тарасу Шевченко. Там они увидели людей в национальных костюмах, которые читали стихи поэта и пели песни на его же стихи. Остановились, постояли, послушали. Пошли дальше. Назавтра узнали, что отчислены из университета. Притом с такой меткой, что их не возьмет ни один вуз.

Эти бедолаги просто не знали, что день перезахоронения тела Тараса Григорьевича считается днем украинских националистов. И, упаси Бог, онаяться рядом с памятником великому украинскому поэту кому-то, кто собирается работать в идеологической сфере, особенно в журналистике. Все пять студенческих лет мы вообще не ходили через парк, более того,

не сажались на автобус на своей остановке, возле университета, а шли к оперному театру — от греха подальше. Когда проезжали мимо памятника, я вытягивала голову и обычно видела с десяток людей и в вышитых сорочках, и в обычной одежде, которые стояли кучкой. КГБ к тому времени поменял тактику и их уже не разгоняли, просто "брали на заметку".

Когда мы встречаемся с однокурсниками, всегда вспоминаем те свои страхи. Вспоминаем и ныне уже покойного Васю Сичко. Помню, как он однажды пришел на занятия в желтой рубашке и синих штанах (цвета украинского флага). Потом он написал курсовую работу по роману Гончара "Собор". Этот роман хорошо был принят официальной критикой, но потом его, говорят, похвалил папа Римский. Роман из библиотек изъяли и запретили. А Вася, не внимая советам умудренных жизненным опытом людей, все же курсовую написал. Его, отличника, тихо отчислили за несдачу какого-то зачета. Позже он выступил на митинге, где высказывались идеи независимости Украины. После этого его посадили. В тюрьме он потерял зрение, потом уехал в Нью-Йорк, где при загадочных обстоятельствах был убит в своей квартире.

Некоторые преподаватели тихо радовались, когда узнали о выступлении Васи на митинге: вовремя от него избавились. (Потом я видела их же на экране телевизора, встречала их фамилии в прессе: оназывается, они всю жизнь боролись за национальное самосознание украинского народа.)

Помню, как приехав после окончания университета работать

в Архангельск, я вздохнула свободно — совсем другое мироощущение, словно за границу попала. Однажды моя ниевская подруга зашла ко мне в кабинет и побледнела — на подоконнике она увидела цветок, который стоял в голубом пластмассовом горшке, а подставка — желтая. Она сразу же кинулась его переставлять — пример Васи был весьма наглядным, но я ее остановила: не мы ставили этот горшок, нельзя дрожать всю жизнь, да и что за сумашествие — мы же в России.

Когда поехали в отпуск в Киев, однокурсница, дочь весьма высокопоставленного лица, предложила сначала встретиться и поговорить где-то в парке, чтобы никто не подслушивал. Мы с подругой говорили на украинском, а она периодически переходила на русский. "Нельзя, — учила она нас, — говорить только по-украински, это может вызвать подозрения".

Но мы-то были уже вне всяких подозрений...

Зачем бороться за украинский,

...если на нем можно разговаривать? Продолжение темы. Наши дни. В Чернигове обращаюсь в магазине к продавцу по-украински, а один мой знакомый говорит: "У нас сейчас уже не модно и не актуально разговаривать по-украински..." Я вспыхнула: "Это у вас здесь — то актуально, то не актуально в зависимости от политической конъюнктуры. А для меня это родной язык, я говорила и буду говорить на нем, независимо от вашей моды".

"Языковой вопрос" сейчас на Украине становится снова очень модным. И это такая политика...

Толчком к языковому конфликту послужило трагическое событие во львовской кофейне, где был убит известный украинский композитор Игорь Билозир. Конфликт произошел из-за того, что часть посетителей хотели слушать песни на русском языке, а Билозир пел на украинском. Случай жуткий, спору нет, преступники должны быть наказаны. Но один вообще почему-то отпущен. А трагедия используется на всю катушку — решения о защите информационной среды принимают власти Львова и других регионов, добровольцы расклеивают листовки на киоски, где продаются русскоязычные издания: "Осторожно — русифицировано. Яд". И так далее.

Мой дядя, который живет под Львовом, уверяет, что никакой проблемы с русским у них нет — кто на каком хочет, на таком языке и говорит. Проблему раздувает пресса, в том числе и российская. "Но ты согласишься, — говорит он, — экспансия русского существует. Свой-то надо поднимать..."

Надо — никто не спорит. Но каким образом? Изгнать и принизить русский? Проблема еще и в том, что очень трудно обычного жителя Украины подвигнуть говорить на чистом украинском. Село разговаривает преимущественно на "суржинке" — смеси русского, украинского и белорусского языков. Особенно у нас, на севере Украины, где рукой подать до России и до Белоруссии. Не представляю, что надо сделать, чтобы мои односельчане заговорили на литературном украинском. Мне они иногда бросают упреки — говоришь не по-нашему. То есть чистый украинский своим не воспринимают.

Моя племянница живет в Полтаве, самом центре Украины, ходит во второй класс украинской школы. "На уроках мы говорим по-украински, а на переменках между собой — по-русски". Ее мама, моя невестка, в свое время закончила русскую школу в той же Полтаве. Она хорошо говорит по-украински, но ей легче изъясняться по-русски, с дочкой она говорит именно так. И со своей мамой — тоже по-русски.

В этом году мне довелось быть в компании людей, которые занимаются политикой, журналистикой. Многие из них раньше вообще не говорили на украинском языке. А тут они произносили тосты и речи на хорошем украинском, но... как только звонил мобильник, переходили на русский. То есть украинский язык вроде представительского — знаем, можем, если надо. А русский для непринужденного общения. Конечно, некоторый прорыв есть — депутаты, госчиновники более или менее правильно научились говорить по-украински. Говорят журналисты, интеллигенция.

Могу вспомнить еще один эпизод. Тяжело болела мама — рак стремительно разрушал кости. Ее черниговский лечащий врач настаивал, чтобы мы привезли ее в Чернигов, где через капельницу введут дорогое и редкое лекарство, которое мы достали. Пытаюсь ему по телефону объяснить, что это невозможно — маму не то что везти за 80 километров, переложить с места на место невозможно. Мы договорились с мединами из районной больницы, которые берутся ввести это лекарство, тем более, что процедура несложная. Но это вызывает гнев леча-

щего врача, он орет на меня: "Мы здесь специалисты и все бы сделали правильно, а вам захотелось устроить цирк из болезни матери..."

Ситуацию разобрала чувствующая все нюансы невестна. Она предположила, что наше лекарство уже было кому-то обещано — похожая ситуация возникла с ее сестрой, когда они закупили дорогое, но, правда, не редкое лекарство ей на операцию, а назавтра оно исчезло и концов не нашли. Попупали снова. "Но ты сама виновата, — отчитывала она меня. — Почему ты говорила с ним по-украински? Он видит, что имеет дело с темной сельской теткой, которая будет стоять перед ним согнувшись".

Это предположение. Но оно у меня тоже возникло. Да, он говорил на русском, а я на украинском. Я чувствовала, что мне тоже следовало перейти на русский, но что-то во мне заклинило. И тогда, наверное, впервые я испытала чувство острой ненависти: у меня потемнело в глазах и я стучала телефонной трубкой по столу. Если бы разговор происходил не по телефону и случилось рукоприкладство, средства массовой информации написали бы еще об одном конфликте на языковой почве.

Но это была бы неправда. Потому что русский язык для меня тоже родной. Принизить его — то же самое, что принизить себя. Да я и не сумасшедшая, чтобы винить язык в случившемся. Здесь конфликт другого рода. Кстати, в украинской прессе и по поводу львовской трагедии высказываются предположения, что дело прежде всего не в языковых разно-

гласиях, а в конфликте "город-село", "патриций-плебей". Следствием зафиксировано, об этом писала украинская печать, что выкрики относились не в адрес украинского языка. В переводе на русский это звучало так: "Мы не хотим слушать ваши колхозные песни". Только грубее. Украинский язык ассоциируется с селом, до сих пор бесправным, крепостным, обездоленным.

Хорошо понимаю беспокойство людей, которые хотят не просто сохранить украинский язык, а сделать его родным для тех, кто живет на Украине. Им кажется, что есть простой путь — как писала одна из газет — "уназать" русскому языку на его место, перекрыть поток русскоязычной литературы, не пускать русскоязычных звезд, которые получают слишком большие деньги.

Даже комментировать сложно... Можно идти этим путем и даже поставить железный занавес между Украиной и Россией. Но чем это кончится прежде всего для Украины? В ее ли интересах подобная изоляция? За русский, кстати, вступились в Донбассе. Появились пикеты, прошли митинги, не обошлось без того же мордобоя и кутузки. Еще одно противостояние внутри и так раздерганной противоречиями страны. Зачем?

Смотрю на все это и думаю: всю жизнь я говорю на украинском и мне почему-то совсем не мешает при этом русский. И кто виноват, что мои дети, живущие в России, говорят по-украински, а дети, родившиеся и выросшие на Украине, родного языка не знают? Просто я никогда не боролась за украинский язык. Я на нем раз-

говаривала. А это единственный и верный способ не дать ему умереть...

"Бизнес" по-деревенски

Моя крестная говорит: "Не хочу умирать, пока не посмотрю, что же будет с этой землей. Неужели так и простоит без хозяина?" — "Не волнуйся, — отвечает моя мама, — хозяин найдется, вон в Менском районе голландцам землю под картошку отдали, и мы отдадим..."

Крестная не может успокоиться. В свое время она была передовая звеньевая, у нее наград не мерено. Ночами не спала, переживала за урожай. Теперь из 1200 гектаров бывшей колхозной земли обрабатывается только около 200 и то урожай убирают с половины этой площади. А какая земля пустует! У нас говорят: ребеночка посади и тот вырастет. А то, что выращивается, или не имеет сбыта или же имеет такую цену...

Слышу, как отец выговаривает детям: "Что это такое! Почему груши не собрали? Сейчас придет корова, мне кормить ее нечем..." "Кормить нечем" — это преувеличение, — ибо стоят корзины с яблонами, кабачками, огурцами и так далее. Корова до того обнаглела, что кроме груш и хороших сладких яблок ничего не ест. Свины тоже. Все это богатство гниет и пропадает.

В общем, это то же самое, если бы, например, Кувейт свою нефть выливал в море. То, что может произвести земля, не реализуется, не приносит прибыли. Раньше, например, картошку из наших мест везли в Москву. Вез-

ли и многое другое. Это были золотые времена. Мой брат и невестка на деньги, заработанные продажей картошки в Москве, купили домик в Полтаве. Теперь этот рынок потерян. Его заняли "бестаможенные" белорусы. А молодые рабочие руки из Украины сейчас всю экспортируются.

Собирается на заработки, к огромному моему сожалению, и брат. А мы с отцом занялись бизнесом на местном уровне. Молоко сдавали по 50 копеек за литр (чтобы перевести в русские деньги, надо умножить на 5), творог — сначала по 80 копеек за килограмм, а потом цена постепенно поднялась до 1 гривны 60 копеек, картошку, если повезет, можно продать по 35 копеек. Для сравнения — буханка хлеба стоит больше десяти рублей.

Правда, картошка рассматривается как самостоятельная денежная единица. В этом году урожай очень хороший, а для "валюты" это невыгодно, ибо идет девальвация. Именно картошкой как валютой пользуется большинство наших селян. Зарплаты в селе вообще не платят. Пенсии бывшим колхозникам в основном по 50 гривен в месяц, у отца — 80, это много.

Можно убиться на своем поле, а получить гроши, хотя правительство подняло цены на сельхозпродукты, чтобы поддержать крестьянина. Только, увы, поддержку, как это бывает обычно, получил перекупщик. Понимаю, что 80 копеек за килограмм великолепного жирного творога — это мало, но если я его не отдам перекупщину, значит отдам свиньям. И так было, когда оборотистых людей гоняла милиция и налоговая. Сдать тво-

рог еще можно самостоятельно на железнодорожной станции, которая от нас за 30 километров. Но это себе в убыток — бензин страшно дорогой, а значит и билеты на автобус. Крупных городов поблизости нет — до Чернигова 80 километров.

А люди набрали земли и, не имея техники и достаточных средств, осваивают ее за счет своего труда. Где еще так работают? Поднимаются летом обычно в 4 утра, ложатся к полуночи. Едят на ходу. Что имеют? Есть, правда, отдельные крепкие семьи, сильные хозяева, которые могут позволить себе купить трактор или косилку. Но пока, увы, это единицы.

Отец сейчас обрабатывает два гектара земли. Сработала вечная мечта крестьянина о земле — бери ее, родимую, сколько освоишь. При всем при том отец доволен: кончилась глупость с запретами — двух коров держать нельзя, больше 25 соток обрабатывать нельзя, теленка и того нельзя было вырастить. Сбылась его еще детская мечта — иметь свою лошадь. Отнормил он ее и избаловал до безобразия. Она, конечно, работает, но считает, что создана для того, чтобы резвиться на лугу в сочных травах, ланомиться досыта фруктами и овсом, купаться в речке. Такая новая украинская лошадь по имени Цыганка.

Украинское село человека свежего, наверно, поразит сочетанием изобилия и нищеты. В саду ветки гнутся от ягод-фруктов, на огороде — все, что душа пожелает. А хлеба купить — проблема, возят его через день и то надо ловить момент. Хлеб дорогой. Я пеку свой собственный. К моему

изумлению, у меня он получается на загляденье — высокий, мягкий, но не рыхлый, с классической хрустящей золотистой корочкой. Не у всех опытных хозяек выходит такой хлеб. Может быть, потому что у меня с печкой особые доверительные отношения. Ведь я была подмастерьем, когда ее клали — каждый кирпичик брала в руки, есть участки, которые я сложила сама. Не в обиду будет сказано, таких русских печек, как у нас, в России я не видела. Большая, уютная — на печи чувствуешь себя как в собственной маленькой комнатке. И печь, понимая наше кровное родство, мне подсказывает: сейчас время ставить тесто, а сейчас — вынимать. А может быть, это заложено в генах — мои бабушки-прабабушки столетиями стояли у такой печи...

Вечером, когда есть минутка, отрежешь хрустящую корочку, намажешь ее свежим медом, нальешь чашку парного молока и в сад. Хорошо, когда и хлеб теплый, только из печи, и мед только из улья, и молоко только подоено. Слышно, как в ульях гудят пчелы, а вокруг аромат меда, прополиса смешивается с запахом зреющих яблок, поспевающей вишни, цветущей липы. Изобилие и покой...

Вспоминаю об этом утром в районной больнице, где я ухаживаю за тяжелобольной мамой. Заглянула раздатчица, спросила, будем ли мы завтракать? Оказалось, что на завтрак — галушки, национальное блюдо. Мы согласились. И вот я держу маленькую железную мисочку с мутной жидкостью, в которой плавают вообще непонятно что. "После войны, когда был голод, мы делали такие затирки", — говорит мама.

Но сейчас не война, а от голода в больнице можно и умереть при окружающем избытке продуктов. Иногда больничные машины объезжают села и собирают продукты. Конечно, их отдают больнице бесплатно. Только на этом она и держится. Но много не поездишь — бензина для "Скорой" не хватает...

Очень прибыльное дело

О процветающем онкологическом бизнесе все чаще пишут украинские средства массовой информации. Я сошлюсь на статью Даны Романец "С ножом к сердцу", которая была опубликована в газете "Украина молодая". Цитирую: "Даже онкобольной, у которого за душой нет ни копейки, — это потенциальный "грошовый мешок". Женщины занимают деньги, продают имущество и отдают последнюю копейку хирургам от кто знает какого бога".

Мы это все прошли, ибо год назад страшное заболевание было обнаружено у мамы. Мы нашли деньги и на операцию, и на лечение. Зимой она меня порадовала, что уже больше на процедуры ездить не надо, врач сказал, что она полностью здоровая женщина. А весной заболела спина. И снова врач сказал, что это возрастное. А в июне она попросила достать то самое, дорогое и редкое; лекарство, которое может остановить разложение костей. Спасибо, помогла родная редакция. Но, увы, если бы раньше... А что мешало назначить его раньше?

А ничего. Тот самый врач, который грубил мне, знает, что мы по духу крепостные и жаловаться

не будем, даже разбираться не будем. Да и вообще у врача нет никакой ответственности перед больным. Если у человека нет денег на операцию, он просто уходит умирать. В прошлом году я познакомилась с молодой симпатичной учительницей, которая зашла к маме в палату. Оказалось, что она с помощью родственников собрала деньги на операцию, но в это время неудачно в Киеве рожала ее племянница, надо было делать кесарево сечение. А для этого нужны деньги — или погибнет и мать, и ребенок. Учительница отдала деньги племяннице, сама уехала умирать. И умерла. Об этом я узнала только летом. Два месяца, в течение которых мама уже не поднималась и умирала, я знала, что мне рассчитывать не на кого. Я сама и врач, и сестра, и санитарка. В селе есть славная фельдшер, но она ведь не специалист...

Из упомянутой статьи я узнала, что на Украине создана ассоциация женщин-инвалидов, больных раком молочной железы. Кстати, к Ларисе Яценно, которая возглавила эту организацию, обратились врачи-онкологи, обещая, что будут платить проценты за каждую новую больную, которую она направит в частные лечебные центры. Лечение онкобольного стоит очень дорого и такой человек для медики поистине "грошовый мешок".

По статистике от этого заболевания на Украине каждый час умирает одна женщина и каждый час ставится страшный диагноз двум другим. При этом рак молочной железы считается общим заболеванием, как насморк. Оно и правда при таком размахе.

И тут все вспоминают Чернобыль...

В доме повешенного не говорят о веревке

Когда мой двоюродный брат и его жена, моя кума, крестившая обоих моих детей, приезжают из Славутича, обычно они говорят о том, как у них все чисто и хорошо. Конечно, они все против закрытия станции. Считают это прихотью Клинтонна, которую надо выполнять, ибо есть обязательства. Что будет с ними дальше, не знают.

Мои кумовья — старожилы Славутича. А вообще из нашего села туда в последнее время уехало шестьдесят человек. Это в основном молодежь. Приезжаю домой: если нет старика — значит на кладбище, а если кого-то из молодежи — значит в Славутиче. Раньше там хорошо платили, было много разных льгот. Сейчас и там те же проблемы, что и везде.

Но сам Славутич — город классный. О нем много написано, часто можно увидеть по телевизору какие-то репортажи с его улиц, но, чтобы получить представление о городе, надо в нем побывать. Он возник из-за большой беды и остался памятником тому сообществу, которое мы потеряли. Его ведь строили всем Союзом. Притом, каждый свою часть. Шло абсолютно искреннее соревнование — у кого получится удобнее и красивее. Грузинский квартал — это кушочек Тбилиси, а эстонский — Таллинна. Слышала как объясняли приезжему дорогу: идите сначала на Ленинград, а потом сверните в Тулу, а потом вдоль Риги...

Так здесь именуют кварталы, построенные строителями из тогда братских республик.

Из окна квартиры моих кумов, пока не построили соседних домов, был виден разрушенный четвертый реактор. Теперь мы поднимаемся на крышу, и я его достаточно хорошо вижу. Брат бывает там постоянно. При мне он привез отличные белые грибы. Говорит, что собрал у самого реактора. Жена его грибы отвергла, тогда он отнес их в санстанцию. Соблюдая инструкцию, их пришлось снечь, а жаль, — "Они так жалели, что сожгли их, — говорил он потом, — грибы оказались чистыми". Теперь ему делают заказы — у четвертого реактора грибов видимо-невидимо... Оказывается, чтобы точно определить уровень радиации продунта, надо часть его снечь. Это обстоятельство приводит меня к одной догадке...

Однажды мой львовский дядя заявился с прибором, который измеряет уровень радиации. Мы с ним пошли по саду-огороду, по всем строениям и с удовлетворением констатировали норму. И тут дяде пришло в голову положить прибор в остывшую печку. Он смотрел на него озадаченно: "Наверное, сломался". Прибор не то чтобы зашкаливал, он просто отключался.

Печка, о которой хочется слагать песни и стихи, оказывается, небольшой, но достаточно мощный домашний реактор. Каждое утро миллионы украинских женщин склоняются возле печки. Какое место согревается больше всего ее мягким теплом? Конечно, грудь. Стоит ли удивляться, что на Украине рак молочной железы — это общее заболевание?

Чернобыльская беда приносит большое горе одним и большие деньги другим. Вот такие последствия...

От нас до Чернобыля — сто километров по прямой. Но в те роковые дни, к счастью, ветер дул в другую сторону. Говорят, что древний город Чернигов, который от закрытой зоны находится вообще в тридцати километрах, прикрыв святой Феодосий. И нас заодно. Поэтому территория считается чистой. Но — увы... Границ у радиации нет.

Границы рухнут и...

...Несколько лет назад, когда я приезжала к родителям, чувствовала себя богатой иностранкой — тогда ценился российский рубль, курс его был очень выгоден. Меня не понидало ощущение, что за моей спиной огромная страна — могучая, уважаемая, которая сможет меня защитить. И на Украине было почтительное отношение к России — все же она смогла выпрыгнуть из той безысходности, в которую угодила Украина. Настроение и отношение менялись незаметно. Россию бывшее могущество понидало, как покидает тепло тело на сильном морозе.

О нашем селе речи нет. Здесь простые украинские тетеньки по-прежнему себя называют русскими. Они имеют некоторую обиду на Россию — ведь все они единогласно проголосовали за сохранение Союза, а Россия после этого выбрала своего президента, распустила союзный парламент. В общем, как они считают, от них отказалась. И до сих пор искренне считают, что вместе было бы лучше. А те кто хотел "подергать льва за усы", понимают, что сей-

час можно это делать безбоязненно. Наступило их время. Богатая и сильная Россия сейчас слаба и уязвима. За ее счет можно и самоутвердиться.

Читаю интервью с представителем одной из националистических украинских организаций. Он говорит о том, что Россия может сделать больше всего плохого для Украины, значит, надо жить по принципу — чем хуже для России, тем лучше для Украины. Значит, и Чечня выгодна — пусть Россия там обескровливается и теряет авторитет в мире. Хотя дальше он добавляет, что понимает угрозу для Европы мусульманского экстремизма, и не исключено, что когда-нибудь Украина станет союзником России в этой борьбе. А пока они поддержат чеченских сепаратистов...

Мне стало больно и горько. И стыдно. Даже не потому, что он моей стране России, а значит и мне, пожелал всего худшего (кстати, в России живут миллионы украинцев). Наверное, этот человек по-своему любит свою страну. Но что даст его политика двойного дна Украине? Ведь, как показала история, притом недавняя, она разрушительна по своей сути.

И все же... Полагаю, что когда-нибудь границы между нашими странами рухнут. О, прочитал бы это мой львовский дядя! Он так гордится своей таможней — как символом украинской независимости. Но хорошо бы пришли другие символы — достаток и достоинство. Может быть, тогда его дочерям не придется жить в совсем других независимых странах — одной в Польше, а другой — в Америке... Дома-то лучше. ■

"Сидней-2000"

Итоги конкурса

Олимпийские игры в Сиднее — последние Игры уходящего XX века — безусловно, останутся в истории спорта как фантастическое по зрелищности соревнование лучших атлетов планеты. Тут было все: победы и рекорды до того мало кому известных спортсменов, непредсказуемые поражения явных фаворитов, на успех которых мы с вами, болельщики, так надеялись, золотых медалей которых мы так ждали... И хотя общий успех российской команды более чем впечатляющий, некоторые наши любимцы и кумиры, увы, нас горько разочаровали. Последняя Олимпиада XX века еще раз доказала, что спорт непредсказуем.

Вот поэтому жюри конкурса "Сидней-2000" было трудно подводить итоги работы наших читателей, среди которых тоже не оказалось явного лидера, наиболее удачливого прорицателя.

И все же среди 85 любителей спорта, приславших анкеты с ответами на 15 вопросов олимпийского конкурса, оказалось несколько человек, которые вернее и точнее других предсказали результаты олимпийских сражений.

Первое место, звание победителя конкурса "Сидней-2000" и главный приз — музыкальный центр

жюри присудило москвичке **Продоровой М.Е.**,
правильно ответившей на семь вопросов конкурса из 15.

2 вторых приза — игру "Дартс"

получают ответившие на 6 из 15 вопросов:

Илюшин В.В. из п. Володарский Астраханской обл.

(он, кстати, единственный из всех предсказал победу
Е. Кафельникова) и **Поздняк Ю.С.** из Санкт-Петербурга.

3 третьих приза — футбольные мячи

получают ответившие на 5 из 15 вопросов:

Коптяев Н.Д. из Архангельска,

Семенченко А.В. из Барнаула и

Андрей Шулепа из п. Кантемировка Воронежской обл.

*Поздравляем всех победителей с наградами,
желаем счастья и новых успехов в Новом, 2001-м году!*

"Сидней-2000"

рождается сегодня

Новый год

Поставишь елку слева —пустишь в дом богатство, справа —веселье, — считают восточные мудрецы

Знакомый бизнесмен, дела которого резко пошли в гору, решил поменять офис — переехал из глухой окраины в центр Москвы. И, как на грех, именно тогда, когда он обосновался в престижном особняке, его бизнес, к изумлению друзей и коллег, стал стремительно разваливаться. В это время на глаза Мише (так зовут моего знакомого) попала книжечка про фэн-шуй. Это такое восточное учение, которое помогает — ни много ни мало! — найти свое место во Вселенной, грамотно обустроить окружающее пространство. Поскольку терять Мишке было уже нечего, а неудачи его начались именно после переселения в новый офис, бизнесмен нашел в Москве специалиста по этому самому фэн-шуй. Ирина Ефимова, против ожидания, не пошла сразу же смотреть его особнячок. Попросила вначале нарисовать план кабинетов и лишь потом, уже осмотрев их, предложила Михаилу только одно — повернуть свой стол углом в сторону окна. Чтобы этот угол, мол, "сражался" с чем-то нехорошим, что, как ей кажется, идет от милого одноэтажного домика, стоящего в парке напротив.

Визит Ирины в офис Мишку немало позабавил. Он долго хохо-

тал, рассказывая мне про ее рекомендацию. Тем не менее — чем черт не шутит? — свой массивный стол развернул-таки углом к окну. По странному стечению обстоятельств, на следующий день ему подвернулся какой-то невероятно выгодный заказ, а старый должник вдруг решил вернуть деньги, с которыми Михаил уже давно мысленно распрощался. "А что в этом доме-то?" — поинтересовалась я у него, с любопытством разглядывая строение в парке, стена которого видна из кабинета бизнесмена. "А кто его знает! — откликнулся Мишка и вдруг загорелся, — а давай сходим, узнаем". Оказалось, этот милый домик — морг.

Все-таки, наверное, не случайно Европа всегда благосклонно относилась ко всем "китайским заморочкам". С востока к нам пришли компас и гимнастика цигун, порох и фарфор, иглоукалывание и бумага... Да что там говорить, уже весь мир научился называть года именами животных. Ну, а после истории с моим знакомым я посчитала своим профессиональным долгом накануне Нового года встретиться с руководителем отдела пространственной экологии медико-реабилитационного центра "Универсум" Ириной Ефимовой — экспертом в области фэн-шуй.

— Давайте сразу расставим точки над *i*, — предложила Ирина. — Мы не будем говорить много о восточном символе наступающего года — змее, потому, что он не имеет прямого отношения к фэн-шуй и к нашему новому году празднику.

— Почему?

— Потому что по китайскому календарю год змеи наступит только 24 января, не стоит раньше времени поворачиваться спиной к дракону — символу нынешнего года. Дракон — существо волшебное, он — фигура совсем другого ранга, чем все остальные, "земные", звери. Его ни в коем случае нельзя обижать, напротив, его надо лелеять и ублажать. Тем не менее, конечно, все будут в Новый год дарить друг другу фигурки змей, но их агрессивность не должна быть направлена на вас и ваших домашних. Если вам подарили змею "нападающую", в агрессивной позе, с открытой пастью, то пусть она защищает ваш дом — поставьте ее на окно, например, — "мордой" наружу. Если же ваша змея добрая, она спит и "улыбается", — то может дремать в любом месте дома. Кстати, наш Новый год, с точки зрения фэн шуй, наступает в крайне неудачное время.

— Зато удачно с точки зрения... выборов. Когда Юлий Цезарь проводил реформу календаря, за первый месяц года был принят именно январь, а не март или сентябрь, как это в разные времена бывало на Руси, только потому, что именно в январе в Риме выбирали должностных лиц. А чем же не нравится время начала нашего Нового года мудрецам фэн шуй?

— 22 декабря — зимнее солнцестояние, кульминационная точка зимы, полночь года. А ночью надо спать, а не веселиться. Ночь в структуре года побуждает к тому же — посидеть и помолчать, подумать о том, что у тебя

внутри, а не толкаться в магазинах, бегая за подарками. А вот когда наступит весна — тогда и придет время шумно радоваться, выгоняя холод, чтобы, не дай Бог, он не засиделся в укромных уголках дома. Впрочем, наша зима слишком темная и холодная, так что неплохо устроить себе маленький подогрев. Но все же надо помнить, что всему — свое время. И место.

Китайское представление о мире базируется на учении о пяти энергиях, которые проявляются во всех сферах жизни, во взаимоотношениях людей, в природе, во времени, в цветах... Соблюдая некоторый баланс между этими энергиями, легче максимально раскрыть свой жизненный потенциал, стать здоровым, счастливым и богатым.

Каждому времени, с точки зрения фэн-шуй, соответствует своя энергия. Та, которая накапливается сейчас, — в декабре — влияет на здоровье, карьеру и вообще на жизненный путь человека. Фэншуйсты называют ее энергией "воды". Представьте, что наливаете в горшочек воду, потом из него переливаете в следующий, потом в следующий... А

если в первый горшочек ничего не налито, то и переливать будет нечего. Понимаете, "ниоткуда" ничего не возьмется: новое рождается из того, что накапливается сегодня. И сейчас — период именно накопления энергии "воды", а 22 декабря — его пик. То есть сегодня ее надо беречь, а не транжирить попусту, устраивая шумный новогодний праздник.

— Мне казалось, что "пик" наступит все-таки 22 июня, а сейчас как раз наоборот — упадок сил.

— В июне — летняя энергия — энергия "огня", а в декабре — "воды". Первая максимально проявляется, так сказать, снаружи, а вторая — изнутри. Когда зерно зимой ждет весны, оно копит в себе силу, ее нельзя расплескать — иначе как потом родиться?

— И мы сейчас должны вести себя, как это зерно?

— Это означает — заниматься своим внутренним миром. Очень кстати у нас в декабре пост, мы готовимся к Рождеству, думаем о Вечном.

— Ладно, время встречи Нового года изменить нельзя, но вы

брать место встречи — в наших силах. Где, с точки зрения фэн-шуй, лучше его встретить?

— Для того, чтобы накапливать энергию "воды", надо находиться именно в этой ситуации накопления. Поэтому глупо, наверное, уезжать в теплые страны, тем самым лишая себя сегодняшнего энергетического качества.

— Но 22 декабря — оно и в Бразилии 22-е...

— Отнюдь. В Бразилии это — середина лета, пик жары — энергия "огня", к которой мы должны приблизиться только в июне. Вода противостоит огню — она его тушит, а он ее сушит. Да они попросту друг друга уничтожают! Словом, та энергия — энергия "воды", которая должна у нас зимой накопиться, будет "убита" вот этим жаром. А "убитая вода" должна была подпитывать наши здоровье, карьеру.

— Значит, встретив Новый год в Бразилии, можно ожидать своего сокращения на работе?

— По крайней мере — не стоит ожидать повышения по служебной лестнице. Кстати, если хотите в новом году улучшить свое благосостояние, надо встречать его в кругу старших членов семьи — вместе с бабушками и дедушками, родителями, тетями и дядями... — всем кланом, так сказать. Тем самым вы разбудите энергию "дерева", которая "питает" богатство, удачу, везение.

— А если в наступающем году хочется любви?

— Увы, в этом плане ничего нельзя сделать быстро, явно. Можно только сформировать желание, которое надо осторожно нести в душе. Оно должно созреть только к концу лета.

— А богатство в Новый год можно заказать?

— Энергии "воды" и "деревя" находятся рядом — за зимой следует весна. "Вода" плавно перетекает в соседнюю энергию, которая "питает" богатство. Жизнь движется по кругу неторопливо. Время, соответствующее расцвету энергии супружеских отношений, подойдет нескоро. Фэн-шуй называет ее "земля" и ей соответствует аж конец лета.

— Ирина, а в каком месте квартиры лучше ставить елку?

— Снажу, где хуже — по центру стены, на которой находится вход в квартиру или в комнату. Эта область дома называется "вода". Получится, что дерево выпьет всю энергию "воды". Это действие будет еще более усилено, если елка и в самом деле стоит в воде и действительно пьет воду. А область "воды", как уже говорилось, связана со здоровьем, так что подавление ее энергии может даже вызвать ухудшение самочувствия жильцов. Плохо ставить елку в правом дальнем углу, потому что он связан с энергией, отвечающей за супружеские отношения, и она будет ослаблена, хотя елка в таких условиях может даже пустить корни.

— Где же ее устанавливать?

— Я бы посоветовала у левой от входа стены. Это усиливает взаимопонимание между старшими и младшими и, соответственно, помогает созданию семейной атмосферы праздника, а также обещает материальную стабильность в будущем году. Если же вы хотите, чтобы праздник получился шумным, с бурным весельем, с розыгрышами, то елку нуж-

но поставить у правой от входа стены. Деревце в ближнем ко входу правом углу поможет создать дружескую атмосферу праздника. Я советую ставить елку в этот угол, когда на встречу Нового года собирается компания друзей. Кстати, если дерево расположено по центру стены, противоположной входу, нужно особенно анкурратно обращаться со свечами и бенгальскими огнями, потому что в такой ситуации активизируется область "огня", что может и в самом деле привести к пожару.

— Ирина, скажите честно, вы что, действительно во все это верите?

— Я ни во что не верю слепо. Я проверяю. На себе. Я каждый год ставлю елку в соответствующем моим желаниям углу собственного дома и это оправдывается на все сто процентов. Задуманное сбывается. Попробуйте соблюсти правила фэн-шуй хотя бы — хотя бы! — при установке новогодней елки — и только потом делайте выводы. ■

Беседу вела

Галина КАЛИНИНА.
рисунки **Виктора Коваля**

Она — актриса в третьем поколении. Любимая дочь своей несравненной матушки — народной артистки России Маргариты Тереховой и внучка провинциальной актрисы польских кровей Галины Томашевич, которая в труппе свердловского театра вышла замуж за актера Бориса Терехова.

Анна Терехова — одна из ведущих актрис столичного театра Луны под руководством Сергея Проханова и независимой труппы Андрея Соколова. В ее творческой биографии есть уже и несколько ролей в кино.

Анна ТЕРЕХОВА:

**“МОГУ ИГРАТЬ
ДАЖЕ ДЛЯ ОДНОГО
ЗРИТЕЛЯ”**

— Аня, а почему вы носите фамилию матери, а не отца? Он ведь тоже достаточно известный актер — звезда болгарского кино Савва Хашимов?

— Да, мой отец действительно был знаменит и в СССР, и в Болгарии. Они вместе с мамой играли главные роли в картине “Бегущая по волнам”, после чего поженились. Мама одно время жила в Болгарии, но не найдя там творческого приложения, вернулась в Москву. Отец пытался приспособиться к жизни в Москве, но это оказалось ему не по силам... Что же касается фамилии... Во время моей сознательной жизни и становления — его не было рядом со

мною, поэтому и фамилия его мне не очень близка.

— А мамина вам не мешала? Ведь вас невольно сравнивают, кроме того, к детям известных людей всегда относятся с повышенной требовательностью.

— Сильно не мешала, в чем-то даже помогала. А сравнивать все равно будут... Несмотря на то, что мы с мамой совсем разные — и внешне и внутренне, — во мне всегда будут выискивать хоть что-то похожее на блистательную актрису Маргариту Терехову. А мне — все время доказывать, что я достойна носить ее фамилию.

— В детстве вы о какой профессии мечтали?

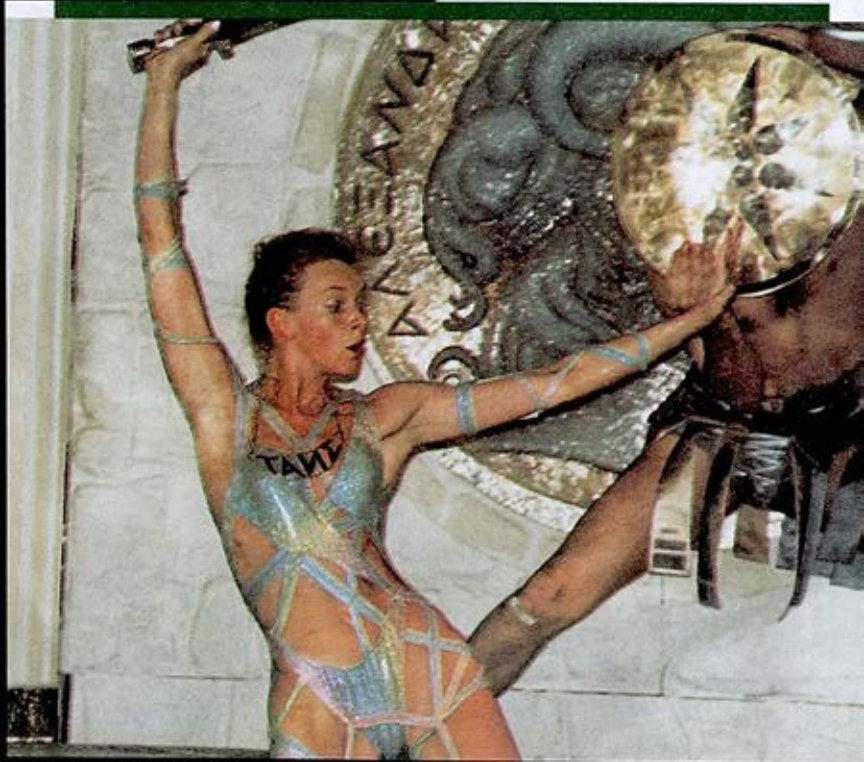

— Ой, да о чем только не мечтала! И врачом хотела быть, и конюхом, потому что серьезно занималась конным спортом и, естественно, много времени проводила с лошадьми. Но так получилось, что жизнь сама подвела меня к решению стать актрисой.

— Вы еще не разочаровались в актерской профессии?

— Наоборот, очаровываюсь ею все больше и больше, хотя, конечно, сейчас не самое благоприятное для актеров время.

Когда поступала учиться в театральный институт, не предполагала, что в будущем возникнет такая невероятная зависимость от денег. И, видимо, в силу юности, казалось, что люди, одержимые своей профессией, могут работать без денежного вознаграждения, совершенно бескорыстно, и толь-

но получать от этого удовольствие. На деле все оказалось абсолютно иначе. И тем не менее мне все нравится: начиная от репетиции и заканчивая выходом на сцену, к зрителю. Вообще эмоциональное ощущение не сравнимо ни с какими другими переживаниями. Я говорю именно о театральной работе, в кино все происходит совершенно иначе, хотя там у меня не очень большой опыт работы, всего несколько ролей. Хотелось бы, конечно, чтобы и материальная отдача от работы была повесомее. У театральных актеров сейчас очень невысокие заработки.

— А у вас еще и зрительный зал совсем крошечный. Наверное, за счет спонсоров только и выживаете?

— Хотя у нас билеты в театре недешевые, выживаем, действительно, только с помощью спонсоров.

— Не обидно выступать перед таким крохотным залом?

— Нет, что вы! Количество зрителей в принципе не должно иметь никакого значения. И актеры на самом деле готовы играть даже перед одним зрителем, пришедшим на спектакль. Ведь все, что мы делаем на сцене, мы делаем для них, а не для себя. К тому же, мы довольно часто выезжаем на гастроли и выступаем там в больших залах, да и в Москве у нас появилась перспектива получения помещения значительно большего.

— Естественно, мама помогает вам в работе над ролями...

— Скорее, дает очень точные советы. Относительно жеста, поворота головы, остроты взгляда или просто интонации. Но вот на чем она всегда категорически настаивает — чтобы я досконально изуча-

ла окружающую мой персонаж атмосферу. Так, работая над ролью Николь в спектакле "Ночь нежна", перечитала всего Фицджеральда. А для создания образа Таис в "Таис сияющей" пришлось читать Платона, Плутарха, Аристотеля, и, конечно же, Ефремова... Я знаю, что мама, готовя роль, если пьеса переводная, обязательно просит дать ей еще и оригинальный источник с подстрочным переводом. А специально она меня не учила ничему, и для поступления в вуз я занималась с педагогами. Потому, наверное, и было легко. Кстати, психологический барьер по отношению к маме я быстро преодолела. Когда она приходила на мои студенческие спектакли и в театр Аллы Сигаловой, где я работала, я уже не волновалась, хотя раньше ее авторитет не давал возможности внутренне расслабиться. А вообще мама никогда не жалеет меня... Правда, пока еще ни за одну роль не ругала. Я же стараюсь учиться у нее, на ее картинах, на том, как она работает в театре. Но никогда не стремилась ей подражать. У меня свой путь.

— А родительского внимания вам хватало? Ведь в силу профессии у них было не слишком много времени для общения с вами?

— Хотя меня воспитывали бабушка с дедушкой, частого отсутствия мамы я не ощущала. Ведь главное, что закладывается в человека, я думаю, они мне дали. А отец... Не было его — ну и не надо. А вот старшего брата мне всегда хотелось. Но когда родился младший, я перенесла свою заботу на него и во всем помогала маме.

— И не ревновали?

— Нет. Несмотря на то, что привыкла, что я у мамы одна. А

сейчас, когда брат уже вырос, я понимаю, что без него чувствовала бы себя одинокой.

— Вы с мамой подруги?

— Скорее друзья! Подружка — это когда часто общаешься, что-то рассказываешь современное, обсуждаешь... С мамой я советуюсь в чем-то глобальном. Конечно, могу что-то и рассказать, но именно как маме, а не как подруге.

— Не кажется ли вам, что ваше желание родить так рано ребенка, выйти замуж — как раз следствие того, что рядом не было отца?

— Может быть. Конечно, на первых порах, мама была в шоке, но потом достойно выдержала вместе со мной все испытания. Я ведь родила сына на первом курсе и даже академический отпуск не брала в институте.

— А что же отец ребенка? Он в воспитании сына участия не принимал?

— Наши отношения не сложились, и я к нему не в претензии. Пусть у него все будет хорошо.

— Сейчас многие считают институт брака и семьи устаревшим...

— Я так не считаю. Наоборот, думаю, что основное предназначение женщины — это семья. Нужно научиться совмещать любимую профессию и семейные отношения. Нельзя себя ни в коем случае приносить в жертву профессии. Во всем должна быть гармония. Тогда и результат превзойдет все ожидания! И я очень хочу, чтобы у меня был хороший муж и еще дети.

— Вы были артисткой театра пластического танца под руководством известного балетмейстера Аллы Сигаловой?

— Алла пригласила меня в свою труппу после третьего курса. Это было абсолютно новое направление — движение, пластика, танец в исполнении драматических актеров. Мы шли на эксперимент. Пять лет я проработала у Сигаловой. А потом неожиданно она оказалась на спектакле "Ночь нежна" в театре Луны и пришла в восторг от этой постановки. Мы вместе с мамой зашли после спектакля к Сергею Борисовичу Проханову. Он поинтересовался, чем я занимаюсь, и когда

узнал, что ушла из театра Сигаловой, предложил попробовать свои силы в роли Таис в новой пьесе "Таис сияющая". А потом взял меня в штат театра и ввел в спектакль "Ночь нежна" на потрясающую роль Николь.

— А теледе-
бют, как во-
дится в ак-
терских
семьях, слу-
чился в ран-
нем детст-
ве?

— В 13 лет. Роман Виктюк пригласил меня на главную роль в телефильме "Девочка, где ты живешь?".

— Как вы счита-
ете, ваша мама про-
жила счастливую жизнь?

— Думаю, да. Может, она еще не сделала всего, что хотелось бы сделать в профессии, но у нее еще будут шансы все осуществить. А в личном плане... Я точно знаю, она счастлива нами: мною и моим братом Сашей.

— Вы хотели бы про-
жить жизнь так же?

— Нет, я хочу прожить свою жизнь! Со всеми ее радостями и невзгодами. И этим буду счастлива! ■

Беседовала

Татьяна СЕКРИДОВА.

фото **Ольги Кузнецовой**

Академик МАШКОВСКИЙ:

“Не зло

Вышло в свет 14-е издание уникального справочника “Лекарственные средства”. Его автор, ученый с мировым именем, заведующий лабораторией фармакологии Всероссийского научно-исследовательского химико-фармацевтического института академик Михаил Давыдович Машковский любезно согласился поговорить о науке, в которой каждый из нас считает себя специалистом — о фармакологии.

— Михаил Давыдович, в свои девяносто с хвостиком вы полны творческих сил. В чем секрет вашего долголетия — в правильном режиме питания, отказе от алкоголя, квалифицированной медицинской помощи?

— Абсолютно никакого режима я не придерживаюсь. Что касается употребления алкоголя, то здесь мнения очень разные. Одно время говорили, что алкоголь — это не дай Бог что. А теперь говорят, что ограниченное количество алкоголя — стакан сухого вина или рюмка водки перед обедом — даже улучшают работу сердца. Причем, это совсем не болтовня, а выводы, сделанные на основании экспериментальных и химических наблюдений. То же самое касается режима питания, холестерина, диет и прочего — это все очень индивидуально. Холестерин ведь не всегда зависит от того, сколько вы яиц или масла съедаете. Он зависит от того, как организм реагирует на эти продукты, в какие взаимодействия с ними вступает. Поверьте, человек — это очень сложная машина, его гены исчисляются миллионами или миллиардами. Все это очень индивидуально.

Думаю, что мне помогает жить то, что я все время, с малых лет работаю. В этом институте я 60 с гаком лет. Пришел в 1938 году, в 41-м ушел на войну, вернулся из армии в 1946 году и с тех пор все время здесь. Ни одного дня у меня

Потребляйте лекарствами”

не было выходного. Однажды я спросил у знаемого профессора из Оксфорда, мы были с ним на конгрессе, какое у него хобби. Он ответил: у меня хобби наука. Действительно, он долго жил и много работал. Поэтому я сижу и работаю. К сожалению, я пережил многих моих учеников, очень талантливых людей, которые в одночасье скончались. Каждый организм устроен по-своему, и никто не знает, когда и от чего погибнет.

— В России вы главный специалист в области лекарственных препаратов, а сами-то часто пользуетесь лекарствами?

— Вы задали провокационный вопрос. Но ответ мой такой: “А как же! Конечно, принимаю”. Тут у меня недавно было совещание, так один академик решил выпросить: “Михаил Давыдович, в народе говорят, что вы потому так занялись на свете, что не принимаете никаких лекарств”. Я ему ответил честно и откровенно: “У меня есть в поликлинике хороший лечащий врач, и если он говорит, что мне надо принимать какое-то лекарство, то я его принимаю”.

Лекарства — это огромное достижение современной науки, большой вклад в сохранение здоровья людей, улучшение и увеличение продолжительности жизни. Великий ученый Иван Павлов говорил, что лекарство — это важнейшее орудие врача. Это было сказано сто лет тому назад. А тогда ле-

карств было очень мало, и они были относительно малоэффективны. Но тем не менее в руках опытного врача они и тогда уже были очень важным орудием. А с начала и особенно с середины XX века произошли коренные изменения в области фармакологии, лекарства стали неотъемлемым орудием врачей всех специальностей. Сегодня нет такой области в медицине, в которой бы не использовались лекарства.

Появились антибиотики, которые резко изменили возможности лечения инфекционных болезней, в том числе и заболеваний женских половых органов. Появились лекарства от психических заболеваний. Раньше считалось, что психический больной — это отверженный от общества человек, на таких надевали смирительную рубашку. А сейчас применяют лекарства, которые делают психически больных людей работоспособными и полноценными членами общества. Психотропные средства — это целая большая глава в моей фармакологии.

Еще сравнительно недавно речи не было о возможности лечения онкологических заболеваний. Рак — это был смертельный приговор. Сейчас применяют лекарства, которые лечат на ранних стадиях разные виды рака, и не только продлевают жизнь больным на какой-то срок, но и кардинально решают эту проблему. Так что сегодня, к

концу XX века, лекарства стали очень значимым фактором в жизни человека. Несмотря на все социальные коллизии, качество жизни резко улучшилось, и многие заболевания, которые раньше приводили к быстрому фатальному исходу, сейчас излечиваются. В этом, подчеркиваю, большую роль играет именно лекарственная терапия.

— Михаил Давыдович, но не для кого не секрет, что лекарства имеют и побочные действия...

— Как любое оружие лекарство имеет и плюсы, и минусы. Лекарства лечат, но они могут и навредить здоровью, если неумело ими пользоваться, не вовремя назначать, принимать не по показаниям... Кроме того, есть природно-индивидуальная чувствительность:

Холестерин зависит не от того, сколько яиц или масла вы съедаете, а от того, как ваш организм реагирует на эти продукты.

один переносит хорошо, а другой плохо — это уже вопросы генетически обусловленные. Есть также побочные эффекты, связанные с самим действием лекарств. Скажем, противоопухолевые препараты лечат опухоль, а в то же время могут портить кровь или желудочно-кишечный тракт.

Здесь главное требование в том, что надо выполнять врачебные указания. Конечно, перегружать организм лекарствами не следует. Любой препарат, когда вы его принимаете, является для организма все-таки веществом, вводимым извне. Есть вещества, которые вырабатывает сам организм, тот же адреналин, например. Но

когда вы вводите его извне — это уже не тот адреналин, который действует в процессе физиологического образования в организме. С любым лекарством организм не только смиряется, используя его положительные свойства, но и в какой-то мере борется. Ведь он должен его обезвреживать и выводить. Поэтому не следует глотать таблетки горстями. Надо быть очень осторожным особенно, когда одновременно назначают принимать несколько лекарств.

— Нто более чувствителен к лекарствам — женщины или мужчины?

— Женский организм в ряде случаев более чувствителен к лекарственным средствам, чем мужской. Потому что специфика, физиология, материнское предназначение накладывают на него особую ответственность. Конечно, у мужчин есть свои проблемы, но женщины отвечают и за себя, и за здоровье семьи в целом. Вопрос деторождения здесь имеет особое значение. Потому что целый ряд лекарств проходит через так называемый плацентарный барьер, попадает при беременности через плаценту в организм ребенка. И ребенок, составляя единое целое с матерью пока он в утробе, может подвергаться их воздействию. Скажем, если вы принимаете препарат, который угнетает центральную нервную систему, это может повлиять на поведение плода.

Существует такое понятие, как эмбриотоксичность, то есть препарат может быть токсичен для эмбриона. Если применять такие лекарства в период беременности, то может появиться ребенок с врожденными дефектами развития. В 50-е годы произошла так называемая

мая талидамидовая трагедия. Появилось лекарство талидамид, которое применяли как успокаивающее средство, типа снотворного, в результате стали появляться дети-уроды. Потом выяснилось, что это лекарство токсично для развития плода. Теперь проводится очень тщательная предварительная экспертиза, чтобы исключить такие явления. И, конечно, препарат, который подозрителен на эмбриотоксичность, ни в коем случае нельзя назначать женщине. Во всяком случае эта проблема исключительно важна с точки зрения здоровья женщины.

Женщины, в отличие от мужчин, более склонны к нервозности, чаще принимают успокаивающие средства. Сейчас широко распространены так называемые транквилизаторы. Так вот, независимо от того, беременна или не беременна женщина, злоупотреблять этими лекарствами нельзя по ряду причин. Во-первых, транквилизаторы могут успокоить, снять раздражительность, но одновременно они вызывают заторможенность, замедление двигательных и психических реакций, что чревато плохими последствиями. И уж, конечно, нельзя применять препараты от нервозности, раздражительности на основе советов родственников или соседки по дому.

— Сегодня многие лекарства, в том числе детские, продаются без рецепта, можно ли ими пользоваться без консультации врача?

— Лекарства делятся на две большие группы — отпускаемые по рецепту и без рецепта. Так вот, имейте в виду, что безрецептурный отпуск требует очень внимательного отношения. Лекарства отпускаются безрецептурно для того, что-

Детский панадол не панацея от детских болезней.

бы можно было покупать или получать их повторно, без рецепта, не бегая каждый раз к врачу. Но любой больной и особенно больная должны принимать лекарства только по назначению врача.

Эта проблема неразрывно связана со здоровьем ребенка. Например, сейчас рекламируют детский панадол как панацею от всех болезней. Панадол — это препарат, который уменьшает боль, снимает температуру при простудных заболеваниях. Но температура или головная боль у ребенка может означать и начало какой-то болезни. Поэтому не надо давать ему сразу детский панадол по совету аптекаря с телевизора. Сперва выясните, что с ним, не просматривается ли какое-нибудь серьезное заболевание.

К сожалению, у нас большая заболеваемость среди детей. Сегодня надо серьезно заботиться о подрастающем поколении. Россия должна иметь здоровое потомство. Недавно в Москве проходил конгресс "Человек и лекарства", на котором я был почетным председателем. На нем выступали видные ученые, врачи-педиатры, и они говорили, что одним из самых проблемных вопросов сегодня является здоровье детей. И в системе педиатрического образования нужно очень много внимания уделять вопросу о правильном применении лекарств при лечении матери и ребенка.

— Какие препараты лучше — отечественные или зарубежные?

— Сегодня в фармакологии довольно сложное положение. Многие препараты имеют разные на-

Ни один честный, имеющий врачебный диплом и давший клятву Гиппократу гомеопат не станет лечить раковое заболевание гомеопатическими средствами.

звания, но по сути дела они одни и те же. Одна фирма выпускает, например, парацетамол, другая — парацетаме, третья — просто парацетам, а четвертая, пятая дают этим таблеткам вообще другие названия. Раньше латынь была международным способом общения врачей и всем лекарствам давали названия по-латыни.

Как теперь не ошибиться в выборе лекарств? Прежде всего, когда покупаете лекарство, обязательно убедитесь в том, что упаковка сохранна, что не было никакой-нибудь подмены, это, к сожалению, тоже случается. Чтобы убедиться в подлинности лекарства, попросите показать его вам. Внутри упаковки должен быть либо вкладыш, либо инструкция, как им пользоваться. Инструкцию надо обязательно прочитать. Она должна совпасть с тем, что сказал вам доктор. Но если есть какие-то сомнения, надо связаться с врачом и проконсультироваться еще раз.

Надо обязательно посмотреть на упаковке срок годности препарата, чтобы не пользоваться просроченным лекарством. Потому что это тоже случается, чего греха таить. Применять препарат с истекшим сроком годности нельзя ни матери, ни, тем более, ребенку.

При соблюдении всех условий можно получить большую пользу от лекарственных препаратов. Достижения современной фармакологии огромны, но, люди, будьте бдитель-

ны! Лекарства не безразличная вещь, не принимайте их бесконтрольно, знайте, что могут быть не только полезные результаты, но и побочные эффекты, которые требуют немедленной консультации у врача. Если в процессе приема препаратов вы почувствуете какой-то побочный эффект, надо обязательно поговорить об этом с врачом.

— Многие увлекаются гомеопатическими средствами. Насколько они эффективны?

— Сейчас, я бы сказал, расцвет гомеопатии. Наш фармакологический комитет Минздрава разрешает довольно много гомеопатических средств. Хотя с точки зрения фармакологии довольно сложно разобраться — дозы такие маленькие, что оценить их эффективность в результате экспериментальных действий на животных очень трудно. Но практический опыт врачей нельзя сбрасывать со счетов. Кроме этого, гомеопаты — это врачи, имеющие общее медицинское образование. Современный гомеопат применяет гомеопатические средства вдобавок к обычным лекарствам. Тут, знаете, еще в какой мере наблюдается эффект внушения. Если вы при головной боли дадите, скажем, содовую таблетку, то больному становится легче, потому что он думает, что это лекарство. И это не жульничество, потому что организм человека обладает большими саморегуляторными возможностями.

Я имел когда-то возможность сопереживать по линии разных комиссий с очень квалифицированными гомеопатами, которые помогали больным, просто потому что они были хорошими врачами. Они беседовали, собирали анамнез, да-

вали общие советы, проводили общеукрепляющие мероприятия, назначали гомеопатические лекарства. Большая часть гомеопатических средств применяется при функциональных расстройствах — ринитах, насморках, головных болях, нервозности.

Но опять повторю: прежде чем применять их, надо посоветоваться со своим лечащим врачом. Чтобы не получилось так, что кто-то посоветовал вам принимать гомеопатическое лекарство, и вы начали его принимать, а тем самым запустили серьезную болезнь. Ни один честный, имеющий врачебный диплом и давший клятву Гипократа, гомеопат не станет лечить раковое заболевание гомеопатическими средствами. Потому что он знает главный врачебный принцип: не навреди. Серьезные инфекции лечат антибиотиками и другими препаратами.

— Сегодня активно рекламируют разнообразные таблетки для похудения. А как это с точки зрения здоровья?

— Это, вообще говоря, не очень полезно. В моем справочнике фигурирует группа так называемых анорексигенных препаратов, отбивающих аппетит. Когда-то, лет 20-30 назад, ими очень увлекались. Но потом выяснилось, что они плохо влияют и на нервную, и на сердечно-сосудистую систему, поэтому их почти перестали применять. Сегодня идет мощная реклама различных средств, это, на мой взгляд, вызвало излишне большое увлечение таблетками, кремами, мазями, лосьонами. В них много добавок, консервантов, которые могут оказывать очень небезразличное действие. Но вы ни одну женщину не отговорите пользо-

ваться ночным кремом или кремом для рук. Конечно, каждая женщина заслуживает того, чтобы она была и здоровой, и красивой. Но красота должна быть естественной.

— В конце нашей беседы, Михаил Давыдович, скажите, опираясь на свой опыт, что нужно для того, чтобы до преклонных лет сохранять здоровье и получать радость от жизни?

— Я расскажу вам анекдот. Приходит 80-летний англичанин к врачу и говорит: "Знаете, доктор, что-то я себя чувствую не так, как в 50". Доктор спрашивает его: "А что вы едите?" "Ну как? Утром хороший стейк, в обед жареную куропатку, конечно, стакан вина...". Доктор ему говорит: "Хотя вы и не старый человек, но вы должны себя немножко ограничить в еде и не выкуривать больше одной сигары в день". Через полгода англичанин снова приходит к врачу, выпи-

Средства для похудения могут дать побочный результат.

сывает ему чек на крупную сумму и говорит: "Доктор, я себя прекрасно чувствую". Тот спрашивает: "И как, вам не трудно было соблюдать режим?" "Да нет, — отвечает англичанин, — трудно было привыкнуть выкуривать по сигарете в день, ведь до этого я не курил".

Так что всем читателям "Смелый" я советую заниматься физической культурой, умеренно питаться, соблюдать режим сна, гулять на свежем воздухе и... выкуривать не больше одной сигары в день. ■

Беседу вел

Игорь ЛОГВИНОВ.

Масло льняное — наше здоровье сегодня, завтра и всегда

Этот натуральный диетический продукт производится из высококачественных семян лучших сортов масличного льна и обладает лечебно-профилактическими свойствами при нарушениях жирового обмена, атеросклерозе, онкологических заболеваниях. **При регулярном употреблении масло снижает уровень холестерина в крови, оказывает нормализующее влияние на функции печени, щитовидной железы, кишечника, желудка, повышает потенцию; полезно для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. Оно оказывает омолаживающее и ранозаживляющее действие при ожогах, обморожениях, лучевых поражениях кожи.**

Широкий спектр целебных свойств льняного масла при многих заболеваниях определяется тем, что содержит ряд насыщенных, моно- и полиненасыщенных жирных кислот, витамины Е, А, в том числе незаменимую жирную кислоту "Омега-3", которая является компонентом мембраны клетки и стимулирует ее жизнедеятельность, активизирует обновление клеток в организме.

По составу и содержанию основных компонентов масло является аналогом лекарственного препарата Линетол.

Не подлежит термической обработке. В пищевых целях добавляется в холодные и готовые горячие блюда, в лечебных — принимается 2-3 раза в день при дневной норме 1-2 столовые ложки. Продолжительность приема — не менее 2-3 месяцев.

Цвет масла — от зеленовато-желтого до оранжевого, запах и привкус ореха, допускается фосфолипидный осадок — характерный для нерафинированных масел.

Масло льняное пищевое представлялось на Международных выставках-ярмарках в Лейпциге, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде.

Имеет награды: "Золотые медали" (Н. Новгород — 1997 г., С.-Петербург — 1998 г.), "Золотая медаль" конкурса лучших изобретений и инноваций в Брюсселе "Эврика-98". Почетный диплом (С.-Петербург — 1997 г.) и диплом Всероссийского конкурса "100 лучших товаров России 1998 г."

Производство ООО "Вера", г. Кашин Тверской области.
Тел.: (08234) 6-26-18, (095) 237-86-74, (0742) 46-22-80.

Одобрено и рекомендовано институтом питания РАМН.

Внимание! Указанные выше лечебно-профилактические свойства гарантированы только для льняного масла, изготовленного по защищенной технологии директора предприятия "Вера" — Болобана Л.Г. (товарный знак — летящий сокол балобан).

"АЭРОФЛОТ - РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ" ПРЕДСТАВЛЯЕТ
программу премирования часто летающих пассажиров
"АЭРОФЛОТ БОНУС"

**Летайте чаще -
летайте первым и
бизнес-классами -
летайте бесплатно!**

Наберите необходимое количество баллов из расчета **"один балл - один километр полета"** (при условии оплаты авиабилета по соответствующему тарифу), и **бесплатный билет Ваш**. За полет первым и бизнес-классами Вы можете получить дополнительные баллы.

30 000 баллов - бесплатный авиабилет в один из городов европейской части России

50 000 баллов - бесплатный авиабилет в Европу

более 70 000 баллов - бесплатный авиабилет в Северную Америку или Азию

Указанное количество баллов соответствует бесплатному авиабилету экономического класса. Порядок начисления баллов и оформления премиальных авиабилетов, а также условия их использования подробно изложены в правилах программы "Аэрофлот Бонус".

Если Вас заинтересовала новая программа Аэрофлота, присоединяйтесь!

Информация о программе

тел.: (095) 723-82-60;
www.aeroflotbonus.ru

АЭРОФЛОТ
Российские авиалинии

Работа & зарплата

www.zarplata.ru

еженедельный журнал вакансий

4000 ВАКАНСИЙ

статьи
комментарии
интервью

ЕСТЬ ВСЕГДА

ярмарки вакансий
аттестация и тестирование
топ-менеджмент
психологическая поддержка
тренинги, семинары, стажировки
профессиональная ориентация
МВА

кадровые агентства
предложения предприятий
подбор персонала
содействие в трудоустройстве
повышение квалификации
работа за рубежом
образование

Рекламная служба: (095) 921-3362, 928-9831,
928-4786, 797-8840

Срочная доставка: (095) 797-88-53

Подписной индекс в Объединенном каталоге - 83770

Вы сделаете правильный шаг, приобретая цифровой детектор радиации **"КВАРТЕКС РД 8901"**: в наше время, когда экологическая безопасность стала одной из важнейших проблем, он необходим в каждой семье. В продуктах питания и воде, в почве и атмосферных осадках, в строительных материалах и денежных купюрах, в любых предметах, используемых в повседневной жизни, к сожалению, могут присутствовать следы радиоактивного загрязнения. Пользуясь нашим детектором, вы всегда можете проконтролировать радиационное состояние любого материала в своей квартире или загородном доме.

Слава Богу, если при измерениях не обнаружится никаких источников радиации — значит вы живете в нормальной радиационной обстановке и используете чистые продукты. Но это не должно вас успокаивать — мы настоятельно рекомендуем регулярно использовать наш детектор при покупке продовольствия или предметов быта. Действуйте в соответствии со старинной русской поговоркой **"Береженого Бог бережет"**.

Если же вы живете в современном загородном малоэтажном доме, пользуетесь артезианской водой и приборами на сжиженном газе, то у вас должен вызвать интерес и другой наш прибор — **"КВАРТЕКС РД 5400"**. Он определяет возможность появления в воздухе вашего дома радиоактивного газа радона, выделяющегося из-под земли, из воды, взятая с большой глубины, из природного газа и стройматериалов.

Если наш прибор покажет, что в вашем жилище возможно накопление радона, то, пользуясь рекомендациями специалистов, вы сможете устранить эту проблему, и атмосфера вашего дома будет не только уютной, но и безопасной для вас и вашей семьи.

Мы, специалисты в области атомной физики из Московского инженерно-физического института, советуем вам, вашим друзьям и знакомым всегда иметь под рукой удобные и простые в обращении детекторы **"КВАРТЕКС"** — надежные защитники от контакта с невидимым, но смертельно опасным явлением современной цивилизации — радиоактивной грязью.

Использование современных компонентов от ведущих отечественных и зарубежных производителей электроники позволило нам установить длительные гарантийные сроки обслуживания — 3 года.

Новинкой для России является применение в наших изделиях встроенных управляющих контроллеров — микроконтроллеров **"ATMEL"** (США), обеспечивающих тестирование каждого прибора и обработку результатов при проведении измерений.

Все наши приборы сертифицированы и снабжены подробной инструкцией. Каждый покупатель бесплатно получает брошюру с популярным объяснением о мнимой и реальной опасности радиации.

**Береженого
Бог
бережет**

Фирма "КВАРТА"
Москва, 115409,
Каширское шоссе, дом 31, корп. 44 "А"
Тел. 323-91-14, факс 324-54-62
Email: QUARTA-RAD@mtu-net.ru

Новые телефоны и мини-АТС НПО "Ремикон"

Начиная с лета этого года НПО "Ремикон" выпускает серию недорогих кнопочных телефонных аппаратов современного дизайна. Эти телефонные аппараты разработаны с учетом особенностей отечественных линий, имеют ряд сервисных функций: импульсный/тональный набор номера,

повтор последнего набранного номера, память для хранения телефонных номеров, отключение микрофона во время разговора и др. Стоимость телефонов составляет от 250 до 350 руб.

Для организации правильной работы большого количества телефонных аппаратов на одной, двух или трех телефонных линиях "Ремикон" выпускает мини-АТС. Мини-АТС позволяют установить связь и с любым внутренним телефоном, и городским номером, объединить несколько абонентов в конференцию, организовать режим "директор-секретарь" и др. Мини-АТС стоит недорого, ее просто установить и легко эксплуатировать.

НПО "Ремикон",
103498, г. Москва,
К-498,

Зеленоград,
корп. 405, кв. 253
тел.

(095) 534-2277,
535-4572

E-mail:
remicon@orc.ru
www.remicon.ru

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

142. А.ЕПИФАНОВ
 с.Новотроицкое
 Кировской обл.

б) бел. Кс6 # 2

143. В.КОВАЛЕНКО
 г. Большой Камень
 Приморского края

2

144. А.ПАНКРАТОВ
 пос. Чегдомин
 Хабаровского кр.

2

145. В.МЕЛЬНИЧЕНКО
 Украина

б) Кd-b3 # 2

146. А.КОШЕЛЬКОВ
 Псков

2

147. Б.ЖЕЖЕРУН
 Украина

б) Фa5 e-b6) ч. п. b7
 2-v) ч. Ka7 d-e) Cd6-d4 # 2

148. Л.ПРОНИН
 Москва

б) Лc1-b4 # 3

149. Е.БОГДАНОВ
 Украина

3

150. Е.ФОМИЧЕВ
 г.Шатки
 Нижегородской обл.

3

151. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

3

154. В. ИВАНОВ
пос. Повенец
Карелия

3

157. В. КОЗЫРЕВ
Эстония

4

160. В. МЕТЛИЦКИЙ
Украина

б) Ch5-a2 в-б) б.Ка2
г-в) +б.п. e2-h4

5

152. Г. КОЗЮРА
Украина

3

155. А. КАРГАПОВ
с. Чистое
Курганской обл.

3

158. В. ЛЕВОЧКИН
г. Луховицы
Московской обл.

4

161. В. ДЖУРАШЕВИЧ
Югославия

5

153. В. МАТЗУШ
г. Старая Руса
Новгородской обл.

3

156. В. КОЗЫРЕВ
Эстония

3

159. Е. БОГДАНОВ
Украина

5

162. А. СЫГУРОВ
г. Ср. Аверкино
Самарской обл.

5

163. М.МАТРЕНИН
г.Колпино
Ленинградской обл.

5

164. А.ВАРИЦНИЙ
Беларусь

6

165. С.ТНАЧЕНКО
Украина

6

166. В.ВОИНОВ
Казахстан

6

167. В.МОРОЗОВ
Москва

7

168. М.НЕДЕЛЬКОВИЧ
Югославия

8

Журнал "Смена" объявляет юбилейный **X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр** на 2001-й год по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе устанавливаем денежные призы: первый приз — 300, второй приз — 250, третий приз — 200, специальный приз — 150 рублей.

Оригинальные, нигде ранее не опубликованные задачи, изображенные на диаграммах, с полным решением следует направлять по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала "Смена". Последний срок — 1 августа 2001-го года. Судья конкурса — международный арбитр по шахматной композиции **Виктор Чепижный**.

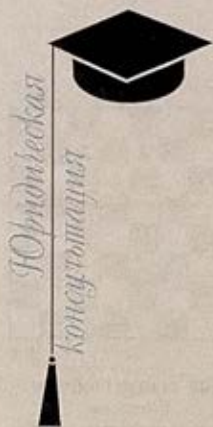
На конверте сделайте пометку "Конкурс составления шахматных задач". Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие миниатюры будут опубликованы.

Присланные задачи не рецензируются. Итоги конкурса будут подведены во второй половине 2002-го года и опубликованы на страницах "Смены".

Приглашаем наших читателей принять участие также и в **Конкурсе решения шахматных задач**, напечатанных в "Смене". Фамилии наиболее активных решателей журнал опубликует. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные ответы на задачи, будут награждены почетными дипломами и годовой подпиской на журнал "Смена" на 2003-й год.

Решения задач следует посылать на открытках с пометкой "Конкурс решения шахматных задач" по редакционному адресу в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке укажите фамилию, имя, отчество и домашний адрес.

У участию в наших конкурсах приглашаем всех желающих! ■

Не только алименты

"Недавно мы с мужем расторгли брак. Сначала он добровольно выделял средства мне и двум детям. Сейчас отказывается, и мне придется обращаться в суд. Дочь еще совсем маленькая, а сын уже учится в вузе, но он инвалид. Могу ли я взыскать какое-то содержание для сына?"

А.В. Черненко,

Краснодарский край

По общему правилу алименты на детей взыскиваются до достижения ими совершеннолетия. Однако ст. 85 Семейного кодекса РФ предусмотрено исключение из этого правила для совершеннолетних нетрудоспособных детей. В соответствии с указанной статьей родители обязаны содержать своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи. Нетрудоспособными признаются дети, являющиеся инвалидами первой или второй группы (в некоторых случаях суд признает нетрудоспособными и инвалидов третьей группы). Таким образом, ваш сын имеет право на получение алиментов наравне с малолетней дочерью.

Кроме этого, ст. 86 Семейного кодекса предусматривает участие родителей в дополнительных расходах на детей. Закон связывает предоставление этой формы содержания с исключительными обстоятельствами. Например, с болезнью детей, необходимостью оплаты постороннего ухода за ними и другими обстоятельствами. Содержание выплачивается ежемесячно в твердой сумме, а его размер определяется судом с учетом материального и семейного положения родителей и детей.

За рубежом — полноправный водитель

"Собираюсь ехать учиться за рубеж. Хотела бы там продолжать водить автомобиль. Нужно ли снова сдавать экзамен, чтобы получить международные водительские права?"

П. Ковалева,

Приморский край

Правила выдачи международных водительских удостоверений установлены Инструкцией МВД РФ "О порядке организации работы по приему квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений в подразделениях ГИБДД МВД РФ" от 20.07.2000 г.

В соответствии с п. 53 Инструкции международные водительские удостоверения выдаются без повторной сдачи экзамена. Международные права выдаются на основании национального водительского удостоверения. При этом удостоверение, используемое для вождения автомобиля в России, не изымается. Таким образом, вы можете продолжать водить машину как находясь за

рубежом, так и приезжая на время в Российскую Федерацию. Международное водительское удостоверение может использоваться только за пределами России.

Отступное для наследника

"Скончался мой отец, который был в числе учредителей общества с ограниченной ответственностью. Я бы хотел продолжить его дело, но остальные участники против того, чтобы я вошел в ООО. Могут ли они не принять меня в общество, ведь я — прямой наследник?"

С.И. Филиппов,

Кемеровская обл.

В описанной вами ситуации правила наследования в некоторой степени корректируются положениями Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" от 08.02.98 г. В соответствии с уставом ООО учредители могут обладать правом не давать согласия на переход доли умершего участника к его наследникам. В этом случае согласно п.5 ст.23 Закона общество обязано выплатить наследникам умершего участника общества действительную стоимость доли, определяемую на основании бухгалтерских данных за последний отчетный период. Вместо денежной суммы (с согласия наследников) может быть выдано имущество такой же стоимости. Возможно, что вам правомерно отказывают в участии в обществе с ограниченной ответственностью на основании устава ООО.

Должникам выезд запрещен

"Летом собирался отдохнуть за границей, но на паспортном кон-

троле меня задержали, отобрали паспорт и не разрешили вылететь из России. При этом ссылались на то, что я несколько раз не вносил платежи в возмещение вреда в результате ДТП. Какая связь между выездом за рубеж и этими платежами? Правомерны ли действия пограничной службы?"

Д.Семенов,

Ленинградская обл.

Да, в этом случае действия пограничной службы правомерны и соответствуют п.5 ст.15 Федерального закона "О порядке выезда из РФ и въезда в РФ" от 15.08.96 г. Согласно этому пункту право гражданина на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено, если он уклоняется от исполнения обязательств, наложенных на него судом. К таким случаям относится и исполнение судебного решения о выплате сумм в возмещение вреда здоровью в результате дорожно-транспортного происшествия. Вы сможете снова выехать из страны, когда задолженность будет погашена или будет заключено соглашение с лицом, которому вы выплачиваете денежные суммы, и лицо не будет возражать против вашего временного отсутствия на территории Российской Федерации. ■

Ольга КОРЫТКО,

*консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

1		2			3		4		5	6		7
				8		9						
10					11				12			
				13								
14	15		16						17		18	
			19			20		21				
22		23			24		25		26			
27						28						
29					30				31	32		33
		34				35						
36					37				38			
				39								
40									41			

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. "Оноп" таранана. 5. Русское написание имени Христа до церковной реформы Никона. 8. Оставляемый в ломбарде эквивалент денег. 10. Русский царь, порой за день пропусавший 36 станков вина. 11. Продукт в числе девяти самых необходимых вещей в Китае. 12. Набор данных во внешней памяти компьютера. 13. Круговой танец. 14. Вспомогательный якорь. 17. Организованная структура стиха. 19. Сто центов в ЮАР. 21. Ононное "веко". 22. Морской "волчонок". 24. Мера длины, обычная в произведениях Р. Стивенсона. 26. Первая пара лошадей в запряжке четверней и более. 27. Дощечка с номером или надписью на товаре. 28. Полицейский чин во Франции. 29. Галька как продукт обработки морскими волнами. 31. Кавказская мера пути. 34. Замечательный, но почти исчезнувший русский сорт яблок. 36. Ло-

шадь, еще не знающая верховой езды. 37. Хвойное дерево без смоляных ходов в древесине. 38. Зрелище из смешных и опасных трюнов. 39. Племя, народность или нация. 40. Красавица мемуаристка, с накой А. Пушкин поступил не по-джентльменски — не потому, что спал с ней, а потому, что хвалился этим. 41. Бунетоотстойник.

По вертикали. 1. Русский историк, близкий шестидесятникам. 2. Автор лучших портретов маркизы де Помпадур. 3. Сосуд для горячих углей, заменявший печку. 4. И дипломатический, и рыбный. 6. Место, где ревут болельщики. 7. Твердый жир для изготовления маргарина или мыла. 9. Король, прозревший после ослепления. 12. Римская судьба. 15. Березовые заросли на севере России. 16. Человек,веряющий теорию делом. 18. Звериная дорожка. 20. Река в Марокко. 22. Человек в вечной погоне за женщинами. 23. Инструмент, каким снимают высохшую краску в масляной живописи. 25. Американский певец, породивший массу идолопоклонниц. 30. Остроумное изречение. 32. Материал божественной лепки. 33. Северный философ из большой серии анекдотов. 35. Один из героев в американском кинофильме "Великолепная семерка". ■

Составил **Б. ДЕВЯТОВ**,
Златоуст Челябинской области

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 2. Луиза. 6. Броун. 9. Луток. 12. Простокваша. 13. Смотр. 14. Занид. 15. Министр. 18. Кравань. 21. Нетчист. 24. Тягач. 26. Юнагир. 27. Европа. 28. Ашвин. 31. Фаллада. 34. Нивация. 38. Заходер. 39. Конха. 41. Аянсы. 43. Журналистка. 44. Старт. 45. Аутна. 46. Пышма.

По вертикали. 1. Гурт. 3. Устинья. 4. Закуска. 5. Душа. 6. Босьяк. 7. Опора. 8. "Норма". 9. Лазерт. 10. Такси. 11. Надет. 16. Интрада. 17. Течение. 19. Рикша. 20. Выгул. 22. Чарна. 23. ...сопли. 25. Гав. 29. Шахматы. 30. Индуизм. 31. Финус. 32. Лонжа. 33. Азарт. 35. ...врата. 36. Цунат. 37. Ярыга. 40. Хурн. 42. Янут.

1		2		3		4		5		6	7		8	9		10
						11							12			
13										14						
						15							16			
	17		18							19		20				
21						22	23									
						24										
25										26		27		28		29
						30	31									
32		33		34								35				
										36		37				
38													39		40	
												41				
42			43		44		45									46
			47									48				
49								50								
		51										52				

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Обычное в XIX веке название ловчака, пройдохи. 6. Пещаль, отлитая А. Чоховым. Ее везли под Смоленск на 64 подводках. 11. Языческое изделие из липы, окрашенное горячей человеческой кровью. 12. Конный, машинный, псарный, птичий, скотный. 13. Название горноклиматического курорта близ Тбилиси, когда столица была Тифлисом. 14. Итальянский зодчий позднего барокко и раннего рококо. 15. Доверенный человек скифского царя, много интересного рассказавший Геродоту. 16. Житель Востока, на дух не переносящий свиней. 17. Древнее название волынян. 21. Антилопа, замеченная в зоопарке Цюриха в охоте на голубей. 22. Графолог, заявивший по почерку Ю. Тынянова, что он деспот в личной жизни. "В психографию не верю", — написал Ю. Тынянов. 24. Черный день в жизни преступника. 25. Верховой глассер спортсмена. 26. Парфюмерное вещество с запахом розы. 30. Поглотительница знаний. 32. Американский физиолог, заслуживший Нобелевскую премию на нервах. 35. Лежебока, тряпка и даже тюфяк. 36. Наконечник реактивного сопла. 38. Искусство, которое, по Стендалю, "страстно любили римские папы". 39. Инженер, чья телебашня — один из символов Москвы. 41. Пыльный ветер на Ближнем

Востоне, заставляющий днем зажигать свет. 42. Друг В. Маяковского, заявивший в первые годы советской власти, что "защитить памятники старины — защитить помещиков. Долой!" 45. Вилла, построенная в 1872 году, — первое гражданское здание в Сочи. 47. Жидкость, соединяющая качества пламени и смолы. 48. Своеобразный строй стихов крупного поэта. 49. Деревянное масло. 50. "Юность дня" (Шопенгауэр). 51. Эталон при определении качества дизельных топлив. 52. В песне "Я люблю тебя, жизнь" говорится, что с детьми мы снова "пройдем детство, юность, ..., причалы".

По вертикали. 1. Олицетворение молвы у древних римлян со времен Вергилия. 2. Орех, какой в России был почти втрое дороже лещины. 3. Чешский и словацкий поэт, поборник единства славянских народов. 4. Упорядоченный произвол, по мнению юмориста. 5. "Чуть не ... в себе совмещая, Русь широко протянулась, родная!" (Н. Некрасов. "Псовая охота"). 7. Португальский мореплаватель, открывший в 1502 году остров Св. Елены. 8. Польское название реки, текущей по границе с Германией. 9. Знаменитый итальянский скрипичный мастер, под конец жизни спившийся и попавший в тюрьму. 10. Суд, судивший в Нюрнберге нацистских преступников. 17. Физик, которого в шутку называли "тренером Спартана" (по Спартану Беляеву). 18. "Великая..." — либретто Н. Рериха к балету И. Стравинского "Весна священная". 19. Каждый из двух главных атрибутов, какие получал фараон, становясь на царство. 20. Самоцвет, обычный в гальке на острове Беринга. 23. Колонна и антаблемент как единая деталь в каждом из пяти античных стилей. 24. Мера длины на ипподромах. 26. Кружево с выпуклым рисунком. 27. Раствор в лиманах, озерах, из которого можно выпаривать соль. 28. Верньер. 29. Американский естествоиспытатель и художник, автор труда "Птицы Америки". 31. Тапочки спортивных граций. 32. Советский танцор, зажигательно исполнявший "Танец огня" на музыку де Фалья. 33. Один из тех, с кем в юности мечтал бороться герой в стихотворении А. Плещеева "Мой знакомый". 34. ...счастья длиннее, чем локоть торговца сукном (восточная пословица). 36. Итальянское название XIII вена как периода проторенессанса в искусстве. 37. Русский художник (чеченец по национальности), написавший портрет М. Лермонтова. 39. Клок, кусок, лоскут. 40. Жилище дяди Тома. 43. Французский историк и богослов, написавший историю гражданских войн 1589-1604 годов. 44. Нафирский бог, создавший женщин, сбивая их в бурдюне, как масло. 46. Каждый предмет в большой коллекции Наполеона. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 4. ...Марциал. 9. Шестерна. 10. Елюй. 11. Хопкинс. 12. Дворянин. 13. Кант. 14. Ондатра. 19. Гоген. 22. ...Юрий... 23. Смоковница. 14. Дем. 26. Тать. 27. Яик. 28. Бал. 30. Плащ. 33. Вех. 34. Иррадиация. 35. Циан. 36. Фонин. 38. Эджворт. 43. Чанс. 44. Ортоклаз. 45. Каракал. 46. Чили. 47. Щупальце. 48. Завязна.

По вертикали. 1. Нервы. 2. Старшой. 3. Оранжерея. 4. Махно. 5. Рапид. 6. Идиот. 7. Лесна. 8. Лютня. 15. Нумм. 16. Аннлав. 17. Ревю. 18. Люстрин. 19. Гитторф. 20. Фиалкин. 21. Барщина. 25. Минаев. 29. Лесостель. 31. Удод. 32. Зинр. 35. Циркуль. 37. Париж. 38. Эскиз. 39. Жаров. 40. Отказ. 41. ...толща... 42. ...зайцы.

Алексей СМИРНОВ - ВОСКРЕСЕНСКИЙ

“В детстве, — рассказывает Алексей, — на даче у родителей на станции Луговая я забирался на очень высокий холм, где с одной стороны была видна Останкинская башня, а с другой — река Инша и близлежащие села. И вот это раздолье олицетворяло для меня всю Россию...”

Алексей родился в семье скульпторов, но способности проявил — к рисованию. Родители не огорчились, что не к лепке, видимо, посчитали, что скульпторов в семье достаточно, купили ребенку этюдник, краски, и Алексей под присмотром их друга И. Старженецкой, известной художницы, несмотря на возраст, серьезно занялся живописью. Вдвоем они выезжали на окраину Москвы, где он делал карандашные зарисовки, писал этюды понравившихся мест. Вопрос о будущей профессии просто не возник — Алексей поступил в училище “Памяти 1905 года” на живописно-педагогическое отделение. Закончив его с красным дипломом, учебу продолжил в Высшем промышленно-художественном училище (бывшее Строгановское) на монументальном отделении. В институте увлекся реставрацией и копированием старинных фресок и икон: скопировал фрески московской церкви Троицы в Нинитниках и Митрополичьего двора в Ростове Великом, воспроизвел прекрасную копию знаменитой иконы “Умиление” Назанской Божьей Матери. А дипломную работу выбрал — народные войны. Писал их по левнасу, яичной темперой, сделал манет, множество рабочих эскизов, только один фрагмент, посвященный пугачевскому бунту, включил семнадцать фигур. После диплома — вступление в Союз художников, участие во многочисленных выставках.

Веселье.

Рыночек.

Алексей постоянно разъезжает, и не только по старинным русским городам. В венгерском Чонграде участвовал в симпозиуме молодых живописцев, в Париже выставлялся в Осеннем салоне в Гранд-пале. Побывал с выставками в Англии, Шотландии, Австрии. И очень часто бывает в Праге, где сотрудничает с несколькими частными галереями.

Городской житель, Алексей любит писать картины на сельские темы, особенно зимой. Стоят в ряд хатки с заваленными снегом крышами, и вьется сизый дымок из печных труб, растворяясь в прозрачном морозном небе. Детвора веселится в пышных сугробах, скользит по льду народ на коньках. Работы у художника многоплановые, подчас с замысловатым сюжетом и как бы вне времени. Как считает Алексей, на его творчество большое влияние оказывают и жанровые сюжеты Брейгеля, и Кустодиев, особенно его картины с ярмарочными гуляниями. Но, как бы там ни было, в полотнах Алексея очень точно и живо передана деревенская жизнь России. Хотя и заметна в них некая театрализация, игра, главное — написаны они с юмором, подчас не без иронии, с большим чувством доброты.

Людмила КАНДАЛОВА

ЗАО "ВасКо"
Мебель
для теле-, видео-,
аудиоаппаратуры,
компьютерные
и письменные
столы.

Все товары со склада в Москве. Оптовикам скидки

ЗАО "ВасКо" —
крупносерийное
производство мебели
для теле-, видео-,
аудиоаппаратуры,
компьютерных
и письменных столов,
тумб для обуви.
Поточная технология
в сочетании
с применением
высокопроизводительного
оборудования
ведущих фирм мира
позволяет выпускать
качественные
изделия по
конкурентоспособным
ценам.

Москва,
ул. Академика Янгеля,
дом 1, строение 17.
Телефон (095) 388-4525,
факс: (095) 388-2096
E-mail: vasko_mebel@mtu-net.ru